Б
1847
Л 35

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Том I

926648

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Ф65 с.х.

299327.

НА ДОМ НЕ ВЫДАЕТСЯ.

Инв. 2010

В
1847

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В 2-х томах

92447
4847
6086

Проверено в 1987 г.

Том I

Свердловская областная универсальная научная библиотека
БИБЛИОТЕКА
Шифр Л85
Инв. № 47045
Коммунистического университета

Уральский ордена Трудового Красного Знамени государственный университет имени А. М. Горького
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
г. Свердловск

2993227.

Свердловская ордена Трудового Красного Знамени государственная консерватория имени М. Н. Глинки

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

5243

Тип. № 4155. Главлит. № 6626. Москва. Напеч. 7.000 экз.

«Мосполиграф». 1-я Образцовая типография, Пятницкая, 71.

6062

А. Луначарский

Посвящается дорогому другу
и вдохновительнице

Анне Александровне

Луначарской

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Государственное Издательство предложило собрать все мои драматические произведения в об'единенном двухтомном издании. Когда я говорю все, то имею в виду все те драматические произведения, которые я считаю действительно принадлежащими некоторому массиву моего творчества. Вне его остаются такие вещи, как моя юношеская драма «Искушение», недавно изданная издательством ВХУТЕМАС'а и пять фарсов, изданных в свое время «Шиповником», на мой взгляд не заслуживающие переиздания.

Я распределил материалы на два тома не хронологически и здесь на всякий случай восстановляю эту хронологию приблизительно. Первая моя пьеса, увидевшая свет, была «Королевский Брадобрей», написанная в тюрьме в январе 1906 года. Затем последовала серия маленьких комедий (печатаемая теперь в конце II тома, которые вышли в одном частном издательстве вместе с серией маленьких рассказов под общим заглавием «Идеи в масках»). Написаны они были во время заграничной эмиграции в 1912 году. Во время революции они были переизданы Петербургским Госиздатом уже без рассказов под названием «Комедии». «Фауст и Город» был задуман в 1906 году, закончен был в 1910 году, и потом основательно переработан в 1916 году, издан он был в 1918 г. в Петербурге Госиздатом, затем вторично центральным Госиздатом. Пьеса «Маги» написана была в Москве зимой 1918 года. Писал ее по ночам в течение 8—9 суток. В том же порядке, несколько позднее написана была и «Василиса Премудрая». Издана она была, если не ошибаюсь, приблизительно на год позднее. Первая—издательством «ТЕО»

какой-то Ярославской типографии, а вторая—Петербургским Госиздатом. «Иван в раю» был написан во время моей поездки на фронт летом 1919 г. Во время такой же поездки на фронт был написан и «Оливер Кромвель» в начале 20 года. Первая часть «Фомы Кампанелла»—«Народ», была написана мною непосредственно после «Оливера Кромвеля», а вторая часть—«Герцог», в конце 20-го года. Тогда же я написал первый акт третьей части—«Солнце», но вся трилогия остается еще незаконченной, и я не могу даже приблизительно сказать, когда смогу вернуться к этой работе. Между тем лишь законченная трилогия окончательно выявит основную идею, положенную в нее. Без этой третьей части каждая пьеса остается почти совершенно обособленной исторической картиной. В целом же это произведение претендует и на известное, так сказать, психологическое, моральное и философское единство.

«Канцлер и слесарь» был написан зимой 1921 г. «Освобожденный Дон-Кихот» начат был мною давно, первый набросок относится к 1916 году. Первые шесть картин были готовы уже зимой 1919 года. Кончена пьеса была в начале 22 года. «Медвежья свадьба» написана была во время моего отдыха в Кисловодске летом 1922 г.

По томам я распределил пьесы, исходя из такого принципа: в первый том я включил пьесы исторические или культурно-исторические. Сюда я отнес и «Освобожденного Дон-Кихота», хотя он, конечно, не опирается вовсе ни на какие мало-мальски исторические события. Он выдержан, однако, насколько я мог это сделать, верно в стиле определенной эпохи.

Конечно, все эти исторические пьесы имеют отнюдь не исторический интерес. Я ни в одной из них не хотел создать хроники. Это все, по мысли автора, по крайней мере, животрепещущие современные пьесы.

Во втором томе я подобрал то, что не имеет почти и тени характера исторической пьесы. Сюда я отнес пьесы философские и бытовые, разумея под бытом всякий раз некоторый стилизованный перелом современности или близких современной эпох.

Давать здесь какие бы то ни было комментарии моих пьес я считаю излишним.

Укажу на постановки и переводы.

«Королевский Брадобрей», ставился много раз по всей России, большей частью в небольших театрах. И до сих пор он продолжает ставиться довольно часто. «Фауст и город» был поставлен талантливым молодым режиссером Петровым сначала в Костроме, а потом в бывшем Александринском театре в Петербурге. «Канцлер и слесарь» ставится сейчас еще во многих местах, как мне известно—в Петербурге в театре Балт.-флота, в Москве в театре Корша и в Харькове в Государственном Драматическом Театре. Первая часть «Фомы Кампанеллы», «Народ» шла в театре Незлобина в Москве и в Саратове в советском театре. Там же шла вторая часть этой трилогии. «Оливер Кромвель» был поставлен в Москве в Малом театре.

Перевод «Василисы Премудрой» вышел в свет на английском языке, притом очень художественный. Теперь тот же переводчик закончил перевод «Магав», и «Оливера Кромвеля». «Маги» в скором времени выходит также на чешском языке. «Канцлер и слесарь» переведен и несколько приспособлен к сцене Зинаидой Венгеровой на немецкий язык. «Оливер Кромвель переводится также и на французский язык (тов. Маршан). В настоящее время ведется ряд переговоров о переводе различных моих пьес на итальянский и др. языки.

А. Луначарский.

Москва, 20 января 1923 г.

КОРОЛЕВСКИЙ БРАДОБРЕЙ

Пьеса в семи сценах (в стихах)

ЛИЦА ПЬЕСЫ:

Король Дагобер-Крюэль.
Аристид, королевский брадобрей.
Канцлер.
Архиепископ.
Граф Евстафий.
Чаусер, начальник шотландцев.
Герцог с белокурой бородой
Рыцарь хищного вида.
Толстый рыцарь.
Рыцарь старец.
Сьер Этьен, мэр столицы.
Толстый прелат.
Доминиканец.
Маляр.
Старик в очках.
1-й гражданин.
2-й гражданин.
3-й гражданин.
Портной.
Джиованни ди Тоскана, живописец.
Перинии, живописец.
Принцесса Бланка, дочь Дагобера.
Сестра Доротея, молодая отшельница.
Женщина из народа.
Лица без слов: стража, пажи, ректор, ювелир.
3 аббата, народ, Марго — старуха.

Действие происходит в XV веке в феодальном западно-европейском государстве.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Комната в королевском дворце. Готическая архитектура и мебель. Окна из цветного стекла, изображают святых. Стол, на котором массивная чернильница и гусиные перья; стулья с высокими спинками, венецианское кресло у стола, длинная скамья с шелковой подушкой; три двери, завешанные тёмными занавесами.

Явление I.

Из двери налево выходит маляр с лестницей, ведром, красками и кистью. В дверь в глубине входит брадобрей Аристид; на нём черный камзол, обшитый мехом, руки и ноги в красном бархате, шитом золотом, красная шапка с колпаком, спускающимся на плечи и с отворотами. Лицо его очень подвижно, на щеке бородавка, которая иногда прыгает, усы обриты, остренькая бородка торчит вперёд и движется, когда он говорит. Маляр, при виде Аристида, в изумлении ставит лестницу на пол и опирается на неё.

Маляр.

Ах, приснодева, вот каким вельможей
Вы стали нынче, Аристид... ей богу,
Не знаю, не назвать ли вас сеньором.

Аристид.

Батист, как будто?.. *(Пренебрежительно останавливается около него.)*

Маляр.

Я... Но, боже правый,
Какой вы господин! Болтали, правда,
Что стали вы большою птицей: нынче
Глаза мои видали—и я верю... *(Вздыхает.)*
Меняет время нас... А ведь когда-то
Мы с вами братски воровали груши. *(Улыбаясь.)*

Вам все-то доставались фрукты, мне же
На долю выпадали колотушки.
А впрочем, как-то раз и вы попались:
Отец мой знатно вам надрал вихры.

Аристид *(слушал всё с снисходительной улыбкой, но при последних словах морщится).*

Довольно. Как ты тут?

Маляр.

Извольте видеть
Капеллу тут мы красим в синий цвет,
По сводам звезды золотые пишем;
Теперь же я бреду поесть... В столице
Недавно я: порасскажу немало,
Когда вернусь в наш тихий городок.
Скажу, каким вас франтом видел.

Аристид.

Парень,
Вельможа я достаточный, чтоб видеть,
Что все вельможи в сущности лакеи.

Маляр.

Зато не все лакеи всё ж вельможи.

Аристид *(смеясь).*

Ты остроумья не лишился. Только
Мне некогда с тобой калякать: живо
Долой отсюда. Вот идет король!

(Маляр торопливо берет лестницу и шмыгает в дверь в глубине.)

Явление II.

Из двери напротив входит Король. Он высокий старик с орлиным лицом, седая борода тонким клином спускается на его грудь, седые волосы падают до плеч, на голове они стянуты золотым обручем с огромной бесформенной жемчужиной впереди. Одет в величественный чёрный костюм. Войдя в комнату, он молча, как волк в клетке, шагает по ней некоторое время, согнувши спину.

Король *(останавливаясь).*

Вот зло, вот грех... Но я хочу, и тотчас
В моих глазах становится добром
И злое... То добро, чего хотим мы,
А зло всё то, что нам мешает. *(Оборачиваясь к Аристиду.)*
Слышишь.
Цырульник Аристид? Но помни твердо,
Что это так для нас Quod licet jovi!..
Вот твой король под старость
Немножко стал схоластом... Но клянусь
Венцом Марии девы, старость духа
Во мне не угашает... Впрочем, плотью
Я также крепок... Пожелай я только –
Полдюжины молокососов чванных
Я на любом турнире б осадил. *(Опять ходит взад и вперед.)*
Мой честный Аристид, образчик лучший
Всех добродетелей, чем тот—Афинский,
Скажи мне, как нашёл ты нашу дочь?

Аристид.

Ах, на распятии готов поклясться
Я вашему величеству, что в жизни
Не видывал красавицы такой.

Король *(останавливается, гладит свою бороду и говорит задумчиво.)*

Не странно ли, что ангелов рисуют
Красивыми? Меж тем как красота

Есть несомненное орудье ада.
Христианин, когда увидит деву
Прелестную, как дочь моя, пусть плюнет
И с гневом скажет: сатана, отыди

Аристид *(тонко улыбается, его бородавка прыгает.)*

Есть наслажденье женской красотою,
Дозволенное богом—в честном браке.

Король.

О, честный Аристид, тебя ли слышу?
Иль думаешь, что лишь тебе известны
Мои сладчайшие грехи, твои же
Сокрыты от меня. К тому же, милый,
Лишь в скучном, вялом и невкусном браке
Над ложем носится святая благодать;
Брак сочтен только там, где тёмный демон
С глазами из огня, с лицом козла
Сидит у изголовия и стонет.

Аристид *(с притворным испугом).*

Свят, свят господь. Как, право, счастлив я,
Что не женат.

Король.

Ты шут, мой Аристид. *(Помолчав.)*
Так ты находишь дочь мою красивой?

Аристид.

Ищу сравнения, ищу метафор –
И только развожу руками, государь.

Король.

Я не узнал ее.

Аристид.

Еще бы. Было
Ей восемь лет, когда ее услали
Вы к кармелиткам, а теперь семнадцать.

Король.

И я её ни разу не видал
За эти девять лет. Чужою стала
Мне эта девушка с волной
Волос соломенного цвета, с негой
В глазах, как васильки, и с грудью
Высокой и сулящей наслажденье.

Аристид.

Да, трижды счастлив будет тот, кто в жёны
Её пред богом и людьми получит:
Во-первых, он найдет в ней добродетель,
Затем—красу, и, наконец, конечно,
Приданое не бедное.

Король.

Ты шут. *(Ходит по комнате.)*
Ты знаешь, ведь ее привез сюда
Мой белобрысый граф Евстафий.

Аристид.

Знаю..
И ходят слухи, будто с тайной целью
Его величество послали графа.

Король.

А именно?..

Аристид.

В нем видят жениха.

Король.

И рады?

Аристид *(пожимая плечами).*

О! кто рад, а кто не рад.
Так, например, наследник ваш, который
Решил пока за рубежом держаться.
Как говорят, наклонен видеть в этом
Удачу для себя. Когда бы руку
Принцессы Бланки отдали вы князю
Могучему—наверно в состязанье,
В процессы, споры за венец втянул бы
Тот князь наследника. Он вам племянник,
Притом сомнительный, как добавляет
Кой-кто из злоязычных... Граф Евстафий—
Скромнейший юноша на свете. Родом
Не именит особенно. Все взвесив,—
Причины есть для Генриха дать бал
По случаю такого брака.

Король.

Вот как...
Он радуется рано. Я замыслил,
Женив Евстафия на Бланке, после
Потомству их и внуку моему
Корону предоставить завещаньем.
Немножко то не по закону... Что ж.
Иль не сумел бы партию создать
Для графа я? И интересы
Могучие связать с его надеждой.
Регентом был бы он, когда бы умер
Я раньше срока.

Аристид *(с досадой).*

Милости без счета
Вы сыплете на голову его.
За что?

Король.

Он спас мне жизнь, ты это знаешь.

Аристид.

Да, на охоте. Каждый егерь, верьте,
Убил бы кабана не хуже графа.

Король.

Ты полагаешь?

Аристид.

Это дня ясней.

Король.

Ты шут, ты шут! *(Ходит.)*
Сегодня ночью демон
Пленительный был гостем у меня.
Всю ночь он пел мне песни страсти, пел мне
Он песни гордости и власти, пел мне,
Что бог я на земле. Моя душа
Его напевам ласково внимала
И улыбалась... если ж и сердилась,
То только из кокетства. И под утро,
Когда благоговейно стали
Вещать заутреню колокола, —
Моя душа, от неги замирая,
Отдалась чорту... и он взял её.

Аристид.

Свят, свят!..

Король.

И воля зреет, крепнет. Горе
Тому, кто станет поперёк пути,
Который воля сильного избрала.
Позвать пажа!

(Аристид уходит и возвращается через минуту с пажем.)

Король.

Пускай сюда придет
Наш граф Евстафий: и пускай не медлит.

(Паж кланяется и уходит.)

Аристид.

Со дна души поднялось любопытство,
Открыло фортку, вытянуло шею
И ждёт, что будет.

Король.

Зрелище найдётся
Для любопытства твоего, ланцет.
Воистину, повытянувши шеи,
Глядят из форточек небесных ныне
Святые ангелы, и черти тоже
Из ада выткнули свои носы.

Явление III.

Входит граф Евстафий. Он блондин с длинными кудрями. На нем длинный малиновый кафтан с золотым шитьем и крестом на груди, на перевязи большой меч.

Гр. Евстафий.

Ты звал меня, король.

Король.

Да, милый. *(Некоторое время ходит в молчании.)*
У нас с тобой пойдёт большая речь
И важный разговор.

Евстафий.

Я весь вниманье...
Не лучше ли, чтоб вышел брадобрей.

Король *(смеясь)*.

Нет, этот шут пусть здесь побудет. Знаешь —
Его люблю за то, что мало в нём
Тех узких предрассудков, что лишают
Людей свободного воззренья. Плут
Умен, при том весьма забавно назван.

Ты слушай, «Аристид», — лови изгибы
Ума большого и большого сердца,
Когда-нибудь напишешь мемуары. *(Поднимая глаза к небу.)*
А, впрочем, летопись весьма подробно
Ведётся в небесах святым Лукою.
И в день суда прочтёт нам ангел грозный
Не только речи и дела, но мысли.
Граф, слушай! — Не за то тебя я чту,
Что жизнь мне спас ты, а за храбрость
В соединеньи с чистотою девы...
Таков был, думаю, святой Георгий.
Но слушай же! Ты к нам привез принцессу.
Знай, что я решился было с нею
Тебя связать пред алтарём. Послал я
Тебя за нею не бесцельно. Ты
Был первый юноша вельможный, видный,
Которого она видала. Я задумал
Знакомством эдаким её приблизить
К тебе, Евстафий, потому что — видит
Святая Дева — я по принужденью
Не выдам дочери моей, хотя бы
Её руки просил сам император. *(Добродушно.)*
Мой хитрый план, однако, не удался:
Она как снег чиста и холодна.
К тебе она, к несчастью, равнодушна:
И вот препятствие. Имеешь ты
Надежду приобресть любовь девицы
Со временем?

Евстафий *(в радостном волнении).*

О, государь мой! Боже!
О, мой король, как обманулся ты,
Но как тебе я страстно благодарен! *(Падает на колени.)*
Вот на коленях я перед тобой,
Мой благодетель. Нету во вселенной
Награды выше!.. И меня смущает
Лишь то, чем заслужу я столько счастья, —

Пока его ещё ничем не заслужил я.
Нет, нет, о, государь! Принцесса Бланка
Ко мне холодной не осталась. Правда,
Наш разговор всегда был краток
И о вещах пустых: две кармелитки
Трусили рядом, и забавно было
Их боязливое внимание. Всё же
Я видел, мой король, на этих губках
Такие чудные улыбки, слышал
Такие вздохи, подмечал украдкой
Такие взоры, каждый из которых
Меня богаче делал богдыхана.

Король.

Ого, девица так смела. О род
Лукавый женский... *(Помолчав.)*
Знаешь ли, Евстафий,
Что мать её не так была красива?..
И мне ужасно редко улыбалась,
И рано умерла... Теперь иди...
Оставь меня, счастливчик

Евстафий.

Государь мой. *(Кланяется и уходит.)*

Явление IV.

Король садится в кресло и задумчиво гладит бороду.

Король.

Кто знал тогда?.. Один лишь бог всеведущ.
Король, как все, для будущего слеп:
Не знает он не только, что с собою
Грядущий день несёт, — не знает
Того, что в собственной груди родится
Чрез несколько часов. Я стал философ,
Мой честный Аристид.

Аристид.

Какой же план
На место старого в уме обширном
Величества возник?

Король.

План странный. Ты едва ли
Сумел бы догадаться. *(Встаёт и ходит, опустив голову, тяжёлой, медленной походкой).*

Аристид.

Выдать Бланку
За Генриха?

Король.

Ты шут, мой Аристид.

Аристид *(стоит, широко расставив ноги, наморщив лоб и теребит свою бородку).*

План странный... странный... о проклятье!
Я смолоду был любопытен. Всё же
Тот план касается её замужества?

Король *(ходит молча).*

Аристид.

Кто, кто счастливец? Странный план,
Быть может...
(Ударяет себя по лбу и испытующе смотрит на короля.)
Может быть... постойте...
План очень странный?

Король.

Странный, словно дьявол.

Аристид.

Уж не хотите ль выдать вы принцессу
За... за меня?

Король *(останавливается и в изумлении смотрит на него; тот опускает глаза.)*

Ты шут тройной.
Но я тебя люблю. Могла ж хоть в шутку
Такая мысль пролезть в твою башку.
Ведь мог язык твой этой дерзкой речью
Вкруг воздух оскорбить. Ведь, значит, втайне,
В мечтах безумных, что зовёшь ты сам
Безумием, дерзаешь ты... на всё!
Что свято для тебя? Что недоступно?
За это я люблю тебя. Когда бы
Ты был король, то, может статься, вправду
Немного походил бы на меня.
Но ты — плевок, твои мечты для мира
Ничтожней ветерка. Мои ж мечты,
Мои причуды могут, как Везувий,
Залить огнём и пеплом забросать
Провинции... Твои слова нелепы,
Ты сумасшедший шут. Неужто вправду
Мечтал ты?

Аристид.

Никогда, но «странный план»
Меня навёл на эту мысль смешную.

Король.

Твои догадки — перл; и был бы странен
Воистину подобный план: и куры
Смеялись бы, как боги у Гомера.
Но всё ж мой план страннеё.

Аристид.

Ещё страннеё?

Король.

А как ты скажешь, Чаусер, вождь шотландцев,
Остатки совести продать бы мог?

Аристид.

Никак.

Король.

Но почему?

Аристид.

Да дело просто:
Остатков больше нет.

Король.

Но он католик
И предрассудки веры...

Аристид.

Государь!
А исповедь на что?

Король.

Ах, Аристид.

Аристид.

Не Чаусер ли жених?

Король.

Ты полосатый,
Ты пёстрый шут, мой умный брадобрей.
Зови его! Он где-то неналёко.

Аристид *уходит. Пока его нет,* Король *сидит у стола, подпершн голову рукою.*

Явление V.

Аристид возвращается с Чаусером, последний в кольчуге и клетчатом плаще с бахромой.

Король.

Ага, вот ты, мой добрый Чаусер.

Чаусер.

Здесь я
И вашего величества слуга.

Король *(испытующе смотрит на него).*

Ты беден, Чаусер?

Чаусер.

Беден, государь.

Аристид.

Позволю я себе вмешаться: бедность —
Понятье очень шаткое. Мы бедны
Всегда, коль слишком широко раскрост
Прожорливую пасть птенец — душа,
Судьбе не накормить её червями
Земных утех...

Король.

Ты судишь хорошо,
Ты прав. Лишь раб своей доволен долей:
Где сила — там порыв, где воля — бедность.
Итак, ты беден, Чаусер. Я ж хочу
Тебе в подарок дать не сто червонцев,
И не коня, не замок даже, нет,
А герцогство. Ты понял, храбрый Чаусер.
Я герцогство тебе сбираюсь дать
С десятком замков, сотнею селений,
С зажиточным весёлым городком,
Где ткут сукно цеховики на славу,
И денежки гребут в карман купцы...
Да, герцогство: в нём парки и леса
С оленями и дикими котами,
Охота знатная... Горят глаза
Твои, мой Чаусер... Ты за счастьем плыл к нам
Через пролив — и вот оно твоё!

Чаусер.

Как девушка я чувств могу лишиться,
Дыханье захватило.

Король.

Чаусер мой.
Мне нужны люди верные, мне нужны
Такие люди, чтобы воля их
Принадлежала мне. Пусть страшный грех
Замыслил ум мой — их рука, сверная,
И дрогнуть не должна. Не грешен меч
Убийцы — сам убийца грешен. Чаусер,
Ты хочешь быть моим мечём? Шотландцы
Все будут мной награждены широко.
Они чужие здесь, пусть только я
Родной им буду, только я один —
И буду я отцом вам, в том клянуся,
Отцом с рукою щедрой.

Чаусер.

Государь —
Повиновение. Довольно... Речи
Излишни тут. Повиновенье — вот
Девиз мой.

Король.

Милый друг, легко бывает
Давать обеты. Ждёт тебя награда,
Но также испытанье ждёт.

Чаусер.

Готов я.

Король.

К тебе придут однажды в изумленьи
И скажут так: король сошёл с ума,
Король безумствует, замыслил то-то...
Ну, что-нибудь безумное. Допустим,
Монахинь всех повыдать замуж. А?
Чтоб ты сказал?

Чаусер.

Сказал бы: смолкни!
Не нам судить желанье королей.
И собственной рукою, если нужно,
Игуменью повлёк бы к ложу брака.

Король.

Но если бы затеял срам великий,
Хотя б плевальницу из чаши сделать
Святой, соборной? Мощи всех святых
Повынуть, суп из них сварить, и супом
Кормить собак, да кошек, да прелатов.

Аристид.

От изумленья пред такою силой
Воображения — полезли очи
На лоб. И даже храбрый воин Чаусер
Стал бел, как полотно. Ай-да, король!

Король.

Молчи, не то ударю палкой. Шутки
Прибереги, пока я их спрошу.
Что скажешь ты, шотландец? Жду ответа.

Чаусер.

Его величество шутить изволит...

Король.

Насчёт чего?

Чаусер.

Насчёт мощей и чаши.

Король.

Ничуть, ничуть. Быть может, в воскресенье
Я захочу исполнить этот план.

Чаусер.

Но этот грех мой государь приемлет
Всецело на душу свою?

Король.

Мой Чаусер,
Когда на суд с тобою мы предстанем,
Ты первый подойдёшь. Гласит писанье:
«Последние первее будут». Ангел
С очами чёрными, в которых молний
Горят огни, — тот страшный грех возьмёт
И заскрипят весы под тяжкой ношей,
Закроются крылами серафимы,
Заплачут все святые, сатана
Свиньёю завизжит от счастья. Ты же
Не будешь ни испуган, ни смущён,
Но скажешь смело: «эту тяжесть принял
Вдвойне на душу сам король Крюэль».

Чаусер.

Тогда готов я, лишь бы рай навеки
Не потерять, а то готов и сам
Отведать суну из мощей истленных.

Аристид.

Уж то-то будет пир.

Король.

Мой верный воин,
Приди ко мне, тебя я обниму. *(Обнимает Чаусера.)*
Я пошутил. И чаша и святые
Мной чтимы глубоко. И да простит
Сладчайший Иисус мне эту шутку.
Теперь же слушай. Должен ты немедля
Схватить Евстафия, того вельможу,
Который был здесь. Знаешь ты его.

Аристид *(бородавка которого прыгает)*.

Любимец короля.

Чаусер.

Его я знаю

Король.

Схвати его и тотчас заключи
В большую башню... Но, смотри, вреда
Ему не сделай, и твои шотландцы
Да чтут в нём рыцаря и графа.

Чаусер.

Слушаю.

Король.

А герцогство твоё цветёт и ждет.

(Чаусер кланяется и уходит.)

Явление VI.

Король сидит у стола, медленно гладит бороду, Аристид стоит против него.

Король *(задумчиво)*.

Быть может превозмочь? Я знаю -
Усилие могучее одно —
И демон искушающий отпрянет.
Но демон мил мне. Я уже сроднился
Со странною, преступною мечтой.
О ты, блаженство трудных дел, усилий
Могучей и орлино-гордой воли.

Аристид *(укоризненно качает головой)*.

И Чаусеру, бездомному бродяге,
Наёмному солдату, дураку -
Вы герцогство дадите.

Король.

Обещаю...
А дам ли, сомневаюсь.

Аристид *(хлопает в ладоши).*

Узнаю
Великий ум владыки. Ваше
Величество — умнейший из монархов.
Но всё же... Я не знаю, что подумать,
Я вижу в королевской голове
Какой-то зверь родился — всем на диво,
Я это чувствую и жду. Ах, счастья
Немало дало мне, бедняге, ваше
Величество: я много смелых дел
Видал и много смелых мыслей
Узнал, каких другому не приснится.

Король *(улыбаясь).*

И полюбил меня.

Аристид *(прижимая руки к сердцу).*

Да... всей душой.

Король.

И я тебя люблю: ни разу ужас
В глазах твоих не трепетал, когда
Чудовищное мысль моя рождала.
Я в них читал одно лишь любопытство.
Одну лишь жадность, жадность насладиться
Подобными делами. И я знаю.
Что ты по мелочам мне подражаешь...
Теперь, мой Аристид, — острее уши!
Знай: я хочу жениться сам
На нашей дочери, принцессе Бланке!

Аристид *(отступая на миг).*

Как? Вашему величеству угодно
Наложницей иметь свою же дочь?

Король.

Осёл! Ты не серди меня; коль глуп ты.
Так вон поди. Брить бороды умеет

Цирюльник деревенский так, как ты.
Жениться я хочу, жениться! Слышишь.
В соборе, при стечении народа,
Архиепископ должен обвенчать
Отца и дочь...

Аристид.

Да... эта мысль... признаться...
Хоть Лот библейский с дочерью и жил,
С двумя притом, но всё-таки в соборе
Он с ними не венчался. Вот он план,
Ваш странный план, мой государь.

Король.

И внука
Рожу себе, который будет сын,
Наследник мой, а мать его ему
Родной сестрою будет. И всё это
Заставлю мир я проглотить. А небо...

Аристид.

Останется, как было. Это так.

Король *(ходит по комнате быстро, прямо держа голову).*

Она—красавица, но что желанье,
Как пламя, раздувает,—это—
Что та красавица запретна. Я хочу
Пред солнцем взять ее и насладиться
Могуществом, грехом, любовью—вместе.

Аристид *(следя за ним глазами).*

Да, я взволнован, у меня, бедняги,
Дрожат колени... Это наслажденье...
Да, это—точно наслажденье.

(Устремив глаза в одну точку и говорит, как в чаду.)

Орган играет... Свечи пламенеют...
Магнаты со щитами держат стражу...

И красной кардинальскою рукой
Благословлён чудовищнейший брак.
И с музыкой потом пирует пара...
Все поздравляют. Но порой... украдкой...
С холодным ужасом на ней свой взор
Приостановят... Поздней ночью только
Окончен пир. И душной стала ночь,
Гроза собралася. Король возлёг
На ложе пышное и тянет руки
И говорит: о, дочь моя, приди.

Король *(останавливается и слушает с возрастающим вниманием).*

Ну, дальше... дальше...

Аристид *(попрежнему).*

Паж в передней спальни
Молитву шепчет. В спальне слышны стоны,
Рыданья, поцелуи. Грянул гром...
Но что до грома им? И вот на утро
Они идут в порфирах и венцах.
Их поздравляют. Он так равнодушен,
Как будто всё в порядке... А она?
Она... не знаю... Может-быть, уж любит.

Король *(бурно обнимая его).*

О, Аристид, великий брадобрей,
Поверь — ты сердце в муре мне купаешь.

Аристид *(смотря прямо на короля, который положил руку ему на плечи).*

А небо? Небо—воздух, блестки звёзд,
Пары холодные и только. Пусто,
И грех карать там некому... Там пусто.

Король *(в прежней позе).*

Ты думаешь? И я не знаю тоже.
Но я б желал, чтоб грозный судия

Там восседал. Быть-может, впрочем, царь он,
Поймёт меня, и вместе будем мы
Над добродетельной смеяться тварью.
А если нет, и если точно он
Блюститель блага, что ж, не всё же
Мне наступать на головы. Хочу
Я плюнуть высшей власти в очи.
За наслажденье это, право, можно
Отправиться на пытку в смрадный ад.

Аристид.

Дерзай, дерзай, великий человек!

Король *(садясь)*.

Зови мне Бланку, мой мудрец-цирюльник!

Явление VII.

Король сидит один.

Король.

Ты, кажется, волнуешься, Крюэль?
Не стыдно ли? А, впрочем, ведь искусство
И ум нужны немалые, чтоб мне,
Седому чорту, что прошёл насквозь
Все таинства и страсти чёрной мессы,—
Создать условия, в которых сердце
Трепещет пред свиданьем с милой девой.
Как сердце юное пажа, впервые
Влюблённого. Доступно силе
Итти всегда вперёд и пресыщенья
Не знать. Однообразна добродетель.
Но грех, как океан, неисчерпаем.
Не бейся, сердце. *(Улыбается.)* Будь авторитетен,
Будь королём, отцом, великий грешник!

Явление VIII.

Входит Аристид.

Аристид.

Его величество приняли меры,
Как вижу я. Вокруг принцессы Бланки
Какие-то мегеры сторожат.

Король.

Да, верных женщин я приставил
К невесте-дочери. Ни мышь, ни крыса
К ней не проникнет, и вреда не сможет
Никто ни ей, ни мне принесть. И даже
Сама себе она не сможет зла
Какого причинить.

Аристид *(с любопытством глядя на него).*

Возможность эту
Предвидели вы, государь?

Король.

Конечно.

Аристид *(подходя к нему, наклоняясь через стол.)*

Скажите мне, мой государь великий,
По правде мне, шуту, скажите: вам
Не жаль ее немножко? Так... порой?

Король *(медленно).*

Мне жаль её? *(Откидывается в кресло и говорит негромко, играя пером.)*
Я как-то раз на маленькой лошадке
Скакал с двумя друзьями по дороге.
Была зима и снег; и в теплой шубке
Холодновато было. Вдруг я вижу
В лохмотьях нищенку. Почти ребенка...
Чуть-чуть меня постарше, так—подросток
Худа была она, и в синих кольцах
Блестели чудные глаза, и слёзы

Застыли на ресницах. Вся дрожала,
Бедняга, и брела в дырявых туфлях
По белому холодному ковру,
Себя руками охвативши. Больно
Так стало сердцу, жалость как игла
Его пронзила. Вдруг меня огонь
Какой-то охватил, и в детском теле
Не детское, а дьявольское что-то
Зашевелилось. Сам себя не помня,
Я к нищенке под'ехал и её
Давай хлестать моею плетью. В страхе,
Бегом, стеная от меня она
Пустилась,—я за нею. После крикнул
Я ей, дрожа и плача от какой-то
Невыносимо сладкой боли: «знатно
Тебя согрел я»! И поехал прочь.

Аристид *(хлопнув в ладоши).*

Клянусь святой Варварой, — вы и в детстве
Великий были сластолюбец. Право,
Мне не пришло б на ум так славно
Воспользоваться состраданьем.

Король *(стуча пальцем по столу).*

Мучить—
Не очень-то большое наслажденье.
Жалеть, любить... и мучить... — это так.

Аристид.

Идёт принцесса. Как она прелестна,
Голубка чистая. Какое блюдо
Для аппетита людоеда. Да,
Закусите вы знатно этим сердцем.

Король.

Довольно! И отныне помни: Бланка —
Дочь государя твоего и скоро
Твоею королевой станет. Только
Одно благоговейное почтенье
Прилично брадобрею перед ней!

Явление IX.

Входит Бланка, она вся в белом, с длинными светло-золотыми волосами, переплетёнными жемчужными нитями. Лицо её спокойно и весело. Она подходит к королю и целует его руку. Он целует её в лоб, потом берёт её голову обеими руками и долго смотрит в её глаза. Она улыбается.

Король.

Как ты красива, дочка.

Бланка *(шутливо)*.

Неужели?
Я рада, что я нравлюсь королю.

Король.

Ты рада... рада... Как спала ты нынче?

Бланка.

Отлично, но поутру не нашла я
Сестёр Евлампии и Теоктисты.
А вместо них какую-то старуху.
Она мне не понравилась, признаться.

Король.

Сядь, сядь, моё дитя. Тебе, голубка,
Не по сердцу мадам Марго? Постой,
Её полюбишь ты наверно. Это—
Почтенная и умная особа.

Бланка.

А вы как почивали, мой отец?

Король.

Спал плохо я и думал о дочурке.

Бланка *(смеясь)*.

А, наконец, нашли вы время также
Подумать и о ней. Ведь девять лет

О ней не думали. У кармелиток
Мне было, впрочем, хорошо: прелестный
Их старый сад всю жизнь я буду помнить.
Но иногда бывало скучно. Часто
Я плакала, и плакала о том,
Что мой отец меня не любит.

Аристид.

Нынче
Он полон к вам любовию, принцесса,
И если будете вы плакать нынче,—
То уж скорее от любви отцовской.

Король.

Презренный негодяй, собака, смеешь
Дерзить? Поди сюда.

(Аристид, с'ежившись, подходит.)

И вот награда
За остроумие. *(Дает ему пощечину.)*
И вон пошёл!

Явление X.

Король садится на скамью рядом с Бланкой. Аристид, бормоча что то под нос, уходит.

Бланка.

За что же вы прибили бедняка,
Иль вы меня не любите?

Король.

О Бланка.
Я так тебя люблю! *(Прижимает её руки к своему сердцу.)*

Бланка.

Какое счастье!

Король.

Итак, гуляла ты в саду старинном
И думала... о чем? Наверно знаю,
Что думала о рыцаре прекрасном,
О рыцаре, который—лев в бою
И агнец у прелестных ножек дамы.

Бланка.

Да, проницательный отец, вы правы:
О рыцаре я думала. Я крепко, крепко
Любила рыцаря. Он белокур.
Он строен, горд и ласков. Часто, часто
Я на коленях перед ним стояла.

Король.

Что? что я слышу, у монахинь
Мужчин видала ты?

Бланка.

Троих видала:
Священника, дьячка и свинопаса.

Король.

А рыцарь?

Бланка.

Рыцарь тот на небе. В церкви
Его изображенье лишь. Пред ним-то
Молилась я. И часто мне хотелось,
Чтобы дракон мне страшный угрожал,
И чтоб на помощь вдруг святой Георгий
Явился снова, как к принцессе Крита.

Король.

Так, так, то был святой Георгий... Бланка,
А не нашла ты сходства между ним
И тем голубоглазым палладином,
Который вез тебя сюда?

Бланка *(закрывая лицо руками).*

Мне стыдно,
Не знаю отчего.

Король.

Ведь он похож?

Бланка *(тихо).*

Похож.

Король.

Так, так. *(Встает и ходит; после паузы.)*
Теперь послушай, Бланка.
Ты можешь стать счастливой, как богиня.
Ты можешь стать богиней короля.
Король могучий пред тобою будет
Склоняться, и со всех концов земли
Свозить тебе сокровища такие,
Каких тебе не снилось. И твой двор
Затмит великолепие калифов;
Ты соберешь вокруг себя поэтов,
Художников, людей ума, таланта,
И жизнь твою они украсят всем,
Что гений человека, вновь проснувшись,
Творит теперь в Италии лазурной.
В картинах, статуях, сонетах,
Они красу и ум твой воспоют,
И по земле из рода в род легенда
О королеве Бланке полетит.
И сотни рыцарей, в тебя влюбленных,
Прекрасных, как св. Георгий, будут
Стоять у ступеней престола—каждый
На смерть готов по знаку твоему.
О, Бланка, знаешь ли ты песни юга?
Ты песни трубадуров знаешь?—в них
Поется о любви высокой, Бланка.
У ног твоих всё царство будет, всё
Оно в тебя влюбленным будет, Бланка,

А ты, а ты,—любить ты будешь только
Владыку, мощного царя-орла,
Завоевателя, чья воля в трепет
Приводит миллионы. И орел тот
У ног твоих, как голубь, будет нежно
И страстно ворковать. Мечтала ль ты
О чем-нибудь подобном?

Бланка.

Я—принцесса,
И думала порой, что мне судьба
Какой-нибудь венец готовит. Пропасть
Меж мной и троном не лежит, отец
Но я готова стать простой дворянкой,
С условием, что мил мне будет тот,
Кто мужем будет мне. Отец мой.
Мне кажется, что в вашей яркой речи
Сквозит вполне определённый план.
Быть-может, вы уже нашли супруга
Для дочери, а сердце то её
И не спросили. А меж тем — я знаю —
Вы при сестре Евлампии клялись
Моей покойной маме — против воли
Не выдавать меня.

Король.

Послушай, Бланка:
Ты можешь быть несчастной. Но—такой
Несчастной, что столетья будут плакать
Над раннею твоей могилой. Нет же.
Не бойся, не бледней, а слушай: ты
Сама судьбу свою вершишь... Ты знаешь,
Есть в мире воли страшные. Они,
Как бури из железа. Эти воли
Возносят до небес того, кто с ними
Согласно действует, и мелют в прах
Противников своих. В звездах бывает
Написано тогда у человека:

Склонится—он и будет счастлив, нет—
Ужасен рок его: в цепях, насильно
Он сделает по воле рока всё,
А жизнь свою, безумец, он разрушит.
А более всего мила покорность
В девице... Верь мне, Бланка, верь мне—
Здесь пред распятием я клятвой страшной
Клянусь тебе, что если ты поступишь
Согласно с волею моею, я
Тебя счастливой сделаю. Клянуся,
Пускай умру из'еденный червями,
И вечный червь пусть точит грудь мою
В аду, коль я не сделаю счастливой
Вот эту девушку. Но если же она
Мне будет не покорна — бог свидетель,
Я должен сделать все-таки, как я
Решил, — но жизнь ее в источник муки
Для бедной обратится. Я сказал...
Ты слышала...

Бланка *(бледная и трепещущая).*

Отец мой, страшно стало
Дочурке вашей. Будьте милосердны!
Признаться вам открыто, я мечтала,
И намекали мне, что белокурый
И стройный граф мне будет женихом.
Но... если вы мне счастие сулите
С такой уверенною клятвой: значит,
Нашли вы мне достойного супруга,
И я перечить вам не стану.

Король.

Бланка,
Красавица, звезда моя, твой разум
И воспитание твое — большую
Хвалу и честь заслужат кармелиткам,
Скажи же мне скорее: для тебя
Противны старики?

Бланка *(грустно)*.

Ах, боже, боже.
Так он старик. Боюсь я, мой отец,
Что вы клялись напрасно: по приказу
Я не могу же быть счастливой. Старый,
Он старый, мой жених, ах, боже, боже!!..

Король.

Взгляни-ка на меня. Иль я не крепок?
Быть-может, ты находишь слишком длинной
Вот эту бороду. Но можно сбрить
Её, усы покрасить золотистой
Иль черной краской. Сила же во мне
Громадная. Ещё на днях убил я
Медведя сам, ножом. Тебя одною
Рукой поднять смогу над головою.
Жених отнюдь меня не хуже. Даже
Похож он на меня.

Бланка.

Ах, боже, боже!!..
Мне грустно... Впрочем, я вполне согласна,
Что вы по-своему еще красавец, милый
Отец мой... Думаю, что много женщин
Могли бы вас любить, и удивляюсь,
Что мачехи и юной и прекрасной
Вы мне еще не дали.

Король *(живо)*.

Значит, веришь,
Что эта женщина могла бы быть
Счастливою со мною? Ее носил бы
Я на руках. Я только бы и думал
О том, чтоб жизнь ее текла в утехах,
Как серебристый ручеек в раю.

Бланка *(тихо улыбаясь).*

Конечно, доля мачехи, что вскоре,
Как вижу я по страстной вашей речи.
Войдет наверно к нам, завидна.

Король.

Так...
Теперь скажи мне, умница-красотка,
Скажи мне... Нет, постой. Дай насладиться
Достигнутым и дух перевести...
Так доля женщины — прекрасно-юной, —
Которую бы я любил, — была бы
Завидна? Ты мне правду говоришь?

Бланка *(улыбаясь).*

Клянусь святою Девой, а чем больше
Я слышу ваши речи и чем больше
Гляжу в горящие глаза, — тем ярче
Я вижу, как вы молоды душою.

Король.

О, Бланка! Звездочка ты, зорька,
Голубка-благовестница, ты ветку
Масличную, ты ветку мира мне
Несешь. Скажи мне... Но клянись, что правду,
Что только правду скажешь... Ну, клянись!

Бланка.

Клянусь честным крестом!

Король.

А ты б хотела...
Хотела бы ты быть... на месте этой...
Вот этой мачехи?

Бланка *(смеясь).*

Отец мой чудный.
Когда бы дочерью я вашей не была,

Я, очи опустив, от счастья рдея,
На предложение сказала-б — да!

Король.

Доволен будь Крюэль, и тем, чего ты
Достиг пока. *(Отирает лоб и опускается в кресло за столом; пауза.)*

Бланка.

Мне кажется, отец мой,
Что вы взволнованы. И я сама
Не знаю, что мне думать. Или брак тот,
Который вы мне предложить решили,
И в вас самих сомненья рождает?
Или права я, что вместе с этим браком
Задумали вы сами свой союз
С какой-нибудь принцессой? Мучит мысль,
Быть-может, вас, что, мне предназначая
Супруга пожилого, сами вы
Берете в жёны слишком молодую?
Отец мой, я скажу вам правду: грустно
На сердце у меня. Уже успели
Мечты свить гнёздышко вот тут. *(Показывает на сердце.)*
Теперь,
Прощай мечта моя... Другие дали
Вы открываете. Но поняла я,
Что вы страдаете. Я поняла,
Что сделала вам больно, подтвердивши
Сомненья ваши, что не может мне
Брак с мужем старым улыбаться.
Но я так мало думала об этом.
Я графа мало знаю. Может-быть,
Его легко забуду. Если точно
Любовь к нему сулит мне столько горя,
Как говорили вы, — я постараюсь
Мечту мою из сердца вырвать. Корень
Еще не крепок у цветочка. Бедный...
Тебе не суждено расти. *(Её голос дрожит.)*

И право,
Когда мой будущий супруг на вас
Похож, отец мой, так же молод
В речах и чувствах, так же величав
И будет так любить меня, как вы
Сбираетесь любить свою супругу, —
Я верю — буду счастлива. *(Подходит к нему.)*
Утешьтесь,
Король мой, мой отец. *(Кладет руку на его плечо.)*
Гоните прочь
Вы мысли черные, еще не мало
Переживете счастья вы, а если
Достойна вас та дева, что избрали
Себе вы в жёны, то, конечно, верной
Она пребудет вам и словно нежный
Зеленый плющ вкруг дуба обовьется.

(Заглядывает ему в лицо и улыбается сквозь слезы.)

Не будьте грустны... Грустно мне самой.

Король.

Цветок мой, девочка моя, как много
Ты нежности в груди своей таишь.
Твой голос, речь твоя меня чаруют!..
За что ты любишь твоего отца?
Ведь девять лет жила вдали от мира,
Отцом как бы забытая. Поверь мне,
Теперь я буду жить с тобою, буду
Дышать тобой! *(С страстным порывом.)*
Ужели, боже мой,
Она меня возненавидит?

Бланка *(искренно).*

Что вы?
Какие мысли, мой отец. Я чтить
Вас буду вечно, вплоть до гроба,
И за могилой. Там, в монастыре,

Я слышала о подвигах военных.
О славе короля, который страны
Наполнил слухами и изумленьем...
Я слышала про справедливый суд.
Про покровительство святейшей церкви,
Про милость к бедным... И гордиться стала
Моим отцом.

Король.

Монахини портрет
Нарисовали очень сходный. Небо
Да наградит художниц. *(Помолчав.)*
Дочь моя,
Из Библии, священного писанья,
Сказания тебе передавали?

Бланка.

О, да.

Король.

Что Бог создал Адама, Еву.
Что были сыновья у них?

Бланка.

Да. Каин
И Авель... После Сиф.

Король.

Не правда ль, Сиф
Был юноша благочестивый?

Бланка.

Как же.

Король.

И от него пошло потомство. Бланка.
Святое? Царь Давид и сам Христос
По плоти были Сифовы потомки?
Но кто женою Сифа был?

Бланка.

Не знаю.
Мне не сказали сёстры.

Король.

На земле
Из женщин были только мать его
Да сёстры. Так ведь? Значит, дорогая,
Сиф на сестре своей женился. В грех
Ему, однако, небо не вменило
Поступок тот.

Бланка.

Да... это очень странно.
Не правда ли?

Король.

Ты слышала, что Лот
Спасён был богом при конце Содома
За праведность свою пред ним?

Бланка.

Слыхала.

Король.

А знаешь ли, что этот самый Лот
На дочери своей женился?

Бланка.

Неужели?

Король.

Я в Библии святой могу тебе
Всё это показать, и нет там речи,
Чтоб это было столь большим грехом.

Бланка.

Ужасно слышать!

Король.

Почему?

Бланка.

Не знаю.

Король *(встает и берет ее за руку выше локтя).*

Что, если бы тебя со мной в соборе
Архиепископ сам венчал. Ужели
То было б так ужасно? Ты сказала.
Что участь быть моей тебе завидна.

Бланка *(бледнея, выпрямляется).*

Отец мой, непристойно слышать речи
Подобные... Должны вы пощадить
Стыдливость дочери... О! как вы оскорбили
Неслыханно любовь мою подобной
Злой, злою, злою шуткой. *(Плачет.)*

Король *(изменившимся голосом).*

Бланка,
Я не шучу. Люблю тебя, люблю!
Ты станешь королевой и женой
Крюэля... Слышишь, Бланка?

Бланка.

Боже мой.
Вы обезумели. О, боже, страшно!
Мне страшно!

Король *(трясет ее руку и шипит).*

Не кричи! Не то запру
Тебя в глухие подземелья. Света
Там не увидишь!.. Никакие крики
Помочь не могут. Вспомни все сначала,
Что я сказал тебе: есть воли в мире,
Повиновение которым — счастье.
Сопротивленье — гибель, и к тому ж
Бесплодное усилье. О, пойми же.
Пойми, что я люблю, хочу тебя!
Люблю! Я буду нежен, страстен, буду
Дыханье твое ловить и взгляду
Повиноваться. Ты свободна будешь,

Могуча будешь, я к твоим ногам
Корону буду класть, и красотою
Такой одену брак наш, что в пожаре
Сияющем сгорит наш мнимый грех!

(Бланка плачет, закрыв лицо руками. Король хочет обнять ее. Она в ужасе защищается, она упирается в его грудь руками: глаза их встречаются.)

Бланка *(вне себя от ужаса).*

Глаза — ужасные глаза!

Король *(отбрасывая ее).*

Так так-то дочка!
Я мог бы разломать тебя. Я мог бы
Взять плеть мою и бичевать тебя.
Как виноватую собаку! Только,
Ведь свадьба наша будет вскоре: кожу,
Девичью кожу белую испортить
Пред свадьбой не хочу.

Бланка *(падает).*

О, ужас, ужас!

Король.

Сюда, эй, кто там. Аристид, скорей!

Явление XI.

Аристид сейчас же появляется, на лице его играет сардоническая улыбка.

Король.

Позвать мадам Марго!

Аристид.

Сию минуту.
Теперь принцесса видит, я надеюсь,
Как любит горячо ее король?

Явление XII.

Аристид удаляется. Бланка вся трепещет, едва держится на ногах, упорно смотря в землю. Король ходит по комнате как лев, не глядя на дочь. Аристид возвращается с ужасной старухой Марго: она одета в черное и огромный белый чепец.

Аристид.

Почтенная матрона ждет приказа.

Марго.

Что вашему величеству угодно?

Король.

Возьмите дочь мою. Коль кто-нибудь
Не волею моей пройдёт к ней, —
Вас пытка ждёт. А если приключится
Беда какая с ней, — тройная пытка!
Вы знаете меня.

Бланка *(гордо подымая голову)*.

Король, пускай
Меня терзают, бьют, но знай:
Не с'ем я ни куска... и так умру
И в небе *(плачет)* маму попрошу святую,
Чтоб богу жалобу мою снесла.

Король *(бешено)*.

Посмотрим: я же постараюсь, прежде
Чем ты от голоду умрёшь, — тебя
Своей женою сделать, чтоб полнее
Донос твой богу был. *(Вдруг меняет тон.)*
Но помни, Бланка.
Я грозен, я жесток, меня недаром
Зовут король Крюэль, но помни, Бланка.
Коль в сердце у тебя иная мысль.
Иное чувство шевельнётся, чувство,
Похожее на музыку, что в речи

Твоей ещё недавно мне звучала!
Помни Бланка, — у ног твоих я буду,
О, много нежности сверхчеловечной
В сердцах больших и мрачных затаилось.
Скажи: «мой милый»—рай перед тобой
Открою я.

Бланка.

Отец мой: никогда.

(Она уходит вместе с Марго, которая звенит большими ключами.)

Явление XIII.

Король в ярости ходит по комнате, Аристид с усмешкой наблюдает за ним.

Аристид.

Когда б я смел, я б добрый дал совет.

Король *(останавливается)*.

Ну, говори!

Аристид.

Нет, лучше помолчу:
Сегодня я уж бит.

Король.

Прости мне,
Ты часто слишком неуместно шутишь...
Она упорна...

Аристид.

Да, нашла коса
На камень.

Король.

Чем её принудить к браку,
К покорности, к смирению? Скорей
Я мозг мой вышибу из той коробки,

Где он рождает прихоти, чем тут
Уступку сделаю. Я стар и смерти
Недолго ждать. И я хочу ещё
Побед неслыханных, свободы яркой,
Неслыханной свободы. Я—король,
Власть—пища, власть—питьё мне; в то мгновенье.
Когда желанью я скажу: «умолкни,
Я слишком слаб»,—в мгновенье это сам я
Себе пощёчин надаю и в жиже
Навозной утоплю себя, как кошку.

Аристид *(кивая головой).*

Я понимаю вас: конечно, трудно
Отречься от блаженства столь безумной
И столь дразнящей неги. Коль хотите,
Я дам совет посильный.

Король.

Ну, вперёд!

Аристид.

Вы пригрозите ей, что в жертву пытке
Евстафия дадите...

Король.

Что за вздор?
Она его не так уж любит.

Аристид.

Всё же
Вы попытайтесь.

Король.

И потом нельзя
Пытать вельможу без вины, предлога...

Аристид.

Вы пригрозите только.

Король.

Не люблю
Угроз бессильных и обманных.

Аристид.

Ваше
Величество как будто позабыли.
Что в споре, возгоревшемся меж вами.
Чему я сам свидетель, — граф Евстафий
Свой меч до половины вынул.

Король.

Меч свой?

Аристид.

Ведь именно за то в Большую Башню
Посажен он.

Король.

Тебя я понимаю...
И награжу тебя.

Аристид.

Мысль не моя:
Ведь схвачен граф. Какой иною мыслью
Король руководиться мог?

Король.

Не знаю...
Я думал, что пока так надо; после,
Я думал, видно будет.

Аристид.

Вот, теперь
И стало видно.

Король *(пристально смотрит на него)*.

Отчего ты графа
Так ненавидишь, честный человек?

Аристид.

Он так красив, так знатен, так богат.
Что я люблю его от сердца.

Король.

Аспид...

Ты—аспид, Аристид.

Аристид.

Вы—василиск
Царь змей с главой венчанной.
Коль вашему величеству не будет
Обидно. *(Кланяется.)*

Король.

Василиск могуч.

Аристид.

И зол.
А аспид мал, но ядовит, и жало
Его острее бритвы и ланцета.

(Король пристально смотрит на него и грозит ему пальцем.)

ЗАНАВЕС.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Декорация та же.

Явление I.

Канцлер и архиепископ сидят у стола и оба читают по рукописи. Окончив чтение, они смотрят некоторое время друг на друга, не находя слов.

Архиепископ.

Скандал неслыханный!

Канцлер.

Уже давно
Я вижу, что могучий этот разум—
Всегда немного странный—пошатнулся.

Он был, как башня в Пизе, крив, но стоек,
Теперь грозит паденьем и в паденьи
Сгубить нас может.

Архиепископ.

Должен при народе
Венчать его я с дочерью? Безумец!
Ужели церковь я унижу? Папу,
Святейшего отца, введу во гнев?
Рискну-ль я, чтоб народ наш христианский
Меня каменьями побил? И всё
Лишь по его капризу. Духовенство
Имеет своего владыку, Папу,
Наследника Петра и Иисуса.

Канцлер.

Об исполнении его желанья
Преступного не может быть и речи.
Но как нам быть?

Архиепископ.

Нам надо постараться
Его в себя немного привести.

Канцлер.

Кремень король Крюэль. Но если только
Попытка наша будет тщетной, надо
Немедленно снестись и вам и мне
С наследником; и, подготовив спешно
Всё дело,—об'явить его в опеке.
Весь мир нас оправдает. Документ?
Вот он—безумье очевидно.

Архиепископ.

Не думаете ль вы, однако, канцлер,
Что нас подслушать могут? Уши всюду
У короля.

Канцлер.

Не бойтесь. Говорим мы
Довольно тихо. Здесь свои секреты
Вверяет сам король обыкновенно;
Прикрыты двери тяжкими шелками
И звуки тают здесь.

Архиепископ *(вставая)*.

Король идёт.

Явление II.

Король идет медленно и останавливается перед ними. Они кланяются.

Король.

Читали?

Канцлер.

Мы прочли. *(Пауза.)*

Король.

И ваше мненье?

Канцлер.

Довольно сложно наше мненье.
И я прошу величество присесть
И выслушать меня.

Король *(садясь)*.

Короче, канцлер,
Короче будьте.

Канцлер.

Буду кратоk я, но, впрочем,
От содержания зависит форма.
И очень длинный смысл едва ли можно
Одеть в слова короткие, иначе
Он будет походить на великана
В обуженном и лопнувшем кафтане

Король.

Министр, доселе я в речах у вас
Видал лишь карликов в предлинных тогах,
В которых путались бедняги жалко
И падали.

Канцлер *(кисло улыбаясь).*

Нельзя мне угоняться
За остроумьем государя, ум мой...

Король.

Ваш ум, ваш ум... Его я очень знаю...
Вперёд, что скажете о браке. Брак наш
Есть дело важное, и, как хранитель
Великих интересов государства
И наш советник первый,—слово вы
Имеете.

Канцлер *(снова откашливаясь).*

Мой государь,
Брак дочери с отцом ни в римском праве,
Ни в праве нашем, ни в кутюмах наших
Не значится. Я удлинил бы речь,
Когда б от разума я начал оправданья
Для опущенья приводить такого.
Но даже больше: нет в законах кары
За брак такой, зане предположенья
Не делает закон, чтобы священник
Благословил подобный злой союз.
За то закон карает тяжкой карой.
Кровосмешение—особый вид
Блудодеянья, sine: блуд, в котором
Ближайшие по крови в ослепленьи
На coitus решившись, — оный тайно
И совершили.

Король.

Но скажи мне.
Закон ли есть властитель государя,
Иль государь творит закон?

К а н ц л е р.

Гм... гм... закон... гм...
Конечно, воля государя может
Законы создавать, менять, но есть
Закон ума в законах, так сказать,
Jus rationalis. Если от него
Король отступит, то его новелла
Безумной будет признана.
Король прикажет, чтобы только ночью
Белили полотно. Нелепо...
Quod demonstrandum: и воле королей
Предел положен. Тот предел, во-первых,
Определён законами природы,
Lex naturae и, как уже
Отметил я, законами рассудка.
И, наконец обычаем. Нельзя
Обычаи народа, mores, сразу
Формировать, как тесто или глину;
Они сопротивляются... и даже
Народ озлобленный способен в гневе
Забыв повиновение,—восстать.
Итак, есть сила, vis, vis major, с коей
Законодатель вынужден считаться.
Но, государь, secundum, и на этом
Я напираю: интересы трона
Теснейше сплетены со всем порядком
И с интересами сословий высших.
Блюсти вы можете ваш интерес.
Блюду я интересы строя. Можно ль
Сим вечным интересам предпочесть
Причуду королевскую? Широко
Для личных радостей и наслаждений
Врата открыты королям, но всё же
Должны, конечно, отступать желанья
Капризные, когда повелевает
Сам Salus rei publicae, который есть
Suprema lex. Вы, государь, простите

Что говорю я смело, я блюду
Правительства священнейшее благо,
Права дворянства, гильдий. Если вы,
В лице главы земли, свершите
Столь очевидный грех, народ нас всех
Осудит, и, к другим причинам вечным
Ворчания и ропота прибавясь,
Та капля горькая, быть-может, сгубит
Весь космос государственный. Но тайно
Свершая грех, тем самым государь мой
Лишает акт публичного значенья,
И тут я не при чем.

Король *(резко)*.

Довольно! Вы,
Отец мой, как блюститель церкви, что вы
Про брак мой скажете?

Архиепископ *(со вздохом)*.

О, старейший сын
Святейшей матери Христовой церкви.
Кровосмешение—есть грех. Об этом
Нам спорить будет бесполезно. Грешен,
Однако, каждый. Писано в писаньи:
«Несть праведник», но уповаем твёрдо
Не на безгрешие своё, не на заслуги,
Но памятуя мерзость нашу, верим
В наследие Христова искупленья
И силу покаяния. Однакож,
Не может церковь ризою своею
Пресветлой, белой паче снега, сенью
Обрядов, а тем паче таинств божьих —
Грехи мирские прикрывать... притом же
В соблазн мы велий малых сих ввели бы.
Народ бы возроптал на нас. Апостол
Нас учит: «не введи в соблазн того,
Кто немощен и кто несведущ знаньем
Твоим и высшею твоей свободой».

Так говорит, свободу для познавших
Даруя, Павел, зри его посланье
К Коринфянам, глава восьмая, стих
Девятый. Сын мой мудрый, я надеюсь,
Ты понял речь мою.

Король *(улыбаясь).*

Вы умный пастырь. *(Вновь нахмуривается.)*
И так, боитесь вы народа, дело ясно:
Народ—хранитель нравов, да—народ:
Портной с аршином крохотным, башмачник
С очками на носу, студент голодный,
Тяжеловесный Жак за плугом, вся
Толпа людей мизерных... Каждый порознь
Трепещет предо мной, а вместе—вдруг
Народ, и перед ним склонился канцлер,
И красный хвост поджал сам кардинал.
Но, милый канцлер, милый мой епископ,
Я знаю, что такое вы, и знаю,
Что есть народ, и знаю уж давно,
Что есть монарх. Сегодня вам отвечу
Я вечером в совете всех магнатов...
До тех же пор, простите, вы должны
Безвыходно сидеть вот тут, и стража
Не выпустит ни вас, ни к вам не пустит
Кого бы ни было. Понятно вам?
(Улыбаясь.) Обед обильный и вина, какое
Достойно было б короля, пришлю я
Моим гостям. Отец архиепископ,
Благословенья вашего прошу.

(Архиепископ благословляет его.)

Мой канцлер, вы в беседе с мудрым мужем
Наверно чудно проведете время.

(Делает полунасмешливый полупоклон и уходит.)

Явление III.

Мы арестованы. Тотчас не можем
Поделать ничего... Я попытаюсь,
Я попытаюсь всё же. Паж, сюда.

(Входит паж.)

Мой мальчик, ты снесёшь сейчас записку
К хранителю печати.

Паж.

Ваша светлость,
Приказано не принимать от вас
Записок никаких, или тотчас же
Нести их к королю.

Канцлер.

Ну что же, милый,
Неси.

(Пишет записку у стола, сворачивает и дает пажу. Паж уходит.)

Я написал лишь пару строк
Вполне ничтожных.

Архиепископ.

Мысль пришла мне, канцлер.
Со мной пришла сюда недавно в город
Прибывшая пустынница. Она
Хотела видеть короля. Король наш
Весьма неравнодушен к страстной речи
Младой отшельницы-визионерки,
Которую народ наш добродушный
Святою почитает. Может-быть,
«Святая Доротея» повлияет
На ум его, она владеет речью

Неистово суровой, и, я помню
Однажды короля склонила к делу,
Весьма полезному для церкви. Мы же
Не потеряем ничего. Возьму я
Мой бревиарий и в него впишу
Слова. *(Пишет.)*: «Король в безумьи сатаническом
Меня принудить хочет средь народа
В соборе обвенчать его с младой
Принцессой Бланкой, дочерью его.
Усилься образумить старца, разум
Которого великий странным родом
Так омрачился. Но ему скажи ты,
Что всё сие открыла ты в виденьи».
Вот так. Ей, паж, сюда. *(Паж входит.)*
Мой милый мальчик,
В передней там «святая Доротея» —
Как бедную народ зовёт—сидит
И ждёт меня. Так отнеси ты ей
Молитвенник, пускай пока бедняжка
Помолится. Моё благословенье
Ей также передай. *(Паж кланяется и уходит.)*

Канцлер *(криво усмехаясь)*.

Плоха надежда.

Архиепископ.

Душа Крюэля—мрачная душа,
И иногда бичём, сплетенным смело
Из змей и пламени, достигнуть можно
С ним большего, чем лестью или речью,
Исполненной аргументов.

Канцлер.

Будем
Надеяться, что бог поможет нам.

ЗАНАВЕС.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Другая комната во дворце. Низкие своды. Множество запертых и отпертых сундуков. Король сидит посредине на низком стуле. Пажи расстилают перед ним штофные материи и ковры, ставят золотые и серебряные сосуды, шкатулки и ларчики с жемчугами и иными драгоценностями и т. п.

Тут же Аристид, портной, ювелир и два живописца.

Явление 1.

Король.

Всё то, что отложу я в ларь особый,
Весьма украшенный, сложить, и после
Снести мне в спальню. Это дар супруге
Любезной нашей после первой ночи.
И торопитесь. Завтра будет свадьба.
Невеста—не замедлит. Ювелир!
Ты можешь ли всю мастерскую сразу
Заставить попотеть, и в сутки сроком
Мне начеканить из вот этой грустной
Готической посуды женских колец,
Цепей, браслетов, диадем весёлых.
Ты понимаешь? Чтоб амуры
Порхали вкруг цветов и хохотали,
И танцовали грации, гирлянды
Над Афродитой дивной простирая

(Ювелир весело кивает головой и берет одну золотую вещь за другою в руки).

Ну, словом, вымыслы Эллады все
Пусти ты в ход и напряги и ум
И память. Постное искусство жалко.
Мне нравится искусство итальянцев:
В нём чувственность здоровая живет.
А ты, портной,—насчёт нарядов женских
Тебя не утруждаю я. Младой
Супруге нашей от супруги прежней

Осталось очень много женских платий,
А после целый штат мы к ней приставим
Искусных швей, и милому уму
Мы волю предоставим по капризу
Для красоты своей чудесной раму
Достойную создать и постоянно
Менять её... Но нужен нам самим
Наряд богатый и к лицу идущий.
И тут, портной, не нравится мне, право,
Что у тебя такой короткий нос.
Короткий, вздёрнутый: носы такие,
Быть-может, свойственны портным искусным,
Но знак, что обладатель носа мало
Наклонен к философии. Меж тем,
Мне нужен бы закройщик философский.
Ты улыбаешься? Вот видишь, друг,
Немолод я, и если ты разрядишь
Меня щеглом, то ведь жена моя,
Пожалуй, засмеётся и над нами
Начнёт острить. Она ведь весела
И любит шутки. Если же мой возраст
В расчёт ты примешь, — то, пожалуй, саван —
Единственный приличный мне костюм.
Как сделать так, чтобы старик казался
И юным и внушающим почтенье.
Ты в силах ли подобное создать?

Аристид.

Ну, докажи, портной, что ты философ.

Портной.

Бог создал человека, государь.
Христос сказал: «не может человек
Ни на волос себе прибавить росту».
Портной же довершает дело бога
И всю наружность может изменить.
Что без портного человеки?—твари
Двуногие и равные друг другу,—
Великое портняжное искусство

Определяет, кто король, кто канцлер,
Солдат, монах, купец или простец.
Допустим, на одну минуту только,
Что люди все бы стали наги вдруг:
Никто не различил бы, несомненно,
Вельможи от подёнщика; возможно,
Что водовоза приняли б за графа,
А графа за тряпичника. Итак,
Могущество портного—это сила,
Которой держится всё общество людей:
Разденьтесь все—и рухнет ваш порядок.
Вот философия портного. Старость—
Препятствие неважное. При том же
Вы, государь, довольно статны. Мы
Немного грудь подымем, плечи тоже,
Упруже икры сделаем; цвета
Мы подберём неяркие, конечно,
Но царственные: темный пурпур, мех
Коричневый, пушистый и шитье
Шелками тёмными. Скроим мы
Широкое и складчатое платье,
В котором каждый жест — величье; быстро —
Смешно ходить в таком наряде: нужно
Иметь особую манеру, ту,
Которую дарует людям старость.
Тогда пойдёте вы и, улыбаясь,
Кивнёте вправо, влево, а толпа
Разинет рот и скажет: «вот Юпитер,
Вот зрелый человек, вот то, к чему
Нас молодость готовит, вот расцвет
Природы человеческой!

Аристид.

Но только
Необходима помощь брадобрея,
Лишь он лицо меняет, а оно
Есть зеркало души; итак, меняет
Портной тела, цырюльник — даже души.

Король *(смеясь)*.

Шуты, шуты... Доволен вами я.
Ну, живописцы. Ты, Тосканский мастер.
Портрет желаю я иметь. Мне пишет
Владыка Флорентийский, будто мастер
Ты этого искусства.

Перинии.

О, не верь.
Не верь тому! Мазилка сей презренный
Не понимает сущности искусства:
Он пишет так лицо, как есть оно.
Со всеми бородавками, в морщинах.
Мешок под глазом, волосы в носу.

Джованни ди Тоскана.

То правда. Я горжусь, что заменяю
Я зеркало. Как в зеркале себя
Узнаешь ты в моём портрете верном,
И для потомства будешь жить таким.
Каков ты был. Дарую я бессмертье.

Перинии.

Глупец надменный! Иль не говорят
Писанье нам, что с телом просветлённым
Воскреснем мы при ангельской трубе.
И вот такого просветленья ищем
В природе мы, изображая всё
Не так, как есть, а как должно быть.
Тому же учат древние, в искусстве
Великие учителя.

Джованни.

Природа
Одна учитель наш!

Король.

Постойте! Оба
Напишете портреты. Мне забавно
Узнать, каков я есть, каким бы должен

Я быть. Идите. Ах шуты. *(Аристиду.)*
Ты видишь,
Как весёл я? Моя тоска глубоко
Засела в сердце, но её оттуда
Надеюсь я со временем извлечь.
И радуюсь невольно я тому,
Как проведу рабов и трусов,
Грабителей народа, пред которым
Они робеют вместе с тем; как их
Скручу я. Ты увидишь—опыт славный
Проделаю я власти королевской.

(За сценой разговоры, крики, которые всё усиливаются.)

Но что за вопли там?

(Входит паж.)

Паж.

К вам, государь,
Немедленно войти желает с просьбой
Святая Доротея, как её
Народ весь именует.

Король.

Пусть войдёт.

Явление II.

Входит Доротея в длинной чёрной одежде, покрывающей также её голову. У неё бледное, но молодое и прекрасное лицо. Входит она стремительно, с горящими глазами, в гордой позе останавливается перед королём; от быстроты движения её легкие черные одежды вьются вокруг.

Доротея.

Вот ты, король.

Король.

Я здесь, сестра честная.

Доротея.

Мне показалось, будто ты, король,
Избегнуть хочешь встречи с богом? Гласа
Господнего укрыться. Я пришла
Влекомая не суетным желаньем,
Не волей сердца плотского, но волей
Небес! *(Указывает гордым жестом на небо.)*

Король.

Но я не думал, Доротея,
Скрываться от тебя, и все, что скажешь,
Я выслушать готов с почтеньем.
Какое надлежит твоим заслугам,
Веригам, власянице, бичеваньям
И посещеньям частым Иисуса,
Небесного святого жениха.

Доротея.

Король! Сегодня ночью, утомившись
От бичевания, уснула я.
Но вот коснулся кто-то изголовья.
И голос слышен был: «Вставай».
Глаза я подняла и вижу: ангел,
Блистающий во тьме кровавым светом.
Разорваны его одежды, дыбом
Стоят власы, посыпанные пеплом.
И кровь стекает по его груди.
И в ужасе, упавши на колени,
К нему простерла руки я с мольбою:
«Святый, — сказала я: «о, небоязнитель.
Почто такою скорбью полны очи?
Зачем разорваны твои одежды?
И дыбом поднялись власы, и тело
Небесное твое ногтями взрыто?»
И плакала я горько, видя лик
Прекрасный ангела, покрытым
Земною скорбью, и рыдала горько.
И долго не ответствовал мне ангел.

Лишь я рыдала, да шумел в долине,
Рыдая также, пленный водопад.
Но, наконец, раздался скорбный голос:
«Внимай мне», он сказал, «жена, внимай.
Был пир у сатаны; косматый демон
С отвислыми сосцами и губами
Вампира, сивый и горбатый демон
Пред сонмом братьев похваляться стал,
Что в грех венчанную главу он ввергнет.
И демоны не верили ему.
Тогда раскрыл он чешую зеленых,
Осклизлых крыл своих и с диким смехом
Над адом взмыл. И мы за ним следили.
И к Дагоберу королю проник он.
Вокруг усталой головы раскинул
Распутные виденья сладострастья.
И щекотал его и обнажал
В виденьях перед ним он деву Бланку,
Родную Дагобера дочь. Чертовка,
Приняв вид ее, плясала страстно
Пред Дагобером танец Саломеи,
И дух-хранитель встал и молвил бесу:
«Отыди». Бес же с гнусною усмешкой
Сказал ему: «ниль не дано нам права
В юдоли сей их души искушать?»...
И грустный отлетел хранитель в небо,
Затем, что грешная душа склонилась
На игры те бесовские, и в сердце
У короля возрос чертополох —
Колючий и ужасный видом терний,
Шипами он пронзил отцовство,
И стыд и срам, он искалечил сердце
И мерзость запустенья водворил.
И встал король и восхотел он браком
Венчаться с дочерью своей.

(Присутствующие в ужасе и смущении переглядываются.)

На небе
Сама Святая Дева уронила
Слезу, и трубным звоном ад наполнен.
И черти там играют в чехарду.
И предаются сраму друг на друге
И когти расправляют, говоря:
«Наш, наш король, победа наша!
Вот что открыл мне ангел. Я в смятенье.
Не слыша ног, бежала по пустыне.
И вот я здесь... и вижу короля
Среди художников, портных... о, мерзость!
Опомнись же, старик безумный,
Отцовство оплевавший! Иль не видишь,
Что обратился в чудище, что ныне
Ты вепрь седой, незнающий стыда.
И с хрюканьем зверино-сладострастным
Преследующий дочь свою, как ангел
И как росинка чистую? Опомнись.
Опомнись, Дагобер! Куда зашёл ты?
Смотри кругом: ведь ты в пещере серной.
И неба нет, и только хохот слышен
Злых духов, и сейчас душа твоя.
Сейчас, чрез миг, воя и проклиная.
На муку вечную—ты слышишь ли, король?
На вечную, ты понял?—повлечётся.
Ты в слово—«вечность» можешь вникнуть?
Так вникни! Нынче гаснет луч последний
Надежды всякой! Вот смотри: рукой
Моей, моим перстом грозится
Сам Судия тебе. — востребуй!

(Величественно грозит ему.)

Король *(Аристиду)*.

Что не дерёт еще мороз по коже,
Цирульник, у тебя? Люблю я
Большие страсти всех родов. *(Доротее.)*

Сестрица,
Мне больно, что Святая Дева в небе
Слезу, ради меня, раба дурного,
Из глаз лазурных уронила. Верю,
Что сей алмаз бесценный мой хранитель
Уж заключил в изящный алавастр,
И что слеза владычицы небесной
Мне во спасение послужит. Больно
Мне очень, что небесных духов сонмы
Встревожил я, но всё ж я сознаюсь,
Что адское проклятое растенье
Роскошно привилось в душе моей:
Косматый демон собственным дыханьем
Согрел его и потом оросил.
Предлинно-длинны корни этих терний,
Чудовище-растенье вилось прочно,
А цвет его бесстыдно-ароматный
Раскинулся вот здесь—во лбу моём.
Я горько сокрушаюсь, Доротея.
Молиться б я хотел, но как молиться?
Хочу сказать: «святая Маргарита,
На колесе умершая,—о, будь
Ко мне ты милосердна»,—вдруг вижу—
Младое тело Бланки распростёртым
На колесе: кольцом благоуханным
То тело милое извилось, руки
Назад затянуты, и манит грудь уста,
А губы восхитительно смеются,
И полны влагой сладкою глаза.
К видению тяну я, бедный, руки,
А сам шепчу: «о, как желанна ты».

Доротея *(закрыв лицо своим длинным шарфом.)*

Несчастнейший, как демоны тебя
Жестоко отравили.

Король.

О, жестоко!
Не так ли и тебя порою бесы,
Святая девушка, нещадным роем
Позорно искушают: Дионис,
Пан козлоногий с жгучими глазами,
Не блеет ли при синеве луны
Вокруг твоей пещеры? А молитвы?
Не прерывает ли их призрак странный
Двух тел трепещущих, сплетённых, жарких.

Доротея *(быстро)*.

Король, король,—тогда
Хватаю бич я, он свистит, и кровью
Облита плоть и бунт свой прекращает.
А дух возносится до горних мест.

Король.

О, девушка святая,—ты в заботы
О королевстве не погружена.
Могу ль я бичевать себя? Могу ли
Я плоть свою нещадно изнурять,
Чтоб душу сохранить? Как я предстану
Тогда пред Судией? Ведь Он мне
В раскатах грома скажет: «или ты,
Лукавый раб, не знаешь, что писанье
Гласит: «блажен, кто душу сгубит
За других?» И ещё: «кто хочет душу
Спасти—её погубит, кто же ради
Христова имени погубит душу-
Спасётся». Скажет Судия: «раб глупый.
Не дал ли царства я тебе, чтоб стадо
Ты соблюдал, а ты им пренебрёг
И лишь себя спасал, бичём махая:
Не бич аскета дан тебе, но скипетр».
А посему, сестра моя: пусть стража

Тебя на время отведет в молельню,
В капеллу нашу: там молись, о дева,
Молись и плачь, и плоти не жалей.
Бичуй её и рви—проси у неба,
Чтобы увяло адское растенье,
Что разрослося в сердце у меня.
Я сам приду на полчаса, быть-может,
Послушать свист бича, взглянуть на кровь
И на рубцы твои; быть-может, демон
Тогда покинет сердце, и я вновь
Пред добродетелью склонюся. О сестра,
Иди, спаси ты душу Дагобера,
Облагодетельствуй и снова обрати
Во образ и подобье бога!

(Доротея колеблется и не находит слов. Два шотландца с поклонами подходят к ней и уводят ее, крестясь.)

Король.

Паяки, вы, люди—слышали вы речи
Пустынницы? Я говорю вам: кто.
Предупредив герольдов королевских.
Что возвестят об этом завтра утром
Весь мир при звуках трубных и трезвоне,
Тот слух кому-нибудь шеннёт,—пусть ждет
Достойной кары. Это я сказал.

(Все кланяются.)

Аристид *(стоит сзади короля и наклоняется над ним).*

Величество! какое наслажденье
Доставили вы мне.

Король *(оглядываясь на него).*

Я был хорош? *(Оба смеются.)*

ЗАНАВЕС.

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Зала заседаний верховного совета. Длинный стол покрыт тяжёлой роскошной скатертью. Посредине трон, на котором сидит король, слева канцлер, справа архиепископ. Далее слева последовательно: 1) герцог с большой белокурой бородой, атлетического сложения, 2) пустое кресло (графа Евстафия), 3) рыцарь хищного типа с волосами щёткой, спущенными на волчьи глаза, 4) пустое кресло (графа Раймонда), 5) толстый рыцарь с серповидной бородой под подбородком, 6) рыцарь почтенного вида, 7) скромная чёрная фигура столичного мера Сьер Этьена. Слева от архиепископа: 1) толстый добродушный прелат, 2) тощий и бледный доминиканец, два аббата, ректор

Король.

Советники, магнаты. Я собрал вас
По важному и трудному предмету
Дать ваше мнение! Притом же дело
Не терпит отлагательств. Канцлер вам
Его изложит.

Канцлер *(встает и обводит всех взором).*

Светлое собранье!
Король наш, мысля о народном благе
И памятуя, что наследник трона
Находится лишь в дальнем с ним родстве.
Притом же своевольно, по причинам,
Неведомым для нас, укрылся в странах
Чужих,—король наш, памятуя это,
На мысль полезную и добрую напал
Вступить ещё раз в брак... *(Движение.)*
И ветви древа
Восстановить побегом новым, прямо
От корня древнего бегущим. Дело
Сие есть дело доброе, и только
Одну лишь радость может возбудить
В сердцах вельмож, как и в сердцах народных.

(Все перешептываются: архиепископ слушает с закрытыми глазами; король мрачно смотрит в землю.)

Канцлер *(выразительно повышает голос)*

И выбор сделан королём. Красою,
Невинностью невеста ярко блещет,
И род её велик и знаменит...
Но, мужи светлые, совет премудрый,
Когда король назвал её мне имя, —
Наморщилось моё чело, предвидя
Большую бурю впереди.
Король избрал, пресветлые мужи,
Свою же дочь — принцессу Бланку.

(Опирается на стол и делает паузу. Общее движение. Духовенство в ужасе. Толстый рыцарь фыркает от неожиданности и со смехом говорит что-то рыцарю-старцу, который отмахивается от него. Все перешёптываются. Этьен, вытянув шею, слушает с напряженным вниманием).

Канцлер.

Прибавить нечего мне больше. Сами
Вы взвесьте. Мнение моё сказал я
Его величеству, и руки
Я умываю, но не поручуся,
Чтоб брак такой не вызвал возмущенья
В народе, в населении столицы,
Что скажет сам святейший Папа? Что
Подумают о нас князья Европы?
Пусть взвесит всё премудрый ваш синклит.

(Садится.)

Король.

Вы слышали: мы в брак вступить желаем
С принцессой Бланкой, нашей дщерью? Знаем,
Что не в обычае подобный брак,
И знаем, что его кровосмешеньем
Святая церковь именует. Знаем

Все это мы, всё взвесили. И твердо
Решили брак сей заключить.
Все ль несвободны человеки? Мудрость
Сковала страсти их законом. Все вы
Стоите под законом. Но, однако.
Всей тяжестью законы давят вниз.
На простолюдина; чем выше саном
Тем и свободней человек. Есть в мире
И человеки, коих сам господь
Поставил над законом. Для свободы
Сии живут, творя свободно право:
Их назначение — являть свободу
И устанавливать закон, без них
И сам закон свою теряет силу.
Все носите вы подданство, но мы,
Монархи, подданства не носим. Кто же
Накинет цепь на нас, — тот бунтовщик,
И не спасется от руки земного,
Как и от рук подземных палачей! *(Обращается к духовенству.)*
Про грех заговорите вы — Судьею
Мне бог один, пусть он меня карает.
Ваш долг повиновенье! Вы слыхали?

Герцог с белокурой бородой *(бурно вставая.)*

Король, не то мне странно, и не то
Меня сердиться крепко заставляет,
Что ты задумал брак такой. — Ты прав.
Ответ дашь богу ты. Твое то дело.
По мне женись хоть на собаке.
Меня гневит, что с нами ты, с дворянством
Высокомерно говоришь, и в речи
Своей всю правду извращаешь. Кто ты?
Что ты без нас? Ты только первый, слышишь.
Ты только первый между нами.

Канцлер *(потирая руки и хихикая).*

Primus... primus, inter pares, ne — supremus!

Бородатый герцог.

Ты стал швыряться нами! Вижу я
Пустое кресло. Где Евстафий? В Башне!
Я это знаю. Не за то ль он там.
Что путь нашёл к душе твоей невесты?
Дворянство не потерпит, чтобы ты
Холопов безответных видел в детях
Великого сословия! И брак
Столь странный свой ты можешь заключить.
Но так, чтобы не было вреда для нас.
Дворянского высокого сословья.
Бери ты дочь без церемоний брачных.
Бывало всё, и каждый господин
В своей семье. Или венчайся тайно.

Архиепископ.

Нет, нет! В соборе хочет государь
Свершить обряд в присутствии дворянства.

Бородатый герцог.

Ну, видишь ли? Что ж мы, шуты твои?
Коль хочешь — пей, но не позволим мы
Из чаши нам плескать в лицо. Порок,
Коль в тайне он сокрыт, то дело божье.
Но явные пороки не к лицу
Для короля, который представляет
Дворянство пред своими и чужими.

Король.

Ты все сказал? *(Смотрит на него в упор.)*

Герцог *(дерзко встречая его взгляд).*

Все то, что думал!

Король.

Отлично. Это правда. Я лишь первый
Меж вами. Вы — грабители страны! *(Движение.)*
Я первый между господами, тяжким

Ярмом лежащими на глупой черни.
И я силен, покуда вам служу я.
Покуда охраняю ваше право
С овец драть шкуру. Верно, это так.
Но вы забыли, что давно бы все вы,
Как волки меж собою перегрызлись,
Когда б над вашей буйной головой
Мой скипетр не висел; забыли вы,
Что вы сильны лишь тем единством силы,
Которое вам дал монарх! Как обруч
Держу я вместе вас, и все богатство
Скопилось в бочке вашей, если ж обруч
Спадет, — то только щепки вы, а влага
Уйдет в сухую землю. Вы забыли.
Как ненавидит вас народ, князья!
Забыли, что без удержу, без меры
Безумно грабили и изнуряли
Вы поселян и горожан. И мы -
Монархи — поднялись. Еще недолго,
И запылали б замки ваши. Жаки
Выпустили бы вам кишки, на шею
Вам наступил бы гордый горожанин.
Но мы прижали, милиции мещанства
Соединили мы в своих руках,
Мы наняли шотландцев на червонцы,
Осужденные купцами, и порядок
Мы учредили. Королевский суд
Мы дали населенью, и в стране
Установили мир наш королевский.
Мы вас уняли, псы!..

Бородатый герцог.

Король, умолкни! *(Общее движение.)*

Король.

Мы вас унялн, псы, для вашей пользы
И, средства колоссальные собрав,

За них народу дали только канлю
Спокойствия, упрочив вашу власть.
Трепещет феодал своих вассалов,
Купец боится бедняков, и мастер
Страшится подмастерьев. Только те,
Внизу, работники полей и огородов
Голодные, те не боятся снизу
Уж никого, зато боятся сверху.
И в царстве страха общего и злобы
Стоит вверху монарх: к нему под'емлет
Глаза с надеждой отощалый Жак,
Которому король хоть тень, хоть призрак
Суда и правды дал, к тому як его
Божественностью власти обморочив:
Защиту видит в нем себе купец.
И мастер, и барон. И всех он держит
И равновесие блюдет! Тьма выгод
Для вас в том равновесьи. Стоит только
Монарху пасть, — и буря разразится.
За меч, за нож, за вилы все возьмутся
И кровь окрасит землю, пламя — небо!
Без вас ничто я? О, какая ложь!
Со мной народ. На вашу шею я
Одной ногою опираюсь твердо.
Другой ступив на бедных масс хребет
И выгоднее вам сносить капризы,
Паденье одного из вас и гнет
Руки монарха, чем резню и смуту
Родить в стране против себя самих.
Смиритесь же! Я — сила и над вами.
Я — сила, в муках вечного раздора
Меня людская злоба родила!
Смиритесь же! Смотрите, герцог буйный!
Смотрите все: недавно с почтой нашей
Разосланы повсюду два пакета,
Один с печатью черной, а другой
С печатью белой. Дремлют у коней
Гонцы: по слову моему, крылатый

Они повсюду разнесут приказ
Вскрыть тот или иной, и всенародно
На площадях его провозгласить.
И черный наш эдикт гласит, — не точно,
Но смысл вам передам: «Народ мой бедный!
Мы, Дагобер, король, достигнув лет
Преклонных, в некий день по воле бога
Прозрели истину, от наших глаз
Дотоле скрытую врагами правды.
Увидели несчастную страну,
Пустынную от дел разбоя сильных,
Народ рассыпанный, как овцы стада
Без пастыря. Сидят по крепким замкам
Помянутые в книге Бытия
Злодеи-исполины, их же гордость
Как столб Нимвродов к небу поднялась!
Их рвы наполнены слезами, камни
Их стен зубчатых, как цементом, кровью
Народной скреплены, их пища — мозг
И мясо бедных, — это людоеды.
Как облако, стоит над краем стон
Моих людей замученных, и сёла
И города припали до земли
Под тяжестью несчастий. Да не будет
Впредь ужаса сего. — Повелеваю я
Немедля всем селянам, горожанам
Вооружиться, избирать прево
Голосованьем всенародным, смело
От податей и пошлин — измышлений
Совета сатаны и злых господ —
Отказываться! — Наше войско будет
Повсюду помогать народу. С нами
Господь и ангелы его. Дано:
Такого-то числа, такого года.

(Буря негодования. Все, кроме Этьена, встают с мест.)

Хищный рыцарь.

Король, не сделаешь ты так, — иначе
Падешь ты сам!

Бородатый герцог.

Восстанье глупой твари
Сумеем мы разбить!

Старец.

Да, вот к чему
Нас привела пехота. В дни былые,
Когда был всадник всем, такая речь
Была бы невозможна.

Толстый прелат *(озабоченно к архиепископу.)*

Но духовенства
Не помянул король.

Архиепископ.

Конечно, с нами
Не станет церемониться народ.
Коль разойдется.

Бородатый герцог.

Не страшат угрозы
Того, кто смел!

Король *(смеясь).*

Запевелитесь все!
Нет, герцог мой, поверь мне, кисел уксус
И крепок перец королевский. Слушай,
Совет, теперь второй эдикт. Молчанье! Тише!

(Шум постепенно смолкает.)

В моем эдикте белом говорю я:
«Не тайна уж давно для нас, что бог
Прогневался на землю нашу. Знаем,
За что неурожаи и болезни

Нас посещают. Да и кто не знает?
Часть подданных державы нашей дерзко
Предалась умствованьям и мечтам,
Толкуя вкривь и вкось писанье, праздно
Болтая о вещах, уму людскому
От века недоступных, и открывши
Сердца свои для навожденья; люди
Несчастные — и их меж нами много
Отвергнулись от негрешимой церкви.
Отринули духовное главенство
Святейшего отца, не ходят в храмы,
Не платят десятины, не свершают
Ни треб, ни таинств, но свои обряды
Создали и молельни. Уж не раз.
Не семь раз мы и духовенство им
Грозили, к совести их обращались,
Но семью семьдесят увещеваний
Для них остались тщетны. Потому.
Согласно с капитулом духовенства.
Мы об'являем вне закона их.
Имущество их все — ничьим, а также
И земли подлежащими захвату.
Не пощадим ни смерда мы, ни графа:
Война еретикам, и с нами бог!

(Присутствующие взволнованы. Король обводит всех глазами.)

Вот почему пустует место графа
Раймонда. Мы его отлично знаем:
Открыто он в своем феоде ввел
Новейшие обряды и ученья.
Одно условие: платите церкви
Одну десятую всего, что вам
Приобрести удастся, а другую
В наш королевский фиск, и да владеет
Всяк тем, что у безбожников отымет.

(Бурное движение. Оживление и беседы.)

Но помните: эдикта два, и выбор
От вас зависит: белый будет мною
Опубликован верным всем на радость,
Еретикам на горе, только если
Венчает завтра нас архиепископ
С принцессой Бланкой. Я оставлю вас,
Чтоб совещались вы свободно. *(Встает и уходит.)*

Явление II.

Хищный рыцарь.

Давно мечтал об этом я, тут пахнет
Жарким хорошим.

Старец.

Наш король, премудрый
Эдикт издать решился. Все, что ново,
Чревато бедами и подлежит
Уничтожению.

Архиепископ.

Я признаюсь,
Смущен... Эдикты оба столь нежданны.
Смущен я сильно.

Доминиканец.

О, архиепископ,
Не упускай ты случая врагу
Нанесть удар решительный. Как долго
Король отказывал отцу святому,
Моим и прочих настояньям, — так
Ценой греха он предлагает нам
Очистить край от ереси.
За грех один, который милосерд
Простит господь своим усердным слугам,
Отсечь мы можем страшную гангрену
И человечество от гибели спасти.

Толстый прелат.

Владыко, что касается соблазна. —
То можно, ведь, придумать похитрее
Предлог какой-нибудь и оправдать
Тот брак. Благочестивой ложью честно
Прикрыть необходимый грех.

Толстый рыцарь.

Открыто
Скажу: король меня в восторг приводит;
Ведь мой сосед барон Иосиф
Завзятый еретик, и нынче я
В союзе с королем удар навеки
Несчастному могу нанесть, а земли
Прибавить к лену моему. Дворяне,
Кричу: виват, я — и на всё согласен!

Бородатый герцог.

Я сильно зол на короля. Обидев
Евстафия, дворянство он обидел
Но, признаюсь, второй эдикт заманчив,
А первый нам наделал бы хлопот.

Хищный рыцарь.

Друзья, но мы должны просить немедля,
Чтоб содержанье эдикта втайне
Король держал дней двадцать, — мы же должны
Удар свой подготовить и на них
Неведущих обрушиться. О радость!
Предвижу грабежи лихие, подвиг
За подвигом!

Толстый рыцарь.

Виват, виват король!

Архиепископ *(который все время совещался с толстым прелатом.)*

Сыны мои, решился я. Согласен

На брак сей, и, поверьте, тонко
Устроим дело мы

Толстый рыцарь *(вынимая меч, и размахивая им, кричит.)*

Виват, король!

Бородатый герцог.

Что ж делать.

(Гладит свою бороду и проникается важностью.)

Интересам государства
Принесть придется жертву эту. Жалко
Евстафия и Бланку жалко. Но
Сословье выше человека.

Канцлер *(стоя в стороне, и исподлобья глядя на всех.)*

Жутко
Приходится. Боюсь, что будет мстить
Король за смелую мою игру.
А я надеялся... Но шах и мат
Мне были два эдикта. Генрих, Генрих!
За полчаса ты близок был к престолу,
А нынче дальше, чем когда-нибудь.
И я—сегодня канцлер и вельможа,
А завтра, может быть, уж арестант...
Фортуна, ты—блудница.

Явление III.

Король входит и садится на трон. Он улыбается.

Король.

Мои друзья и братья! Как решили
Вы дело трудное?

Толстый рыцарь *(махая мечом).*

Король!
На всё, на всё согласны!

Канцлер *(с медовой улыбкой).*

Всё взвесив со вниманием, мы признали:
Что интересы церкви, нашей общей
Святейшей матери, всего превыше.
Что божье право, интересы неба
Должны мы предпочесть правам людским.
А потому, стремясь к уничтоженью
Позорной ереси...

Хищный рыцарь.

И дележу земель!

Канцлер.

Решили мы, на мудрость полагаясь
Великого монарха, не перечить
Ни в чём его желаньям. Я надеюсь.
Что правильно решенье передал.

Архиепископ.

Мой сын венчанный, лишь одно условье
Должны мы сделать: мы народный разум
Хотим своеобразно подготовить:
Для этого воспользуемся мы
Святою Доротеей; и оденем
Всё происшествие чудесным светом.
Не ложно будет то, чудесно всё
В сем происшествии.

Король *(хмуро улыбаясь).*

Пусть будет!

Архиепископ *(облегченно вздыхает).*

Король.

Скажите мне, любезные мои.
Решенье ваше вы единогласно
Приняли.

Толстый рыцарь.

Да. Виват, виват король!

Этьен *(бледнеет, медленно выступает вперед, глядит сначала в землю).*

Простите мне... Я—скромный гражданин,
Не искушен в политике... Меня
Избрали жители столицы.
Простите. Здесь я в первый раз меж вами...
Простите мне. Едва перевожу
Дыханье я... и сердце моё бьётся.

(Справясь со своим волнением, он оглядывается вокруг.)

Где я? Где я присутствовал, несчастный?
Свершали ль пир грабители при мне,
Враги ли государства совещались?
Безбожники ли? Думаю, в трущобах,
Где висельники делят меж собой
Добычу, строя планы, встретишь больше
Стыда, чем здесь *(оглядывает их иронически)* — высокое собранье!

Тут нагло признавались, что народ
Гнетут, дурачат, и, народа ризы,
Как ризы господа, делили. Там,
Внизу, народ наивно полагает,
Что государь, пред богом предстоя,
О том лишь думает, чтобы народу
Жилось вольнее,—предо мною снял
Король венец, украшенный крестом,
И показал себя лишь атаманом
Надменной шайки! Он забыл во гневе
Себя и вас разоблачая всех,
Что слушает народ его признанья
Вот этими ушами. Вы, дворяне,
Девицу предали на поруганье
Распутному, безумному отцу,
Вы брата предали,—за что, за что же?—

Да за наживу! Вместе порешили
Трудолюбивейших из наших граждан
И просвещённейших из всех сеньоров
Предать разбою под предлогом тем,
Что молятся они иначе. Кинул
Вам, словно псам, кусок,
Подачку тот, кто должен быть для всех
Заступником, и радостно, поспешно
На всё, на всё вы согласились! Я же,
Простой, незнатный человек, торговец,
Как вижу я, на подвиг и на муку
Согражданами избран; говорю вам,
Что я разоблачу перед народом
Всё то, что слышал я, и не потерпит
Великий наш народ, чтоб надругались
Над правдой, чистотою; над святыней,
Над миром граждан! Честь ещё жива
В груди у нас! Мы, рыцари аршина
И молотка, научим чести вас. —
Мы, смерды, мы, невежды, вас научим—
Дворян и кавалеров — благородству!
Господь свидетель—ратуша ударит
В свои колокола,—и в сердце бедных
Найдется отзвук,—каждый ржавый меч
Блеснёт вам молнией в руках народных!
Смотрите—отрясаю прах от ног
И ухожу с совета нечестивых!
Личины я сорву! Таков мой долг.
Не устрашусь его, хотя б мученья
Грозили мне!

(Присутствующие смущены. Бородатый герцог делает несколько раз движение к Этьену, но король удерживает его жестом.)

Король *(спокойно).*

Они тебе грозят...
Таков народ, магнаты. Вы видали:

Великодушен, смел и честен... Да...
Этьен, ты молодец. Но долго, долго
Ещё учиться надо вам—народу.
Могуч, могуч народ, но страшно глуп.
А мы, при помощи простых уловок,
Его же силой бить его умеем,
Пока он не смирится. Простачёк —
Ты должен был смолчать, а после там
Распоряжаться в ратуше народной,
И силой ставши, вызов нам бросать.
Но что ты сделал, честный человек?
Ты робко начал, после загорелся,
Всё выболтал. И тотчас мы тебя
Велим схватить, и жить тебе недолго.

(Этьен смотрит на него с смесью ужаса и презрения.)

Народ должны держать мы в ослепленьи.
Прозревший раньше времени—молчи!
Заговоришь — готовы казематы,
А, может-быть, и плаха. Власть должна же
Себя защитить. Так-то, милый друг.
Конечно, спросит нас столица наша:
«Где мер наш?» Мы же ей ответим просто,
Что заговорщик он, что он решил
В известный день предать еретикам
Столицу. И поверь, найдем довольно
Свидетелей против тебя, Этьен?

Этьен.

Ты дьявол!

Король.

Ты—простак. Погиб
Из-за одной горячей речи. Честность

Простецкая не выдержала. Что же?
Вот вспыхнул и погас. Эй, взять его!

(Этьена мгновенно хватают шотландцы, стоявшие всё время на готове с обнажёнными мечами. Его уводят понурого и задумчивого. Впечатление в общем тяжелое. Король весел.)

По правде мы пред ним случайно
Излишне распахнулись. Впрочем, братья.
Придёт тот день, когда поймёт народ
Всю сущность нашей власти и господства.
Тогда конец и нам и вам. Но, к счастью,
Далек тот скверный день, а нынче
Мы мощны и богаты, и теперь,
Магнаты славные, прошу покорно
Попировать по окончаньи дела.

Толстый рыцарь *(стоит, широко расставив ноги, громко).*

Виват, король!

Все *(шумно и радостно).*

Виват, виват, король!

Явление IV.

Все уходят. Вечер. Пажи вносят светильники. Входят затем Архиепископ и Доротея. Пажи по знаку архиепископа кланяются и удаляются.

Архиепископ *(усаживается на одно из кресел; Доротея стоит перед ним в смиренной позе).*

Дочь милая, тобой гордится церковь,
Не тем, однако, что в своих виденьях
Ты видишь небеса. То мог бы быть
Обман бесовский. Нет у человека
Разумных средств, чтоб разобрать, когда
Виденьем его господь взыскует.

Когда ввергает сатана в соблазн;
Воистину, не только свѣтлый образ
Небесных духов духи зла приемлют,
Но сатана являлся многократно
Честным монахиням во образе Христа
И вдруг их распалял земною страстью.
Я знаю, что в ночи неоднократно
Сын божий посещал тебя.

Доротея.

То был
Воистину сын бога. Бледно было
Чело его прекрасное, и терний
Венчал его, глаза огромны, звёзды
Недвижные, в них таѣна неба... да...
В них море таѣны, а уста так скорбны:
Скорбит ещё о людях Иисус.
И голос музыке подобен. Розы
И лилии цветут повсюду, где
Ступает он. «Будь терпелива, жено»,
Он говорит: «стерпевший всё—спасётся».
Христос то...

Архиепископ.

Так... Всё это хорошо.
И всё-таки, быть может, демон
Искусно так твою готовит гибель.
Видала ль ты мистерию в соборе?—
Кто там актёр? Псаломщик, пара певчих,
Студенты-школяры, — а так искусно
Христовы страсти представляют: люди
Рыдают, видя, как Спаситель мира
Биен и унижаем. Но тем паче
Комедиант искусный демон. Я нимало
Не сомневаюсь, что Христос Владыко
Воистину к тебе снисходит, только
Я доказательства ищу не в форме
Видения, а в сути. Церкви ты послушна,
Не возгордилася, но твёрдо держишь

Свой крест, который есть повиновенье.
Коль на мгновенье отступишь ты
От церкви, верь мне — ты погибла. Демон
Придёт во образе высоком, тихо
Святые речи поведёт, и вдруг
Со срамным смехом обнаживши тело
Тебя в об'ятья схватит, зацелует,
И среди стонов страсти, смеха бесов
Низринешься ты в ад!

Доротея.

О, да не будет!

Архиепископ.

Примеры виданы. Как лезвие
Ножа—тот мост видений и восторгов,
По коему идёшь ты, потому —
Продолжи послушанье церкви,
Спасенье твоё лишь в нём одном.
Теперь, сестра, послушай со вниманьем.
Чего святая церковь хочет, помни
Притом, что я тебе неоднократно
Твердил: что ложь есть, и что правда, —
То ведает лишь бог, и если бело
В глазах твоих, а церковь скажет: чёрно,
Ты соглашайся,—ибо жив в ней Дух...

(Беседа продолжается.)

ЗАНАВЕС

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Внутренность готического собора. Много народа, который собирается расходиться. Вечер.

1-й горожанин.

Постой-ка кум, еще чего-то ждут.
Мне говорил один соборный служка,
Что будет говорить нам Доротея.

Женщина.

Да, правда это, здесь она
В приделе. Видала я сама:
В рубахе, власянице и веригах.
Рыдает, припадая к Иисусу.
Что сделалось?

2-й горожанин.

Весьма смущен народ.
Дурные ходят слухи. Граф Евстафий
На жизнь монарха покушался. Он
Посажен в башню. В заговор замешан
И Сьер Этьен, наш голова.

3-й горожанин.

Не верю.
Честнейший человек наш новый мер.

1-й горожанин.

Но, правда, слаб к еретикам он.

3-й горожанин.

Снова
Я говорю — он честный человек!

2-й горожанин.

Во всяком случае — он не вернулся
С верховного совета.

(Старик с палкой и в очках, подходя.)

Старик.

Что я знаю.
Развесьте уши. Боже, Боже правый!

(Сжимает руки и смотрит на небо.)

Какие времена, какие нравы!
Доколе, господи, твое долготерпенье!

1-й горожанин.

Да что такое?

2-й горожанин.

Говори же толком!

3-й горожанин.

Что ты пронюхал, старая лиса?

(Вокруг старика собирается кружок.)

Старик.

Вострепещите, прах земли возьмите,
И им главу посыпьте.

3-й горожанин.

Сынь на плешь.

Коли охота.

Старик.

Если не наступит
На-днях конец, то и Содом с Гоморрой
Оправданными выйдут перед богом
Делами нашими.

3-й горожанин.

Да плюньте, плюньте
Вы на него: расхныкался, что толку.
Он слухами напичкан.

(Некоторые смеются и собираются уходить.)

Старик.

В этот раз
И ты, жестоковыйная ослица,
Вспотеешь от известья моего.
Король... склонитесь ближе, — это тайна...
За разглашенье тайны я могу
Повиснуть между небом и землею.

Король... о, горе мне. Как я скажу?
Уста свои я оскверняю...

3-й горожанин.

Плакса!
Скажи, иначе, несмотря на то,
Что в церкви мы, — я тумака дам, право,
В твой горб противный!

Старик.

Наш король решился...
На дочери своей жениться!

Женщина.

Боже правый!
Ты лжешь, Ксаверн.

Старик.

Бог убей меня.
И вы сейчас услышите об этом.
Решилася святая Доротея
Здесь, всенародно, на главу его
От неба огнь пророка Елисея
Низвесть. Какие времена! Приходит
Конец последний! Бдите! Близок час!

(Уходит, стуча клюкой по каменному полу, и исчезает в толпе.)

3-й горожанин.

Возможно ли!

2-й горожанин.

Всё, всё возможно это.
Дурные вести отовсюду, други.

1-й горожанин.

За грех такой придется отвечать
Народу же. Такой порядок в мире.

Цари Давиды прегрешат, — а Небо
Мор посылает на народ.

2-й горожанин.

Постойте, вот святая Доротея!

(Доротея входит на помост. Она окружена толпой, над которой возвышается. От пояса одета она в одну власяницу с широким воротом, сквозь который видна цепь, надетая на голое тело. Волосы ее распущены и в беспорядке, лицо страшно бледно и измучено.)

Женщина *(плача)*.

Святая наша, за грехи людские
Вся исстрадалася. Благословенье
Господне на тебе!

Доротея *(поднимая руки)*.

Народ, вниманье!
Что правда, и что ложь, — никто не знает,
Один лишь бог. И если видишь белым
Ты что-нибудь, а церковь скажет: чёрно;
То торопись и мненье измени!
Клянуся небом, никогда неправды
Не говорила я своею волей!
Но если правдой называет церковь
Неправое, то соглашайся с ней.
Я соглашалася. Для целей правых
Служила церкви я... Для целей правых.
Но церковь ведь всегда права. Народ,
Епископам ты свято повинуйся.
Иначе сам Христос Владыка станет
В глазах твоих диаволом. Да, да.
Теперь, когда ко мне средь бичеваний
Он — белый, чистый, величавый лебедь —
С улыбкой райской снизойдет, я стану

Искать копыт под белой плащаницей,
Искать рогов за тернием венца.

1-й горожанин.

Что говорит она?

2-й горожанин.

Не понимаю.

Доротея.

Так слушай же, честной народ! Король,
Как некогда Давид, жену другого
Увидев, восхотел ее, и мужа
Убил неправо, но от брака с нею
Родил великого среди великих,
Мудрейшего из мудрых, — Соломона, —
Так и король внезапно возжелал
Соединиться с дочерью своею Бланкой.

(Движение в толпе.)

Постой, народ! Не ужасайся, слушай...
Открыл мне сам господь, что этот брак
Благословен, и что родит принцесса
От Дагобера короля — владыку,
Подобного второму Соломону. Слушай,
Вещаю тайны я! Принцесса Бланка
Не дочь монарху, нет! — Родная дочь...
Дитя родное Дагобера в раннем
Младенчестве погибла, поздней ночью
На попеченьях няньки: а она,
Последствий убоясь, ребенка в люльке
С великой тайной подменила... Люди,
Господь открыл мне эту тайну. Пусть
Разверзнется высокий свод собора
И молния на голову мою
Низринется, пускай тяжелых плит
Раздвинутся громады и, зияя,
Предстанут склепы, пусть сквозь тлен наду я

Все глубже, вплоть до раскаленных недр
Проклятой преисподней, — если
Грешу пред вами. Мать святая церковь
Меня своею ризою покроет:
Ее творю я волю. Верьте ж, люди,
Она не дочь, она не дочь ему!..

(В совершенном изнеможении падает на руки монахинь. Народ медленно расходится в мрачном молчании.)

ЗАНАВЕС.

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

Декорация первой сцены. Поздний вечер. Горят канделябры на столе.

Явление I.

Король задумчиво ходит по комнате. Аристид стоит в углу, потирая руки.

Аристид.

Все удалось.

Король.

Уступок все же много...

Аристид.

Так действует искусный дипломат.

Король.

Молчи... Сейчас сюда я вызвал Бланку.
Уйдешь ты. Будь, однако, близко. Ах,
Не нравится мне вид ее. Невесту
Я горькую веду вкруг алтаря.
С ней говорил архиепископ... Плачет
И повторяет: «никогда»... *(Прислушивается.)*
Идет.
(Аристид уходит).

Явление II.

Входит Бланка, в том же белом платье, но измятом, волосы лежат по плечам, лицо её осунулось, руки вяло опустились.

Король.

Сядь, Бланка. *(Бланка садится на скамью с подушками.)*
Ты слыхала, милый друг,
Что ты не дочь мне? *(Садится возле нее на низенькое кресло.)*

Бланка.

Это ложь!

Король *(вскакивает, вспыхнув).*

Конечно!
И я хочу, чтоб, отдаваясь мне,
Ты твердо знала, что отец ласкает
Супружески тебя. Пускай другие
Поверят в басни хитрые попов,
Ты правду знай! Так будет много лучше.

(Пауза. Король берет свою бороду в руку и смотрит на Бланку. Продолжает более мягким тоном.)

Напрасно, Бланка, губишь свое счастье:
Счастливой ты могла бы быть.

Бланка.

Король!
Ты слышал: никогда!

Король.

Напрасно голубь
Сопротивляется орлу. Поверь мне,
Смешно твое упрямство. Изнуришь
Себя и только. Дни пройдут, терпенью
Тебя научат, но уж никогда

Не восстановишь ты такого счастья.
Какое можешь взять еще сейчас.

Бланка *(бросаясь на колени с рыданиями).*

Отец, отец, я так тебя любила!
Все эти девять лет мечтала о тебе
И думала, с какой гордыней
Я буду обнимать тебя, и сколько
Весенней радости внесу в твой дом,
В угрюмый твой дворец. От дел правленья
Придет он отдохнуть, и я тогда
Прижмусь к груди его, и болтовнею,
И смехом девичьим и песней звонкой
Морщины все сотру с его лица.
О, боже мой, ты растоптал, отец,
Ты растоптал мои мечты, ты осквернил,
Гниющим ядом забросал мне душу!
За что, за что? — ведь я тебя любила!
Отец, как счастлива была я в день,
Когда меня к себе призвал ты. Путь наш
Лежал лесами. Птицы пели, с ветром
Шептались ясени, а солнышко мое
Меня тепло и нежно целовало.
И сколько радости почти безумной
Я чуяла в себе. *(Рыдает.)* Прошло, прошло...
Тогда мне снился сон. Теперь же
Кошмар меня гнетёт.

(Король сидит в глубокой задумчивости.)

Король.

Но отчего же
Тебе противен брак со мной?

Бланка *(закрывая уши).*

Ужасно
И слышать мне о нём! Отец,
Будь милосерд — верни меня сейчас же
Назад, я в орден милых кармелиток

Вступлю черницей. *(С внезапным страстным чувством.)*
Иль убей меня!
Убей! Что ты молчишь? *(Всматривается в его лицо. Встрепенувшись.)*
Отец мой, ты
Задумчив, господи, о луч надежды!..
Отец, быть-может, к сердцу прикоснулся
Крылом своим бесшумным серафим.
Отец!

(Король смотрит на неё и кладет руку на её голову.)

Отец мой, я в твоих глазах
Не вижу тех зеленых гадов,
Что так меня пугали. Грустны очи
Твои, и пламя в них иное. Милый!
Я всё тебе прощу, я всё верну —
Но сбрось с себя ты эту страсть больную,
О, сбрось... Ведь ты отец мой, — я дочурка
Твоя. *(Обнимает его колени. Он гладит её волосы.)*
Вот так; вот так: ведь мы с тобою
Отец и дочь. Не правда-ль? Ну, скажи же?
Развей остатки горя! О, скажи,
Скажи мне «да» — вновь солнце загорится
Передо мной. Клянусь тебе, отец:
Ценою рая, да, ценою рая,
Ценой спасения моей души,
Я жажду слышать «да» — из уст родимых.

Король *(поднимая её и прижимая к себе).*

Больная страсть, сказала ты. Да, дочь...
Красива ты, красивы эти слёзы...
И страсть я чувствую к тебе. Словам
Твоим внимая с наслажденьем жадным, —
Хочу иметь тебя, хочу тобой
Владеть и красотой твоею,
Твоею трогательной красотой
Упиться...

Бланка *(в бешенстве вырывается от него).*

Мы с тобой пойдем в собор!
Но там я крикну: люди, состраданья!
Мечей здесь много и секир довольно —
Я смерти жажду, смерти! Из любви
К Христу, я заклинаю вас: убейте
Несчастную!

Король.

А! Вот каков твой план!
А если я до свадьбы, в эту ночь
Наложницей тебя втащу на ложе?
Ужель мне не суметь девчёнку злую
Смирить?

Бланка *(на коленях).*

Святой Георгий-чудотворец,
О, помоги, молю. Яви, господь,
Великое и радостное чудо!
Ты видишь, о, святой Георгий,—я
Мучительно, позорно погибаю!

Король *(хохочет).*

Святой Георгий в башне у меня
Сидит, считая крыс! А вот послушай,
Что я тебе скажу, моя сраминица,
Мечтающая о мужчинах милых:
Запомни—если ты средь церемоний
Венчанья, сделаешь хотя один
Ничтожный жест, произнесёшь хоть слово,
Способное меня разгневать,—знай,
Перед глазами у тебя заставлю
Искусных палачей клещами рвать
Красивое лицо Евстафия, который
И есть Георгий твой, и на решётке
Его мы будем жарить помаленьку
Нагого, словно бы святой Лаврентий, —
Тогда зови его: «мой милый, мой жених»!

И расширёнными ноздрями нюхай
Обугленного мяса аромат.

Бланка *(безумно).*

Чудовище, чудовище, проклятый!
О, господи! Кружится голова...
Не дочь ли сатаны я?.. А... вот пламя,
Вот пламя серное вокруг него!..
Ага, ага, так я тебя узнала!..
Ты — Вельзевул! *(Хохочет.)* А, ты не думал, глупый,
Что я тебя узнаю?—но назвала
Тебя я именем твоим. На, ешь! *(Разрывает платье на груди.)*

Ешь тело, грудь кусай, грызи, пей кровь! *(Хохочет.)*
Нет, не добраться до души во веки,
Душа у мамы, нету здесь души:
Печальный ангел вынул, вынул душу...
Ну что-ж ты, бес, грызи, грызи мне грудь!

(Хохочет и падает на скамью.)

Король *(в испуге).*

Опомнись, Бланка, Бланка!! Аристид!
Скорей сюда!

Явление III.

Аристид поспешно входит.

Король.

Открой ей кровь, в горячке,
В бреду она! Но осторожней, раб!
Не то я так тебе открою жилы,
Что капли крови не оставлю в сердце!

Аристид *(шопотом).*

Величество, не надо открывать.
Я всё предвидел, и на всякий случай
Питьё я приготовил: вмиг оно

Принцессу усыпит. А завтра утром
Она проснётся странная, тупая,
Покорная, как в столбняке. И это
Продлится долго. Испытал не раз я
Моё питьё.

Король.

Послушай, Аристид,
Коль врёшь ты мне,—то нет на свете пытки,
Которой ты не испытаешь!

Аристид.

Боже!
Мой государь,— ручаюсь за питьё.

Король.

Тогда ты гений, друг, и знай—награду
Неслыханную ты получишь.

Аристид.

Вот
Я вылил пузырёк мой в кружку, — нате!

Король *(подходит к Бланке, которая рыдая всё тише и тише, странно стонет.)*

Моё дитя, спокойна будь... Ты слышишь?
Я передумаю... Ты слышишь, Бланка?

Бланка *(поднимая голову, смотрит на него страшными глазами.)*

Что надо вам? Кто вы?

Король.

Прошу тебя
Воды немного выпей.
(Бланка пьет.)
Вот так; приляг, приляг же, дочь моя.

Бланка.

Я ваша дочь? Какая ложь... неправда:
Отец мой молод—вы старик; отец—
Блондин, кудряв и с синими глазами,
Совсем святой Георгий...

(Король укладывает ее.)

Король.

Успокойся!

Бланка *(впадая в забытьё.)*

Теперь я в сад пойду, в наш монастырский
Старинный сад... Прости... О мама, мама!..

(Стонет и засыпает. Король садится в кресло подле нее и задумывается).

Король *(Аристиду).*

Не думаешь ли ты, что навсегда
Затмился её разум?

Аристид *(улыбаясь).*

Я не знаю.
Но если бы и так? Тот здравый разум,
Который жил в ней,—ненавидел вас,
По крайней мере, как супруга, — новый,
Весьма причудливый и шаловливый.
Быть-может, будет обожать. Ведь вам
Не душу же её на самом деле надо?
А что до тела,—то ведь крепкий разум
Не только не берёг его, но даже
И не питал: что день, то фунт убытку,
А новый будет обладать, быть-может,
Прекрасным аппетитом.

Король *(погружен в мысли и плохо слушает Аристида).*

Я смущён...
Какие сделал я уступки. Молча
Отрёкся пред народом от отцовства.

Её веду, отравленную ядом,
Безвольную, к венцу, и может-быть,
Безумное лобзанье в бреду
Я получу от женщины безумной.

(Канделябр догорает и огни ламп гаснут один за другим.)

Куда пришёл я? Счастлив ли победой?
И победил ли? И к чему победа?
Тоска в душе... порока красный факел
Угас, как гаснут эти лампы.
Холодный склеп я чувствую в груди.
Всю жизнь я жаждал власти, испытанья
Я делал власти, данной мне судьбой,
И наслаждался. Но, быть-может, есть
Иные наслажденья? И философ
В тени своей уединённой кельи,
На всё взирая с снеговой вершины
Спокойной мысли, страсти превозмогши
Рассудком, — может-быть, счастливей?
Я мало испытал. Любовь... Семью...
Сжигал мой взор. Я жёг со страстью всё
И дерзко наслаждался ярким светом,—
Но, может-быть, свет тихий той любви,
Которая себе в ответ находит
Сиянье нежности,—гораздо выше?
Монахи хвалят жгучие экстазы,
Иные говорят о наслажденьи
Великом красоту творить, иные
О сладостном служеньи братьям-людям.
Для этого всего не надо власти,
И это всё неведомо Крюэлю.
И много, много есть на свете благ,
Мне неизвестных. Мало взял от жизни
Могучий человек. *(Пауза.)*
Цырюльник мой,
Я философствую. Всё это старость.

(Последний огонь гаснет. Темно.)

Да... Старость тут. И, может-быть, во тьме
И смерть подкралась. *(Вздрагивает.)*
Стой! Мне страшно стало.
Лучи луны украл седой святоii
В окне. Открой окно!

(Аристид открывает окно. Лучи луны мягко ложатся на белую фигуру Бланки.)

Вот так. Светлее —
И страхов меньше. Но смотри, смотри
Как удивительно прекрасна Бланка,
Нет — не смотри. Ты недостоин... Ах!
Как много красоты на свете. Так ли
Живем мы люди, так ли мы живем?
Печально на душе, и кто-то строгий
Играет на органе гимн печали
В душе моей. Торжественно на сердце.
О, Бланка, может-быть, и в самом деле
Я растоптал свет старости моей —
Твою веселость. Как мне жаль тебя,
Как жаль себя и всех! Звучи сильней,
Орган невидимый в душе моей.

(Опирается у изголовья Бланки и созерцает ее. Аристид, сидя у окна, смотрит на луну и напевает).

Аристид.

Я бреду — луна блестит;
Вот и царский сад, —
Видишь, виселиц стоит
Длинный, длинный ряд.
Королевской воли плод
Зреет в том саду;
Урожаю счет ведет
Сатана в аду.
Враны каркают вокруг,

Разевая рты:
«Подожди, мой милый друг, —
Повисишь и ты».

(Едва он кончает, как неподалёку протяжно воет собака).

ЗАНАВЕС МЕДЛЕННО ОПУСКАЕТСЯ.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ.

Утро. Сквозь окна той же комнаты веселыми разноцветными пятнами падает свет солнца. Аристид приготовляет у стола принадлежности стрижки и бритья. За сценой слышен смех Короля. Он входит в узорном восточном халате без своего золотого обруча на голове. Он смеется.

Король.

А, Аристид! Так ты готов? Скорее
Мне бороду стриги: вот так, совсем
Короткой сделай, и поаккуратней
Побрей мне щеки, шею, да смотри
Поаккуратней — я жених!

(Садится. Аристид обвивает его белым фартуком вокруг шеи.)

Аристид.

А как
Сегодня показалась государю
Невеста?

Король.

Превосходно, Аристид.
Она молчит, покорна... Словно спит
Что дальше будет — будет видно дальше,
Но очевидно мне, что как овца
Пойдет она куда угодно. Плут,
Однако же хорошие секреты
Ты знаешь!

Аристид.

Воля человека часто
Препятствием бывает, и тогда
Её необходимо огорошить.

Король.

Мой Аристид, тебя люблю я, право.
Ты интересный шут. Из грязи
Тебя я поднял оттого, что мне
Понравилось какое-то словечко
Бесстыдное. Его не помню я.
Ты оправдал мои надежды.
С тобой я откровенен. Нужен даже
И королю наперсник. Ты развратен,
Сластолюбив, бесстыден, жаден,
Ты любопытен, ты наушник, словом,
Ты — клад.

Аристид *(скромно)*.

Я рад стараться, Ваше величество.

Король.

Я знаю, как ты ловко
Ввернешь словцо за одного иль против
Другого, знаю, как искусно ты
Одно мне передашь, другое скроешь
И, внутренно смеясь, в тебе я вижу
Лишь доказательство моей же силы.
А потому я часто поступаю
По твоему, лукавый, шустрый раб.
Приятно было мне услышать,
Что с виду скромное свое жильё
Внутри убрал ты с роскошью безвкусной
Что со смиренным видом ты внимаешь
Вельможным просьбам: «нет, я не могу
Поделать ничего. Я только бедный
Цирюльник». Заставляешь, чтобы знатный

Просил тебя и клялся тебе,
Дарил подарки и с тобою ночью
Кутнул бы, наконец, в твоем подполье.
Где ты грешишь, и чтобы он привел
С собою женщин, притащил бы вина.
И на коленях сидя у блудницы.
Просителя ты треплешь по плечу:
«Мой друг, граф, так и так». *(Смеется.)*
Все это правда. Видишь ли: я знаю
Всю подноготную об Аристиде.

Аристид *(стрижет его).*

Величество не брезгает никем.

Король.

Я верю, что меня ты любишь. Как же
Тебе да не любить меня. Ведь ты - -
Ты тень моя. Неправда ль?

Аристид *(продолжает стричь).*

Государь,
Я менее, чем тень.

Король.

Ты червь навозный.
Но я тебе дал силу и возвысил
Тебя до откровенности со мной.
Ты мною восхищаешься, ты в сердце
Алтарь воздвиг мне. Я — твой бог! Умри
Король Крюэль — на виселицу тотчас
Цирюльника пошлют. Ведь это так?

Аристид *(за делом).*

Я вашего величества покорный
И преданный слуга.

Король.

Да, я — твой бог.
И вообще я бог. Великий разум

И воля крепкая даны мне, трон —
Подножие достойное меня,
Корона на челе моем высоком
Лежит спокойно, гордо. Понял я
Свое предназначенье: быть свободным.
Меня толпа на плечи подняла
И, головы топча, всё выше, выше
Всхожу я, испытуя все восторги,
Срывая все замки, осуществляя
Возможности и даже то, что сразу
Мне самому сдаётся невозможным.
Сгибая лбами подданных моих,
Я властвую. В чём сила государей?

(Аристид останавливает свою работу и слушает.)

В возможности создать из интересов
Машину рабства и людей связать
Их алчностью, их страхом, их господством,
В возможности не допускать до роста
Чрезмерного ни богачей, ни чернь.
Пусть грабят богачи, но понимают,
Что грабят милостью твоею. Чернь
Пускай всё терпит, — изредка, однако,
Облагодетельствуй её. За ласку
Ничтожную средь моря оскорблений
Безмерно будет благодарна чернь.
Но не усердствуй перед нею всё же
И помни: дворянин — опора трона,
Взнуздай его — но дай ему рабов.
Пусть видят все хранителя их право
В тебе, а если право чьё-нибудь
Нарушишь ты, другие с лестью подлой
Об'явят: «прав твой суд», боясь, чтоб ты
И их не поразил. Всегда найдутся
Толпы угодников пред сильным. Помни:
Толпу вооружённую держи
Надеющихся на чины и деньги...

Когда кого прижмешь, другому
Дай часть добра его... Игра большая,
Чудесная ведется королями.
И если ты сумел себя поставить,
Будь кровожаден, страшен, зверем будь,
Всё стерпят — только пусть твоё паденье будет
Невыгодно для партии большой;
Бывают короли — ослы, святоши,
Но дело не меняется: тогда
Министры занимают место тронa;
Где есть раздор, где интерес народа
Разбит в противоречьях, — там есть власть;
Где власть — там наслажденье преступленьем.
Я бог земной, неправда ль, Аристид?

Аристид *(намыливает ему щёки и шею).*

А есть ли бог небесный. — я не знаю.

Король.

И потому в душе твоей молись
Тому могучему и ласковому богу,
Которого ты бреешь... *(Пауза. Аристид бреет короля).*
В эту ночь
Я все же испытаю ощущенье,
Достойное меня, и на груди
У этой чудной девы—бог—вкушу я
Триумф мой. Оттого я весел.
Ты должен радоваться тоже.
«Раб верный», говорит писанье,
«Войди ты в радость господина». Верный?
Да, верен ты, поскольку интересом
Тебя опутал я. Вверяю смело
Тебе я горло беззащитное: ведь ты
Лишь тень моя, твоё благополучье
И жизнь твоя—стоят лишь мной одним.

Аристид *(с странной улыбкой продолжает брить.)*

О, вашего величества оценка
Уж слишком принижает мою службу.

У короля врагов так много:
Евстафий, Бланка, канцлер. Мог бы тут
Другой цирюльник, может-быть, стакнуться
С врагами королевскими. Но я...
Я чту вас, государь... Я чту вас...
К тому-ж я страшно горд, поверьте мне.
Вы—средоточье власти, вы—скопленье
Могущества, и мне порой приятно
Держать под бритвой эту жизнь.

(К концу речи Аристида, голос его дрожит от страшного волнения, лицо прыгает в странной нерешительной улыбке.)

Король *(гневно).*

Наглец!

Зачем ты так смеешься?

(На лице Аристида мелькает какое-то тупо-зверское выражение; быстрым движением бритвы он перерезывает королю горло.)

Аристид

Совершилось!

(Король хрипит, голова его отваливается в сторону, белое покрывало широко залито кровью.)

А, бог земной, а, властелин могучий!
Я—бога бог, судьба судеб, я—власть
Над властью! О, минута упоенья!..

(Сбрасывает умирающего на землю.)

Лежи, хрипи!! Вот я топчу тебя!

(Наступает на него ногой.)

Тебя могу я обесчестить. Вот
Тебе пощечина! Так ты меня
Бивал.

(Садится на его грудь, размахивая кровавой бритвой.)

Могу обрезать нос и уши!

(Вскакивает.)

Минута упоенья! Я разрушил
Гордыню эту! Если б брадобреем
Я был у господа на небе, или
У Люцифера в преисподней,—то же
Я сделал бы, клянусь! Ведь ты учил,
Что наслажденья нету выше власти—
И я тебе поверил!

(Становится в гордую позу, наступив на грудь Крюэля, протягивает вперед руку, скрючив пальцы.)

Власть, о власть!

(Слышит шорох, сразу вбирает голову в плечи, съеживается и, пугливо озираясь, крадется к потаенной двери, в которую и исчезает).

ЗАНАВЕС.

ФАУСТ И ГОРОД*)

*) От читателя, знающего великого «Фауста» Гете, не укроется, что мой «Фауст и город» навеян теми сценами из второго «Фауста», где герой Гете создает свободный город. Взаимоотношения этого детища гения с ним самим, решение в драматической форме проблемы гения с его стремлением к просвещенному абсолютизму, с одной стороны, и демократии с другой,—вот что волновало меня долго и звало к работе.

Некоторым лицам, знакомым с моим произведением, кажется, что оно живо отражает опыт нынешней революции. На всякий случай считаю нужным установить, что после декабря 1916 года не произведено ни малейшего изменения.

ПРОЛОГ.

Ночь. Горят ярко звезды. Красный месяц близок к горизонту. На первом плане слева гора, поросшая лесом по склонам, вверху увенчанная голым камнем, острый силуэт которого выдвигается вперед на фоне медного зарева заходящей луны. Внизу долина, где спят невидимые пока город и море.

Мефистофель, закутанный с головой в черный плащ, сидит над самым обрывом. Тишина.

Мефистофель. Мечта! *(Вздыхает тяжко.)* Мечта. Эта ночь, вся рябая от искр, не преддверие ночи вечной, не возврат к матери, а только поворот земли. В океане эфира ходят, ходят из края в край глупые волны, раскаленные сгустки посылают свет и тепло, зарождают жизнь, чувство, сознание... страдание! Тупая белая корова рожает и рожает и льет в пространство свое молоко, не заботясь о том, что из этого выйдет. Жизнь любит жизнь, хочет жить. Что за парадокс, что за вздорное противоречие, ставящее вечный разум головой вниз! И человек. Его ли не учит ежечасный опыт, что́ такое их мнимое бытие, эта суета и тревога, эта неустанная судорога, эта неутолимая болезнь. А он хочет жить. Выродок, негодная паршь, недуг земли! Пойди и скажи ему, что истинное бытие есть совершенство и неподвижность, и сон без сновидений, и величавый покой,—и если кто согласится с тобой, знай, что это будет больной ипохондрик, кабинетная крыса, неотведавшая жизни. А остальные станут смеяться. Они даже думают, что умны, эти мелкие черви. Они готовы скалить зубы, слушая вечную мудрость. Посмотрите на Фауста. Разве он не наступил ногою на мою голову, не

запряг меня в свою колесницу, этот великий мудрец? Ха-ха-ха! Как ребенок он полоскался в этой луже и строил дамбу из горсти песка и глины, он наставил здесь игрушечных домиков и играет в куклы. Маленький дурак, носящий на плечах пустой орех. Как хочется иногда притопнуть ногой всю эту мелюзгу. Но разве удар стоит самого слабого аргумента? Надо убедить его, убедить этого спесивого и безмозглого карлика. Нелегкая задача. Приходится приседать на корточки, сюсюкать и показывать картинки ради наглядного обучения.

Пусть бы я дохнул на него вечным холодом моим и обратил его в ломкий кусок материи, — разве белая корова не родит нам других Фаустов?

С тех пор, как это произошло, мы — бессильны... Кто знает, когда иссякнет запас мировой тревоги и уходятся волны?

Нет, надо, чтобы Фауст убедился и завизжал от страха, боли и ненависти. Надо, чтобы визг его отравил навеки воздух, которым дышит его племя. Сбрось же черный венец, Мефистофель, иди спорить с кретинами, плети паутину для легкомысленной мошки. Ласкай себя надеждой, что она зажужжит скоро, нудно и беспомощно в твоих сетях, и ты высосешь, наконец, всю влагу жизни из этой полной химер горячей головы. *(Пауза.)*

Мефистофель, не лучше ли было бы тебе стать эгоистом? Унестись в такой закоулок вселенной, где поменьше видно звезд, и уснуть на коленях матери? Уж не любовь ли руководит тобою, когда ты хочешь спасать жизнь от страданья? Нет. Клянусь матерью! Мною руководит самая святая злоба. Я — орудие. Я хочу доказать. Я хлопочу во имя разума, который есть существо мое. Родилось оно — безумие, родился и я — разум, протест, сознание ошибки, тоска по покою, и я не могу, я должен доказать, я призван поставить разум на ноги. Меня гложет холодное пламя бешенства, когда я вижу самодовольные муки их бытия... Нет мне покоя, нет отпущения, пока горит свет и шевелится движение, и, страдая, мыслит жизнь. Мы придем к тебе, мать, и ты успеешь

еще растворить нас в черном океане и дать нам покой бытия неподвижного, истинного.

Мефистофель—идеалист. Он—идеалист, слышите ли вы, глупые звезды? Разрушая, он созидает! Для созидающего разрушения занял он у людей их ухватки и гримасы, тело, одежду, логику, порой, кажется, самое страдание занял у них Мефистофель и зажил заемным теплом и светом, чтобы наполнить ими свою великую тень и стать орудием разложения разложившихся во имя восстановления Единого.

Мой разум иногда путается в лохмотьях их одежды. Хорошо опомниться от времени до времени, постараться перевести на язык человеческой мысли мудрость сверхчеловеческую.

Проклятье! Восток светлеет. Земля, медленно поворачиваясь, подставляет солнцу свою водянистую зеленую щеку и то место, где идет, быть может, значительнейший спор между безумием и вечностью. Солнце идет на помощь своему мелкому отродью. Закроемся. *(Закрывает голову плащом.)*

Бледный ангел *(летит в посветлевшем небе и поет, перебирая струны арфы):*

Проснись, красавица земля!
Твой царевич идет целовать тебя.

Проносится тихий ветер *(он шепчет растеньям):*

Шорох, шелест, трепет
Радостных растений,
Благодатный лепет
Новых пробуждений...

Растения:

Ветерок, шалун игривый,
Лаской гладь густые травы,
Покачайся в ветвях ивы,
Прошуми среди дубравы.
Вестник солнца, пой с листвою,

Мчи цветов живых лобзанья;
Тихо дышит над землею
Гимн священный оживанья.

Красный ангел *(проносится в лучах алой зари, он трубит в золотую трубу и потом поет):*

Проснись, красавица земля!
Твой царевич идет целовать тебя.

Хор птиц *(внезапно и шумно):*

Солнце, солнце уж видно с нагория
Пойте славу ему, пойте славу желанному!
Громче, громче всей грудию: gloria! gloria!
Солнцу, пламенем страсти навеки венчанному.
Лей нам потоки тепла благодатного
Свет на нас лей, — мы в лучах искупаемся.
Пойте, пойте святого, его — непонятного,
В ком мы живем, в ком мы вновь возрождаемся.

Птичка:

День, день!
Жить, жить!
Хлопочи
Для любви.
Лепечи
И лови:
Птенчик ждет,
Тянет рот —
Хочет жить...
Жить, жить...

Хор птиц *(шумно):*

Восходит — ликуйте! Сияет — молитесь!
Жить торопитесь!
Как это странно —
Жизнь. Так отрадно.
Лик ненаглядный!
Salve! Осанна!

Мефистофель. Крикливый хор. А сколько в нем отвратительного смысла. О, маленькие, пернатые гадины, да-

лекие порождения страшной ошибки! Вы хвалите корень вашего бытия. А, — я рад видеть, как ястреб цапнул сейчас одного певуна! Ястреб тоже хвалит солнце по-своему.

(Солнечные лучи проникают в долину. Город, весь окруженный,— в башнях и колокольнях,—просыпается, загораясь в сиянии утра. Море блестит).

Колокола:

Тень уходит прочь,
Наступает день,
День сменяет ночь,
Убегает тень.
Золотой наш звон,
Зов колоколов.
Сладкий карильон,
Колокольный зов.
Чистый, как кристалл —
Нежный перелив —
Наш напев игрив:
День, день! День настал!

Шум города:

Проснулся труд,
Рождая смутный гул...
Идут, идут
И человек, и конь, и мул.
Вот стук колес,
Крик торговца,
Но до конца
Я не дорос:
Я крепну, — гомонит
Проснувшийся базар,
Как будто там горит
Безудержный пожар,
В порту

Моряки
Тянут якорь и поют,
И ко рту
Кулаки
Приставляют и орут
Рыбаки.
Челноки
Между барками снуют.
Вот железо закричало,
И грохочет камень где-то.
Шумом все теперь одето,
Дня начало, дня начало!
И не спавший ночь поэт
Подошел к окну и слышит,
Как работа шумно дышит
И кует живой куплет.
Открылся храм,
Как фимиам
Восходит странный
Напев органный.
Возносит выше
Стрельчатой крыши
Святые трели
Златой свирели.
И вдруг в испуге
В роскошной фуге
Слетел на землю
И шепчет, внемля
Нездешним гласам
И потрясая
Соборный камень
Могучим басом,
Звучит, вещая:
Amen!
Медью режет
Труба,
Словно скрежет,
Груба.

Предвещая кровь и раны,
Застучали барабаны:
Встань, солдат!
Стройся в ряд!
И как пурпурное пламя
Вьется шелковое знамя.

Песня ландскнехтов:

Раздавайся, бранный крик,
Ощетинься лесом пик,
Полк ландскнехтов. — Будет бой,
К крови нас зовут трубой!
Убивать и умирать
Смело будет наша рать!
«Не убий» — сказали людям:
Мы, убив, невинны будем.
Убивай и умирай,—
Петр святой допустит в рай!
Для солдат иной закон.
Наше сердце к стонам глухо,
Петр простит: ведь помнит он,
Как срубил мерзавцу ухо.
«Взявший меч — падет и сам».
Но ландскнехт не трус, хохочет,
Лихо гладит по усам
Да красавицу щекочет,
Не противясь небесам.
Позовет его труба.
Закипит веселый бой.
Пал! — Такая, знать судьба.
Что поделаешь с судьбой?

Песня монахов:

О, боже наш, боже!
Мы в прахе,
Мы в страхе, —
А лик твой все строже.
Мы гибнем на путях блужданья.
О, сжалься, сжалься над Адамом.

И нам, в отчаянии самом,
Дай видеть звезды упованья.
Мы плетью плоть терзаем,
Мы в прахе,
Мы в страхе,
И не дерзаем
Поднять очей к весам и мере
Грехов несчетных!
О, miserere!
О, тьмы бесплотных,
Молитесь с нами.
Пред троном гнева
Предстань, о Дева,
Омой слезами
Нас — твердых в вере.
О, miserere!

Рабочие *(строят дворец и поют):*

Кто заложил фундамент медный,
Который тщетно бьют века?
Кто, как не труд, не труд победный,
Как не рабочая рука?
Кто вывел стены из порфира, —
Не сдвинет их времен река, —
Кто, как не труд, владыка мира,
Как не рабочая рука?
Кто кровлю выстроил из злата,
Горящую издалека?
Кто, как не труд грядущий брата,
Как не рабочая рука?
Венчает шпилем из рубинов
Кто наш дворец, — мечту пока?
Все то же племя исполинов.
Все та ж рабочая рука.
И царь-народ войдет в палаты,
Его держава высока.
Прекрасный, мудрый и богатый,
А герб — рабочая рука.

Мефистофель *(склоняясь над городом)*. Безумная симфония в разгаре. Спустимся и мы, чтобы принять в ней участие. Наш план готов. Над городом широко раскинулась незримая паутина... Иду!

(Спускается. Утренний ветер развевает его черный плащ).

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Приемный кабинет во дворце Фауста. Комната с обстановкой из резного дуба в позднеготическом стиле. Она разделена пополам двумя ступенями, идущими из глубины сцены к рампе. В стене три красивые ниши с бронзовыми статуями Платона, Аристотеля и Альберта Великого. В верхней половине комнаты пол покрыт богатым ковром. У стола, крытого ковровой скатертью, с письменным прибором и несколькими фолиантами—огромный глобус и треногообразное кресло. Вокруг—несколько маленьких венецианских кресел. В нижней части несколько тяжелых дубовых скамей. Из верхней части небольшая дверь, завешанная ковром с гербом Фауста,—кулак в железной перчатке, держащий факел,—ведет во внутренние покои Фауста и его семьи. У двери стоит, опираясь на алебарду, живописный ландскнехт.

Входят Фауст и Фаустина.

Фауст седой старик, прямой и высокий. На голове его расшитая золотом бархатная шапочка, из-под которой падают белоснежные кудри; длинная борода покрывает верхнюю часть груди. Лицо доброе и приветливое, чрезвычайно. подвижное, часто с оттенком величавого самодовольства. Совсем молодые, темные глаза смотрят из-под красиво очерченных черных бровей. Одет в длинный бархатный доломан синего цвета. Рукова обшиты кружевом, руки тонки и нежны.

Фаустина—высокая бледная девушка большой красоты. Ее ресницы большей частью опущены. Из-под шапочки серебряной парчи вьются две роскошные русые косы. Платье серебристое, простого покроя. Они вернулись с утренней прогулки. Фауст умилен и радостен.

Фауст. Какая прогулка... Кстати, Фаустина, ведь тебе 19 лет?

Фаустина. Да, отец.

Фауст. Когда ты родилась, вся эта зеленая жизнь была еще совсем молоденькой, редкое деревцо подымалось до человеческого роста. А теперь? Разве не стоило это борь-

бы с морем? Сколько жизни, сколько пышной жизни! Как славно рождает и питает земля, отданная ласкам воздуха и поцелую солнца. В той долине, — знаешь, окруженной такими славными тополями, — признаюсь тебе, я всплакнул немного, старый ребенок. И что еще смешнее — устыдился своих слез даже перед тобою, моя добрая... Как было тихо. Еще тише от трепета тополевых листьев. А маленький певун вдруг стал править свою мессу. Деревья стояли, как огромные зеленые свечи. Он пел... пел хвалу своему богу.

Фаустина. Какому богу?

Фауст *(делает всеобъемлющий жест)*. Пану!

Фаустина *(немного нервно)*. Отец, отчего в твоих прекрасных храмах в Тротцбурге не служат Пану? Отчего в них чтут бледного бога в терновом венце и его скорбную мать? И отчего им кадят фимиам такие жирные жрецы, как почтенный епископ Вильфрид?

Фауст *(смеется и шутливо зажимает уши)*. Сколько вопросов! Сколько вопросов! О, моя молчаливая Фаустина, ты переходишь на сторону моих нетерпеливых друзей-врагов, вроде мастера Габриэля.

(Фаустина вспыхивает, хочет сказать что-то, но опускает глаза и молчит).

Фауст *(садясь в одно из маленьких кресел у стола)*. Почему в моих храмах не служат Пану? Но потому, что это переполошило бы всех моих могучих соседей, покровителей и вассалов. Чего доброго, они предприняли бы крестовый поход против меня, и мне пришлось бы пролить целое море крови. Отчасти потому же у меня служат Иисусу. Но я считаю его религию своего рода высокой, поучительной, полезной, ее мифы и церемонии — прекрасными. Что же касается епископа Вильфрида, то это большой артист и человек очень тонкого ума. Не будем

фанатиками, дочурка. Нет ничего хуже фанатизма. Можешь ли ты терпеть человека злого и ограниченного? Представь же себе, что человек самый добрый и умный, когда он становится фанатиком идеи—самой высокой и прекрасной,—превращается в злое и ограниченное существо. Если бы во главе того могущественного государства, которое я создал из ничего, стоял бы, например... ну хоть мастер Габриэль,—сколько бы уже приключилось непоправимых несчастий. Его мысли в сущности мои мысли, но это только маленькая часть моих мыслей, одна краска из всей картины. Кстати, об этом Габриэле. Знаешь, я погорячился из-за него как-то на днях. Я наговорил ему резкостей. Знаю, что его мать бывает у тебя, ради доброго дела посещения больных и прочего... Скажи ей, что я... что я в сущности люблю этого грубияна. *(Улыбается).* Но посуди *(встает)* — я призвал шестерых лучших мастеров и между ними Габриэля и этого другого, странного гордеца—шотландца. Я об'яснил им необходимость построить еще одну башню, вроде моей «Башни Соколов». Я указал им для этого место. Место, действительно, достойное исполинов,—болото в широкой равнине за Зюндкиркеном, которое надо осушить сначала. Вдруг Габриэль начинает доказывать мне, что это будет стоить жизни десяткам, а может быть, и сотням рабочих. Я говорю ему: друг мой, может быть. Мы ведем борьбу с природой. Честь и слава павшим в этой борьбе. А он: нельзя убивать людей, которые хотят жить, ради великого каприза, пользуясь тем, что нужда гонит их на всякую работу. Я погорячился. Я горячусь именно тогда, когда встречаю сопротивление, не лишенное основательности. Он вообще не лишен основательности, этот мастер Габриэль. Чего он лишен, так это легкости и подвижности духа. Если за всяким шагом морализировать и углублять вопрос, то ход истории ко все растущему могуществу человеческого рода приостановится. Есть нечто высшее морали и самой логики, и это—жизнь, которая хочет расти... Мы зафилософствовались, однако. *(Ландскнехту):* Посмотри, Питер,—нет ли кого в приемной?

Ландскнехт *(отворяя двери)*. Она полна, ваше высочество.

(Фауст садится на свое троноподобное кресло, Фаустина на скамью, у его ног. Входит секретарь, одетый в черное, с золотой цепью на шее. Он подносит Фаусту длинный список просителей. Тот с любопытством просматривает его).

Фауст. Я не приму сегодня и десятой части. Выберем... А, флорентійскій мастер Якопо Деллабелла... Звать, звать. Фаустина, ты еще не знаешь его как следует: большой, огромный человек... Может—все!

(Секретарь вводит Деллабеллу. Это—маленькій, худенькій человечек с жесткой седой бородкой и непокорными волосами на огромной голове. Он одет в потертый бархатный костюм. Несколько раз низко кланяется, метя пол обтрепанным плюмажем своей шляпы).

Фауст. Подойдите ближе, маэстро. Не бойтесь взойти по ступеням, отделяющим меня от обыкновенных смертных. *(Смеется.)* Ваши чертежи, Деллабелла.

Деллабелла *(торжественно развертывая перед ним большой пергамент)*. Вот они. *(Молчит минуту.)* Моя мысль такова: круглое здание огромной, неслыханной до сих пор величины, стоящее на квадратной лестнице о шестнадцати ступенях. Длина каждой стороны — 6.000 локтей. Здание увенчано куполом, под которым легко уместилась бы самая высокая колокольня этого города. Внутри оно под'емлется как бы на четырех величественных устоях, несущих вверху, на высоте уже головокружительной, группы колонн более грациозных, переходящих непосредственно в четыре взлетающие арки. На них-то и ляжет венчающій все здание купол. Там я помещаю окно в 60 локтей диаметром из сверкающе-разноцветных

стекол. Там будет величественное изображение божества в белых ризах, мощным движением длани ниспосылающего свет, движение и порядок. Божеству будут приданы наиболее величавые черты, какие видело на земле человеческое око, — черты вашего достославного высочества, первейшего из государей мира. *(Низко кланяется.)*

Фауст *(рассматривая чертеж)*. Исполинская лесть, дорогой Деллабелла.

Деллабелла *(порывистым жестом подымает обе руки над головой, словно защищая ее от удара)*. Государь, дань восхищения артиста—отнюдь не лесть...

Фауст. Лесть, лесть, Деллабелла, но исполинская.

Деллабелла. Другие статуи и картины представят духов низшего порядка,—стихии...

Фауст *(прерывая)*. Я подумаю. Ведь будет немножко стыдно, Деллабелла? Допустим, что только глупцы не поймут известной законности подобного памятника мне здесь, в одном из прекраснейших городов Европы, в столице цветущей земли, которую я вызвал из небытия, — я, я один! Но ведь стыдно слышать возражения даже от глупца, когда говоришь о собственных заслугах! Иногда я хотел бы... Но не будем омрачаться. Мне говорили, что здешний камень совсем плох. Однако, я построил из него «Башню Соколов», набережную и большую часть этого дворца. Говорят, люди—очень плохи, но с их помощью великий мастер может добиться великого. Барон Мефисто устроил вас хорошо? Когда вы приметесь за портрет моей красавицы Фаустины?

Деллабелла. Я восхищен милостями, которыми меня здесь осыпали. Если мне выплатят к тому же обещанные сто дукатов, то я готов выполнить для вашего высочества всевозможные работы. Портрет, к которому я приступаю с робостью, почти равной моему восторгу перед высоким оригиналом, я начну в тот день, который осчастливит своим выбором блистательная принцесса. Но

примеру моего соотечественника Винчи, мы окружим ее высочество музыкой и чтением приятнейших новелл и сократим скуку часов, которые для меня будут лететь со скоростью Зевесовых огней, принадлежа к счастливейшим.

Фауст. Подите, подите, маэстро,—вы сконфузили мою северную пташку.

(Художник кланяется и уходит).

Фауст. Судя по его болтовне, можно подумать, что это—обыкновенный итальянский ciarlatano, а между тем это—воистину великий мастер. Но я люблю его слушать. Он забавен. А в своих произведениях он велик! Мне кажется иногда, что каждому художнику следовало бы быть владетельным князем. Иначе самые высокие головы, не имея короны, должны накрываться дурацким колпаком угодливости по отношению к нам, господам. А наши нравы еще грубы, Фаустина. Бедные художники! Но не будем омрачаться, тем более, что в списке я вижу еще великое имя. Секретарь, попросите сюда Никласа Нильсена, мореплавателя.

(Секретарь вводит Никласа.—Это широкоплечий человек с длинными усами и бородой. В волосах проседь. Он одет в длинный темный кафтан, подпоясанный кожаным поясом. В руках у него бич).

Нильсен. Государь, простите, что я так одет и держу бич. Я знаю, что вы интересуетесь моими плаваниями и не любите лишних церемоний, поэтому я пришел к вам прямо с моего фрегата, не наводя на себя придворного лака. На этот раз у нас во все время плавания была такая музыка, словно чорт женился сразу на дюжине чертовок. «Альбатрос» поплясал-таки на этой вельможной свадьбе. Однако в этот раз я проник еще дальше вдоль Африканского берега. Я привез золотой песок, слоновую кость, пахучее дерево... Но главный подарок, который я привез Европе, это—замечательной силы черные люди, или по-

лулюди, которые, однако, могут работать. Конечно, для этого их надо много бить. Но они неглупы и, когда видят, что надо выбирать между смертью под бичом или работой, — они работают. Они сильнее мулов, выносливы, ловки и вместе с тем довольно сметливы. А главное, с ними не приходится церемониться. Видите ли, государь, их нисколько не жалко. Очень сомнительно, есть ли у них душа, а если и есть, то уж, конечно, не похожая на христианскую. Я мог бы доставлять вам их, государь, в любом количестве по двадцати дукатов за штуку. Да столько, сколько пожелает Ваше Высочество. Клянусь св. Эльмом, что не лгу. Показать их вам, государь? Я захватил несколько штук с собою. На корабле у меня их — сорок. У меня было значительно больше, но довез-то я только сорок, остальных так или иначе скушали рыбы.

Фаустина *(к отцу)*. Что он говорит?

Фауст. Это — любопытно.

(Два моряка вводят четырех закованных негров. Они громадны, черны, с большими белками, курчавы и толстогубы).

Фауст. Почти звери...

Нильсен. Но работают, как люди. Падайте ниц, обезьяны! *(Взмахивает кнутом, — негры преклоняются).*

Фауст. Не бейте их, капитан, — я не терплю этого.

Нильсен. Без этого нельзя. Но зато, как я уже говорил вам, их нисколько не жаль. От них-таки можно добиться повиновения. А как это трудно устроить с белой шкурой! В каждом христианине сидит дьявол непокорства. Я хлещу, конечно, и христиан, но если отправишь его на тот свет, что скажут там, а? Нельзя иногда не задуматься. А потом ведь трудно окончательно убить в себе жалость к себе подобным. Я думаю, самому дьяволу жаль свою дьяволицу, когда он учит ее своим железным пестом. *(Хохочет).*

Фауст *(задумчиво гладит бороду и смотрит на негров)*. Да... Иметь рабочую силу, которую не надо было бы жалеть... Великим людям нужно повиновение. Ты умен, капитан. Однако я жалею даже лошадей и ослов. Хотя я не подобен же ослу,—не правда ли, капитан, а?—меньше, чем этим черным полуобезьянам?

Нильсен. Герцог жалостлив. Жалость — порок.

Фауст. Для великого человека?

Нильсен. Даже для маленького.

Фауст. А вы—философ, капитан. К какой же школе вы принадлежите?

Нильсен. В школе моря, ваше высочество. Это оно меня вышколило.

Фауст. Во всяком случае, я посмотрю, как работают эти милые брюнеты. Но, конечно, с ними будут обращаться гуманно.

Нильсен. *(улыбаясь пренебрежительно)*. Тогда они задушат своих надсмотрщиков. Вот и все. Говорить с ними без плети невозможно. Они горды по-своему. Я не решусь передать их вам, герцог, если новый их мастер для первого знакомства не задаст им такой трепки, перед которой все мои показались бы им материнской лаской.

Фауст *(серьезно)*. Условие для меня неприемлемое.

Нильсен. Их купит архиепископ, ваш сосед.

Фауст. Мы подумаем, Никлас. Побудь пока в Тротцбурге.

(Нильсен кланяется и уходит).

(Немедленно по его уходе входит Мефистофель. Он одет в ярко-красный костюм той эпохи. В руках шляпа с петушиным пером. На груди орден Золотого Руна, длинная шпага с золотым эфесом. Он очень высок и тощ. Лицо смуглое, черная бородка, коротко остриженные волосы плотно облегают голову, словно

ермолка. Губы тонки, сложены в язвительную улыбку, брови подняты треугольниками. Глаза большие, холодные, пустые, в резком контрасте со злобно и часто шутовски гримасничающим лицом).

Мефисто *(кланяется с комической торжественностью).* Герцог...

Фауст. А, Мефисто! Значит, счастливое утро, которое я уберег, несмотря на грубость Никласа, кончается. Ты-то уж, наверно, мне принес кучу неприятностей.

Мефисто. Как всегда. Я—око герцога, единственное, которое не обманывает его, я—ухо герцога, которое...

Фауст. Я желал бы заткнуть.

Мефисто. Герцог уже боится правды?

Фауст. Друг, правда—вещь условная. Она состоит из материи, получаемой нами извне, и формы, которую мы даем сами. Вот эти глаза мои и уши умеют всякой материи придать форму пристойную, по меньшей мере—сносную. Но мой третий глаз, мое третье ухо, выбрав уродов и чудовищ в окружающем, еще наряжает их в платье более уродливое и чудовищное, нежели они сами.

Мефисто. Мои образы—отражение бытия, как оно есть: на них нет платья. Они косматы, хвостаты, чешуйчаты от природы. Вы же, герцог, от всех вещей требуете придворного костюма, ловко сшитого из розового атласа и голубого бархата. Сама смерть, когда ей придется предстать перед вами,—а она-таки достаточно уродлива, безносая кума,—должна будет подчиниться этикету и казаться приятной.

Фауст. Непременно. И философия стоиков соткала для нее благопристойное покрывало. Ты же, наверное, пожелал бы сорвать его с нее, чтобы напугать меня мнимой правдой: скелетом, гниением, червями? А между тем и это

все — только человечский маскарад, ибо сама по себе смерть не зло и не благо, как ничто в природе. Благо и зло изобретены человеком.

Мефисто. И вот философский диспут благополучно продолжается; о, Фауст, вот мы танцуем метафизический менуэт, кланяемся, подпрыгиваем и кокетливо приподымаем наши юбочки. Между тем как страну—того и гляди—зальют волны!..

Фауст *(беспокойно)*. Что ты говоришь? Дюны повреждены?

Мефисто. Волны мятежа, герцог.

Фауст *(успокаиваясь)*. Тревоги полицейского!

Мефисто *(делая к нему шаг, тихо и зловеще)*. Старик Бунт со своей старухой уже тут. Я арестовал его и сейчас покажу тебе, Фауст. *(Громко)*. Принцесса, я попрошу вас удалиться в ваши покои.

(Фаустина, бросив беспокойный взгляд на отца, уходит).

Фауст. О ком и о чем ты говоришь, злой дух, никогда не дающий мне покоя?

Мефисто *(торжественно)*. Фауст, Фауст, как желал бы я дать тебе покой.

Фауст. Я жажду деятельности и для этого нуждаюсь в спокойствии. Я хочу трудиться без помехи.

Мефисто *(злобно)*. Ты хочешь стоять в углу, защищенный от страха с трех сторон, и иметь только одного врага прямо перед тобой. Но истинно говорю тебе, Фауст, ты имеешь несметное число врагов за спиною и с боков и внутри, целые полчища и сверху и снизу. И ты будешь во всем беспокоен и смертельно утомлен и не ляжешь уснуть, ибо сновиденье твое сгонит тебя с постели, и ты будешь метаться, метаться... пока не запросишь настоящего покоя... И тогда ты *мой*... тогда, Фауст!

Фауст. Сумасшедший чорт, твое бесовское остроумие вертится, как волчок, всегда на одном острие. Я прежде всего не хочу слушать твоих гнусных докладов, потому что ты—великий сплетник. Да, ты—великий сплетник!

(Мефисто бьет в ладоши. Два сильных ландскнехта вводят худого, угрюмого старика в цепях. Он одет в шкуру козла, его тело бронзовое, лицо покрыто глубокими, как щели, морщинами, борода всклочена и полна соломы и репейников, волосы низко падают на лоб, глаза горят, как у волка).

Фауст. Кто это?

Мефисто. Спрашивай его.

Фауст. Кто ты, старик?

Бунт. А ты кто, старик?

Фауст. Я—герцог Фауст.

Бунт. Ты—убийца, как все тебе подобные! Вели им отпустить меня, убийца человеков.

Мефисто. Держите его крепче, иначе он бросится на Его Высочество.

Фауст. Но это—бедный больной...

Бунт *(улыбается мрачно и поет завывающим голосом):*

Меня хватали, ковали, жгли,
Я извивался от страшной боли,
Я тосковал, лишенный воли,—
Убить меня вы не могли.
От голода кусая пальцы,
Я издыхал в сырой темнице,
И плоть мою терзали птицы,
Питаясь печенью страдальца.
Сочась одной кровавой раной,

Я под плетьми утратил душу,
И мертвецом меня на сушу
Плевали бездны океана.
Но я из пепла возрождался,
Я воскресал, я воскресал,
Мой дух на землю возвращался
И тело снова создавал!
Я шел, иду, итти я буду:
Все цепи мира разгрызу,
Всему униженному люду
Утру последнюю слезу!
Чем я утру слезу страданья
У униженного раба?
Прочь, пурпур царских одеяний!
В гроба, владыки! Прочь! В гроба!
Во оставленье долгой злобы,
Во очищение сердец
Пусть в окрававленные гробы
С главами ваш падет венец!..

Довольно? А то я могу и еще петь. Впрочем, я весь тут.

Фауст. Страшный человек, ты—болен.

Бунт. Еще бы! Мы все больны, а вы—болезнь наша. Ее лечат огнем и железом. Я ничего не боюсь. Прими это во внимание заранее. Нето — нас много, нето — я бессмертен, но только я ничего не боюсь и, в конце концов, таки одолею вас. Поставлю этот грязный стоптанный башмак на благовонный затылок надменных.

Мефисто. Владыка, великие люди бьют большим молотом в сердце человечества, но удар встречает равное противодействие, как учит столь почитаемый тобою флорентинец. До некоторй степени этот старик твое собственное отражение,—как бы по-плебейски испорченный портрет. Не знаю, должен ли я распорядиться отрубить ему голову? Подобные существа бессмертны, ибо они — отраже-

ние. Чтобы упала окончательно голова Бунта, надо уронить голову Власти. Власть рубит голову собственному отраженью и дивится, что она вырастает вновь. Они называют Бунт гидрой. Должен ли я посадить старика в верное место, где его поберегут?

Фауст. Отпусти его. Здесь ненависть его бессильна. Здесь подданные любят своего государя.

Бунт. Мы с женой погрызем немножко эту любовь. Зубы у нас еще есть... еще есть!

Фауст. Я не убийца и не тиран. Я могу быть спокоен. Я благодетель и творец этой страны. Ее первый работник. Мне даже приятно подвергнуть благодарность людей моих испытанию.

Мефисто. Выведите его за ворота города и отпустите.

Бунт. Клянусь тебе, пожиратель человеков, что отплачу за это великодушие, когда смогу дотянуть до твоих гордых очей!
Его уводят.

Фауст. Мрачное виденье.

Мефисто. У этого безумца прерассудительная жена. Я знаю старичков, — они отчасти мне родня, дальние родственники. Прозвище старухи — Зависть. Ведьма ведет свое дело тонко. Закон не дает возможности схватить ее. Она только сравнивает, все сравнивает: жилища, пищу, платье, труд, власть, честь... Она проводит параллели, поистине — волшебные линии. На моих глазах восхищение перед пышностью знатных покровителей и гордость их могуществом превращались в неукротимую ненависть. Она умеет преоригинально смотреть на вещи. Но будет об этом. Ваше высочество предупреждены заблаговременно, а теперь пусть все идет своим чередом... Кстати, герцог, у дворца стоит толпа мастеровых. Они орут так, как будто Бунт и Зависть гостили здесь не три недели, а три года. Они чуть не ломятся в двери. Стража их,

конечно, не пускает. Ведь вы принимаете по выбору. Но среди них я видел распущенного вами до-нельзя и зловредного Габриэля. Он говорит за всех и не верит, чтобы Ваше Высочество не приняли их, потому что дело идет о девушке, которую, будто бы, похитили этой ночью. Они подозревают, что похититель близок ко двору. По моим справкам, девица эта отличается легкомысленным поведением. Я не решался бы беспокоить Ваше Высочество ради таких пустяков. Но если бы герцог слышал, как они орут... Большой Ганс расставил длинные ноги и машет руками, как мельница, а вопит, как развозчик зелени: «Кто говорил о справедливости Фауста?». Разумеется, я сразу же приказал бы растолкать их, но...

Фауст. Я дурно настроен сейчас... но, конечно, впусти их... Так славно началось было утро...

Мефисто. Дурное предзнаменование, Фауст. Что хорошо начинается, кончается всегда дурно. Впрочем, и то, что начинается плохо, кончается не лучше. *(Уходит).*

Фауст *(один).* Все это беглые тени... беглые тени. Нельзя же высекать лик бога без того, чтобы щебень не летел во все стороны и мраморная пыль не покрывала лица и бороды ваятеля. Запас душевной ясности, веселой душевной ясности — вот что нужно человеку, вот что приобрел я в трудах. Фауст, будь ясен, будь весел и помни, сколько ты сделал и сколько хочешь, должен сделать. Однако они действительно шумят.

(Группа мастеровых входит с шумом за Мефистофелем, который пятится от них, жестикулируя. При виде Фауста они замолкают, становятся поодаль, переминаются, вертят шапки. Среди них выделяются почтенный старик Варгафт, его сын—большой Ганс и мастера—Габриэль и Виллъ Скотт).

Фауст. Что нужно вам от меня, дети? Почему вы шумите, словно и вправду малолетки? Но постойте: дайте мне

сказать пару слов. Только еще началось утро, а уже жизнь огорчила меня многими неприятностями. Я почти устал уже, хотя мортира не возвестила еще полудня. Дети, я работаю много, вероятно, больше любого из вас. И я работаю для вас, для города, моего любимца. Не утомляйте же меня частными просьбами и жалобами. У вас есть добрый судья мингер Ян-ван-дер-Гоог, — идите к нему.

(Большой Ганс делает нетерпеливое движение, но Габриэль останавливает его и сам выступает вперед. Фауст хмурится).

Габриэль. Высокочтимый герцог, мы все благоговейно ценим ваши труды. Никогда не пришло бы нам в голову беспокоить вас нашими невзгодами, как бы серьезны они ни были, если бы у нас был другой путь к справедливости. Мудрый государь, припомните, что братство свободных каменщиков и общее собрание мастеров уже неоднократно присылали к вам меня и моего товарища Вилля Скотта, прося у вас, истинного отца своего молодого народа, учредить должность трибунов, которых выбирали бы все, без из'ятия, цехи, мастера, подмастерья и ученики на равных правах. Мы имели бы свой суд не только для ремесленных дел и не тревожили бы вас, герцог. Простите меня, государь, вы поставили над нами судьею мингера Яна — человека, быть может, высокой учености, но робкого перед сильными и, право же, не обремененного чрезмерным умом.

Фауст. Милый Габриэль, вы, известный демократ, мечтатель, начитавшийся Плутарха и мнящий себя гражданином античных республик. Вы крестили сына у кузнеца Морица и дали ему имя Брута. Невинные фантазии для частного лица. Но, боже сохрани, пытаться осуществить их в общественной жизни. Есть люди старше, опытнее и ученее вас, которые, зная цену демократии, понимают также несравненное достоинство монархии просвещенной.

Ганс. Постойте! Монархия, республика, — кто говорит об этом? Или мы пришли пересыпать горох из мерки в мерку? Буря с градом! Сестру мою, сестру мою отдайте мне, герцог. Отец, говори же!

Варгафт *(совершенно растерянный)*. Ваше высочество, моя дочь... Ортруда... которую вы изволите знать, потому что вы сами соблаговолили подарить ей золотую цепочку... Она, моя дочь, спит в угловой комнате и всегда с открытым окном. *(Гансу)*. Постой, мальчик, надо рассказать его высочеству все по порядку. Она спит с открытым окном... Сам я сплю чутко. Ваше высочество сами, небось, знаете, как чутко спят старики? Плутон, наша собака, тоже не станет дремать; что касается Ганса, то, действительно, он почти всю эту ночь провел в таверне «Яблоновый Сад». Ваше высочество помнит, быть может, дочь тамошнего хозяина Эмму, которая оказалась второй красавицей на соревновании красоты, на котором первой ваше высочество признали именно мою дочь Ортруду?

Ганс *(нетерпеливо прерывая его)*. Дело в том, герцог, что какой-то разбойник утащил сегодня мою сестру через окно. Он бросил отравленный хлеб Плутону и подмешал вечером чего-то сонного в кадушку с водой. Это сатанинская бестия! У него были помощники, потому что я видел след нескольких лошадей от ближайшего перекрестка. Буря и град, если я найду похитителя, я!.. Я свяжу его таким узлом, какого не распутает и мудрость Фауста! Мою сестру... Негодяй! Вы потерпите, герцог? Мою Ортруду!.. Кровь бросается мне в голову. Я готов рубить направо и налево! И я знаю, кто похититель.

Габриэль. Это только догадки, — необходимо тщательное следствие.

Фауст. Кого же вы подозреваете в поступке действительно дерзком?

Габриэль. Не говорите, Ганс, не говорите пока...

Г а н с. Я скажу все, что у меня на сердце. Это сделал Фаустул, мальчишка принц! Фаустул. Он уже несколько раз приставал к ней.

Ф а у с т *(встает и смотрит на него грозно).* Опомнись, юноша!

Г а н с. Еще не было случая, чтобы я струхнул! Что вы смотрите на меня? Если бы ваши глаза были кинжалами, я и тогда не сделал бы шага назад. Это Фаустул! Он грозил ей. Это слышала Эмма и другие девушки. Не прячьте его где-то там, под кроватью, или в отхожем месте, пусть он идет сюда. Если он сын своего отца, так сумеет, наверно, посмотреть прямо в глаза обвинителям.

Ф а у с т *(садится, сдержанно улыбаясь).* Славный, славный экземпляр. Отчего ты не стал солдатом?

Г а н с. Оттого, что не имею охоты драться ради денег и еще менее ради чужих интересов. А за свои я всегда готов постоять.

Ф а у с т *(продолжая улыбаться).* Как же ты сумел родиться у такого мирного человека, как Варгафт?

Г а н с. Сумел же родиться у вас Фаустул.

Ф а у с т. О, о! Не пробуй вывести меня из терпения. Иногда ведь сержусь и я, и уж тогда... Фаустул придет сюда, чтобы рассеять твои подозрения.

Г а н с. Вот, вот—нам необходимо поговорить.

Ф а у с т *(снова улыбаясь).* Много у вас таких, Габриэль?

Г а б р и э л ь. Ваше высочество, вы еще не знаете своего народа: в нем скрыты сокровища, безмерно превосходящие сокровища Соломона.

Ф а у с т *(смеясь).* Да? О, Гракх ван-Бонд! Итак, не будем омрачаться... я верну тебе сестру, Ганс. Мы во что бы то ни стало поправим это дело. *(Секретарю:)* Попросите сюда принца. *(Секретарь кланяется и уходит.)* Спокойствие же, все кончится благополучно, Ганс. Порукою тебе мое

герцогское слово. Как идет осушка болот под новые укрепления, Габриэль?

Габриэль. Плохо, ваше высочество. Рабочие болеют. Мы стараемся почаще сменять их, но на эту работу никто не хочет становиться.

Фауст *(задумчиво)*. Никлас предлагает черных рабочих.

Габриэль. Ведь дело не в цвете, ваше высочество...

Фауст. О, ты прав, ты прав,—заступник угнетенных. Если мне удастся... Но тут, видишь ли, нужно время. А с нашей областью со стороны Зюидкиркена граничат земли бешеного дурака Бееренперга. Построив тут хорошую башню, мы и осушим вредное болото и пресечем безумцу возможность учинить кровопролитие, о котором он, знаю, мечтает.

Габриэль. Он никогда не решится напасть на вас, ваше высочество. А пока мы теряем людей и в сердцах иных возбуждаем острое неудовольствие против государя.

Фауст *(нахмуриваясь)*. А видал ли ты государя терпеливее меня?

Габриэль. Отчего бы не быть терпеливым вашему высочеству? Ведь, в конце концов, вы всегда поступаете по-своему. Другое дело, если бы вам приходилось по хартии считаться с нашими требованиями...

Фауст *(сухо)*. Этого не будет, Габриэль. Государство, в котором голова подчиняется телу,—безумно.

(Входит Фаустул. На нем великолепный костюм из гранатового бархата, цепь Золотого Руна, кружева и ленты, брильянты на руках и башмаках. Жидкие желтые волосы распущены по плечам и сильно завиты. Лицо бледное, лоб узкий, подбородок сильно выдвигается вперед, глаза маленькие, водянистые, большой нос надменно задран кверху).

Ф а у с т у л. Вы звали меня, отец мой? Но я вижу—вы заняты народом. *(Хочет уйти).*

Ф а у с т. Нет, нет, дело касается тебя. Представь—у этого славного человека, каменьщика Варгафта, похитили сегодня ночью дочь. Вещь неслыханная в нашем городе, во всей моей стране. Вот тот юноша—честный и храбрый юноша—ее брат. Но и честным и храбрым людям приходят иногда в голову,—прости меня, Ганс, дитя мое,—нелепые мысли. Подобная мысль засела в буйной голове моего Ганса. Он толкует,—смешно сказать,—о каких-то твоих угрозах девушке и т. п. Вообрази, Фаустул, он склонен обвинять тебя в похищении хорошенькой Ортруды. Ты помнишь Ортруду—царицу праздника труда, который я устроил месяцев пять тому назад? Это—очень красивая девушка.

Ф а у с т у л *(пожимая плечами).* Как ты хочешь, чтобы я помнил всех хорошеньких девушек в городе?

Г а н с. Лжет! Простите, герцог, но он лжет! И теперь я уверен, что преступник—он!

Ф а у с т. Осторожней, Ганс!

Г а н с. Принц Фаустул, вы не разговаривали с Ортрудой в понедельник у фонтана, когда возвращались с охоты? Не просили ее напоить вашего коня? Не называли ее по имени? Не сравнивали с распускающейся розой? Скажите.

Ф а у с т у л. Отец, избавь меня от разговора с пьяными крикунами. Несмотря на расстояние, я слышу запах скверного перегорелого вина. Пощадите, я не так воспитан.

Г а н с. Нет, принц, дружочек мой,—вам так от меня не отвертеться. Скорее Ганс сложит голову... Не приезжали ли вы во вторник нарочно в тот же час к фонтану? Не пели опять своих увещеваний? А, получив от сестры должный ответ, не грозили ли ей, что-де принцам так не отказы-

вают, и что-де при отказе они сами берут, что им понравилось?

Скотт. И это было сказано после того, как девушка об'яснила, как слышали бывшие при том женщины, что у нее есть жених и жених этот—я.

Фаустул *(показывая дурные зубы)*. О, посмел бы я после этого грозить? Неужели рискнул бы я обидеть столь могущественную персону... А впрочем... Э-э... любезнейший... Кто вы такой?

Скотт *(вспыхнув)*. Я думал, что при дворце нашего герцога нет шутов...

Фаустул *(деланно равнодушно)*. Грубиян, ведь ты знаешь, что я—принц— не могу драться с тобой.

Ганс. Вы не станете драться? Нет? А я зову вас к божьему суду! Я докажу, чем угодно, что вы похититель сестры и чести моего дома! Выбирайте оружие!

Фаустул *(ухмыляясь)*. Поймн, животное, что я существо совсем другого рода! Не выйдешь же ты на поединок с петухом? Об'ясните ему это, отец. Мне скучно.

Ганс. А, вы существо совсем другого рода? Давайте, откроем жилы и посмотрим, чья кровь краснее и забрызжет обильнейшим потоком. Или хотите иное состязание? Я знаю шесть ремесл и готов по каждому представить образцовую работу. Попробуйте сделать то же самое. Любое испытание! Я готов вести с вами даже диспут по латыни. Или давайте — сочиним по песне. Суд божий скажется во всем. Предлагайте. Говори же, несчастный, если не хочешь...

Фауст. Тише, забияка. Горячка! Если бы ты не нравился мне так, я бы уже давно рассердился. Мастер Вильям, женщины рассказывали вам то и то. Но вот здесь принц дает слово рыцаря, что даже не помнит этой девушки. Неужели вы больше верите бабьим росказням?

Г а н с. Сколько раз я видел сам, как он поглядывал на Труду.

Г а б р и э л ь. Одним словом, тут надобно следствие. И так как сам герцог, отец заподозреваемого, согласно самой природе человеческой, не может быть беспристрастным, то...

Ф а у с т *(вспыхивая)*. Довольно, довольно, Габриэль! Я и так слышал слишком много. Это зрелище становится, наконец, недостойным. Я — государь, создавший эту землю, могу сказать, из ничего. Вы пришли, чтобы жить и работать на ней, повинуясь моему скипетру. *(Несколько успокаивается.)* Девушка будет найдена. Барон Мефисто, завтра же она должна быть у родителей. Завтра! Слышите? Я знаю, что вы сможете ее найти. Никаких отговорок! Я повелеваю вам неотменно и определенно: она завтра должна быть дома! Похититель же будет строго наказан, кто бы он ни был. *(Встает и намеревается уйти.)*

Г а б р и э л ь. Даже если это будет ваш сын и тот же барон Мефисто?

Ф а у с т *(на мгновение задумывается, потом внушительно)*. Что за вздорное подозрение... Барон, вы должны, одним словом, распутать все это дело ко всеобщему удовольствию. Идите, дети! *(Улыбается.)* Сколько хлопот отцу с этими тысячами детей. А века смотрят... Века ждут... А годы уходят... И их не так много у Фауста. Идите же идите.

(Все уходят в нижнюю дверь. Остается с Фаустом один Мефисто).

Ф а у с т. Фаустина! Позовите мне Фаустину. *(Фаустина сейчас же входит).* Дай опереться на твое плечо. Пойдем. Ты почитаешь мне часок Сервантеса. А уж после я сяду за драгоценные чертежи великого Леонардо. Что ты делала это время?

Фаустина. Граф Артур все время был у меня. Он говорит, что имеет важное дело к вам и что уже писал вам об этом деле.

Фауст. А, я рад ему, я рад ему... Ступайте, барон, и помните мой непреклонный указ.

(Мефисто уходит).

Фауст *(садясь снова).* Так у него есть дело ко мне? Что же ты покраснела, белая лилия, снегурочка? Слава природе, вслед за горькими часами она дарит и сладкий час. Этот час отметится белым камнем. Зови сюда Артура, зови астролога, алхимика, чудака, которого не признали бы собственные его родители. Улыбнись же, дочурка. Не хочешь? Ну, поди, поди... Пришли его сюда скорее.

(Фаустина уходит).

Фауст *(один).* Тоже не в отцов. Графы Штерны все были люди крови и железа. Таков же и брат его Зигмунд. Но этот, младший, воспитался втихомолку, не предназначенный быть властителем, под тенью высокого колпака доктора Египтуса, и взял щит отцов, по смерти брата, сумасбродным ученым. И слава судьбе, что я нашел такого в том густом лесу, которым мы окружены, и среди рыкающих геральдических зверей соседней знати. Это — нежное сердце, сердце поэта. Где иначе добыл бы я мужа для бедненькой Фаустины?

(Входит Артур, красивый, несколько хрупкий и очень бледный молодой человек. Одет весь в черном. На груди, на золотой цепочке какой-то сложный амулет).

Фауст. Садитесь поближе ко мне, граф Штерн.

(Артур кланяется и садится).

Фауст. Я просмотрел ваши гороскопы, ваши великолепные астрологические выкладки. Да, да, Юпитер, Венера говорят то, чего вам хочется, мой молодой друг. Я верю им:

вы с Фаустиной предназначены друг для друга. На мой взгляд, планеты оказались хорошими свахами.

Артур. Заметили ли вы, герцог, что в этом случае мною применен нигде письменно не изложенный и вряд ли кому в настоящее время известный метод? Я не верю ни во что писанное. Великие алхимики и астрологи не вверяли буквам, хотя бы и заслоняясь туманными тропами и символами, настоящих плодов своих глубоких размышлений и неутомимых опытов. Эти плоды они хоронили с собой. Поистине, эти науки — оккультные. Так называемый трактат Гермеса—трижды величайшего—дерзкий подлог. Я уверяю вас в том, герцог. Но изустные поучения этого полубожественного ума, передаваясь от ученика к ученику, дошли отчасти до моего великого духовного отца—доктора Египтуса. Я узнал от него множество истин, скрытых ото всех, но я обязан хранить тайну до 45-летнего возраста и лишь после этого могу передать мои познания одному какому-нибудь ученику моему под той же клятвой.

Фауст. Но вы любите Фаустину?

Артур. Едва я ощутил в сердце сладкую тревогу, зарожденную в нем свидетельством зеркала глаз, как я догадался, что между мною и принцессою имеется сродство. Мои вычисления показали, что я не ошибся. Могу лишь сказать вам, герцог, что ее число—девять. Превосходное число. Ее слово—пансамитксихадир. Отличное слово. Но и мое число — три. Вы понимаете теперь? И слово мое - калимиксаниксир.

Фауст. Я рад, я рад... Теперь мы позовем Фаустину, не правда ли, дорогой граф? Но не говорите с ней об астрологии, говорите лишь о любви и словами менее трудными, чем те оккультные, на которых вы так удивительно поломали язык. *(Он бьет в ладоши, и немедленно появляется секретарь.)*

Фауст. Позовите сюда, дорогой мой, мою дочь.

Артур. Я думаю, однако, что принцесса заинтересуется астрологией. Глубина и несравненная польза соединены здесь неразрывно с возвышенной красотой. Что касается алхимии, другой дорогой мне области знания, то опыты здесь, действительно, не всегда безопасны. Иной раз алхимик неожиданно получает воздухи, враждебные человеческому дыханию... А недавно одно соединение элементов, которое я вынужден держать в тайне, произошло с таким переизбытком страсти, что вытолкнутый воздух отбросил меня на шесть локтей, и я больно ударился тем местом головы, где у меня находится холм трудолюбия.

Фауст *(Все время улыбается).* Берегите себя, однако, граф. Не окажитесь жертвой чрезмерной любви к познанию. Вот и дочь моя... О, дитя мое!

(Фаустина входит).

Фауст. Говорите же теперь с ней.

Артур *(вставая и низко кланяясь.)* Принцесса! Волею тех лучезарных духов, кои движут светилами небесными, волей элементов, входящих в состав нашего тела, нашей животной и, наконец, нашей разумной души,—волею отца вашего, мудрейшего из государей, мы соединяемся с вами для любви духовной и плотской и продолжения рода Штернов, из коего некогда произойдет муж, которого увенчают короной императора. Это так же верно, как пересечение двух линий, бегущих в одной плоскости и не параллельных. Вот моя рука, дорогая принцесса. На ней вы без труда увидите явную черту долгой жизни, линии, предрекающие плодовитость нашего брака, и весь рисунок, гласящий о мирном бытии. Дайте же и мне вашу желанную руку, принцесса.

(Фаустина внезапно рыдает и бросается на шею Фаусту).

Фауст. Дитя, дитя... Эти слезы, — от счастья ли они? Оставьте нас на минуту граф Артур.

(Граф Штерн кланяется и уходит в некотором смущении).

Фауст. Ну, скажи же, скажи, дитя мое, какова причина этих внезапных слез.

(Фаустина подымает голову, хочет сказать что-то, но не решается, бурно вздыхает и вновь прячет лицо на его груди).

Фауст. Неужели он не нравится тебе? Разве он не красив, не молод, не добр, не родовит? Он странен, это—правда, но неглуп. Право, право, Фаустина, он неглуп. Просто его речи слишком непривычны для тебя. Успокойся же, радость моя. Он будет отличным мужем. Все остальные кого я перебирал в уме моем, такие грубые твари, что я с содроганием думал о возможности вверить им твою нежную юность. Не плачь же, не плачь, Фаустина. Пойдем к тебе.

(Нежно уводит ее).

(Из нижней двери входит Мефисто. Он делает вид, что ищет чего-то в бумагах на столе, а сам поглядывает на дверь, как бы ожидая кого-то).

Мефисто. А, вот и наш верный крысенок.

(Входит Фаустул. Он, видимо, взволнован. Быстро подходит к Мефисто).

Фаустул. Я искал вас.

Мефисто. К вашим услугам, принц.

(Фаустул опирается на спинку стула одной рукой, а другой закрывает себе глаза).

Фаустул *(глухо)*. Какие унижения!

Мефисто *(беря его руку и прижимая к своей груди)*. Мужайтесь, принц.

Фаустул *(выпрямляясь и сверкая глазами)*. Да — принц! Принц — каждой частицей моего тела! Принц душою, ко-

торый едва вмещает в себе всю гордость быть принцем и внуком испанского короля. Моя мать была инфанта!.. Правда, мой отец был когда-то простым рыцарем, но за исполинские заслуги перед империей он возведен был в сан герцога всех земель, завоеванных им у Нептуна. Я имею основание, однако, думать, что род мой идет от благородного римского патриция Faustus'a, что значит — «счастливый», но отнюдь не от вульгарного Der Faust немецкого кулака. Как бы то ни было, я не позволю никому *(кричит визгливо и топает ногой)* — никому! — сомневаться в моем достоинстве принца...

Мефисто. Желал бы я видеть такого смельчака и глупца.

Фаустул. А между тем *(бросается в кресло)*... чему же подвергает меня отец? Какие слова говорили здесь эти вонючие разбойники!

Мефисто. Чудовищно!

Фаустул. Недопустимо, омерзительно, барон!

Мефисто *(вздыхая)*. Прискорбно.

Фаустул. Попраны законы людей и бога! *(Горько улыбаясь)*. Но разве мой отец верит в бога? Разве он уважает вековые устои общества? Ему нравится играть роль демократа — hominis novi, — именно это свело в гроб мою бедную мать, высокорожденную герцогиню Эльвиру. *(Задумывается.)*

Мефисто *(тихо и осторожно, качая головой)*. То ли еще будет, принц... Если мы будем терпеть...

Фаустул. Вы ждете новых несчастий, барон?

Мефисто. Я не говорю о девочке. Я обещал вам уладить это дело и сдержу это обещание.

Фаустул. Это тоже очень беспокоит меня... Но я крепко надеюсь на вас. Однако я вижу морщину озабоченности на челе моего мудрого друга...

Мефисто. Я думаю о вашем будущем, принц. *(Торжественно.)* Дорогой принц, ваша святая матушка незадолго до того, как отошла в лучший мир, где я уверен, стала любимой статс-дамой при ослепительном дворе царицы небесной,—да, в час кончины ваша святая матушка сжимала вот эти мои руки в своих горячих и сухих ручках и, устремив на меня лихорадочный взор, шептала мне запекшимися губами: «Берегите моего сына, берегите его корону. Этот безумец погубит все. Он — еретик, он продал душу сатане; он словно гость здесь, словно всем и всеми играет в игрушки. Мне уже снилось один раз, — говорила мне со страхом умирающая, — что муж мой сел на свой плащ, свистнул и улетел в окно». Так говорила ваша матушка, покойная герцогиня Эльвира, которая — да будет вечно благословенна ее память! — была мне истинным другом. *(Тяжко вздыхает. Фаустул вытирает глаза кружевным рукавом.)* Я делаю все, что могу, не силю, не проглатываю в мире куска... Но что я могу сделать? Чернь распущена. Я уверен, что в конце-концов, герцог согласится на выбор трибунов, а это будет началом конца: останется только скользить. И кто знает, какими ужасами будет сопровождаться переворот? Герцогу все ни по чем. Он—великий человек, видите ли, все кажется ему маленьким, лежащим у его ног. О, простите меня, принц, пусть не возмущается в вас сердце любящего сына, но я выскажу вам мою затаенную мысль. Генрих Фауст был великим человеком. Да, был!.. Это-то правда.

Фаустул *(с ужасом)*. Что хотите вы этим сказать?

Мефисто. На его месте на троне герцогства Вэллентроп и Тротцбург сидит теперь почти слабоумный старик.

Фаустул. Возможно ли?

Мефисто. Горькая истина! Величие ослепило его. Он влюбился в себя, как новый Нарцисс, вечное преклонение перед собою погасило его разум. Нарцисс — лыс, сед,

дряхл и... все любуется своей красотой! А между тем я знаю другого великана, которому не дают подняться печальные обломки былого величия.

Фаустул. Кто же это?

Мефисто. Принц — вы! *(Пророческим тоном.)* Готовьтесь! Скоро таинственный голос коснется вашего слуха и скажет вам: встань, сын Испании, встань ради великого подвига; не спуская глаз, смотри на твою звезду и иди, никого не щадя, ибо ты рожден совершить великое, ты оснуешь могущественное королевство!

Фаустул. Я уже часто слышу такие голоса. *(Смотрит вперед остановившимся взором.)* Мне страшно!

Мефисто. Будь смел. *(Хлопает в ладоши, входит слуга.)* Вина! *(Слуга уходит.)* Выпей со мной стакан сиракузского, мой мальчик! Верь мне, любимец моего сердца, я тебе опора: не бойся ничего. Проглатывай пока эти мелкие обиды. О, как мы расправимся когда-то со всеми этими Скоттами и Гансами!

Фаустул *(со злобой)*. О, как!..

Мефисто. Они будут подползать на брюхе к трону короля Фаустула.

(Фаустул смеется и потирает руки).

Мефисто. Они будут счастливы до безумия, если король поманит их пальцем и скажет: твоя жена, дочь, сестра — мне приглянулись, — поговори с моим камергером!

Фаустул. Кроме того, я женюсь на донне Инес. В ней течет королевская кровь: она красива, важна, воспитана и строга... О, мы введем почти религиозный церемониал при дворе.

Мефисто *(лукаво)*. Тем приятнее будет после полуночи, когда королеву Инес отведут в ее покои шесть камердам, самим в уютном кабинете за стаканом сиракузского

послушать смешные песни из розовых губок, подшутить над какой-нибудь испуганной мещанской добродетелью или отведать, что такое восточная красота.

Фаустул. Как я люблю вас, барон. Вы словно отец мой.

Мефисто *(хмурясь)*. Не говори так, Фаустул мой. Ты не знаешь, какие раны души бередишь во мне. Донна Эльвира, донна Эльвира... Моя государыня... Беатриче моего бедного сердца... Но вот принесли вино, развеселимся же немного, приободримся.

(Слуга ставит вино и стаканы на стол. Мефисто льет густую влагу в граненое стекло, кивком головы отсылает слугу и игривым жестом приглашает Фаустула).

Фаустул *(пугливо)*. Не войдет ли сюда отец?

Мефисто. Нет, он не войдет сюда. *(Пьют.)* Теперь поговорим о твоей девочке. Ты сильно влюблен в нее?

Фаустул. Безумно! В том-то и дело, что целое море разнообразных страстей кипит в моей груди. *(Ударяет себя кулаком в свою куриную грудь.)*

Мефисто. Признак, что у орленка отрастают крылья. Пью за тонкую талию и пышную грудь мадемуазель Ортруды!

Фаустул. За мой успех! Она в Вотусперге?

Мефисто. Конечно, как мы условились. Но тут понадобится ловкость. Видишь ли, — хотя мои люди и захватили эту мещанскую амазонку врасплох, сумели вытащить ее из постели в одной рубашке, тем не менее оказалось, что она вооружена, она носит на груди превосходный и острейший толедский стилет в маленьких ножнах. Лезвее не длиннее трех вершков, но этой булавкой можно царапнуть на-смерть. Едва ее развязали, как она тигрицей отпрыгнула в угол и крикнула: если кто меня тронет, я всажу себе в сердце эту игрушку.

Фаустул *(испуганно)*. Неужели она может сделать это?

Мефисто. Может... Ведь это грубая натура... В ней так много крови и жизни, что смерть нисколько не кажется ей страшной. Такие существа убивают себя с улыбкой какого-то любопытства, с каким-то весельем, словно их ребяческое самоубийство — торжество жизни, а не смерти. Это совсем не то, что утонченные культурные натуры, подобные тебе. Эти-то знают цену жизни, они хватаются за нее и скорее пошли бы на все унижения, чем расстаться с милой жизнью, хотя бы она превратилась даже в сплошную гнилую болезнь. Такая высокая, чисто барская любовь к жизни чужда натурам, чрезмерно близким к природе.

Фаустул. Но тогда я боюсь...

Мефисто. Ничего не бойся, говорю я тебе: ты — принц, ты — умница, ты — красавец. Ортруда — девушка свободная, страстная, даже похотливая; устоять ли ей перед тобой? Только не думай добиться чего-нибудь силой. С отцом же твоим я улажу дело. Скоро ему будет не до того. Скоро молнии его гнева найдут другие вершины, чтобы поражать. Пей, Фаустул, сын души моей!

Фаустул. За все ваши планы, великий друг мой.

Мефисто. Его высочество будет очень огорчен. Ведь вы только мы не наделаем с тобой! Насколько мне легче с тобою, чем со стариком. В тебе сказывается разжиженная кровь королевского дома, благородная кровь, наследие стольких высокобарских недугов. Однако — два стакана вина в том сусле, которое течет по твоим жилам, бродят разрушительно. Твой нос стал похож на свежую фигу, рот — на греческую губку, глаза — на оловянные пуговицы. Ты красив, мой мальчик. *(Хохочет.)*

Фаустул *(смеется и тянется к нему)*. Шутник...

Мефисто. Отчего мне не пошутить?

(Входит Фаустина, останавливается возмущенная).

Фаустина. Что тут делается?

(Встречает взгляд Мефисто, смущается и опускает глаза.)

Фаустина. Отец забыл роман о Дон-Кихоте... Я хотела только взять... *(Уходит, но вдруг с решимостью оборачивается.)* Фаустул, не огорчай отца.

Мефисто *(все время насмешливо следивший за нею).* Вы сами, принцесса, остерегайтесь огорчить его, — когда к деве начинает похаживать Гавриил... Вы понимаете?

Фаустина *(смотрит на него с ужасом и отвращением).* Что вы хотите этим сказать?

Мефисто. О, вы меня понимаете, принцесса!

Фаустина. Вы пьяны, барон!

Мефисто. Его высочество будет очень огорчен. Ведь вы невеста графа Штерна. Это уже решено его высочеством И вдруг... Ай-ай, как нехорошо. И такая скромница...

Фаустул. Моя сестра *(икает)* глупа.

Мефисто. Подите спать, принц! А вы — к отцу, к отцу! Надо быть понежнее с ним. Ведь вы — нежнейшая из дочерей — готовитесь нанести ему удар в сердце. Недостает только, чтобы вы открыли ему вашу сердечную тайну. Пожалуй, не нужно другого, чтобы убить бедного старика.

(Фаустина молчит, опустив голову на грудь. Мефисто, скрестя руки, смотрит на нее торжествующе. Фаустул наливает вино мимо стакана и испускает какие-то хрюкающие звуки).

ЗАНАВЕС.

КАРТИНА ВТОРАЯ.

Раннее утро. Небольшая комната, строго и просто меблированная, едва освещается слабым светом из окна. Письменный стол, на котором лежат в порядке бумаги и чертежи. Книги на полках. Большой портрет Фауста. Кто-то стучит во входную дверь. Из противоположной, ведущей в спальню, выходит Габриэль без кафтана и камзола.

Габриэль. Что там? *(Отворяет дверь.)*

Питер *(врываясь)*. Мастер, события! Чорт знает, что творится в Тротцбурге этой ночью, а вы спите!

Габриэль. Что же? Что, Питер? Ты задыхаешься... Сядь на стул и помолчи минуту...

Питер. Помолчать? Нет, уж тут не до молчанья! Я не знаю — радоваться, горевать ли? Уф!

Габриэль. Отдышись и говори толком.

Питер. В городе восстание!..

Габриэль. Восстание?

Питер. Да, дождались наши угнетатели!.. Уф! Слушайте, мастер, вчера ночью, как мне рассказывали, большой Ганс собрал кучку самых отчаянных подмастерьев в «Яблоновом Саду». Он предложил обсудить, не броситься ли им на виллу Корону к Фаустулу и не отнять ли у него Ортруду. Все были уверены, что она там. Шума и крика было порядочно. Туда приплелся и тот лохматый старик, который со своей бабой сеет столько негодования против богатых и правительства. Он горланил чуть ли не больше Ганса. Вдруг является в таверну — кто?—сама Ортруда! Все в смятении. Она рассказывает свою историю. Все подозрения были справедливы, — ее похитил Фаустул, но она защищалась, как тигрица. О, наша Ортруда — девица не из робких! Воображаю этого ребенка Фаустула перед нашей чертовкой... Да... ей грозили, ей льстили, а ночью явился альгвазил Мефисто и

предложил ей убираться. Ему-де не хочется быть между двух огней: отцом и сыном. Он решился устроить ей видимость побега. Но Ортруда о благодарности не говорила, а о мести! Ее возвращение не только не успокоило Ганса и его парней, а подлило масла в огонь. Иные уже побежали за мушкетами, алебардами и факелами, как вдруг — новое событие! Вся гостиница оказывается окруженной ландскнехтами швейцарского полка. Это Фаустул открыто и дерзко пришел ловить Ортруду. Тут уж и робкие полезли на стену. Старик Бунт выхватил кинжал из-за пазухи и кричал: «Умрем ,но не покажем себя трусливыми рабами!» Но оружия у парней было немного. Тогда Ганс, которого, вы знаете, все время преследовала эта мысль, выбегает на двор, размахивая своей длинной шпагой, и кричит: «Фаустул, если в тебе есть хоть капля мужской крови, — иди биться со мной». Фаустул под'езжает на коне. Он говорит: «к твоим услугам», вынимает пистолет и, прежде чем кто успел ахнуть, стреляет прямо в лицо Гансу. Тот падает мертвым. «Рубите эту сволочь!» кричит Фаустул. Швейцарцев было много, с пиками и саблями, — начинается бойня. Но весть разнеслась по Тротцбургу. Меня тоже разбудили. Вместе со всеми нашими учениками я бегу к «Яблоневу Саду». Таверна горит, слышны лязг оружия и редкие выстрелы. Но как вы не слышали? — Ведь ударили в колокол у Святого Георгия.

Габриэль. Я заработался с вечера и спал очень крепко, но сквозь саван сна меня все что-то беспокоило.

Питер. Через час ландскнехты сами оказались окруженными городской милицией, которая собралась быстро. Командование принял мингер Скотт.

Габриэль. А... Он...

Питер. Тут явился барон Мефисто и говорил речь. Увел ландскнехтов, рассыпая в то же время угрозы. Вот вам события. Мастера собрались в ратуше. Купцы тоже нач-

нают сходиться в Золотом Доме. Все подмастерья под оружием.

(Габриэль молчит и думает).

Питер. Меня послали к вам, мингер Габриэль, пригласить вас немедленно итти в ратушу.

Габриэль. Герцог накажет виновных... Я думал, что герцог уладит всю историю. Да, но удовлетворится ли город слабым наказанием Фаустула? Покарать сына... Так, как требуют обстоятельства, подобно старшему Бруту... Этот острый конфликт совсем некстати.

(Дверь распахивается. Быстро входит Скотт. Он в стальном нагруднике и шлеме, в высоких сапогах со шпорами).

Скотт. Ты здесь? А, Питер... Поди на улицу, Питер.

(Питер уходит).

Скотт. Друг, свершилось. Город в оружии. Мерзости сына перевесили заслуги отца, уже омраченные его упрямством. Герцогской власти приходит конец.

Габриэль. Я вижу, что гражданская война разгорелась, но не знаю, почему ты уверен в нашей победе? В городе до семи тысяч ландскнехтов, артиллерия в крепости Св. Ангела, многочисленные сбиры барона Мефисто...

Скотт. Я еще рано утром захватил крепость Св. Ангела и пушки. Мало того, я захватил казну и уже обещал ландскнехтам большой куш за простое бездействие. Кроме того, население города раз'ярено, — все в оружии. Перед собором тысячи мужчин и даже некоторые женщины. Перед вооруженным Тротцбургом ландскнехты все-таки — горсть.

Габриэль. С точки зрения военной ты поступал умно. Но, быть может, не надо заходить так далеко?

Скотт. Прежде всего надо держать противника под коленом, потом можно разговаривать.

Габриэль. Ты далеко не держишь его под коленом. Герцогу с его связями ничего не стоит поднять против нас кучу врагов и осадить Тротцбург войсками соседних князей. А что будет внутри города? Подмастерья потребуют немедленного исполнения своей Хартии Труда, мастера заупрямятся...

Скотт. В виду военной опасности подмастерья уступят. При общей опасности низшие слои всегда уступают высшим.

Габриэль. А как страшно назревшее недовольство купцами? Эти скупщики собирают сливки с нашего труда. Народ потребует их изгнания... Хорошо, если не бросится грабить склады. С другой стороны, купцы, уведя свои корабли с товарами, прекратив с нами торговлю, в короткий срок поставят Тротцбург в самое тяжелое положение. Герцогство Вэллентротц не может жить своим хлебом. Я предвижу множество других трудностей. И в такое время оказаться без Фауста!.. Его гений слишком заносчив, его планы часто трудны, почти неисполнимы. в городе не все идет ладно, но кто станет отрицать мудрость этого правителя? В конце концов, где город во вселенной, процветающий как Тротцбург?

Скотт. Несвоевременные мысли.

Габриэль. Наоборот. Есть только один исход: надо сговориться с Фаустом.

Скотт. Надо сговориться с Золотым Домом. Купцы пока увеличат свои таксы при скупке, немного понизят проценты за долги и цены на привозный товар, даже на хлеб. Я уже об'яснил им, что лучше спустить свои огромные барыши на пятую часть, чем рисковать потерять склады в мятеже и торговлю с Тротцбургом на целые годы. А за годы, говорил я им, Тротцбург может наладить свой собственный торговый флот. Этой угрозой собственного флота Фауст держал их в границах: мы можем делать то же.

Габриэль. Друг, угрозы Фауста были миражами, но ему верили скорей, чем нам. Слегка уменьшить цену на хлеб? Но раз народ будет господином, купцы вряд ли спасутся, уступив не одну, а четыре пятых своих доходов.

Скотт. Я берусь уговорить подмастерьев. Повторяю, ссылка на общую всему городу военную опасность — вещь мощная. Надо быть ласковыми и с купцами, держаться мастеров, уметь вести за собой подмастерьев, а бунтарей без определенных занятий просто перехватать. Я легко найду предлог посадить в башню старого бунтаря и его кучку цыган, метельщиков, банщиков и гребцов. Ганс был мой зять, но, говоря как политик, его смерть сильно облегчает нашу задачу. Город должен стать республикой, но, конечно, в столь опасное время ему нужно поменьше правящих голов.

Габриэль. Быть может, только одна?

Скотт. Мы сговоримся на двух трибунах... Ганс — идол подмастерьев — был бы теперь, пожалуй, лишним.

Габриэль. Скотт, ты думаешь, что говоришь как политик? Не смешивай мудрости с хитростью, мужества с азартом, идеалов с честолюбием. Идем в ратушу. Мы отправим депутацию к Фаусту с просьбой остаться в городе властителем, но ограничить свою власть контролем народного собрания, воля которого будет представлена перед ним двумя трибунами. Все текущие вопросы от наказания Фаустула до требований народа мы разрешим тогда без большого труда. Авторитет герцога — для всех огромен.

Скотт. О! Ты и Фауст — вы сговоритесь!.. Авторитет! Да! А с другой стороны — мягкость и осторожность. К тому же Фауст широк и гибок. О, вы вдвоем!..

Габриэль. Вильям Скотт, вот моя рука. Тебя уважают за ум, волю, красноречие. Я тоже уважаю тебя. Хочешь принимать участие в этом триумвирате, который будет пере-

ходом ко все более полному народоправству? Тогда по рукам. Но твой план для меня неприемлем. Опереться на купцов, создать верную тебе и тобой оплачиваемую милицию, стать диктатором на место герцога — вот твой план. Против этого я буду бороться. Я не хочу менять Фауста на тебя. Тротцбург не пойдет на это, разве купцы да богатые цехи, которые увидели бы в этом свое собственное господство. Ты понимаешь меня, а я тебя. По рукам, или борьба?

Скотт. Что за подозрительность? Я такой же республиканец и демократ, как и ты. К тому же как мог бы я пойти против тебя? Разве весь народ не считает тебя праведником? Если ты отдернешь от меня руку, — кто от меня не отвернется?

Габриэль. Ни я, ни ты, ни даже великий Фауст тут неважны. Важен Тротцбург. Тротцбург должен показать пример нового строя, великое братство трудящихся. Идеал величествен, исполнение трудно, и тут надобны время и осторожность. Было бы преступлением, если бы ошибкой мы скомпрометировали такие горизонты. Но, друг мой, под осторожностью не надо понимать уступку власти над городом золотой олигархии. Или ты думаешь, что нам приходится выбирать только между тупым деспотом и золотым мешком? Тут я не стал бы колебаться. Не будь третьего выхода — все лучше, чем монархия. Но Фауст это не просто правитель, это не венценосец, это — просвещеннейший, величайший и любящий нас человек. Венец тут только помеха. Его власть, это—власть гения. Тут и встает перед нами задача: мы не хотим этой власти потому, что мы хотим свободы. Свобода — выше Фауста. Но менять Фауста на Исаака Сегаля или Юстуса Пиппершалька, на совет ожиревших мастеров, богатых цехов, — это-то уж нет. Я бы скорее умер, чем допустил это. Свободный Тротцбург — ничего иного! И я вижу в будущем этот свободный Тротцбург, освобождению которого должен служить его отец — Фауст.

Скотт. Ты будешь говорить в ратуше и к народу, я буду молчать.

Габриэль. Руку! *(Жмет ему руку и светло улыбается. Скотт холоден.)*

ЗАНАВЕС.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

Площадь Фонтана. С одной стороны ее — здание цеха каменщиков серое, в поздне-готическом узорчатом стиле, с башней посредине. С противоположной стороны—здание Государственной Казны. Его охраняют четыре милиционера в касках и с аркебузами. Они медленно расхаживают по сводчатой галлерее. Здание тяжеловесно,—из темного камня, с решотками на окнах. В глубине площади готическая церковь с колокольней. Посреди площади большой фонтан, изображающий Фортуну с рогом изобилия, из которого брызжет и распыляется огромным веером вода, падающая в широкий бассейн с аллегорическими бронзовыми фигурами. Фонтан покоится на довольно широкой площадке, к которой ведут семь гранитных ступеней. Площадь полна вооруженным народом. Подмастерья разных цехов перемешались в беспорядке. Довольно много женщин, из которых некоторые даже вооружены. Дети шныряют в толпе. Гул голосов, дальний грохот барабанов, а с колокольни все время несется тревожный набат. На площадку Фонтана всходит городской глашатай—в черном костюме, с гербом Тротцбурга на груди, изображающим стилизованную волну, разбивающуюся о башню.

Глашатай. Тишина! Тишина!

(Скотт всходит на помост и дает знак шляпой. Четыре каменщика вносят на лестницу на носилках закутанный в черный плащ труп Ганса, ставят его поперек ступеней и снимают капюшон с головы. Видно окровавленное лицо. Движение в толпе, шум, потом сразу мертвая тишина).

Скотт *(громко)*. Граждане Тротцбурга, могучие цехи, отнявшие эту землю у моря и воздвигшие в четверть века город, — удивление мира. Сын герцога этой земли—принц Фаустул—ночью похитил сестру нашего дорогого друга

Ганса, дочь старого мастера Варгафта, того самого, что заложил первые камни нашего собора и нашей ратуши. Когда девушка убежала от него, принц пришел за нею, окруженный наемниками-убийцами, и зацепившего ее стру брата убил.

(Сильная вибрация в толпе и потом снова гробовая тишина).

Скотт. Мы будем требовать суда над убийцей. Но кто судьи ему? Его друг и развратитель, наш чудовищный альгвазил, проклятие и позор этой страны? Или его ставленник — судья ван-дер-Гоог, глупый педант и верная собака каждого сильного?.. Или герцог? Но ведь он — отец ему? Хвалят наши порядки и жизнь нашего города. Они лучше, чем у соседей, но сколько обид остаются неотмщенными? Сколько притеснений неотмененными? Сколько жалоб неуслышанными? Мы чтим герцога, но пусть и он уважает нас! Он построил Тротцбург, но и мы его построили! Мы и он, по меньшей мере, равны, а он держит нас под опекой своих ставленников, словно мы несмышленыши.

(Последние слова поддерживаются гулом одобрения).

Скотт. Фауст мудр, мудры и цехи! И они хотят быть так же славными, свободными, богатыми, как и он. Сколько раз уже шла об этом речь. Сколько раз цехи хлопотали об избрании всем трудовым людом, создателем страны и города, двух трибунов — соправителей герцогу, строго подотчетных народному собранию. Эту мечту мы давно облюбовали, город носит ее под сердцем, как мать ребенка... Но нашему ребенку не дают родиться. Герцог хочет быть единовластителем. Но мы выросли, мы знаем наши права, мы знаем наши силы и мы заявляем, мы — великий Тротцбург, — что после происшествий этой ночи мы не можем больше дать на то согласие.

(В толпе проходит буря).

Крикн. Великий Тротцбург! Да здравствует трудовой Тротцбург!

(Знамена колышутся, бьют барабаны, трубят трубы).

Глашатай. Тишина! Тишина!

Хонт *(становясь почти рядом со Скоттом).* Слушай, великий народ, — занимается твоя заря!

(Движение восторга в толпе).

Скотт. Если нам горько под ним, мудрым и добрым, то что мы будем делать при его наследнике? Разве вы не видите, как альгвазил подготовляет нам цепи и рабство?

Крики. Долой его! Это — сатана, кому это не известно? Долой барона Мефисто! *(Громкий свист с разных сторон.)*

Скотт. Граждане, выберем немедленно, никого и ничего не дожидаясь, двух трибунов и пошлем их к герцогу Фаусту, как равных к равному, говорить с ним о нашем горе и о нашей чести. Великий Тротцбург будет говорить их устами со своим первым гражданином, а не раб со своим повелителем.

(Радостный и гордый шум).

Крики. Так, так! Браво, Вильям Скотт! Да здравствуют трибуны!

Скотт. Граждане, мы уже совещались в ратуше с собранием мастеров. Всеми вами чтимый мастер свободных каменщиков Габриэль-ван-Бонд говорил там: мастера предлагают вам выбрать трибунами мастера Габриэля и мастера Вильяма Скотта. Угодны ли вам эти лица?

Крики. Да, да! Да здравствует Скотт! Да здравствует Ван-дер-Бонд!

(Крики длятся долго).

Скотт. Все согласны на эти имена: Вильям Скотт и Габриэль Ван-дер-Бонд, свободные каменщики?

(Громкие аплодисменты).

Крики. Все, все! *(Звуки труб и барабанов.)*

Бунт. *(протискиваясь вперед и становясь на нижнюю ступень фонтана).* Слово мне, слово!

Скотт. Ты гражданин?

Бунт. Гражданин мира. Слово мне! *(Взбирается двумя ступенями выше.)* Тротцбург, город моего сердца, люди мои милые, проснувшиеся, действуйте скорее, без колебаний, без жалости! Еще утро. Пусть до полудня не останется здесь ни одного богача, ни одного жирного брюха с целым горлом. Сносите на площадь их утварь, накопленные ими груды золота, а эти двое пусть каждому дают поровну... Фаустула изловите и отдайте его мне. Я вас потешу! А старика посадите на осла задом наперед и пускай едет искать других дураков себе в лакеи...

(Неясный ропот в толпе. Волны идут нестройно и распространяются неправильно. Ритм нарушен).

Скотт *(решительно).* Довольно! Товарищи подмастерья, нам не время слушать злую болтовню старика, впавшего в детство.

Бунт *(недоумевающе).* Что такое?

Скотт. Иди, иди, старик!.. Нам надо строить наше дело, а не губить его... Никто здесь тебя не послушает. Мы—не звери, сорвавшиеся с цепи, а люди, гордо и смело берущие себе свободу.

(Ропот одобрения. Начавшись у фонтана, волны бегут, концентрически расходясь по всей площади).

Бунт *(смущенно).* Это что за песни?

(Габриэль всходит на площадку, осторожно берет его за плечи и сводит с лестницы).

Зависть *(в передних рядах машет своими локтями и кричит)*. Люди, люди! Смотрите, как бы эти умники не своровали у народа его счастье. Раз выдался свободный часок, ослабела солдатчина,—бери тогда всяк, что может, у богачей. Что взял,—твое на этот раз. Так ли говорю, братцы и сестрицы?

Габриэль *(спокойно)*. Не мешай, не мешай нам, старуха... Питер, отведи ее немножко в сторону.

Скотт. Граждане, все к цехам! Оставайтесь под ружьем! Военное командование беру на себя я. Товарищи, сегодня повинуйтесь выбранным вами властям, — завтра вы будете их повелителями и срубите им головы, если мы того заслужим.

(Громкое одобрение, потом волнение становится сдержанным. Торжественная решимость. Все происходит без излишнего шума, словно то, что делается, разумеется само собой. Повсюду серьезные лица, сжатые брови, руки, крепко держащие оружие).

Хонт. Слушай народ! *(Бьет в большой барабан и потом декламирует):*

«Проснулся город-властелин,
Могучий великан:
Царь Тротцбург утром средь равнин
Вдруг выпрямил свой стан.
Пред ним бежал сердитый вал.
Родной земли творец.
На дне морском он воздвигал
Волшебный свой дворец.
Свободы хочет исполин
О тысячах голов.
В сердцах несметных—он один
Рожденный для веков!
Он скажет герцогу: приди.

Мой первый гражданин.
Стой среди равных впереди,
Но царь—лишь я один!
Один и все, дышу во всех,
Во всех тружусь, пою. —
Ты слышишь мой громовый смех?
Ты чуешь мощь мою?
Свершился странный, чудный сон.
Родился великан!
Царь Тротцбург основал свой трон.
В пределах зданиих стран.
О, громче, громче, голос мой.
Услышь меня, я пьян
Восторгом пред твоей зарей.
Царь Тротцбуг — великан!

К оружию, граждане! Иль он родится сегодня, ваш пламенный, во всех живущий, вечный, победный великан, или рассеется этот сон, святой чудесный и страшный. Город, город, слава тебе! Бьет в твою честь твой барабанщик.—Гунтер Хонт!

(Бьет изо всех сил в барабан. Барабанный бой отвечает ему со многих сторон. Громовой хор голосов напевает).

«Проснулся город-властелин.
Могучий великан:
Царь Тротцбург утром средь равнин
Вдруг выпрямил свой стан!»

(Лица светлеют, ритмические волны бегут по морю голов, растроганные глаза смотрят прямо пред собою; некоторые обнимаются. Гремят барабаны, и песня разносится все стройнее).

ЗАНАВЕС.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Оранжерея во дворце Фауста. Она полна апельсиновых деревьев и пальм. Теплый летний полдень. Широкие окна открыты. Большой какаду и пара разноцветных попугаев кричат и кувыркаются на трапециях. Есть и другие птицы редких пород. Под пальмами мраморная полукруглая скамья в античном стиле. Фауст в длинном бархатном халате, подпоясанном золотым шнуром, сидит на скамье и читает, далеко отставив от своих дальнозорких глаз небольшой томик в кожаном тисненом переплете. У ног его лежит стройная снежно-белая борзая.

Входит Фаустина в широкой белой одежде, с распущенными волосами, перехваченными небольшой ниткой жемчуга. Она несет на серебряном подносе золотой кубок с прохладительным напитком.

Фауст. Послушай, дочурка:

«Ed era il cielo all'armonia si intento
Che non si vedea in ramo mover foglia
Tanta dolcezza avean pien l'aere e l'vento».

«Небо так заслушалось гармонии слов его милой, что ни один листок не шевелился на ветвях. Столько неги переполнило и воздух и дыхание ветра». *(Пьет из кубка.)* Вот я, выдавая тебя замуж, вернулся к Петрарке. Ведь я и сам любил. *(На секунду умолкает.)* Когда я сам любил,—я не читал Петрарки. Я даже сам не сочинял стихов. Страсть клокотала—и кипящая не могла отлиться в прекрасные формы... Сядь со мной рядом, моя юность... *(Фаустина садится.)* Теперь же в это чудное лето и среди равнин, поросших тополями, и в парке Башни Соколов, с его фонтанами, и в саду дворца, с его статуями, и здесь—в волшебных кущах далекого знойного юга—я мечтаю о любви, как о далеком—давно покинутом береге. Не для себя, конечно... После напряжения мысли над планами и чертежами, после упорной работы над моим железным человеком, как только захочу я отдохнуть—вспоминаю о тебе, твоей молодости и красоте, о предстоящих тебе совсем, совсем новых, даже ожидаемых тобою ощущениях, и сладостные строфы Петрарки являются в памяти, под'емлются со дна ее сокровищницы...

С тобою я и томно и в грезе переживаю снова любовь, как надеюсь с твоими детьми пережить вновь в таких же золотых туманах счастливейшую пору жизни—очаровательное детство. *(Гладит ее склоненную голову.)* Но ты, Фаустина? Ты не похожа на влюбленную. Напротив,— я читаю какую-то заботу в твоих синих глазах. Ведь ты знаешь, что останешься со мною? Граф Штери поселился здесь, в моем дворце. Я делаю, неутомимый строитель, большие перестройки. Я создам вам очаровательное гнездышко рядом с моим жилищем. Мы не расстанемся. *(Пауза.)* Еще минуту покоя... Потом снова в мастерскую... О, мой железный человек! Я, кажется, нашел-таки для тебя душу.

(Закрывает глаза и опирается головой о высокую мраморную спинку скамьи. Фаустина смотрит на него со слезами на глазах, вдруг порывисто целует его в лоб и руку).

Фауст *(с улыбкой открывая глаза.)* Что за порыв?

Фаустина. Отец мой, великий Фауст!

Фауст. Дочурка, то, что я сделал до сих пор, еще немного... Не гоже повторять за хором льстецов—великий Фауст! Мне надо, надо до моей смерти сделать еще шаг вперед. Видишь ли, дочь, я часто глубоко страдаю.

Фаустина. Отец!

Фауст. Да, да!.. Я часто глубоко страдаю. Я много строил, строю и буду строить... И я забочусь о том, чтобы люди, мне помогающие и несущие на плечах самую неблагодарную, тяжкую и черную часть труда, были... были более или менее... довольны... Но они так бедны... и утомляются... и скоро стареют... Я уменьшил трудовой день: они не работают больше девяти часов, потому что я учредил две смены. Но и это тяжело. Я плачу хорошо, но разве я могу сделать их богатыми? Разве они могут путешествовать, развивать свой ум чтением и искусством, воспитывать детей так, как я воспитал тебя? Разве я могу

дать им тысячу вещей, которые называют роскошью? Между тем, как — на мой взгляд — роскошь — это воздух для настоящего человека. Нет, я не могу! Для этого надо бы уметь силой или алхимическим золотом заставить весь остальной мир содержать данью труда мой город... Или сделать у себя труд еще тягчайшим, чтобы самим производить в сотни раз больше. Мы бедны, Фаустина, мы бедны... И нам, людям, приходится слишком много работать, грубо работать, работать рабью, жесткую работу, между тем как каждый человек создан быть творцом, счастливым мастером и хозяином. Этот добрый негодяй, этот морской волк с мраморным сердцем—Никлас—предлагает строить наше белое счастье на согбенных спинах черных людей. Подумай, мы будем жить в светлых, полных радости творчества, сияющих дарами духа дворцах... но — спустись по длинной лестнице в подвалы, и ты в аду, где человек со скрежетом зубовным исполняет повеления других, и гибнет, измочаливая мускулы, ломая кости, вытягивая жилы, весь стираясь о твердое сопротивление материи... Ужасно! Даже животных, даже животных, Фаустина, не хочу я иметь навеки там, в этом подвале! Фаустина, меня называют жестоким... Да, да! Я знаю,—меня называют жестоким, вот, например, за осушку болот, где убивает людей лихорадка. А между тем, поистине, я мягок сердцем. Мне все снится страдалец - ослик, терпеливый, маленький ослик, доживающий раннюю старость безотрадной жизни под непосильной ношей. Ослик смотрит на меня с тихой укоризной... «Вся тварь жажадет искупления», сказал Тарский мудрец... Но, действительно, позорной была бы эта моя слабость, и мог бы издеваться надо мной мой викинг Никлас, человек из льда и огня, как северное сияние, если бы мои страданья не толкали меня к творчеству. И вот, дочурка, я решил сделать железных людей! Железных, неживых, но работающих животных. Я не сошел с ума и я не волшебник, как толкуют глупцы. Я уже наладил все тело своего железного слуги, но остановка за душой, за двигателем... И ты знаешь, — я переживаю

торжественные дни: я нашел душу для него.—Его душой будет пар! Ха-ха-ха! Ты совсем считаешь меня рехнувшимся, детка? Да, да! Вода под действием огня расширяется и, если... *(Он встает с блестящими глазами и живо жестикулирует.)*

Мефисто *(входя)*. А, вот где находится ваше высочество. Вас ищут, герцог. В городе—мятеж! Вооруженные банды уже захватили казну, склады оружия и пушки в замке Св. Ангела,—словом, все, что им нужно в этих случаях. Прежде, чем вы мне прикажете вести на них ландскнехтов и перебить все сбесившееся стадо,—вам надо, согласно вашей славы гуманиста, попытаться уговорить зачинщиков прекратить бесчинство. Но они сами пришли сюда убеждать вас сложить с себя власть.

Фауст. Что за вздор? Что за бред?

Мефисто. Вот они!

(Секретарь вводит Габриэля и Скотта).

Секретарь. Согласно распоряжения вашего высочества —я допускаю к вам этих людей, ибо дело не терпит отлагательства.

Фауст. Уйдите все вон. Оставьте меня одного с ними!

(Все, кроме Фауста и двух трибунов, уходят).

Фауст *(грозно)*. Итак, вы решились на бунт?

Габриэль *(спокойно)*. Надеюсь, вы выслушаете нас, тем более, что мы будем кратки.

Фауст *(садится)*. Говорите.

Габриэль. Вчера ваш сын, гоняясь за похищенной им и убежавшей от него девушкой, убил ее брата Ганса.

Фауст *(вскакивая)*. Ужели? Ступите, скажите народу, чтобы он сохранял спокойствие. Убийца будет наказан. Слышите! Это говорит Фауст. Я сумею быть справедливым.

сумею быть судьей своих детей! Он будет наказан, хотя бы мне пришлось вырвать из головы мой правый глаз, как я вырву Фаустула из моего сердца!

Г а б р и э л ь. Этого мало, герцог, выслушайте. Герцог, поймите же, наконец, вы — умнейший человек земли: Тротцбург вырос и хочет быть свободным. Он не хочет больше иметь патрона, опекуна, господина. Он хочет видеть в вас лишь первого гражданина, консула. Оставьте за собой титул герцога, если это вам угодно, но город настаивает, чтобы вы приняли в советники двух трибунов, ответственных перед народом. Вы видите их перед собой. Герцог, умоляю вас, не давайте гневу ослепить ясные очи вашего гения. Мы будем скромны, герцог. Мы будем вам верными сотрудниками. Мы знаем расстояние, отделяющее вас от нас. Не потому—что вы герцог. Это—звук, не больше, а потому, что вы—Генрих Фауст, а мы—скромные рядовые работники. Но мы стоим ближе к народу, и ваше дело пойдет бесконечно лучше с нами, чем с чудовищным альгвазилом Мефисто, которого вы поставили между собой и народом.

Ф а у с т. Габриэль, Вильям, какие советы можете вы дать мне? Вы—дети, вы еще не родились духом... Ну, хорошо, я сделаю вас советниками, но ведь это будет комедия, на которую мне придется тратить мое золотое время.

С к о т т. Нет, герцог, вы должны принести клятву перед народом, что не предпримете ничего, на что мы двое наложим наш единогласный запрет, и предпримете все, на чем мы двое станем настаивать.

Ф а у с т. А? Значит, правителями будете—вы!

Г а б р и э л ь. Герцог, герцог, не торопитесь! Я повторяю, что мы будем знать наше место.

Ф а у с т. Нет и нет! Это—ребяческая заносчивость, корень новых неурядиц и недоразумений. Нет и нет! Пусть народ успокоится и идет работать. Нет, — вот мой ответ. А ослушников я сумею сломить силой!

Габриэль. Подумайте, герцог, ваши слова чреваты бедами.

Скотт. Вы хотите действовать силою?—Мы тоже готовы на это. Назад мы не отступим. Вы хотите крови? — Она прольется.

Фауст. И падет на вашу голову.

Скотт. Пусть! Мы гордо войдем в историю в пурпуре нашей крови, пролитой за свободу. Она клеймит лишь чело тирана.

Фауст. Глупцы, я уничтожу вас, уничтожу весь этот город, как муравейник, и создам себе другой.

Скотт. Тротцбург будет свободным или погибнет!

Фауст *(отходит от них. Останавливается. Задумывается).* Минуту размышления. Кровь мне противна. *(Прижимает руку к голове.)* Сделать этот опыт?.. Ведь увидят сами! Их ошибки я исправлю потом. Ведь мне все равно надо отдать все силы железному человеку. *(Подходит к ним. Громко).* Трибуны плебса!—Мы сделаем опыт. Править вместе с вами я не хочу и не могу. Выбирайте:—или я—один властитель Вэллентротца и Тротцбурга, или уж управляйтесь без меня. Я удалюсь в чужие земли создавать новую жизнь. Я не обеднею, потеряв герцогство. Смотрите только,—не стать бы вам нищими, потеряв меня.

Габриэль. Не настаивайте, герцог, выбор тяжел.

Скотт. Но определен заранее. Лучше свобода со всеми ее опасностями, чем самый мудрый господин!

Фауст. Уверен ли ты, молодой шотландец, что народ с тобой согласен?

Скотт. В эту минуту? Да. Если раскается позднее, то будет просить вашего милостивого возвращения и принесет вам в дар наши головы.

Фауст *(весело).* Габриэль! Он у тебя решительный. Смотри за ним. Ты — сер, как надо честному демократу, но этот что-то уж очень сверкает.

Габриэль. В нем собрались в эту минуту лучи света и тепла всего Тротцбурга.

Фауст. Берите правление.

(Трибуны кланяются. Бешено распахивается дверь и врывается весь нахохлившийся Фаустул, за ним входит хмурый и раздраженный Мефисто).

Фауст. Ты, ты — преступник, ты осмеливаешься нагло показываться мне на глаза?!

Фаустул. Преступник—не я, а—вы, мой отец.

Фауст. Ты — убийца бедного Ганса, такого сильного, даровитого!..

Фаустул. Клянусь всемогущим творцом, я убил его нечаянно и в законной самообороне: кто станет утверждать иное — лжец и клятвопреступник! Но вы, но вы! Вы осмелились уступить корону этим мещанам,—корону, которая не принадлежит вам! Никогда, никогда император не сделал бы вас герцогом этих цветущих земель, если бы одновременно с тем не устроился брак ваш с моею матерью инфантой Эльвирой, ибо никто не мог иметь больше прав на эти земли, чем королевский дом высокомощной Испании. Вы владеете страною, пока вы живы, но я говорю, как ваш наследник и предок всего грядущего герцогского и позднее, конечно, королевского рода: клянусь богом, ни один властитель соседний или далекий не поколеблется оказать мне помощь против вашего решения, ибо вы даете Европе тлетворный пример!.. Возьмите назад ваше решение,—я требую этого!

Фауст. Принц, Фауст не берет назад своих обещаний.

Фаустул *(вне себя)*. Так слушайте же, отец: на свете бывают и священные бунты, и таков будет бунт, который я подыму против вас! Голос неба, завет стародавних порядков призывает меня! Никто не осудит меня! Я стану во главе войск, я подчиню себе оставленный вами город!

Клянусь в этом Матерью Божьей и святым Яковом, патроном Испании!

Фауст. Будь спокойнее... Ты извергаешь, как вулкан.

Фаустул. Через меня вещают мои предки и мои потомки!

Мефисто *(улыбаясь язвительно)*. Он тоже сейчас стихия, Ваше Высочество.

Фауст. *(Габриэлю.)* Ты видишь, мой прекраснодушный Гракх, как часто упрекал ты меня в жертвах людьми для осушения болот, прорытия каналов, прокладки дорог... Теперь ты и друзья твои—мечтатели, Гармодии, Тразибулы, патриоты—хотите выстроить что-то большее, на мой взгляд—химерическое, но смотри,—эта попытка, как ни поверни дело,—будет стоить крови. Но если я жертвовал братьями-людьми, то я воздвигал. Воздвигнешь ли ты, великий стоик?..

Габриэль. Ваш отказ от правления на договорных началах порождает огромные трудности...

Скотт *(нетерпеливо)*. Город вырос! Город справится со всеми врагами. Герцог повелит своим герольдам протрубить и возвестить по городу, бургам, селам и деревням Вэллентротца, что он отказался от престола. Большего мы не требуем. Тротцбург никогда не признает над собою власти Фаустула.

Фаустул. Признает, дерзкий каменщик! Железную пяту поставлю я на вашу голову!

(Скотт пожимает плечами).

Фауст *(садясь на скамью)*. Печально, печально... Итак: жизнь хочет итти сердитой стопой и требует, чтобы я посторонился?.. А направляется она явно в бездорожье, по кочкам, по колючкам... Печально. Итак, вы выросли, мои дети: сын мой—Фаустул и Тротцбург—сын мой! И хотите делиться и не хотите слушать старого родителя? Да будет! Умываю руки. *(Делает соответственный жест.)* Не как Пилат, предавая Агнца наказанию,—ибо, клянусь, никто из вас, не похож на агнца. Вы выросли, вы возму-

жали. Ха-ха — да будет... Мне скорбно за вас. За кровь, кровь, готовую пролиться, за силы, которые будут потрачены даром!.. Но вы так хотите. Да будет!.. Пусть же идет жизнь своей сердитой стопой, куда хочет, — я уступаю дорогу, мои блудные сыны! В последний раз, однако, Габриэль, тебя спрашиваю, умный и даже в снах своих положительный человек, в последний раз спрашиваю тебя,—выбирай: или я остаюсь попрежнему единовластным руководителем судеб города и страны, или герольды протрубят и огласят, что Генрих Фауст отказался от престола, не назначив наследника.

Габриэль. Если таков выбор, герцог, то с сокрушенным сердцем и стесненной грудью, но с верой в народ мой и упованием на торжество правды, говорю: второе!

Скотт *(облегченно вздыхает)*. А!

Фауст. Сын мой, Фаустул, хочешь ли ты, повинуясь отцу, отправиться на долгие годы в путешествие по всему миру поучиться и расти душою? Я даю тебе слово сделать все, что в моей власти, для твоего счастья. Или ты хочешь бороться за герцогскую корону, мною оставленную, и лить кровь?

Фаустул *(истерически)*. Не уступлю короны! Не уступлю, не уступлю!

Фауст. Вы выбрали. С высоты Башни Соколов я буду наблюдать преступную комедию. Горька моему сердцу ваша детская драка. Но учитесь! Учитесь на деле, если не внемлете словам. Герольды возвестят. Фаустул, я не ставлю тебе препятствий. Не хотите же вы, трибуны плебса, чтобы я, уступая вам все, еще убирал камни с вашего пути?

Скотт. От имени города мы выражаем вам благодарность. Борьба с вами, великий человек, означала бы для нас скорей всего славную гибель. Борьба с другими не страшна нам.

Фаустул. Посмотрим, так ли запоешь ты на поле битвы!

Фауст. Вы, барон Мефисто, со мной?

Фаустул. Барон со мной.

Мефисто. Я с принцем, ваше высочество.

Фауст. А-а, ну что же... Чья бы ни сломилась гордость, я буду прав, несчастные, заносчивые дети. Сегодня же удаляюсь в Башню Соколов. Она — моя! Горе тому, кто попробует тронуть меня там.

(Габриэль кланяется).

Фауст *(величественно)*. Идите, бедные дети. Иди и ты, Фаустул, и вы, барон.

(Все кланяются и уходят. Фауст один).

Фауст. Все полно благоуханием... А люди, которым и без того так трудно на земле, готовят бешеную борьбу. Но я вижу, что слова на них не действуют. Железная Мойра, ты победила пока... Научи их, вразуми, приведи тяжелым путем ко мне моих блудных детей.. Грустно... Но три сокровища остаются у меня, которые поддержат меня. Моя красавица Фаустина, мой железный человек и моя вера в то, что они все придут ко мне. За работу же, Фауст. Жди твоего часа и твори. *(Медленно уходит.)*

(Мефисто входит с противоположной двери и идет за ним, крадучись. Останавливается у двери в кабинет, в которую ушел Фауст, и смотрит ему вслед).

Мефисто. Вот как повернул ты игру? Ты ее проиграешь!.. Этот Фауст — это какой-то ящик с сюрпризами... Но сколько бы фокусов ни таил ты в себе,—клянусь матерью, ты проиграешь. Уже ты на маленьком островке, со всех сторон окруженный бурными волнами. Ты потеряешь все! Может ли быть сомнение в том — кто победит в нашей борьбе?

(Какаду кричит громко: «Фауст, Фауст, Фауст!»).

Мефисто *(грозя ему пальцем)*. Глупая птица.

ЗАНАВЕС.

КАРТИНА ПЯТАЯ.

Небольшая комната во дворце епископа. Сверху спускается голубой фонарь, мягко освещающий ее углы, заставленные креслами и кушетками. В одном углу стоит статуя, столь красивая, что нельзя сказать с уверенностью—мадонна это или Гера. Перед нею мерцают три лампады. Посредине комнаты под фонарем круглый стол, накрытый роскошной скатертью, заставленной серебряными блюдами с остатками обильного ужина. Разноцветные стаканы, разнообразные графины и флаконы с вином. В креслах, откинувшись, благодушествуя и попивая вино, сидят епископ Вильфрид, судья Ян ван-дер-Гоог и барон Мефисто.

Епископ в фиолетовой шелковой рясе с золотым осыпанным бирюзой крестом на груди, на седой курчавой голове фиолетовая шапочка. Лицо и руки белы и аристократичны, на пухлых пальцах множество перстней, губы лоснятся от вина, щеки порозовели, толстый благодушный нос, благосклонные глаза. Он очень полон, но в общем изящен.

Судья—тощий человек в черном атласном таларе. Голова лысая спереди, а сзади обросла длинными, жидкими, жесткими волосами. На плечах цепь. Руки темные, длиннопалые. Лицо зеленовато-желтое. Глаза глупые, с большими белками, брови подняты, как бы от постоянного удивления.

Епископ *(попивая вино)*. Вы меня совершенно успокоили, дорогой мой барон. И ваш совет мне кажется верхом разумности. Пока не давать никаких признаков жизни. И, конечно, они *(с ударением)* тоже не посмеют нас тронуть. Особенно меня, служителя алтаря, хранимого всей святостью римской церкви. Как же только вернется принц с сильной армией, мы удаляемся к нему и оповещаем: я в пастырском послании, ван-Гоог в судебном постановлении, что законным наследником престола является Фаустул, бунтовщики же повинны строгому суду и казни как на земле, так и в жизни загробной. Пока — спокойствие...Ах, я ничего не люблю так, как спокойствие, оттого, друзья, что, видите ли, — человек — это его желудок. Расстроен желудок — и перед вами пессимист; желудок работает как следует — и перед вами благородный ум, открытое сердце, счастливая натура. Признаюсь вам, что я молюсь вместо: избави мя от лукавого, — так: избави мя от расстройства желудка. Ибо, друзья, то, что счи-

тали в древности искушением сатаны, есть расстройство питания. Пары подымающиеся из воспаленных внутренностей и мозга... Благодать же, с другой стороны, есть не что иное, как чрезвычайная гармония в отправлениях пищеварительного аппарата. Все еретики, друзья, страдали катарром. Их так и называют — Катарры. Отцы церкви предписывали пост, как и врачи советуют диэту. Отцы церкви весьма имели в виду желудок. Желудок, друзья, выше головы. Ибо никакая мудрость, поглощенная глазами в книгах, не дает нам усвоить господа; но плоть Христова под видом хлеба и вина принимается нами через уста и желудок... Как с материей, так и с божеством человек общается, таким образом, через желудок: это место нашей связи со вселенной. Платон давал преимущество голове, Гиппократ — сердцу, Аристипп — половым органам, однако, мы знаем людей безмозглых, людей бессердечных, людей бесполых, людей же безжелудочных — мы не знаем...

Мефисто *(громко аплодируя)*. Браво, браво... Встанем и воспоем: слава епископу.

Мефисто и судья *(встают и поют басом)*:

«Dominus Episcopus,
Vir Sapientissimus,
Stomaco fortissimus,
Vivat longum saeculum
Ad salutem paccorum!»

(Епископ благодарит, прижимая к сердцу пухлую белую руку).

Судья. Меня они не любят... хотя — клянусь alma Mater моей светлой юностью — среди ученых докторов Болонии я знаю все тонкости римского права... Под моими руками Codex Justinianus все равно, что орган в соборе. Я добиваюсь от него сразу нужного мне аккорда. Я помню их жалобу на меня герцогу. Герцог призвал меня и расспрашивал. Но я засыпал его латынью. Он пришел послушать судоговорение. Клянусь бородой Папиньяна! В этот

раз, по совету барона, я отступил от судебных норм и оправдывал всех, произнося решения, как мне подсказывал великий Альгвазил. Но я знаю, — не поступи я так, герцог — плохой юрист — прогнал бы меня из Тротцбурга. Я гораздо лучше полажу с молодым герцогом. Впрочем, что такое справедливость и закономерное постановление суда? Где иной критерий? Мудрецы вложили свою мудрость в руки судии, как вкладывают провизию и приправы в руки доброй поварихи. Из них он делает судебный соус, коим поливает каждый casus, подбирая, что надо, соответственно вкусу... своему, или какого-либо именитого гастронома.

Мефисто. Браво, браво! Ваше высокопреподобие, встанем и споем славу судье.

Епископ и Мефисто *(встают и поют)*:

«Vivat judex optimus.
Vivat vir doctissimus.
Semper servus regibus.
Sed dictator legibus».

Мефисто. Суд и церковь! Какие слова! Вся душа полицейского состоит в одном: поддерживать суд и церковь, как они поддерживают общество и трон. Что касается армии, — то, поскольку она особенно важна, она является той же полицией. В вопросах международных царит еще сила. Лишь тогда восторжествует повсюду порядок, когда во вселенной будет едина церковь, един суд и едина полиция!

Епископ. Amen.

Мефисто. Предлагаю, не ограничиваясь традиционным vivat, каждому из нас спеть куплеты во славу других: судья — епископу, я — судье, епископ — мне. Идет?

Судья. Идет... Я кропал стишки на вульгарном наречии, когда был студентом. Но дайте мне собраться с мыслями... И выбрать мотив... Гм... гм... Кажется, нашел.

Божья церковь велика!
Гм... Гм... Да... велика...
Цель ее... так высока...
(Меняя тон). Она есть камень преткновенья
Для всякого поползновенья
Против порядка сделать бунт!
Нет рифмы к бунту... Вот так фунт!
(Низким басом.) Н-да... Бунт...
Устой общественного зданья,
Ей служат страх и упованья,
Н-да... Упованья...
Ей служит смерть, ей служит грех!
Опят нет рифмы... просто смех.
(Низким басом.) Н-да... Грех.
Среди приятнейших утех
Добропорядочного строя —
Гм... Строя...
Дворец богатый шире строя,
Всегда найдем в своих палатах
Мы место теплое прелатам...
Хромает рифма. Для прелатов
Найдем... А, чорт возьми, ах, чорт!
Прелатов... Чорт возьми!
Довольно!
(Низким басом.) Баста!

(Все хохочут, чокаются, пьют).

Мефисто. Мой черед.

«Продудеть бы мне в дуду
Славу славному суду.
Трепещи, преступный люд:
Выступает чинно суд.
За судьею две лисы
Тащат старые весы.
Кум издавна — суд — кущу:
И судье весы к лицу.
Дальше волки тащат меч.

Чтоб со слишком буйных плеч
Головы законно ссечь.
И чтоб помнил сам закон,
Что дитя насилья он.
Обезьяна цепь несет:
Ею суд вину кует.
Да и судьи-то, дружочки,
Тоже пляшут на цепочке.
Чтобы правда их судила,
Как судить велела Сила.
Дальше вижу в мутной мгле
Груды свитков на осле, —
Что прикажут, — все там есть:
И судье ведь надо есть!
Дети Силы сами голы,
Суд нарядит их в камзолы.
И хоть ходят без штанов, —
Все же так — они приличней.
Где ж найду я вещь отличней
Трибуналов и судов?»

Судья. Браво, верно!.. Слава трибуналу... Нет ничего выше их. Я вас спрашиваю, что такое бог? Судия! Это верно, как то, что я пьян.

Епископ. Высокочтимый барон, церковь пьет за тебя, как за представителя высокого лукавства.

«Лукавый змий в соблазн ввел бабку Еву
И прародителей предал господню гневу.
Грехопадение, однако, было благом:
Путем раскаянья шли люди робким шагом
И приготовились к принятию Христа.
Без змия не было б, поверьте мне, — креста.
Вот почему в пустыне Моисей
Повесил на кресте в знак веры медных змей.
И сам Христос сказал: будь сердцем прост,
Как голубь, но в мозгу таи змеиный хвост.
Клянусь же вам змией, почтенный наш Мефисто,
Нечистый нам не враг. Для чистого — все чисто».

Мефисто (*низко кланяясь*). Если б я мог чувствовать себя достойным представителем древнего змия, то благодарил бы вас от его лица. Древний змий был черен, как ночь, необ'ятен и бесконечен. Поднялся безумец, которого вавилоняне назвали Мордухом... Он колыхнул эфирные пучины и создал свет, а вечная тьма, гармоничное кольцо, спокойная неподвижность — была расчленена на части, из этих частей построен жалкий мир. Но протекут эоны, земля и небо пройдут, как сказали пророки. Древний змий живет не только в порабощенном безумном бытии, но также в форме множества извилистых змиев и змеек, драконов и червей, грызущих бытие, чтобы ускорить распад. Мир есть ад, палимый огнем света, который неугасаем, как говорит Евангелие. Но грешное бытие угрызается постепенно великим червем, который тоже не умрет! Сказано о дальних потомках Адама, что они наступят на главу змия. Текст искажен! Вам хотят сказать, что вы будете гребнем короны на голове Змия, что змий будет утверждением устоев ваших. Змий в государстве это есть великий Альгвазил, полицейский и цензор, гаситель света, утверждение древнего порядка, который близится сам и все близит крушение, и на хребте его восседает церковь-помощница. Тайна сия велика есть! Пейте чашу крепкого вина, круговую чашу, уста порядка. Ибо истинно, истинно говорю вам: если не удастся нам не допустить его изменения, то подлая жизнь пойдет, наконец, назад к нирване, к счастью сна, к блаженству, о котором мечтали святые, и восторжествует единственный истинный порядок, порядок великого молчаливого кладбища всякого движения. Пейте!

Судья. Клянусь Гайем,—я ничего не понял, но барон такой добрый малый, что с ним я выпью хоть за самого сатану. (*Пьет.*)

Епископ. Барон, кто разгадает глубины вселенной? Уже древнейшие из мужей вопрошали: «Знаешь ли ты, откуда все и для чего ты, сидящий на вершине вселенной? Или

и ты не знаешь этого?» Где полнота знаний? Зачем нырять в пучину? Я плаваю на поверхности и говорю:

«Поживи свой краткий час,
Однодневка-человек.
Только вспыхнул — уж погас
Твой летучий хрупкий век».

Бессмертная душа пусть разбирается в вопросах вечных, но не бренное тело. Барон, вот мое смертное тело, одетое в фиолетовый шелк: оно тепло, дышит, радуется, оно мыслит, оно хочет: да, — оно, оно, души я не ощущаю! Если по смерти тела она освободится, пусть тогда думает о том, что увидит бесплотными очами: а пока я плотский, верю в плотскую церковь, великий общественный институт. Служи ей, как она мне служит. Я откровенен с друзьями за чашей. *(Пьет. Стучит в дверь. Входит послушник.)*

Послушник. Высокопреподобный отец, граф фон-Штерн просит позволения зайти сюда.

Епископ. Конечно, конечно, веди его.

(Входит граф фон-Штерн в одежде для верховой езды).

Граф. Друзья, я пришел предложить вам мой союз!

Епископ. Вы приходите от герцога, высокорожденный граф?

Граф. Наоборот, он отговаривал меня от этого шага, но некто больше приводит меня к вам, помимо ненависти моей ко всякому беспорядку. Друзья, наша победа несомненна. Небо предвещает великое поражение Бунта. Водворение на престол принца Фаустула, согласие отца и безоблачное правление нового государя. Так же безоблачна будет жизнь моего высокого будущего тестя... Мне и моей нареченной предстоит долгая мирная жизнь и довольно многочисленное потомство. Комбинация планет — счастливейшая для нас.

Мефисто. Простите, граф, я пожелал бы подробнее знать, что пишет вам герцог Фауст.

Граф. Он пишет, как я уже говорил, что не одобряет моего участия в походе сына и предпочел бы видеть меня в своем замке рядом с моей прекрасной невестой. Но он пишет также, что решил соблюдать строжайшее невмешательство в распре детей своих, и потому не настаивает.

Мефисто. И что вы ему ответили?

Граф. Я изложил ему мои мотивы.

Епископ. Астрологические?

Граф. Конечно.

Мефисто. Скажите, граф,—звезды никогда вам не лгали?

Граф. Кощунственный вопрос!.. Никогда. Случалось лишь, что я ошибался, составляя гороскоп, но post facto я всегда находил ошибку и убеждался, если в этом еще нужно было сомневаться, — что, не допусти я ошибки, — будущее было бы так же ясно, как если б оно протекло. Кроме того, у меня оккультная система, изустно доподная до моего блаженно-усопшего отца в духе — доктора Египтуса, от самого Гермеса Трисмегиста.

Мефисто. Мне говорили, что этот Египтус был канальский плут, да к тому же круглый невежда... Ведь вот до чего может доходить клевета.

Граф. О, хула на моего святого учителя не простится никогда! Дворецкий моего отца, Юлиус Барфус, осмелился однажды ложно донести на доктора, будто тот, под видом наблюдений на башне, пьет там старый херес в обществе своей благочестивой родственницы Рахили Леви, величественной и прекрасной женщины, многоученой и степенной, и будто, смотря в замочную скважину, он, Юлиус, видел, как они, сняв с себя одежду, молча танцовали какой-то вакхический танец.

Мефисто. Ого!

Граф. В ту же ночь, ночь доноса, Барфусу явилось страшное видение! То была белая светящаяся фигура. Она тихо вошла в его спальню и произнесла: «За поношение святых», затем она ударила Барфуса жезлом в живот с невероятной силой и исчезла. Барфус испустил вопль: на месте удара у него образовался значительный кровоподтек, но так как дерзновенный не раскаялся, а, напротив, утверждал, будто это было не потустороннее существо, а переряженный доктор Егиштус, то его и постигло новое несчастье, а именно: по слезному моему ходатайству покойный батюшка выгнал его из замка!

Мефисто. Да, праведность доктора очевидна.

Граф. Это был великий человек. Однажды...

(Раздается страшный стук в дверь. Вбегает испуганный послушник).

Послушник. Разве вы не слышите, ваше высокопреподобие? Весь двор наполнен вооруженными людьми. Трибун подымается уже по лестнице и с ним вооруженные люди. Я дрожу...

(Смятение в комнате).

Епископ. Ужели осмелились? О, мой желудок, мой желудок!..

Судья. Итак, бунт посягнул на величие суда! Где бы можно было спрятаться? Везде же можно найти темный закоулок.

Мефисто. Что касается меня, то — прощайте!

(Мефисто быстрым движением распростирает свой темный на красной подкладке плащ, садится на него и со свистом улетает в шумно распахнувшееся окно).

(Входит Скотт, за ним солдаты и подмастерья с факелами).

Скотт. Епископ Вильфрид, судья Ян ван-дер-Гоог, вы лишаетесь ваших должностей в Тротцбурге. Не возражайте:

решение принято городским советом по представлению обоих трибунов. Вы немедленно покинете город.

Епископ. Но... наше имущество?

Скотт. Вы приехали сюда без имущества. Полезным трудом вы в городе не занимались. То, что вы ошибочно считали вашим имуществом, принадлежит городу Тротцбургу. Собирайтесь! Лошади ждут. Капитан, вы проводите этих господ до границы.

(Круто поворачивается и уходит. Остаются капитан и несколько солдат).

Капитан *(грубо)*. Живо!

ЗАНАВЕС.

КАРТИНА ШЕСТАЯ.

Парк и фруктовый сад у подножия Башни Соколов. Августовская ночь. Все время звучит пение незримого Фонтана. Деревья, отягченные плодами, освещены яркой луной. Благоухает шпалера кремовых чайных роз. Слева темная громада Башни Соколов, ее мраморная веранда и широкая лестница с балюстрадой и вазами цветов. Правее низкая каменная ограда, тоже украшенная вазами, за нею дорога и по другую сторону дороги кустарники. От времени до времени щелкает соловей. Все время трещат кузнечики. На башне мерно бьет одиннадцать часов.

По дороге под сиянием луны показывается мистический рыцарь на коне. Синеватый матовый свет играет на его серебряных латах, щите и шлеме с поднятым забралом. На плечах его длинный белый плащ, покрывающий лошадь почти до земли. Конь белый. Юный, прямой и нежный паж, в серебряном костюме и берете со страусовым пером, ведет лошадь под уздцы. У пажа на поясе золотой рожок. В руках рыцаря арфа.

Они останавливаются. Приподнявшись в стременах, мистический рыцарь оглядывается по сторонам. Потом тихо проводит рукою по струнам арфы, издающей сладкий аккорд.

Пауза. Потом рыцарь начинает петь и аккомпанировать себе на арфе.

«Крепких соков полна наша древняя мать,
Переполнило грудь молоко,
И незримым корням сладко тихо сосать
Соки теплой земли глубоко.
Чуть лепечет листва, наливается плод.
Смерть подходит из северных стран.

Оттого-то вокруг все полнее живет
И, рыдая, рокочет Фонтан.
В напряжении сил жизнь творит семена.
Уже веют осенние сны.
Чародейством истомным до края полна
Жизнь готовит возврата весны.
«Смерть всегда победит, смерть всегда победит»...
Плачет голос осенней воды.
«Жизнь всегда возродит, жизнь всегда возродит»...
Отвечают тихонько сады.
Грезы лунных лучей, думы синих теней,
Аромат отцветающих роз...
И под говор фонтана запел соловей
Песню горестно-радостных слез».

(Паж трубит в рожок. Прислушивается, потом поет детским чистым альтом).

«Оэ. Оэ!
Проснитесь все, кто сладко спит,
Кто умер, — оживи,
И всякий пусть благословит
Ту силу, что себя творит,
Как вечный гимн весны любви.
Оэ. Оэ»!

(Прислушиваются и медленно проезжают).

(Фаустина, закутанная в огромную венецианскую шаль, робко и быстро выходит на веранду, всматривается вдоль дороги и сбегает по лестнице).

Фаустина. Одиннадцать часов. Голубь принес мне письмо, в котором он обещает быть в это время... Как я боялась опоздать. *(Пауза).* Отец долго не мог уснуть. Он работал всю прошлую ночь и, наверно, скоро опять проснется, выпьет своего эликсиру и сядет за работу. Старый Венцель уже давно спит, и больше никого нет в замке, потому

что паж ускакал с письмом к Артуру, а садовник теперь у себя в домике с детьми... И все-таки я боюсь... Может-быть, я боюсь не того, что нас увидят, а... самого свиданья. Я вся дрожу, хотя ночь тепла. Я так рада ему, я так давно не видела его, и вместе с тем я почти хотела бы, чтобы он не приезжал. Ведь я знаю, о чем он будет говорить... Ах, отец, отец, как я люблю тебя,мой бедный, великий отец. Кажется, топот... Это он!

(На дороге показывается Габриэль верхом на вороном коне. Он закутан в плащ. В поводу ведет лошадь. Соскакивает и перепрыгивает через ограду).

Габриэль. Фаустина!

Фаустина. Я — здесь.

Габриэль. О, милая!

(Обнимает ее. Долго молчат. Журчит вода).

Фаустина. Посиди со мной. Отец заснул. И дома никого нет.

Габриэль. Нам незачем сидеть здесь. Я привел для тебя коня. Раздумывать поздно. Часто лишняя минута губит дело. Едем, Фаустина. Ты колеблешься?

Фаустина. Но ведь мы же решили... Как же вдруг?.. Ты не предупредил меня...

Габриэль. Чтоб не мучить твою вечно колеблющуюся головку.

Фаустина. Габриэль, Габриэль, это — тяжело. *(Плачет.)*

Габриэль. Рано или поздно это должно случиться... ты меня любишь.

Фаустина. О!

Габриэль. Ведь ты сама говорила мне о твоих радостных для меня догадках? *(Фаустина припадает к его плечу.)* Лучше тебе быть со мною. Об'яснения с отцом, я знаю, ты не выдержишь.

Фаустина. Но он-то выдержит ли такой удар?

Габриэль. Фауст силен. Быть-может, оставшись один, он скорее сломит свою гордость и придет на помощь городу. Уже второй месяц длится осада. Как ни мужественны наши бойцы, но на стороне союзников страшный перевес силы. О, Фаустина, здесь вы живете так спокойно... Здесь такая идиллия, а там... черная забота на всех лицах. Глухое недовольство зажиточных граждан, возмущенных моим распоряжением об общественной организации работ и моими налогами. И в то же время бродит опасная кучка молодежи, горячих голов, к которой пристали все лентяи, пьяницы и сумасшедшие. Они нашли себе вождя в лице старого иностранца, с воспаленным мозгом, который так и носит кличку «Бунт». А рядом тысячи мелочей, непредвиденных и почти всегда страшных потому, что малейшая ошибка может расстроить хрупкую поверхностную гармонию нашей республики. Я увещеваю, грожу, я работаю без отдыха. В сапожнике Беверене я нашел великолепного помощника. Мощно поддерживает меня и певец Гунтер Хонт. О, вообще, я не жалуюсь, чтобы в городе не было выдающихся людей. Все подмастерья—выше похвал. Но я устал. У меня нет ни минуты покоя и ни минуты радости, Фаустина. Часто нет ни часу сна, и никогда ни капли нежности. Моя мать умерла три года назад. И еще раньше совсем молодой скончалась моя добрая жена, не оставив мне детей. Но эти нежные существа приучили меня к участию и ласке. Я и тогда напряженно работал, но, возвратясь домой, погружался в теплое озеро мира и любви... Теперь я страшно одинок. Тебя я обожаю, Фаустина. Я не думал, что умею так обожать человеческое существо. Твое отсутствие — рана в моем сердце, через которую сочится моя кровь... А мне нужна вся моя кровь, вся моя сила. Если бы ты знала, как много там, в Тротцбурге, энтузиазма, горячих слов, подымающих душу явлений, высоких моментов... Но там и мрачный вопрос повис над всеми... Там трупы и раны... В место невеселое зову я тебя. Ты видишь, какой я эгоист? Но

клянусь тебе свободой и великим Тротцбургом, которому я служу все с большей любовью: если бы я не думал, что я и мои силы нужны сейчас дорогому городу, светильнику бедных и порабощенных, надежде мудрых и правдолюбивых, — я не ценил бы себя нисколько. Но я говорю тебе—твое присутствие прольет радость в мое сердце, удесятерит мои силы, и все вокруг воспрянут духом, узнав, что дочь Фауста с нами и стала женою скромного трибуна. Ведь мы любим друг друга? Если да—мы вместе должны пережить грозу. Когда она пройдет, я сложу с себя красно-зеленый шарф, ибо буду настаивать на ежегодной смене трибунов.Я займусь в тишине выработкой справедливых законов для спасенного Тротцбурга, потружусь над широким планом его хозяйства, как частный советник народа, потому что я не хочу ни удерживать власть в своих руках, ни оставлять ее в руках Вильяма Скотта. Великий город не должен иметь над собою и тени господ. Тогда мы заживем жизнью тихой, полной светлого труда и нежной любви. К этому зовет меня мое мирное сердце. Но сколько опасностей и борьбы до тех пор. И в такую пору ты далеко от меня. Неужели собственное твое сердце не кричит тебе: беги в Тротцбург, беги к твоему Габриэлю?

Фаустина. Габриэль, я люблю тебя всем сердцем. Ты — умный, благородный, ты—святой, и твои светлые мысли—моя религия. Каждую минуту готова я отдать свою жизнь за тебя и твое дело. Но Фауст... *(Плачет.)*

Габриэль. Решайся, Фаустина. Скоро пробьет полночь. Твой отец может проснуться каждую минуту от своего короткого вечернего сна... Он позовет тебя.

Фаустина. И меня не будет с ним, и я не откликнусь... И он останется один... Один... *(Плачет.)*

Габриэль. А я? Там, среди ужасов осады, быть-может, под ножом убийцы, подосланного врагом?

Фаустина *(судорожно обнимает его)*. Как мне жалко вас... обоих... *(Рыдает.)*

Фауст *(за сценой)*. Фаустина! *(Звон колокольчика.)*

Фаустина *(в страхе)*. Проснулся...

Габриэль. Твои колебания не могут длиться... Знай, я больше не приеду. Говори. Осуди на горе мое сердце. Выбирай.

Фаустина *(запахнувшись в свою шаль)*. Едем, едем. Да простится мне этот поступок. Голова моя кружится. Поддержи меня. *(Габриэль перескакивает через ограду и помогает Фаустине сделать то же. Он усаживает ее на коня.)* Если бы я верила, я молилась бы. О, земля, наша мать, всемощная природа, судите меня. Отец, отец, прости, прости.

(Габриэль поворачивает ее коня. Слышен удаляющийся топот. Журчит фонтан. Поет соловей. Ветер качает богатые золотые плоды на яблонях и грушах. Вдруг издали доносится звук золотого рожка, а потом голос пажа)

Паж.

«Оэ. Оэ.
Откликнись тот, кто в эту ночь
Страдает от любви!
Страданьем жаждет превозмочь
Любовь-вражду. Гони же прочь
Унынье и живи!
Оэ. Оэ!
Пусть сердце рвется у тебя —
Живи любя, живи любя!
Любовь растет, — отдайся ей:
Вражда сильна, любовь сильней!
Оэ. Оэ».

Фауст *(в халате, опираясь на палку, с непокрытой головой выходит в сад)*. Мой ангел, Фаустина. Ты здесь? *(Прислушивается.)* Но где же она? Как это странно. И не в ее привычках. Фаустина, Фаустина! Я проснулся... В этом

часу она уже готовит мне обычно мой ароматный эликсир... Или она заснула где-нибудь, бедняжка?

(На башне бьет полночь. К ограде подходит прохожий. Прохожий прислушивается).

Фауст. Дочурка!

Прохожий. Ваше высочество!

Фауст. Кто тут?

Прохожий. Верный слуга. Ваша дочь только что проехала по дороге с трибуном Габриэлем на двух конях. Они летели, как ветер, к Тротцбургу... Боюсь, ваше высочество, что она сбежала от вас.

Фауст. Что за негодяй болтает там за оградой! Если бы ты стоял ближе, я сломал бы палку о твой проклятый череп! Что ты там каркаешь, омерзительнейший из клеветников земли! *(Идет в замок, повторяя:)* Фаустина! Венцель! Венцель! Фаустина! Мой паж! Кто-нибудь!

(Прохожий хохочет довольно громко и уходит по дороге. Тихо. Плачет вода. Луна стала словно еще ярче. Из замка заглушенно доносятся зовы Фауста).

Фауст. *(Выходит вновь. Он несколько согнулся. Седая борода растрепана, садится на той скамье, где перед тем сидели Фаустина и Габриэль.)* Бежала? Фаустина? От меня? Невероятно. С моим врагом? Неслыханно. *(Молча и угрюмо смотрит перед собой.)* Покинула? Одного? Ради кого? Ради этого серого фантазера? Как понять? Никогда ни одного слова... Бежала, бежала, как Джессика от Шейлока... В такую ночь, в такую ночь. Бежала, как Дездемона... И я — один, как Лир. Как далеки, как чужды были мне эти образы, а теперь все их горе со мной... Постой. Фауст, ты еще не веришь, Фауст, ты не веришь еще. Неж-

ная Фаустина бежала... от тебя! Скрывала, как в черный ночи, в душе своей свою любовь, свои планы. Обманывала! *(Закрывает лицо руками. Глухо.)* Обманывала безумно любящего отца... А, ты начинаешь верить, старый глупец. А, наконец, слезы: думал ли ты, что будешь еще плакать? Вот когда ушла от тебя твоя юность... Вот когда тебе холодно. Тротцбург, Фаустул, Фаустина. *(Слабым голосом, почти с детским плачем.)* Дети. *(Гордо подымает голову).* Фауст, ты один... Пучины небесные над тобой, под ногами твоими шар земли. Перед тобою смерть, за тобою — страшная дорога, могилы умерших.

Так стоишь ты один. *(Встает, скрестив руки на груди.)* Где-то живут, борются, но уже без тебя... Ты оказался ненужным. Это смерть... Это смерть, старик. Слышишь ли похоронный звон? Все живет вокруг.

Вот падает плод, несущий семя в сладком своем и сочном теле... Но что состарилось — умирает. Да, это смерть, Фауст, когда уже никому ты не нужен, никто тебя не любит и никто не позволяет тебе любить себя. Тебя выбросили в темный угол. Как? Я, я, я! Фауст? Я — не нужен? Где же другой великан? Кто же пришел мне на смену? Габриэль, Скот? *(Горько смеется.)* Нет же, нет... И, однако же, ты — умер. Они взяли у тебя создание твоего гения, они взяли даже дочь твою и об'явили тебя лишним. Мстить? Доказывать, что я тот же? Разрушать? Но ты — умер, и если станешь вредить, — это будет только превращением в вампира. Они вдруг, сразу все отвернулись. А ты остался с твоим гением, твоей любовью, твоими идеями, с железным человеком... Все это похоронено с тобою в одной могиле. Верь, верь, Фауст, — ты умер. Это ясно. Ах, если бы ты жил, разве нежная Фаустина ушла бы, не простясь, не сказав ни слова? Ушла бы, равнодушная, не бросив взгляда?.. Ведь даже трупу дают последнее целование. Но крепко тело человека, даже старого. Я умер, а тело живет... Никого вокруг, один... Ну, так уснем же, мои мысли, моя боль. Уснем же. Пойдем-тека на башню, поглядим-ка на мир... Я ненужен? Хорошо!.. Быть-может, они пожелают, ужаснутся и в другой

раз не разобьют сердца другому Фаусту. А вы льете кровь друг другу, как звери, и не раскаиваетесь. Вы бросаете с улыбкой тех, кто вас бесконечно любит,—вы... Вы озверели?.. Вы получите урок. Фауст напишет на последней странице: так жил я и мыслил, вот, что готовил людям, но они озверели, и Фауст уходит... Да свершится когда-нибудь чудо, да заслужат когда-нибудь люди другого Фауста. *(Встает через силу.)* Старость сразу одолела меня. Последние капли юности, живой воды моей, пролились.

(Уходит медленно и сгорбленно. Плачет вода. Поет соловей. Ярко светит луна. Тяжело падает с ветки золотой плод.)

ЗАНАВЕС.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ.

На вершине башни Соколов. Широкая площадка, окруженная короной зубцов. Ясное небо, яркая луна, звезды. Залитая таинственным светом, стелется необ'ятная равнина, холмы, леса, деревни, мигающие огнями. У самого моря, словно куча раскаленных угольев, — Тротцбург, а кругом венец костров лагеря осаждающих.

Фауст медленно всходит по лестнице, вступая в лунный свет из широкого темного пролета лестницы. В руке он несет чашу. Медленно подходит к балюстраде и ставит чашу на зубец укрепления. Садится рядом на парапет. Осматривается.

Фауст. Завещание написано: написано последнее слово Фауста людям. *(Шауза.)* Ну, природа, прощай. Чудесная необ'ятность, вся проникнутая светом, вся трепещущая движением и возможностью жизни... *(Подымает голову к звездам.)* Чудесно, чудесно. Огромно! Гениально! И все частное — ничто перед целым. Тонешь... Поглощаешься без следа... И между тем общее живет в мире для мириад частей своих... Да... Все это — хорошо. Все это хорошо со всем включенным сюда страданием. Этот мир прекрасен... Фауст умирает не оттого, чтобы не ворчал на мир, а оттого, что он стар, и время для него настало неподходя-

щее. *(Опускает глаза.)* Теплая, зеленая, водами играющая, милая... Прости!.. Любил тебя... Ты можешь стать чудесной ареной подвигов лучезарно-прекрасного, божественно-мудрого племени... Когда это будет? Будет ли? Не выродок ли, не неудача ли слепого самотворца-бытия — человек в своем среднем типе. Возможно. Драма полна загадок, будущее улыбается улыбкой сфинкса. Любил ли эту улыбку... Люблю тебя, безжалостный, безграничный, во всех живущий Пан... Но странно... Здесь разрушается форма столь высокая... ибо, признаемся: без меня и мне подобных нет этого порядка, красы, блеска... Ведь атомы ничего не знают ни друг о друге, ни о себе самих... Здесь разрушается такая форма... Всякий человек есть нечто царственное и в своем роде высшее, нежели роскошно богатое возможностями, но низкое духом светило. Здесь же проходит не просто человек, но Фауст, в чьем мозгу связаны в чудовищно прекрасный узел золотые нити бытия, — и ничто не дрогнет, ничто не дрогнет, и все равнодушно... Говорят, смерть Цезаря сопровождалась знамениями... Ужели я настолько меньше Цезаря? Скорее лгут хроники. Если бы огромное лицо в небесах улыбнулось мне необ'ятной прощальной улыбкой, если бы рокот грома сказал мне — прощай! Если бы хоть что-нибудь сверх'естественное для меня лишь одного, для моей последней минуты шевельнулось, — как спокойно и сладко я умер бы! Нет. В мире нет человеческого бога. Мир бесчеловечен в целом... Фауст—ничтожество!.. О, о, какое ничтожество!

Я только сейчас ощутил, какой я маленький, одинокий, ни с чем не связанный... Великий Фауст, герцог Вэллентротца и Тротцбурга, ученейший муж земного человечества. Где ты? Я потерял тебя... Я не вижу тебя... Я захлебываюсь только бесконечностью... Фауст, где, где ты? Земля, где, где ты? И где на тебе Фауст? Смерть ужасна! Да разве это — жизнь? Горят, горят солнца. Вечность... О, дух мой... Вечность позади, впереди—вечная, вечная вечность... Чу! Музыка—душа моя, не расплываешься ли ты? Какая музыка! Что это?.. Вверх...

Мощно... Я поднят... Вниз... В пучины... О, голоса... Что это?.. Кто поет хором?.. Звезды? Мир поет. Несет, кружит, вздымает. Не вмещаю, не вмещаю... Сладко, страшно,—все запело.

Необоримой волной в бедную тесную грудь льется прозрачный хорал, уничтожающий звон. Льется, и сердце мое сладко теряет себя... Мерный, безмерный размах, ритм, всколебавший эфир, тихая буря времен, вольная песня пространств.

(Музыка становится слышной и зрителям.)

Вечное рожденье, дети без отца, силы превращения, волны без конца! Драма без начала, творчество без рук, тайн без покрывала невозвратный круг. Разум неразумный, цель бесцельных сил, ярко-цветно шумный лёт бесчетных крыл! Велико и мало—все в себе равно, вечное начало за звеном звено... Все на верном месте, каждый миг поет, и дают все вместе дивный хоровод: кто рожден бороться, верен будь борьбе, — пышно разовьется дерзкое к судьбе! Мощному стремленью — радостный простор: вечность все движенья сочетает в хор!..

Так ли поешь ты, природа? Этому ль учит твой голос? Кровь молодеет, от сердца к мозгу бежит и поет! Песнь напевает все ту же вечную песню природы, будит уснувшие мысли, дух угнетенный бодрит: в круговоротах стихийных, среди пучин мирозданья, здесь, на земле, в этом месте, вновь обретаю себя!.. Я — это я! Предо мною блещут забытые цели, пенным вином закипает, искрится жизнью мой ум... Жить и творить! *(Словно проснувшись.)* Что это было? Сон? Что пережила душа? Одиночество? Но разве я не со вселенной, разве не с человечеством? Разве я не с делом моим? Они не поняли? Поймут! Фаустина? Но, быть может, тут есть роковая ошибка? Куда заторопился ты, как мальчик? И разве там, в мастерской, не ждет тебя железный человек, уже получивший тень души? Как? Я хотел уйти, не окончив начатое? Уйти добровольно, не выполнив намеченное? Стыдно, стыдно, седой ребенок! Жи-

ви, пока дышит грудь, бьется сердце и работает мозг! А смотри—грудь дышит глубоко, сердце бьется сильно, ум работает ясно... Смерть придет в свое время. Торопись, пока жив этот славный мозг, торопись, чтобы оставить след, широкий и глубокий, чтобы впереди братьев и внуков взойти ступенью выше по лестнице человеческого могущества.

(Вдали голос мистического рыцаря.)

«Дышит смерть, подымается мутный туман,
Пожелтели, усохли листы,
Но успенье, тленье только обман:
Не пройдешь, не рассеешься ты.
Наливай же свой плод, свое семя роди
И на зиму ложись отдыхать
На родной, на земной, чудотворной груди,
Чтоб с весною проснуться опять.
Чувство к чувству и к мысли светящая мысль
И на пласт народившийся пласт,
Измеряя — измерь, исчисляя — исчисль,
Что грядущему прошлое даст».

(Звук золотого рожка. Паж едет и поет.)

«Оэ, Оэ!
Кто тяжко мыслит при луне —
Душой ответ лови;
Жизнь бьется в звездной тишине
В идеях, в чувстве, в полусне,
Творя закон любви!
Оэ. Оэ!

(Фауст чутко прислушивается и вдруг, наклонившись над равниной, громко отвечает:)

Оэ. Оэ!»

ЗАНАВЕС.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ.

Песчаные дюны в северо-восточном Вэллентротце. Печальные холмы, кое-где поросшие вереском. Странно возвышается среди них, налево от зрителей, большой черный камень почти правильно пирамидальной формы, так называемый Девильсблук.

В глубине сцены сумрачное море. Ночь. Облака быстро бегут по небу, бросая фантастические тени на песок. Луна ныряет. Дали одеты тьмой, где вспыхивают порой бледные зарницы. Входит Мефисто. На нем длинный черный плащ, острый конец которого волочится за ним. На голове капюшон с длинном мешке. Лицо злобно и задумчиво.

Мефисто. Здесь. *(Останавливается.)* Проклятый Тротцбург!.. Проклятый Фауст!.. Думал ли я, что из моих трудов вырастет такое страшное препятствие для торжества порядка. *(Садится на выступе у подножия Девильсблука, кусает кулак и издает странный звук, похожий на прерванное рычание и на рыдание также.)* Мать, я близок к отчаянию. О, я знаю, что конечная победа — наша. Но что же мои усилия?.. Скорее, скорее, тоска гложет меня... Я хочу покоя. Вши этого шара мне опротивели. Между тем мы стали бессильны. Чары не действуют. Вещи не повинуются.. Плывем против стремительного течения. Молимся, таем, как тени перед чудовищем-зарей... Во что бы то ни стало, Фаустул должен победить завтра... Начнем. *(Медленно и важно подходит к Девильсблуку, делая странные жесты руками, словно зазывает кого-то со всех сторон. Потом всходит на пирамиду и, достигнув вершины, вкладывает пальцы в рот и оглушительно свистит.)* Эй ого! Глубокие могилы, раскройтесь! Плиты соборов и склепов, расступитесь! Я режу землю острием свиста, косою моей злой чары, плугом последнего разрушения. Эй ого! Кости крепкие, кости гнилые и самый прах, шевельнитесь, взметнитесь! Части рассеянные, ищите друг друга! Прошлое, воссоздайся ради разрушения! Гойо, гойо! Гу! Старые, ржавые латы, мечи и копья, загремите! Катитесь, громоздитесь!.. Го-о, го! Гей-гу! Встаньте под луною, древние люди! Древние семьи, роды и кланы! Правнуки рабов подняли бунт. Они смеются над вашими выродками. На

помощь порядку, покойники! Из могилы аббатств, из-под ив и кипарисов, с полей битв из-под песка и крапивы, из волн морских, из пышных мавзолеев — вставайте, спешите! Стройтесь в ряды! Из туч сотку вам знамена, вороны споют вам бранную песню. Марш, марш, ржавые колонны, Гой-го! Гой-го-гу!

(Начинаются стоны, стук, грохот, тяжкий топот. Из-за камня, медленно ступая большими ногами, понуря морды, едут закованные кони. На них закованные люди. Вьют туманные знамена. Стаи воронов с карканьем летят над мертвым войском. Забрала опущены. Лишь кое-где видны черепа с безумными дырами глазных впадин, мрачные провалы носов и грозные оскалы челюстей.)

Мефисто. Больше, больше! *(Манит рукой со всех сторон.)* Паладины былого, грозные предки, силы упрочившегося, сюда, сюда, на помощь вашим выродкам: не дайте смердам овладеть землей! *(Свистит.)* А, славное войско... Поистине — славное. Завтра, в трудную минуту, холодный ужас схватит бойцов за сердце. Дрогнут бойцы подлой жизни, бойцы же порядка ощутят крепкую поддержку мертвой руки. И вы, великие кости, вы, рыцари червя, ржавчины и плесени, — вы покажетесь среди смятения, жуткой паники и вы победите, а с вами — мать моя, выбрасывающая вас вновь, проглотившая вас пастью смерти — мать — Ночь! Славные, славные рыцари. Ну-ка, испустите бранный клич!

(Странный тяжкий стон проносится по дюнам. Кто-то раздирающе кричит. Потом вороны каркают громче и чаще.)

Мефисто *(скрестив руки на груди)*. Вы, несчастные мужланы без роду и племени, трава без корней, попробуйте

посчитаться со всей этой славой. Браво, браво, костяные мои солдатики. Вы победите.

(Громкий и нестройный вой, лязг зубов, треск костей, глухой стук железа.)

Мефисто. Недвижно стойте в этой долине, воскресшие! Когда я свистну вам, вы двинетесь к месту битвы... Мать, теперь наше дело обеспечено. Благодарю тебя за возвращение мертвецов: они приведут с собою новых, и ты получишь богатый процент, великая ростовщица.

(Внезапно раздается гармоничный звук, как бы гигантская рука рванула неизмеримую струну. Тучи рассеиваются. Долина ярко освещается луной. Над морем, посредине горизонта, загорается большая зеленая звезда. У берега над морем, в воздухе рождается призрачная зеленая фигура неясно-зримой женщины. Мелодичный голос ее звучит издалека.)

Сперанца. Не смей, бедный демон, вмешивать твои черные чары в битвы живой жизни!

Мефисто. Пустой призрак, который может рассеяться от моего дыхания, ты ли запретишь мне?

Сперанца. Ты кладешь прах прошлого на чашку весов? Тогда на другую я положу грезу будущего — мою силу! Ты вызвал из гробов предков угнетателей, — вызову светлых внуков освобождающихся.

(Сперанца подымает обе руки. Зеленая звезда разгорается и бросает через волны моря мерцающую переливчатую дорогу. По ней из незримых пространств идут белые, зеленые неясные призраки толпами, толпами приближаясь к берегу. Машут

пальмовые ветви, ветви дуба, мирта и лавра. Видны белые, голубые голубиные крылья, красные хоругви, высокие светильники, сияющие синим цветом.)

Хор неясных голосов *(гармонично и нежно-напевно):*

«Мы вечно с вами, мы вечно в вас.
Мы жаждем жизни и будем жить,
Мы смотрим, смотрим мильярдом глаз,
Как вы прядете златую нить.
Мы слышим, слышим и жертвы стон,
И страстный шопот земных молитв,
И строф поэта всевещий звон,
И шум работы, и крики битв.
Мы вечно с вами, чрез времена
Мы тянем руки к сердцам отцов:
Жизнь ваша нами окружена,
Как мост к потомкам от мертвецов.
Вы нас призвали, и мы идем:
Ведь мы же с вами и жаждем жить,
Мы в вашей жизни уже живем,
Мы помогаем прясть жизни нить.
Не перережет ее судьба,
Ни злобный скрежет, ни мертвый хлад,
В борьбе вы жили, — нас ждет борьба:
Мы победили борьбою ад!»

(Все сразу исчезают. Один Мефисто остается на камне).

Мефисто *(садясь).* Как я устал... Дрожат ноги моего земного тела... Дух хочет стряхнуть эту изношенную ветошь. Итак, я почти бессилен... Но колесо времени остановится все же когда-то. Пусть оно вращается пока все быстрее, оно станет замедляться. О, холодная, тихая луна, дай мне насладиться голым пейзажем твоих умерших стран, дай мне насытить им эти получеловеческие глаза. О, отдохнуть, отдохнуть там, в тихом уголке, где смерть уже поставила ледяной трон. Проклятая земля.

бью ногой твое лицо, умирай поскорее!.. Что бы ни пищало твое отродье, а ты умрешь! Плюю на тебя, опаршивевший ком грязи! Луна, тебе — мой поцелуй.

(Вытягивается с мертвенно-бледным лицом, весь черный и тонкий, вытягивается все больше и вдруг тихо подымается и летит в мертвое лунное пространство.)

ЗАНАВЕС.

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ.

Местность у маяка. Горизонт закрыт высоким гребнем Фаустовой дамбы. Налево высокое стройное здание маяка. Огонь наверху башни мигает, бросая тонкие лучи—попеременно зеленый и красный. Луна одним рогом подымается из-за дамбы. Звезды мерцают.

На равнине перед дамбой слышны стоны в темноте. Местность постепенно несколько освещается, видны трупы людей и лошадей, разметанные по пескам. Кое-кто шевелится.

Мефисто, закутанный в черный плащ, ведет под уздцы хромую черную лошадь, на которой, весь скрючившись, сидит Фаустул, растрепанный, без шлема, в латах.

Фаустул. Куда же мы?

Мефисто. В преисподнюю!..

Фаустул. Мне страшно.

Мефисто. Молчи!.. Ба, кто-то здесь шевелится... Это высокомудрый астролог. Ведь это — вы, граф Артур фон-Штери?

Артур. Это — я... Дайте мне пить!..

Мефисто. Не к чему, — вы сейчас умрете. Если напьетесь, то безобразнее раздуетесь на завтрашнем или послезавтрашнем солнце.

Артур. Я умру?

Мефисто. Еще бы! Вас изрубили в куски.

Артур. Но звезды...

Мефисто. Ха-ха-ха!

Фаустул. Твои звезды, зять, твои звезды. Проклятие твоим предсказаньям... Проклятие всему на свете! Мне холодно и страшно. Я не хочу умирать.

Артур. Я тоже не хочу... Неужели все было обманом? Кто же, злой, так насмеялся надо мной? Родиться, быть обманутым, приблизиться к чаше любви и умереть в луже собственной крови... отгоняя слабеющей рукой коршунов... О, я страдаю телом и духом!

Мефисто. Гляди на звезды, любуйся ими. Скоро глаза твои остекленятся. Ты будешь белым красивым трупом... под сиянием... Потом ты сгниешь, и на этих песках вырастет немного травы... Она будет жалобно шептать под ветром, а звезды будут смеяться. Ха-ха! Победа! Потомство! Мирная долгая жизнь! Ха-ха! Эй, ты, безземельный принц, едем вниз нашей дорогой.

Фаустул. Куда?

Мефисто. В преисподнюю!

(Проезжают.)

Артур. Звезды лгали... Умереть, ничего не поняв... Звезды... Куда лечу? Довольно боли... Довольно жажды... Недоумение... Сон...

ЗАНАВЕС.

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ.

На окраине Тротцбурга, в маленьком домике, где поселился Фауст инкогнито. Кабинет и мастерская, разделенные ковровой завесой. Сумерки. Венецианское окно, заставленное горшками с цветами, полно предвечерней синевой. Простая мебель, массивный стол, книги, глобус, реторты, части разных механизмов повсюду. У окна Фауст. Он в длинном черном таларе, читает большую книгу, надев на нос стариковские очки. Пауза. Подымает голову.

Фауст. Идет весна. Дни стали длиннее... Не открыть ли окно? Попробуем. *(Открывает окно.)*

К окну сейчас же подходит девятилетняя Гольда, босая, в живописно разорванном платье, со спутанной гривой золотых волос.

Гольда. Ты открыл окно, дед?

Фауст. Открыл, Гольда.

Гольда. Смотри, не простудись.

Фауст. Весна... Ты же вот ходишь босиком?

Гольда. Я молоденькая, а ты старый. Что ты смотришь? Что я такая рваная? Ты не подумай — мы не бедные. Отец все повторяет: в Троцбурге нет больше бедных. Бедность уехала с Фаустом, говорит он... У меня есть красивые платья... Но я их рву, видишь ли, дедушка. Мать говорит: на тебе все горит, Гольда. Так и башмаки... А я не люблю стесняться. Например: у меня есть белое кисейное платье с синим поясом... В нем не полезешь, дед, на дерево? Как ты полагаешь?

Фауст. Невозможно.

Гольда. Вот видишь... А я люблю лазить на старую грушу и смотреть в твое окно сверху, как ты колдуешь.

Фауст. Колдую?

Гольда. Ну, да... Делаешь машины... Знаешь, что отец говорить о тебе? Он говорит: это—сумасшедший дед, он хочет сделать перпе... перпе...

Фауст. Perpetuum mobile.

Гольда. Вот-вот.

Фауст. Нет, твой отец, неправ. Perpetuum mobile я уже нашел. Это — мир. Я просто делаю легонькие дрожки, чтобы осликам было легко возить тяжелое.

Гольда. Так ты не колдун?

Фауст. Нет, Гольда.

Гольда. Рассказывай!.. Ты знаешь, что еще говорит отец? Он говорит: этот мингер Дампфер смахивает лицом на одного человека. Если бы я не знал, что тот человек далеко и не стал бы сейчас жить в Троцбурге, я подумал

бы, говорит отец, что это—он. Не знаю, про кого это он говорит. А тебе не скучно?

Фауст. Нет!

Гольда. Все работаешь? Пишешь, читаешь?

Фауст. Да, Гольда.

Гольда. А у тебя нигде нет старушки?

Фауст. Нигде.

Гольда. А детей или внучат?

Фауст. Они далеко.

Гольда. Будь я твоя внучка, я бы тебя не бросила. Ты ведь добрый старичок. На тебя и смотреть приятно... А твои сказки я рассказываю потом всем подругам, и всем, всем они нравятся. Расскажи мне сказку, дед...

Фауст. Тогда полезай в окно, Гольда. Я тебе всегда рад, потому что ты ведь золотая мышь.

(Гольда ловко вскакивает в окно между цветочными горшками.)

Гольда. Вот твоя золотая мышь. *(Оглядывается.)* А у тебя уже темно.

Фауст. Зажжем лампу.

(Зажигает большую лампу.)

Гольда. Какая у тебя красивая лампа... Словно белый шар... Ну, я сяду в твое кресло. Тут можно, хорошо. Признаться тебе, дед, ноги-то у меня озябли.

Фауст. А мы закутаем их этой шалью.

Гольда. Какая мягкая. Теперь мне хорошо.

Фауст. Еще не совсем. Ведь ты, Гольда, любишь мед? У меня есть мед.

(Достает из шкапа горшочек с медом и печенье.)

Фауст. Видишь и сухарики.

Гольда. Я буду макать их в мед. А ты рассказывай.

Фауст *(ходя по комнате.)* Жил-был на свете, Гольда, один мудрый и богатый человек. У него были дочь-красавица и богатырь-сын. Он очень любил их и хотел им счастья. Для этого он выбрал дочери жениха, а сыну устроил большую должность при дворе короля. Он взял за руку красавца-жениха и привел его к дочери и сказал ей: «Дочь, вот тебе муж. Смотри — какой статный, чернобровый, кудрявый. Он знатен родом и еще богаче нас с тобой». Но дочь ничего не сказала, а только опустила глаза. Жених же поцеловал концы ее пальцев. И пошел отец к сыну и одел его в златотканную одежду, дал ему в руки драгоценный жезл, а на голову возложил бриллиантовый венец и сказал: «Иди теперь во дворец короля, — ты будешь его любимым виночерпием. Почести и радости ждут тебя на королевской службе». Но сын ничего не сказал. маленькая Гольда. И наступила ночь. Мудрый человек сидел на крыльце дома под деревьями сада. И было темно. Вдруг он увидел, как вышла из дому его дочь в своем белом платье, прошла в сад и скрылась. Показалось мудрому человеку, что вид у нее был робкий и что она оглядывалась по сторонам. Отца она не заметила. И было тихо. Только выпевала свои чистые рулады древесная лягушка. Светоносные жуки мерцали, хороводами носясь над кустами. Мудрый человек пошел за дочерью... Он прошел сад и вышел на двор, где стояли телеги и плуги. Он прошел меж ними и вошел в конюшню рабочих мулов и ослов. Он шел так потому, что туда направлялась впереди его белая фигура девушки. В конюшне пахло теплым навозом. В крайнем стойле стоял ослик с большой головой и очень длинными ушами. В отверстие падал на него свет вечных звезд. Он жевал сено и медленно махал хвостом. Красавица подошла к нему. Обняла его шею. Стала целовать его шершавую голову. А он жестким языком лизал ее руки. И она говорила: «Ты, ты — мой жених. Другого у меня не будет». Смущенный и испуганный вернулся домой мудрый человек и

не мог собраться с мыслями. И болело его старое сердце. И тут прошмыгнул в ночи мимо него сын. Он был закутан в плащ, и надвинул шляпу на брови. Крадучись, вышел он за калитку, что отделяла сад от леса. Предчувствуя что-то большое, встал отец и пошел за сыном. В лесу была черная тьма, и весь он был полон шорохами. Сова кричала. И сын пришел к глубокой и сырой пещере, встал на четвереньки и скрылся в ее низком отверстии. А все знали, что в пещере жил змей, и боялись даже заглядывать туда, хотя бы среди бела дня. Страшно стало мудрому человеку. И он вернулся. Тут пробило на башне двенадцать часов. «Неужели дочь моя все еще там, с ослом?» подумал он и пошел посмотреть... Он протер глаза, думая, что плохо видит, хотя луна взошла и стало довольно светло, все вокруг очаровательно поголубело. У дверей конюшни стоял стройный молодой парень в сером камзоле и серой шляпе с двумя журавлиными перьями. Он обнимал дочь мудрого человека и говорил: «Ты знаешь, что я трудолюбив, силен и терпелив. Злая чара спадет, когда ты станешь моей женой, тогда я навсегда останусь одаренным речью человеком и с помощью твоей любви построю дом счастья для нас и для других — для тружеников, у которых нет работы, для семейств, у которых нет очага, для ученых без книг, для всех, чья голова, сердце, руки могут, и кому судьба сказала нельзя... Смутился мудрый человек. Не зная, что думать, пошел в лес, сильно беспокоясь о сыне. При яркой луне сын его сидел на пне у самой пещеры. У ног его лежал убитый змей, а сам он пересыпал сверкающие брильянты, рубины, изумруды, целыми горстями беря их из золотых ваз и боченков... Тогда мудрый человек воскликнул: «Сын, что это?» И тот ответил: «Это—счастье, которое я сам нашел и завоевал себе, потому что я не хочу подавать стаканы королю». И сказал мудрый человек: «Сестра твоя тоже нашла свое счастье»... И это была правда. Они сами нашли, сами взяли счастье свое, где мудрому человеку и невдомек было бы искать его. Мудрому человеку было стыдно. Но потом он обрадовался и сказал себе:

«Постараюсь хоть чем-нибудь увеличить их счастье, придвинуть землю поближе к солнцу, послать летучий корабль за серебром на луну и другое трудное»... И все это они сделают, потому что живут дружно... Смотри-ка. Гольда, твоя мать ищет тебя.

Женщина *(подходя к окну)*. Не у вас ли моя дочка, мингер Дампфер?

Гольда. Тут, тут я, мама. Я ем мед и слушаю сказку.

Женщина. Торопись-ка лучше домой. Вот и не будешь ужинать после меда, ни спать после сказки. Вы ее балуете, мингер Дампфер.

Фауст *(гладя голову Гольды)*. Побольше счастья детям, фру Кэт.

Гольда *(крепко целуя его)*. Ну, делай свои дрожки. Спасибо за мед и за сказку. *(Выпрыгивает в окно.)*

Женщина. Добрый вечер, мингер Дампфер.

Фауст. Добрый вечер, фру Кэт. Спи крепко и сладко, золотая мышь. Постой... А отнесла ты сегодня утром записку в дом трибуна?

Гольда. Ну да. Но мне сказали, что трибун с вечера уехал на работу в Зюйдкиркен... Они там сушат болото, как при Фаусте.

Фауст. А жена его?

Гольда. Она всегда со своим маленьким. Но только вряд ли ей сейчас же передали письмо. Я видела, как Питер Баас положил его на столе, где работает трибун.

Фауст. Так, моя птичка... Очень хорошо. Прощай.

Гольда. Прощай, добрый дедушка!.. Добрый. *(Убегает от окна.)*

(Фауст остается один.)

Фауст. Я сдаюсь... Моя гордость молчит... Дети были правы. Только одна зима отделяет нас от времени осады, а Тротцбург уже расцветает. О, молодцы, о, славные ребята. Как справляются... И у Фаустины уже три месяца, как родился маленький... которого назвали Генрих Фаустус... А я еще не видел его. Ну, правда, итти в Каноссу, не построив им железного человека, было бы тяжеленько, но теперь я иду не с пустыми руками, я не напрасно тратил время. Да, мириться надо. Фаустул живет приживалом при всех дворцах и плетет дурные интриги... Было бы жаль подвергать мой... наш Тротцбург еще одной осаде. Уже потемнело. Они прочтут мои строчки и... придут... Я волнуюсь.

(Стук в дверь).

Фауст. Дочь! *(Бросается к двери и распахивает ее. Входит Мефисто, закутанный в темно-красный плащ и останавливается в дверях.)* Ты? Тебе здесь нет места.

Мефисто *(делает шаг вперед).* Нам надо говорить.

(Машет полой плаща на лампу, которая полупогасает, оставаясь бледным пятном в темноте. На черном фоне выступает только прекрасная седая голова Фауста и грубо-белая маска Мефисто.)

Фауст. Ты напрасно отнимаешь у меня время, злой дух. Никогда не имел ты власти надо мной, а теперь меньше, чем когда-либо.

Мефисто. Итак, ты прощаешь? *(Фауст молчит.)* Просишь прощения? *(Фауст молчит.)* Кончено... В этом пустом сердце нет жизни, огня, крови. Растоптали твою славу, отняли дочь, разбили существование сына, нагло подымают голову твои враги, победно над тобой издеваясь, готовясь зловонно торжествовать в своем мещанском счастье, пока взаимная ненависть и зависть не приведут их муравейник к крушению. А ты!—ты пустил слюну, дрях-

лый младенец, и поползи просить, чтобы тебя милостиво потрепали по спине! Почему мне страшно и стыдно за тебя? Потому что в памяти веков довольно долго будут видеть след нашей близости, и смрадная тень твоего, даже для меня неожиданно пошлого, падения косвенно падает на меня, гордого духа, и довольно надолго, повторяю тебе, запачкает слезами твоей старческой слабости мои беспорочно-черные крылья. Жалкий, жалкий, тебя считал я первым из людей! Если же ты был им, то чего стоит человек, когда и первый из них — вот он, раскисший мозг в треснувшем костяном черепке, старое больное животное, которое хочет мира и покоя, места за печкой насмеявшихся над ним, отвергнувших его выродков... Всегдашний враг рождений, я стою почти скорбный от презрения к их результатам. О, грязь, грязь! И это смеет существовать!

Фауст. Побереги свою риторику для меланхолических студентов.

Мефисто. Ты умрешь скоро, Фауст!

Фауст. Я давно это знаю. Я не желаю смерти, но не боюсь ее.

Мефисто. Ты мог бы жить.

Фауст. Какой ценой?

Мефисто. Воскресни! Гордость свою разбуди, Фауст! Скажи мне: ударим, расплющим! Местью, местью насладись! Титаном предстань перед ними и скажи: по слову моему Тротцбург родился и по слову моему исчезнет! Дай мне руку—и я дам тебе долгую жизнь, клянусь матерью!

Фауст. Ты хочешь, чтобы я убил детей моих ради продления дней моих? Нет!.. Они стóят больше меня.

Мефисто. Жалкий, что говоришь? Скромный, униженный, пригнувшийся. Ты, ты — Фауст?!

Фауст. Я — Фауст, знающий себе цену.

Мефисто. Твоя цена в глазах моих была всегда ничтожна, но в своей рабьей покорности ты ценишь себя еще ниже.

Фауст. Я — Фауст, знающий себе цену... Я знаю, например, что ты — тень моя, пустота, что каждое биение моего пульса ценнее всего твоего призрачного бытия, каждое движение зрачка моего осмысленнее всей твоей фантасмагорической мудрости.

Мефисто. Вот как!

Фауст. Я знаю мало, потому что человечество еще в колыбели, но я уже знаю, что ты — глупый, бедный чорт.

Мефисто. Интересно. Ха-ха-ха! Лижешь руку, которой Фаустина добродетельно штопает пятки на чулке почтенного супруга, а на мне хочешь отыграться... Ну, что ж, я слушаю тебя... Но помни, Фауст, потом я скажу свое! Помни, и пусть холодный трепет пройдет в самых недрах твоего дряхлого тела.

Фауст. Ты — глупый, бедный чорт. И это знаю не только я, это знает каждый мужик. Монахи твердят, что ты грозен, силен и коварен, а мужичок изображает тебя дурачком, каков ты и есть. В его сказках всякий Иванушка тебя надувает, всякий Петрушка на игрушечной сцене тебя дубасит вместе с твоими присными — смертью и жандармом. Я видел одну сердобольную старушку, у которой на старости лет часто случались галлюцинации, — она мне говорила: «Сегодня приходил бедный чортушка. Жалко его... молочка ему дала. Да нечаянно ему лапку-то совсем и отдавила. Уж и визжал же! Трясется весь, бедненький, подойти-то не смеет, спрятался в дровах и пищит: — Бабка, у тебя моя лапка, ой, прошу бабку отдать мне лапку! — Жалко, говорит, их бедненьких: уж хоть бы пришибло их солнышко, что ли, а то маются, — ни себе, ни другим». *(Тихо смеется.)* Что же, Мефисто, отдать тебе твою лапку, которую Тротцбург отдавил тебе своей бронзовой пятой? Мы живем и развиваемся. А ты—наша всегда одинаково серая тень, тусклый фон наших ярких

мыслей, ты — царь отбросов, ты — царь мусора. Тебя называют Вельзевулом — царем мух. Но это слишком много чести для тебя, ты—царь мертвечины, предвестник мимолетного ослабления бытия в его вечном пульсе... Когда муха выходит из своего яйца, она взлетает выше тебя на своих перепончатых крылышках. Ты только потому не следишь с завистью за грациозным и торжественным ее полетом, что ты слишком слеп, чтобы понять величие и таинственность его и проникнуть в собственную свою пустоту, простоту и безнадежную плоскость. Отдать тебе твою лапку?

Мефисто. Вы живете, вы развиваетесь? Знай же, гордец, что существует одна ночь, а вы и все ваши миры, ха-ха, только случай, нелепый случай, миг ошибки, о которой и некому будет вспомнить, минутное воспаление Ночи, которая потопит вас в своих недрах и заснет. Но прежде еще, чем раствориться в безмерности, этот сон, называемый вселенной, одряхлеет, ваше старенькое, желтенькое солнышко покраснеет, посинеет, почернеет и застынет... И закоченелая системка закружится бессмысленно в эфире; более осмысленном, впрочем, чем кружитесь вы с вашими, ха-ха, надеждами! Вы не только существуете, бедняги, то-есть движетесь, что с нашей точки зрения—уже смешная бессмыслица и полубытие, вы еще, в довершение ужасно скверного случая, чувствуете и, увы, мыслите!.. Как это глупо, как непроходимо глупо! Крошечные машинки, марионетки необходимости, вы еще одарены бессмыслицей, называемой смыслом, и это для того, чтобы вы страдали, ибо страдание нужно для равновесия. Раз произошла такая глупость, как движение, нужно, чтобы кто-нибудь поплатился за этот абсурд, за пошлое нарушение покоя, и уравновесил счет; вот почему вы мучитесь. Ваша боль — начало обратного движения маятника, который остановлю я. Мир пройдет, еще прежде погаснет солнце, еще прежде сгниешь ты и бесследно рассеется тот клочок сна, который ты называешь своим сознанием!

Фауст. Мефисто, ты помнишь, как ты родился?

Мефисто. Я — часть Всематери, я предвечен! Но я вышел из святых бездн тьмы, когда началось мутное смятение. Я родился таким, каков я,—тоской по равновесию, когда оно было нарушено,—и вернусь к сладостно-величавому покою, когда оно восстановится.

Фауст. Бедный, глупый чортушка. Твоя мать, о которой ты говоришь с умилительным благоговением желторотого птенца, учившегося у захолустного схоласта, не существует. Не существует даже так, как ты говоришь. Все полно, все живо. И всегда жило. Бедный, глупый чорт. Посмотри, как ты похудел, посинел. Ты уже таешь в тенях моей комнаты. Вернуть тебе твою лапку? Ты вообразил, что тот темный угол, где ты родился, предвечен, а это просто мусорная яма мира, куда пока ссыпают щебень и отбросы, бросают падаль. Там и завелся ты, паразит, мокрица вселенной, и выполз, неся из своей мусорной ямы хаотичный идеал в мир вечно изменчивых гармоний. Мировая мусорная куча отжившей на время материи, которая некогда еще пойдет в дело, — вот мать твоя. В железах мозга, где скопляются в результате процессов очищения ядовитые секреции организма, отбросы нервного труда, — там влачишь ты туманное полубытие, и оттуда гонит тебя несущая благородный кислород солнцерожденная кровь. Гад ущелий, паук, детище тлена, ты живешь потому, что всегда есть в мире мусор... Одно переплавляется для жизни, другое отмирает для отдыха... Но царство света становится все более высоким, мысль растет — величайшая, хоть и младшая стихия, — и ты становишься совсем жалок, и никто не боится больше ада. Ты ведь — заблуждение. Отдать тебе лапку?

Мефисто. Кто ты, что смеешь говорить уверенно? Как дерзаешь ты твои догадки противопоставлять моему знанию?

Фауст. Я так богат и горд, что мне не надо рядиться в чужие перья. Да, пожалуй, то, что говорю, — догадка. Но

то, что говоришь ты, — кошмар распада, то, что говорю я,—проблеск усилия. Ты-то знаешь? Полно! Никто не знает. Все живут. Мы строим, ты — прах!

Мефисто. Ха-ха-ха! Вот как ты заговорил. Я всегда называл тебя коробочкой с сюрпризами. Ну, мудрый Фауст, знай же, что завтра ты умрешь. Надеюсь, в бессмертную душу ты не веришь? Завтра ты умрешь. Умрешь, умрешь! *(Наклоняется к нему и шепчет хрипло.)* Совсем умрешь, навсегда!

Фауст. За волною волна. Вот идет она, новая волна. *(Стук в дверь.)* Фаустина! Она принесла ребенка! Это — мой внук, это — Генрих Фаустус, тротцбургский гражданин, последняя надежда моих дней! Сгинь, призрак! Жизнь идет!

(Лампа ярко вспыхивает. Мефисто исчезает. Дверь распахивается: на пороге Фаустина, вся сияющая улыбкой, закутанная в зеленый плащ с белым мехом. Она нежно прижимает к себе тепло укрытого малютку).

Фаустина. Отец дорогой. Ты! О! Бежала, бежала!.. Дай целовать твои руки, твои седины. *(Плачет.)*

Фауст *(тоже плачет)*. Дочурка! Внук мой!.. Милые, милые! *(Долгие об'ятия.)* Как же?.. Как же, Фаустина, живешь ты? Ты счастлива, правда? Ты любишь Габриэля?

Фаустина. Я счастлива, отец. Я горячо люблю мужа и сыночка, ненаглядного моего ангелочка... Ты должен сейчас же видеть его. Только тепло ли тут? Какое у него очаровательное тельце... И он уже улыбается. Он похож на тебя. Право, он знает, что ему нужно быть похожим на тебя.

Фауст *(хлопоча у камина)*. Я сейчас же разведу огонь... Не раскутывай его, пока я не развел огня. *(Огонь начинает пылать в камине.)* Как же это, Фаустина, ты все скрыла от меня? О, милая, я не в укор... Нет, нет, нет!... Но за-

чем? Зачем? Мне было так грустно. *(Еще раз поправляет огонь в камине и подходит к ней.)*

Фаустина. Отец, я боялась... Ты уже нашел мне мужа, ты не любил Габриэля... Ты был такой властный, хотя и любящий...

Фауст. О, старый тиран! Старый тиран! Ты дочь свою заставил бояться тебя. Что же другие? А они еще терпели так долго твою опеку над собой. Покажи мне нашего Генри... Боже мой, какой он большой! Огромный! Великий!

Фаустина. Ему три месяца и четыре дня, но он выглядит полугодовалым ребенком.

Фауст *(беря его на руки)*. Я не уроню, Фаустина... Генри, Генри! О, он засунул розовую ручонку в мою бороду... Генри, счастье мое, бутон, новый я! Ты смотришь мудро и улыбаешься, как блаженство, как любовь, как весна, как заря, как надежда...

(Тихо входит Габриэль.)

Габриэль. Герцог!

Фауст *(оглядываясь)*. Милый зять, какой вы плохой гражданин. Разве я герцог? Я — доктор Фауст, тротцбургский гражданин. Знаете, что я говорю о вашем сыне: он — мудрый! Посмотрите, — вы видите, какое сверх-сознание на его личике. Это всегда так у человеческих детенышей. Они еще знают что-то важное, то самое, что узнают также молчаливые покойники. Но ни те, ни другие не умеют говорить, мы только читаем их мудрость: у детей—в светлых очах, у мертвецов—на челе и губах... Потом, научась говорить, дети забывают свою мудрость, начинают жить и делать свое дело... Посмотрите, как он улыбается! Генри, Генри, это пришел твой папа. О, да он знает вас. Какой вы счастливец!

ЗАНАВЕС.

КАРТИНА ОДИННАДЦАТАЯ.

Та же площадь, что в картине третьей. Она почти пуста. Редко проходит кто-нибудь. У казны—стража.

Из цеха каменщиков выходят купцы Сегаль и Пфеффершальк. Они медленно проходят к авансцене.

Сегаль. Это ясно, как божий день... Если мы будем натягивать струну...

Пфеффершальк. Так она лопнет.

Сегаль. Вот именно... Конечно, наши барыши скандально уменьшились, но...

Пфеффершальк. И малый барыш — все-таки барыш.

Сегаль. Вот именно... Мы можем пугнуть народное собрание угрозой, что навсегда уберемся из города, но...

Пфеффершальк. Он может сказать нам: скатертью дорога.

Сегаль. Вот именно... Я очень рассчитывал на честолюбие трибуна Скотта и ожидал иного конца от сегодняшнего разговора. Вы поторопились с вашими предложениями.

Пфеффершальк. Одним словом, он нас прогнал.

Сегаль. Вот именно.

(Навстречу им идет Мефисто, переодетый монахом.)

Мефисто. Достопочтенные негоцианты, остановитесь на минуту получить мое смиренное благословение... Ха-ха-ха... Вы не узнаете друга?

Пфеффершальк. Ба, да это ведь — барон!

Мефисто. Тс! Будем говорить тихо... Что сказал Скотт?

Пфеффершальк. Он разыграл мелодраму.

Сегаль. Это была сама добродетель.

Мефисто *(покачивая головой)*. Придется мне самому пощупать его. Не правда ли, — я имею ваши полномочия?

Оба. Еще бы!

Мефисто. Тогда, до свиданья. Он идет сюда.

(Купцы уходят. Скотт в красно-зеленом шарфе через плечо сходит с лестницы здания Цехов Каменщиков. Мефисто подходит к нему и низко кланяется.)

Мефисто. Не позволит ли мне высокомощный гражданин трибун сказать два слова?

Скотт *(рассеянно)*. Что тебе, монах?

Мефисто. Нам лучше войти куда-нибудь.

Скотт *(улыбаясь)*. Секреты?

Мефисто. Большой важности.

Скотт *(настораживаясь)*. Что можешь ты сказать мне, монах? Я очень занят: говори здесь и говори быстро.

Мефисто. Войдем в ваш кабинет. Я — бывший альгвазил, барон Мефисто.

Скотт *(вздрагивая)*. Что? Но я прикажу тотчас же схватить вас...

Мефисто. Если угодно. Но вы ведь умный человек. Вы поймете, что я являюсь в Тротцбург и прямо к Вильяму Скотту не для пустых разговоров. Вы захотите предварительно узнать в чем дело...

Скотт. В чем? Длинные речи между нами немыслимы. Если вы считаете меня умным, то поймете, что убеждать меня красноречием глупо. К делу же, барон. Чего вам нужно от нас? Вы привезли предложение Фаустула?

Мефисто. Фаустул безнадежен. Его дело проиграно.

Скотт *(улыбаясь)*. Мы это знаем.

Мефисто. Будем говорить решительными словами. Купцы решили уехать и подвергнуть Тротцбург торговому запрету.

Скотт *(пожимая плечами)*. Это неправда. Я только что говорил с ними. Они скорее напуганы.

Мефисто. Но после вас говорил с ними я. Их решение непреложно. При отсутствии сколько-нибудь достаточного собственного флота Тротцбургу грозит голод через несколько месяцев. А сколько затруднений в будущем!

Скотт *(гордо)*. Мы их превозможем.

Мефисто. Мастера недовольны вольностями подмастерий и учеников. Меры трибуна Бонда ведут к разорению всех зажиточных граждан, — по крайней мере, они так думают.

Скотт. Все это я знаю лучше вас.

Мефисто. Я уполномочен всеми оптиматами города и доброй половиной капитанов предложить вам переворот... Пойдем к вам. Неудобно говорить на площади.

Скотт. Никто вас не слышит... Так меньше подозрений.

Мефисто *(ехидно улыбаясь)*. Пожалуй, в ваше распоряжение я могу предоставить сейчас же огромную сумму, которую я собрал среди всех внешних врагов излишеств тротцбургской свободы, а таких немало. Сегодня же ночью я могу передать вам миллион дукатов звонкой монетой. *(Пауза)*. В трех днях пути отсюда я собрал лагерь из четырех тысяч ландскнехтов. Вы можете нанять их лично в любой момент... Вильям Скотт, будем говорить, как умные люди. Мы не остановимся перед предложением вам звания штатгальтера. Хотите — и в самом скором времени вы будете герцогом. Протяните руку — все ваше. Вы знаете, кого тут надо и можно купить? Крайних, сплошь подмастерьев и учеников, вы сломите в последнюю минуту силой. Хотите вы продолжать?

Скотт *(потупясь)*. Дьявол.

Мефисто. Уж не боитесь ли вы чорта?

Скотт. Приходите ночью в сад возле Западной Башни... К подножию статуи Цезаря.

Мефисто. Я приду.

Скотт. Собирается народ. Ван-Бонд созвал Народное Собрание на послеобеда. Мне только что доложили об этом. Я еще не знаю, в чем дело. Во всяком случае — ничего важного.

Мефисто. Держите ухо востро.

Скотт. Разойдемся.

(Расходятся. На площади появляется довольно большая группа живописного, разнообразного и довольно ободранного народа. Среди них Бунт и Зависть.)

Бунт. Я вам говорю, что это — узурпация. Трибуны метят стать окончательными господами.

Зависть. В городе только и слышно, что о трибунах.

Бунт. В нем стало слишком много порядка. Тротцбург начинает засыпать.

Мефисто *(в костюме странствующего музыканта)*. То же говорю и я. Помирились на малом. Вместо одного большого — два малых герцога? И скажите мне, бабушка, — где же равенство.

Зависть. Какое уж там равенство? Правда, богатых очень сильно обложили, голодных и нищих совсем нет, но зато сколько разговора о добродетели, трудолюбии и талантах!.. Горе тому в Тротцбурге, кто родился с широкой натурой и любит полениться. Нигде не живется так плохо человеку, желающему быть независимым и служить только себе.

Мефисто. И как хитры эти добродетельные: ведь еще недавно вокруг вас, знаменитый папа Бунт, были толпы. А теперь? Теперь, когда они организовали цех черного

труда и стали осыпать его любезностями, вокруг вас не увидишь никого.

Бунт. Кроме пары лодырей... Что правда, то правда.

Мефисто. Ничто не ново под луной. Совершенно то же самое видел я в Италии... в Палермо. Да, но там дело не пошло дальше. Там нашлись люди, которые заметили, как новая, мнимо-народная власть забирала в руки всего человека и вводила так называемые трудовые порядки и строгую общественность. Там нашлись люди, которые смело провозгласили бунт против всякого порядка.

Бунт. Превосходная мысль. *(Одобрительный шум в его банде.)*

Мефисто. По этому поводу в Палермо сложили хорошую песню. Я вам спою ее. *(Поет, аккомпанируя себе на гитаре.)*

«В Италии прогнал купец
Из замка дворянина...
Он всех купил и, наконец,
Надел на голову венец
Царя и господина.

Купца и мастера прогнал
Тогда, восстав, рабочий.
Все на труде он основал
И всем работы надавал, —
Так будут дни короче.

А ты, милейший мой лентяй,
Мой добрый лаццарони,
Попробуй свой устроить рай:
Сбрось труд. Валяйся, да гуляй,
Да кушай макароны...

Найди в себе немножко сил.
Нет господина хуже,
Чем брат-рабочий: он убил

Тот вечный праздник, что так мил
Тебе всегда был, друже.

Ты прежде мог словить на-чай,
Поголодать хотя бы,
А нынче плату получай,
Да за работою скучай.
И терпите вы, бабы?

Бери-ка камень с мостовой.
Бери-ка факел в руки
И верь, что, снюхавшись с тобой,
Купец и барин столбовой
Помогут сбросить вьюки.

Устрой же ты свой бунт, мой брат
Бунт пятого сословья:
Пожаром будет мир об'ят,
И пусть потом хоть рухнет в ад,
Пусть захлебнется кровью.

Зависть *(громко аплодирует)*. Браво, браво! Вот это хорошая песня.

Мефисто. Я парень сметливый. И чтобы начать, надо бить их порядок в голову. А голова их порядка—трибун Ван-дер-Бонд.

(Раздается вечевой колокол.)

Мефисто. Народ начинает собираться на сходку. Мы еще успеем прийти в пору. Пойдем-ка все в кабачек. Я вам доскажу про Палермо.

(Площадь быстро наполняется народом. Цехи проходят под знаменами, со своими мастерами впереди. Подмастерья вооружены. Купцы сбиваются в небольшую кучку у подножия трибуны. На ступенях фонтана располагаются секретари и капитаны Республики. На верхней

площадке в креслах сидят старейшины города... Затем появляются Скотт и Габриэль в зелено-красных шарфах, без шапок.)

1-й старшина *(вставая)*. Граждане! Я об'являю великую сходку тротцбургских горожан открытой! Ее созвал ваш трибун—Габриэль Ван-дер-Бонд. О чем хочет доложить народу трибун?

Габриэль. Граждане, уже давно наши гости-купцы, которые так сильно богатеют торговлею с Вэллентротцем и Тротцбургом, грозят нам прекратить с нами свои сношения за то, что разными мерами и в целях широкой благотворительности мы стараемся уменьшить их скандальные доходы и не позволяем им, попросту говоря, мирно грабить нас.

(В народе смех и одобрительные крики.)

Шеффершальк. Это возмутительно! Нас оскорбляют!

Голос. Молчите! Все тут знают, что вы за птицы. *(Смех.)*

Габриэль. Пора положить сразу предел этим угрозам, граждане. Честный моряк, капитан Никлас хочет говорить с вами по этому поводу.

(Никлас всходит на трибуну и снимает свою клеенчатую шапку.)

Никлас. Тротцбург! Тебе морочат голову. Три раза предлагал я трибуну Скотту разработанный план. Я доказываю в нем, что можно частью построить, частью купить по очень сходной цене, частью зафрактовать до полсотни хороших судов. И в несколько месяцев Тротцбург сам стал бы своим купцом. Мы — моряки — все тщательно обдумали. Что это значит? Народу до сих пор не доложено ничего о нашем плане. Говорят, вы не найдете достаточного количества опытных приказчиков, чтобы закупать товары и хлеб и развозить ваши продукты. Что

за пустяки? Разве у тротцбургцев плохая голова на плечах? Или он не найдет себе друзей, где захочет? Врагов у него много, но и друзья есть. Без красивых слов скажу, буду рад, если утону на службе городу. Почему же план остается без движенья? Почему в городском совете прошамкали о нем и забыли, а народ остается под угрозами заносчивых купцов? Хотя трибун ван-Бонд и не заведует морем, но я обратился к нему с жалобой на его товарища.

(В народе смутный шум.)

Сегаль. Прошу слова. Экстренно прошу слова у дорогих сограждан!

Габриэль *(настойчиво)*. Гражданин первый старшина, дайте экстренно слово негоцианту Сегалю.

1-й старшина. Экстренно имеет слово негоциант Сегаль.

Сегаль *(появляясь на трибуне и кланяясь во все стороны)*. Из-за чего шум? Мы как раз сегодня хотели заявить, что принимаем все новые законы. Вот. Чтобы жить нам в мире. Мы кланяемся вам. *(Кланяется)*. И вы, если хотите, поклонитесь нам. А не хотите, так и не надо, только зачем ссориться? Зачем вам покупать корабли, когда их у нас довольно, а мы ваши слуги? Ну? И дело кончено. *(Спускается с лестницы)*. А то какой шум: как будто мы спорим с Тротцбургом, или что!

(В народе торжествующий смех, радостные крики, неясные шутки.)

Габриэль *(торжественно)*. Граждане, у великого Тротцбурга все ладится. Это потому, что он силен и молод. Человек изнашивается, а город — вечен! Граждане, послушайте меня. Я очень замечаю, что трибуны ваши поизносились за эти месяцы. Война кончена. Грозы пока ниоткуда нет. В городе мир и обилие. Мы с дорогим товарищем моим, Вильямом Скоттом передадим дело в руки новых трибунов не в плохом виде... Просим у вас оба,

(Кланяется на все четыре стороны.) Отпустите нас с миром с высокого места.

Скотт *(бледный и дрожащий, тихо).* Между нами не было уговора, Габриэль.

Габриэль *(тихо).* Посмей теперь протестовать, Скотт.

Скотт. Ты перехитрил меня.

Габриэль. Скоро ты поблагодаришь меня за это.

(Народ поражен. Неясный шум, разговоры, колебания.)

1-й старшина. Я прошу наших дорогих и заслуженных трибунов остаться на своих местах.

(Громкий шум: «Просим, просим!».)

Габриэль. Наше решение непоколебимо.

(В толпе давно уже находятся Бунт, Зависть, Мефисто и их банда.)

Мефисто. О, хитрые честолюбцы. Смотри, папа Бунт, как они льстят народу. Воистину это—новые Цезари. Вот теперь-то и время сделать то, о чем я говорил.

Бунт *(с внезапной решимостью, буйно тряся головой).* Дайте ка слово старому Бунту.

1-й гражданин. Слово имеет гражданин Бунт.

Бунт *(появляясь на трибуне).* Гражданин ван-Бонд, дай-ка ты мне свою руку. Много раз хотел я итти на тебя, ты меня все обезоруживал. Еще сегодня решился я было поднять на тебя руку, как на человека опасного, любимца народа. Но вижу, что ты-таки честен. Тяжеленько мне сознаться, что тут у вас нет против кого бунтовать, а приходится сказать это. Но у старика Бунта довольно дела. Повсюду вокруг еще царит рабство. Прощайте,

граждане Тротцбурга, милые люди. Пойду разносить по миру ваш вольный воздух!

(Бурные крики приветствия и радости.)

Мефисто *(в толпе шипит)*. Проклятие! И этот изменяет. Отчаяние. отчаяние!

Габриэль. Папа Бунт. Велики и безмерны твои заслуги, безумный, дерзкий, неугомонный полубог. Ты — отец наш. За тобою всегда место среди наших старшин. Папа Бунт, перед уходом благослови меня и Тротцбург.

Бунт. Благословляю тебя, отходящего от власти, *(оборачивается к народу,* и тебя, свободный народ, благословляю. Иди вечно вперед!

(Сходит с трибуны среди трогательного молчания.)

1-й старшина. Раз уж мы собрались, то я хочу дать слово художнику Деллабелле, который давно хочет говорить народу.

Деллабелла *(появляясь на трибуне и раскланиваясь).* Великий народ! По твоему приказу сооружаю я твой Пантеон, в котором по мысли твоей будут собраны торжественные символы твоего рождения, твоей жизни: храм, где будут спать лучшие твои граждане. Еще немного настроено, хотя работа быстро двигается вперед. Памятуя, однако, что по мысли города великое место в памятнике должно быть отведено его гениальному основателю, решил я создать особый алтарь в честь основания Тротцбурга с надписью:

Urbi Faustae Faustoque urbano.

Алтарь этот построен. С любовью я воздвиг его, и сегодня он будет открыт для обозрения. Там стоит также

изваянный мною из мрамора бюст первого и последнего вашего герцога.

(Мощные крики радости: «Да здравствует Генрих Фауст! Да здравствует основатель Тротцбурга, честь и честь великому!».)

Деллабелла. И да позволено будет скромному художнику, совсем недавнему вашему гражданину, пожелать, чтобы Фауст еще живым вернулся к нам, и чтобы потом прах его успокоился под этим алтарем!

Гунтер Хонт *(в костюме секретаря, стоящий на ступенях, подымает руку и запевает):*

Проснулся город властелин
Могучий великан.
Царь Тротцбург утром средь равнин
Вдруг выпрямил свой стан!

Он скажет Фаусту: приди,
Как первый гражданин,
Стой среди равных впереди,
Но царь — лишь я один!

(Народ хором повторяет второй куплет. В то время, как звуки его замирают, на широкой площади, у балюстрады появляется высокий, немного согбенный, человек в голубом плаще и широкой шляпе, надвинутой на глаза. Он дослушивает гимн, потом сбрасывает шляпу и опускает складчатый плащ: это — Фауст. Лицо его полно радости, глаза блестят. Величественно падают вдоль его фигуры складки его белого талара.)

(Движение в толпе: «Фауст! Герцог.)

Фауст *(протягивая об'ятия народу)*. Дети, мои милые, мудрые, смелые дети! Привет вам! Вот и я с вами, среди вас, с открытым лицом, пришел на ваш зов, чтобы быть равным с вами гражданином свободного Тротцбурга. Вы научили меня ценить народный гений. Давно уже с высоты башни я наблюдал, и сердце мое от сомнения и смущения шло к трепетной любви. Дети, братья! Примите меня. Я смотрел и слушал, как мудро и безошибочно принимали вы ваши прекрасные решения. Смотрел на это многолюдное, яркоцветное, могучее, неизъяснимое существо — толпу, на ее плески, движения и голоса, на ее массы, похожие на воду моря, но разумную и всю, всю насквозь живую в своих стихийных порывах. Дети, братья, верю, верю в вас: плодитесь, растите, освещайте мир, устраивайте, осмысливайте его, познавайте, стройте, и вы будете как боги. Ведь боги, это—мечта о могуществе человеческом. Привет мой вам. Много тяжких моих вопросов вы разрешили. И, как разогнанные ветром тучи, скрываются на западе последним туманом смерти — страх, сомнение. Да, я вернулся к вам, быть с вами, быть полезным вам, завоевать любовь вашу моей любовью, — вот чего я хочу. Хотите ли вы меня?

(Бурная овация. Крики: «Фауст. Фауст!». Все машут шляпами, платками, знамена колеблются. Старый понамарь, шаркая туфлями, медленно подходит к Фаусту сзади.)

Понамарь. Я тут, я тут, великий герцог. Помнишь ли старика? Я-то знаю, какой карильон ударить, когда пробьет час.

(Хитро улыбается, спускается, открывает дверь башни и уходит, гремя ключами.)

Фауст. Милые, ласковые дети. Спасибо за мысль о памятнике. Я тоже принес вам подарок: я привел вам железного работника с собою. Совет двенадцати мастеров уже

видел его. Мастера скажут вам, что он живет огнем и водою, производя разнообразные движения. Он пилит, сверлит, точит, рубит, кует. Его можно приспособить для передвижения тяжестей на суше и на воде, для полевых работ и работ подземных. Уж вы сумеете усовершенствовать его как нельзя лучше. Неизмеримы его возможности. Самые трудные работы будут совершаться при помощи этих огневодных машин, вы станете свободными для труда более тонкого, а также для познания и наслаждения жизнью. Это мой подарок вам, братья и дети, в день примирения.

(Шумный восторг.)

Фауст. Дети, теперь мы в мире, глубоком и полном мире. Теперь я уже переступил порог последней старости, чувствую себя счастливым. Растет, растет радость в моем сердце! *(Вдруг прижимает к сердцу обе руки и шатается.)* Дети, что же это? Что, что со мною? Небывалое, невозможное... *(Габриэль поддерживает его.)* Что это? Оно все расширяется, мое недавно бедное сердце и уже обнимает собою вас всех, всех... Уже во мне, во мне все эти биения, тут, тут радость детей, влюбленность юношей, грезы девушек, заботы мужей, нежность материнская и тихая стариковская печаль, тут, тут вся отвага, честность и вся кровь. О, река, широкая, бурливая река дивной крови вливается в мою грудь. Я уже не вижу берегов! Я весь — вы!.. Я—все другие... Я—многие, я—бесчисленность. И все, все—я! Опять, опять то, что уже чувствовал когда-то, но не так головокружительно сильно, не так уничтожающе сладостно... А! Небо, солнце, земля и мы, мы. Друзья, мы—одно!.. Вот вдали берега жизни пропилой, жалкое начало, тягостный путь... А вот мой новый дом, мое будущее: золотое, голубое, зовущее... Идем, идем! Смерти нет. Есть жизнь, такая огромная, о какой я не подозревал... Чудно... Торжественно... Какая сила, какая непредолимая, прозрачная, сияющая, шумящая волна...

(Вдруг бьет решительно час. Звук гулко продолжается. А затем ве-

ликолепно рассыпаются трели карильона, жемчужные, серебряные переливы.)

Фауст *(широко раскрывая объятия).* Жизнь!.. Мы!.. Мгновенье счастья, стой!

(Опускается на руки Габриэля. Врач быстро и заботливо подходит. Величавая и абсолютная тишина в толпе. Только веет и поет торжествующе роскошный карильон соборных колоколов, словно небесный хор в высоте.)

Врач. Фауст умер.

Габриэль. Фауст жив во всех! Жив с нами! Жив навеки!

(Головы обнажаются. Знамена опускаются. Еще громче, солнечно и победно заливаются голоса колоколов.)

(В медленном темпе и величаво народ запевает гимн):

Проснулся город властелин...

(Под звуки гимна занавес медленно опускается.)

ФОМА КАМПАНЕЛЛА

Часть первая.

НАРОД.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ.

ВЕЛИКИЙ ДИСПУТ.

Картина I.

Исповедь души.

(В горах Калабрии близ Стило. Задний фон—громоздящиеся горы, увенчанные снеговыми вершинами. На переднем плане—лужайка, предполагается высоко в горах. Разбитое грозою дерево: один ствол упал, другой искалечен. Солнце заходит прямо перед сценой (т.-е. там, где зрительный зал) и бросает пурпуровый свет на горы и сцену. На поверженном стволе сидят Кампанелла и Денис Поццо.

Кампанелла высокий, широкоплечий, лицо упрямое, смуглое с шапкой черных волос, курчавых почти по-негритянски.

Денис необычайно миловидный мальчик, похожий на девочку в своем монашеском талере.)

Фома *(показывает в залу длинным посохом).* Какое зрелище, Диониссно! Папа! Какое зрелище! Глаза не могут насытиться, напиться. И так чуть не каждый день, когда тому не мешают грязные тучи. Наш блаженный бог учит, как надо умирать.

Диониссно. Вы весь красный, глаза у вас огненные. *(Целует его руку.)*

Фома *(с глазами, вперенными в закат).* Омой меня твоей воздушной кровью, боже блаженный, отче солнца. *(Не оборачиваясь, кладет руку на голову мальчика.)* Позволь

мне помолиться тебе за меня и за отрока, который именем солнца уже постигает тебя. Ночью, когда я не вижу тебя, лик пресветлый, я слагаю тебе сонет, как другие—возлюбленным.

Под знак Овна вступил ты, Феб великий,
И воскресает все, что на земле живет.
Цветок цветет под птичьи среброклики,
И обещает дать твой жизненосный плод.

Барсук и крот, и червь, ползущий в прахе,
Тобой разбужены, ты помнишь обо всех.
Ты—милостивый бог, пусть расточатся в страхе
Глупцы, мой гимн поднявшие на смех.

Еретики, отвергнувшие Феба,
Себя вы сами в ночи погребли,
Но я, я твой, о царь сияний неба.

Господень храм живой, вся жизнь земли
Тобой! И дар вина, и жертва хлеба
Наш дух вскормили, к горним вознесли.

Дионисспо. Все создано солнцем, отец?

Фома. Кроме души человеческой. Все создало и всем правит солнце во вселенной. И так прекрасна она, что сам господь всевышний, чистый дух, витающий вне бытия, пожелал посеять искры пламени своего на прекрасной этой почве. И одни, Дионисспо, презирая непостижимую полузабытую родину, отдаются воле звезд и составов тела и становятся как бы животными и детьми солнца. Но, увы!—подлинные дети солнца, животные, прекрасны и безгрешны, ибо живут по законам естества, ничему не изменяя,—человек же, угашая в себе любовь надпебесную, грешит и, будучи позором ангелов, становится и для твари посмешищем и насильником. Но, Дионисспо, другие, сплясь на немощных крыльях подняться к господу несказуемому, даже поддержанные евангелием, изменяют солнцу. Словно дети, рано выпущенные из колыбели, беспомощны духовно и горьки плотью. Мудрое солнце для человека есть ангельство во плоти, солнце-

духовная жизнь, почитание господа невидимого через видимого! Слышишь, вот песня пастуха, как песня птицы продолжает мой сонет.

(Слышен пастушеский напев волынки и голос пастуха):

Прячется в волнах светило.
Горы отбросили тени.
Голову буйную к милой
Я положу на колени.

Козы мои засыпают,
Слушают тоже волынку.
Руки ее доплетают
Гибкие ветви в корзинку.

О, ты, моя пастушка,
В золото солнце тебя одело.
У меня для тебя есть игрушка.
Сердце мое, вспорхнув, улетело.

Мое сердце ложится в корзинку.
Это мой, о пастушка, подарок.
Он, как солнце, пурпурен и ярок,
И трепещется весь под волынку.

(Становится темно. Пурпуровый свет сменяется синеватым.)

Дионисссно *(прижимаясь к Фоме)*. Падре, я люблю вас. И все в монастыре вас любят. Вы совсем особенный. О, какой вы! Вы страшно сильный, всех умней и всех добрей. Вы—святой. Я бы все слушал и слушал вас!

Фома. Я послан сюда не напрасно, Дионисссно. Солнце меня щедро одарило. Это потому, что дух мой не как у других. Во мне пламя и ярче и гармоничнее. Смирение, говорит дом Стефано. Нет, нельзя быть смиренным во всем. Христос был смиренным, но перед синедрионом на вопрос: «Ты сын божий?»—ответил: «Ты сказал!» Смирение в любви к неимущим братьям и отчуждении от величия внешнего. Но не понять в себе дар пророческий или, поняв, не нести его грозно и властно—это не смирение, а отступ-

ничество. Что было бы, если бы смиренным показал себя Моисей? «Косноязычен я и робок».—«Иди,—сказал господь,—сразя Фараона». Или Илия? Иоанн питался акридами и носил жесткую власяницу, но укорял царей. Я прислушиваюсь к себе, и вот голос бога звучит во мне, и даже двух. Солнце поет во мне и песня его сливается, как два напева ладного хора, с далекой песней неба небес, коей отзвуки таятся в Евангелии... Что это? Сюда идут? Кто забрался на эту высоту?

(Входят граф Спинелло, толстый иезуит дом Пафнутио, красавица Пиа дела Вос и два пажа.)

Спинелло. Благодарю вас, донна Пиа, за удовольствие. Карабкались, карабкались и в награду—узенькая тускло-желтая полоска на западе, словно солнце, убегая, насмешливо махнуло нам кончиком хвоста. И вы, вероятно, устали?

Д. Пафнутио. Не знаю, как донна Пиа, но я устал нечеловечески. *(Отдувается, задыхается и грузно садится рядом с Фомой.)* С вашего позволения, брат мой. Вечер—но мне жарко! *(Обмахивается платком.)*

Пиа. И все-таки здесь очаровательно. Какой воздух! Я рада, что мне пришла в голову эта мысль. И, конечно, глупо, что был только один мул для меня. Дом Пафнутио, нужно завести осла. Ха-ха-ха! Святой отец! Вы хотите осла?

Д. Пафнутио. Я больше не пойду сюда.

Пиа. Это как мне будет угодно. Я хочу, чтобы вы похудели. Доминиканские братья, которые сидят здесь, как филины, наверно, уже обратили внимание на вас... Я чуть было не сказала неприличного слова.

Д. Пафнутио. Боже мой, неужели даже живот слово неприличное? Вы более аскет, обворожительная синьора, чем сами доминиканцы. *(Фоме.)* Братец, защитите меня! Разве апостол Павел не сказал, что всякое естество лю-

бит плоть свою и холит ю? Брат молчит... Не потому, что он нем или не знает писания, а потому, что не удостаивает.

Ина. Что значит не удостаивает? Кто может не удостаивать разговором явившихся куда бы то ни было в свите д. Ины? Встаньте, монах. Я донна дела Вос, племянница христианнейшего короля Филиппа Испанского.

(Дионисио хочет встать, Фома удерживает его.)

Граф, что это у вас за неподчинение? У нас в Испании монахи гораздо благочестивее ваших. Ни в Неаполе, ни в Калабрии нет и тени таких святых, как, например, великий постник дом Аланзо Тонкий из Кордовы. Но когда я уронила мой веер в его келье, он поднял его и сказал: «ангелы не предупредили меня только потому, что они бесплотны». Он преставился теперь, бедный дом Аланзо, и что же?—Его тело нетленно, и вскоре папа введет его в сонм святых. *(Крестится.)* Но монахи Калабрии заносчивы, потому что вся чернь здесь смеет ворчать против Испании. Граф Спинелло, прикажите им встать.

Спинелло. Будьте добры встать, братья. Вы слышали, кто перед вами?

Фома *(не вставая)*. Перед нами нечестивцы, да еще из тех, что нечестивый свой разврат сочетают со всуе призываемым именем Христа.

Пафнутио. Матерь божия! Какие речи! Права синьора — среди монахов в Стило есть прямо бунтовщики, а это, конечно, монах из Стило. Уж не кто-ль-нибудь из совращенных молодым, но махровым еретиком Кампанеллой, сим новым Телезием?

Ина. Граф Спинелло, я рассержусь не на шутку. Я хочу сесть, наконец. Прогоните монахов, в крайнем случае дайте им отведать палки.

Спинелло. Я в последний раз прошу вас честью освободить место для дамы.

Фома *(вставая)*. Мы охотно освободим место для дамы. Но мы не можем встать перед чванным грехом из почтения. Нет, мы не чтим вас. Кто вы? Да, мы вас узнали. Вы испанские угнетатели, вы воры имени божия, дети антихриста.

Спинелло. Не смейте ругаться!

Фома. А кто мы? Знаете ли вы, кто перед вами? — Человек, посланный богом, чтобы изгнать вас из сей страны и на место мерзости вашей создать здесь жизнь, полную света сердечного и музыки духа. Не всматривайтесь. Темно. Но я даю вам знамение. Когда Меркурий будет в шестом, и Венера в седьмом доме, а Сатурн пленен, и когда снова, как ныне, вступит Солнце в знак Овна, при благосклонном, но не к вам, Марсе—изгнаны будете вы из Италии нашей. А ты, красивая женщина, достанешься в добычу тех, чьи руки в мозолях и шея, как бронза. И пусть они пощадят тебя за красоту твою и да умолишь ты их не мстить тебе иначе, как об'ятиями страсти.

Пафнутио. Если это не сумасшедший, то это Кампанелла. Я о нем слышал.

Пиа. Уйдем. Этот черный великан—сатана. Это сатана. Это сатана! Разве вы не видите, что вместо глаз у него уголья? Мать господа! Святой Иаков испанский! Дайте мне плащ, мне стало холодно. Где мой мул? Идем.

(Уходит. За нею ковыляет Пафнутио. Пажи идут впереди.)

Спинелло. Не скажешь ли ты мне твое имя?

Фома. Нет, не пришло время. Пока звонят другие колокольни. Жди большого колокола.

Спинелло. Я пошарю в монастыре. Вряд ли там так много подобных коренастых парней.

Ф о м а. Господь не обделил меня силой. Мы одни, и я мог бы, несмотря на вашу шпагу взять вас и с размаху бросить в бездну, где кипит поток. Но я не делаю этого. Постарайтесь вредить мне,—это будет, однако, тщетно. Со мною бог, со мною звезды.

С п и н е л л о. Ха-ха-ха! Просто сумасшедший! *(Кричит.)* Донна Пиа! Подождите меня. Я иду. Ха-ха-ха. *(Уходит.)*

Ф о м а *(садясь)*. Посидим еще, Дионисспо. Что это так бьется твое сердечко? Не робей, мой мальчик. Их сила призрачна. Поверь, мы будем крепнуть, пока силы природы уберегут нас, потом, в день назначенный судьбами неба, мы станем тысячекратно их сильнее.

Д и о н и с с и о. Она приняла вас за сатану.

Ф о м а. Это в их образе сатана был здесь, Дионисспо. Тише. Смотри, как мирна ночь. Вот бледная луна, бессильная против любимцев солнца, всходит. Тепло даже ночью и даже на этой высоте. Прислушайся. Нет. Твой слух еще молод. Но я уже улавливаю гармонию сфер. О, нежная сладость волшебного семигласия. Но мне трудно вслушиваться. Оно сливается с тишиной.

Д и о н и с с и о. А поток?

Ф о м а. Да, поток шумит... Поток шумит... Но я слышал. Теперь уж не слышу... Только поток шумит. Звезды... Владыки... Причины... Надо быть выше их и в согласии с ними, пока мы на земле.

Д и о н и с с и о. А сатана? Он где? Он где—под землею?

Ф о м а. Он всюду. Он тоже всюду. Но он боится солнца. Надо, чтобы много солнца было в сердце, тогда сатана не войдет туда. Даже ночью солнце должно оставаться в сердце.

Д и о н и с с и о. С вами не страшно. Она сказала, что у вас уголья вместо глаз. Это пустое. Хотя газа ваши иногда горят. Но мне показалось, что на дереве сидит косматый и глянул из-за сучьев действительно огненным глазом.

Фома. Быть может. Что в том? Многие бесы порождаются светилами и иные даже не злы. Сильному духом можно овладеть ими. Но они нам не нужны даже как слуги. Совсем темно, а к вечерне не звонили.

Диониссино. Звонят.

Фома *(прислушиваясь)*. На этот раз у тебя слух оказался тоньше. Это маленький колокол нашей часовни. Ave Maria gratae pienci! (Пауза.) Мария. Так зовут высокую девушку из Риенты, которая так солнечно смеется.

Диониссино. Чудесная девушка! Мария Климента ее имя. Не будь я монах, падре, я бы мог полюбить ее.

Фома. В монашестве есть недоразумение. Почему святой Доминик запретил касаться женщин? Ибо многим сие препятствует чувствовать бога надзвездного. Но сим иные удаляют солнце-бога. Не тот праведник, кто чуждается об'ятий, а тот, кто и в об'ятиях чист.

Диониссино. О, вы никогда еще не говорили мне так.

Фома. Но ты молод. Люби мечтательно и не посягай на мужскую любовь, пока не станешь мужем.

Диониссино. А вы? Я бы был так счастлив, если бы вы полюбили Марию.

Фома. Идем, Диониссино. Идем, мой мальчик, мой прекрасный дружок. Вот ветерок веет и становится действительно прохладно. К тому же надо поспеть к концу службы.

Диониссино. Ведь Мария, вероятно, опять у вечерни. *(Уходят.)*

ЗАНАВЕС.

Картина II.

Войско Христово.

(Парлаторium доминиканского монастыря в Стило. Утро... В ширине окна виден тихий сад, розы, лавры, кипарисы, мраморные могилы. Окно выходит на внутренний двор, окруженный галлереей с колоннадами. В парлаториуме, в отличие от солнечного сада, сумрачно. Большое строгое распятие на стене. Раздается заглушенное пение. Колокол. Медленно входит настоятель отец Стефано Кампанера и брат Джиованни Вильбиа).

Вильбиа. Я тоже горю жаром подвига и даже мученичества, отец. Мой мозг так же охвачен лихорадкой мыслей. Глаза полны образов, рождаемых надеждой. Я скажу больше: я так же ненавижу испанцев, так же, как он, жду от торжества святейшего престола превращения земли в истинное подножие божие. Отец Стефано, загляните в мою душу оком проницательной мудрости великого сердцевода. Истинно говорю вам, я чту моего брата Томасо, я удивляюсь полету его орлиного гения, но, досточтимый отец, не назначайте его диспутантом против дома Хименева. Он погубит себя и нас. Отец настоятель, он молод. Страшно подумать, что будет, если все молодое брожение мутного вина его мысли изольется перед глазами святой инквизиции. Кто в молодости не бывал еретиком? А к 40 годам, как я, смелые умы, сохраняя лучшее приобретенное, уже входят покорно в великое строение церкви. Владыко, я умоляю вас, не назначайте его. Мой голос тих и я сильно заикаюсь, особенно в больших собраниях, я знаю также, что брат Лафранко будет разбит домом Хименецом, но это будет поражение, каких святой орден пережил не мало и без ущерба, с братом же Фомой даже самая победа, которая все же вряд ли возможна над испанским Улиссом, превратится в бедствие.

Стефано. Он рвется в битву, и сердце не поворачивается отказать ему. Кампанелла! Ему 28 лет, а равного ему нет пожалуй во всей Италии.

Бильбина. Но его победы заставили уже говорить о нем, как о втором Телезии! Дошли до смешного обвинения, будто он написал книгу De tribus impostoribus, которую я видел в дрожавших от страха руках моего дяди кардинала, когда Томасо еще не родился. Пощадите его. А главное орден. Даже, если он победит иезуитов—это будет им подарком.

(Входит послушник, низко кланяется.)

Послушник. Владыко настоятель, папский легат кардинал-диакон Себастьяно ди Аквила просит разговора и с ним два отца иезуита дом Пафнутио Санта Мария делла Пурита и дом Лопе Дзах.

Бильбина. Гости зловещие.

Стефано. Иезуиты никогда еще прямо не являлись сюда. Просите высокого гостя.

(Послушник уходит.)

Бильбина. Я уверен, что предчувствия меня не обманывают: это уже о Кампанелле.

Стефано. Господь убережет его от львов и шакалов.

(Входит кардинал Аквила, маленький, довольно молодой человек, сухой, с густыми бровями и в очках. Лицо и фигура крайне подвижны. За ним тучный дом Пафнутио и похожий на клеща дом Дзах.

Поклоны, благословения.)

Стефано. Прошу честных гостей присесть. *(Все садятся.)* Монастырь благодарит легата и его святейшество за это второе уже посещение.

Кардинал. Оно для меня менее приятно, нежели первое. Я должен задать вам, достоуважаемый отец приор, несколько тяжелых вопросов.

Стефано. Оку его святейшества всегда открыты тела и души в монастыре.

Пафнутио. Не позволит ли мне высокопреподобный кардинал задать один предварительный вопрос?

Кардинал. Спрашивайте, дом Пафнутио.

Пафнутио. Брат Кампанелла, великий проповедник монастыря в Стило, не мужчина ли высокого роста с курчавой головой, вообще похожий на белого негра?

Стефано. Кто же не знает брата Кампанеллу? Да, он подходит под ваше описание.

Пафнутио. Значит, это его видели мы с высокой пышной девушкой у ворот. Я обратил на нее внимание потому, что я люблю веселость, а они показывали друг другу, право, по полсотне таких белых и крепких зубов, каким позавидовала бы любая борзая собака короля Фердинанда Неаполитанского.

Кардинал *(улыбаясь)*. Да, пожалуй, предварительный вопрос относится к делу. Я пришел спросить вас, отец настоятель: правда ли, что этот молодой брат, которого вы выставляете диспутантом на большой диспут в Духов день, проповедует, будто солнце есть бог и тотчас же после Троицы ставит Феба, утверждая, что ни ангелы, ни архангелы, ни даже святая Дева, ни Иоанн Предтеча не могут стать выше этого, в сущности, древне измышленного мнимого бога? Не думаете ли вы, отец, что Фебов и Зевесов надо почитать лучше за басни и наслаждаться ими, как высоким домыслом художества, изображения же их ценить, как плод утонченного искусства, оставив устарелый взгляд на них, как на духов зла, но никак не восстановляя служение им и славословие? Не думаете ли вы?.. Впрочем, я хочу слышать ваш ответ, отец мой.

Стефано. Ни Фебов, ни Зевесов, domine excellentissime, Кампанелла не признает. Но признает то, что чувствам нашим открыл сам бог: солнце на небе, дарующее свет, тепло и самую жизнь. Не говорил ли блаженный Ассизский о брате солнце? В песнопениях церковных не приравнивается ли к светилу сему и сам бог Сын? Воистину дух Солнц —Сын

божий, как ангелы и сам человек, и может ли он не быть великим?.. О ранге же его никогда ничего не говорил при мне брат Фома.

Кардинал. Не угодно ли будет вам позвать его?

Стефано. Охотно. Брат Джиованни, попросите сюда брата Фому.

(Джиованни уходит.)

Дзах. Доминиканцы строги к другим.

Стефано. Что хотите вы этим сказать, дом Лопе?

Дзах. Domini-canes загрызли чужие ереси, но эти собаки божии не едят родственных им волков, дружно живущих с ними на их псарне. Хранители наследия святого Петра, они станут почти столь опасны, как порою швейцарцы, которые столь же защищают иных князей, сколько и держат их в плену. Но сам Иисус от святого сердца посылает помощь. В годину смуты выступает войско святых, до дна чистое, не имеющее ни мысли, ни чувства, ни воли своей, а только преподанное Спасителем через наместника его.

Стефано. Об этом можно было бы спорить.

(Входят Джиованни и Кампанелла. Последний сначала мрачен и замкнут.)

Кардинал *(долго смотрит на него)*. Брат Кампанелла, вы ученик Телезия?

Кампанелла *(после паузы)*. Domine кардинал, я был в Казенце, когда Телезий еще дышал. Там на коленях читал я откровение пророка естества De nature juxta propria principia. О радость! Пользуйся, сын человеческий и божий, разумом, который господь дал тебе, и, отодвинув пергаменты Аристотеля, читай книгу божественной природы! Отцы мои однако, не дали мне сесть у ног доктора несравненного, но я все же видел его. Зазвонили уныло церкви Казенцы. Медные голоса запели похоронную песню, и так узнал я, что смежились очи, прямо смотревшие на солнце. И в горе,

с глазами плачущими пошел я, шатаясь в капиллу св. Петра и Павла. Но и там встретил отцов, которые не пропустили меня: ты не должен быть при нем, он опасен для тебя. Как слепа была их мудрость!

И только ночью в черном подземелье под церковью, где стены были покрыты мраком и звездами рдели свечи, открыл я любящей рукой покрывало и видел лоб о двух гармоничных холмах и гордый нос, как у великого Карла императора, и спокойные закрытые глаза, и таинственно умолкшие уста отца моего, отца ума моего, победителя Аристотеля, истолкователя природы—Телезия. И я начертал на куске пергамента 4 стиха и положил их на великое неподвижное сердце:

Перед красой твоей орлиной,
Телезий, пал софистов строй,
Ума тиранов ты единый
Низверг, открыв нам путь прямой.

Пафнутио. Брат дивно красноречив. Это не красноречие языческих ораторов, еще менее язык мудрости схоластиков и риторов церкви, что-то от дыма и пламени флорентийского лжепророка в словах одержимого неведомым гением юнонии.

Кардинал. Дом Пафнутио льет поделанный яд. Но, признаюсь, брат Томасо, хотя я чую, что такая душа, какую сейчас увидел я, опасна и самой себе и ближним, но я не запрещу вам ничего раньше времени. Я охотно послушаю ваш диспут... Вы можете итти.

(Кампанелла гордо кланяется, бросает уничтожающий взгляд на иезуитов и уходит.)

Отцы, какой голос! Какой голос! Какие слова! Какие мысли! Я видел в Риме и странствиях всех великих нашего века, но под моим пурпуром билось сердце, когда я слушал его. Что он сказал? Ничего. Рассказал, как видел мертвеца. Я боялся дальше слушать в позе судии и следователя. Отцы, новый мир идет. Его не угадали проклятые рефор-

маторы, ни вольнодумцы, ни мы все. Но он идет. Разум и Природа. Да. Разве в самом деле не божьи это дети? Он говорит, как власть имеющий.

Дзах. Кардинал-диакон любит скульптуру, живопись, музыку и философию. Блюстители церкви земной могут благодушно снисходить к суетным забавам прелатов, высокие дарования которых столь полезны, но эпикурейская наклонность не должна стать очками, сквозь которые и ересь кажется красотою.

Пафнутио. Кардинал Аквила arbiter elegantiarum.

Дзах. Но не arbiter hearesiarum.

Кардинал *(встает)*. Отец, вы конкуренты ордена святого Доминика. Хе-хе-хе! О, Хименец, вряд ли удержишь ты свою славу непобедимого!

(Уходит.

Иезуиты идут за ним, перешептываясь между собой. Приор и Бильбиа следуют сзади.

Сейчас же с противоположной стороны входят два мальчика в кружевных рясах и гранатно-красных пелеринах. Один, раздув щеки и выпятив живот, подражает Пафнутио, другой, согнувшись дугой, передразнивает дома Лапе. Оба останавливаются и хохочут.)

1 мальчик. Бенно, сейчас сюда никто не войдет. Покажи, как танцуют тарантеллу.

2 мальчик. Глупец. Ее танцуют вдвоем. Это танец любви. Его изобрела диаволица Венера. Божия Матерь закрывает глаза, когда взгляд ее упадет на двух итальянцев, танцующих тарантеллу.

1 мальчик. Но ты же ее танцуешь?

2 мальчик. Еще бы, моя мать Кармелумия Ди Капри танцует тарантеллу, как никто.

1 мальчик. Ну, покажи. Во мне живет бес танца, который даже под церковную музыку дергает мне руки и ноги, словно я паяц на нитке, которую держит...

2 мальчик. Св. Вит, ха-ха-ха!

1 мальчик. Покажи!

2 мальчик. Смотри: луч солнца ворвался в нарлаторнум! Сегодня веселая погода. Стой! Я сниму эту одежду. *(Быстро снимает ее, остается в рваных коротких штанишках и разорванной рубашонке.)* Алейайе! *(Становится прямо под лучом солнца.)* Нет ни тамбурина, ни кастаньетов. Слышишь: тамбурин делает бум-буру-бум брр, и кастаньеты атта-тта-рра-та-рра-та. Алейайе.

(Танцуют в луче солнца, другой мальчик жадно присматривается и повторяет некоторые жесты.)

Кампанелла *(входит)*. Ха-ха-ха! Ах вы стрекозы. *(Мальчики пугаются.)* Ха-ха-ха! Не мне же сердиться на вас в этот синий и золотой день. Бенно, знаешь ты вдову кузнеца Барбару?

2 мальчик. Знаю, отец мой.

Кампанелла. Поди туда и скажи живущей там сейчас девушке Марии, что она должна прийти сегодня к черному камню у Аква Ардженгина... к заходу солнца.

2 мальчик. Скажу, отец мой.

Кампанелла. Ты славно танцуешь. Ты сын Кармелучии?

2 мальчик. Да, отец мой.

Кампанелла. А знаешь ты, что когда пляшешь—служишь богу так же, как там у алтаря?

2 мальчик. Нет, отец мой.

Кампанелла. Это так.

2 мальчик. У алтаря строго и благоговейно. А танцую я весело и свободно.

Кампанелла. Слушай, мальчик, запомни и поймн, когда подрастешь: приходит время, когда на пирах будут благоговейно веселы, а у алтаря веселы и свободно благоговейны. В мир пришел некто вернуть согласие солнца с духом, ведь они между собою согласны. Некто пришел сказать, что Господь-дух и Господь-Солнце должны помириться на земле, как дружны они в небесах своей тайны. Беги, мальчик!

ЗАНАВЕС.

Картина III.

Диспут.

(Часть большого храма в монастыре Стило. Виден край скамей капитула, где сидят кардинал, епископ, приор, иезуиты, доминиканцы, видна кафедра, толпа, впереди на креслах дворяне, дальше буржуазия и, наконец, простолюдины. Среди них, совсем на аван-сцене слева, Мария и около нее Дионисено. С просценнума лестница спускается в партер, на ней тоже народ по бокам. В партере перед креслами первого ряда 12 пустых стульев. Средний из них имеет вид небольшого трона.

При открытии занавеса дом Хименец, старик с морщинистым лицом и театральной жестикуляцией, кончает свою реплику на кафедре.)

Хименец. Нет, не для счастья и совершенства существует земля, и суетны надежды на обновление юдоли скорби. Господь дарует исполнение заветов за гробом тем, кто заслужил. Царство его не от мира сего. Но когда ты, брат Фома, ухищряешься изловить меня здесь и говоришь: почему же отцы-иезуиты не склоняются к полному умерщвлению плоти, почему не скажут самим государям— бросьте устраивать землю и думайте только о небе,—то на это скажу тебе: истинно, земля есть место испытания, но чем неблагоустроеннее она, тем тяжеле условия испытания. Благоустроенное государство облегчает путь праведности. Так учит и твой величайший доктор, подлинно великий, Фома. Но было бы заблуждением для церкви благоустроение, как средство облегчения, принять за цель. Предположи на миг, что жизнь вполне благоустроена? Это значит, что она не только раю подобна, но и прямо рай,

ибо два благоустройства, взятые в суперлативе, равны. Ergo, земля стала бы раем. Ради какой же награды человек устремлялся бы выше? Но мысли, заблуждающийся...

(В эту минуту входят испанцы, впереди них донна Ина в великолепной одежде и в шляпе с перьями. Испанцы рассаживаются вокруг нее, а Спинелла рядом с нею, в партере перед первым рядом.)

Пользуясь минутой, дабы приветствовать высокую деву Испании. Virgo regia gaudeamus de praesentia tua, pulcherrima!—Proseguo. Но благоустройство внешнее и благополучие, которое пресекло бы стремление, не праведность еще, брат Фома. О, сколь праведнее страдалец, под'емлющий очи к сему символу искупления в муках *(театральным жестом показывает на распятие)*, чем твой землежитель, преисполненный довольствие. И на что богу праведность, вытекающая из условий жизни, а не взятая с бою у греха и зла? Истинно, истинно говорю тебе: убийца, раскаивающийся ближе ко Христу, чем твой человек умиротворенной и благополучной земли, безбурно текущий по назначенному ему ровному руслу. Ты хочешь, заблуждающийся брат мой, чтобы на земле не стало больше богатых и бедных? Но богатство есть великое искушение и, побеждая его милосердием, богатые под'емлются над ним и поборают демона Маммону. Также и бедность есть искушение, дьявол кладет в сердце бедного яйца ехидны—зависти, но если терпением и кроткой любовью к самой бедности своей бедняк поднимется до ангельской чистоты — все небо улыбается.

Итак, брат Фома, ты мудрствуешь. Заблуждается, кто говорит, не думайте о земном, ибо не напрасно бог дал нам землю. Устроим и очистим сей длинный проход, ведущий одних к вратам спасения, других—к вратам адовым. Заблуждается и тот, кто говорит: думайте о правде на земле и святость приложится вам. Такие забывают небо. Мы же, благослужа братьям на земле, неа взыскуем. Querimus

beatitudines coelestas. Нам земля есть лествица, а плоть — носительница души. Содержи в чистоте комнату в гостинице, но помни, что ты в пути к далекой еще родине. *(Тихо молится.)* Amen.

(В толпе явное движение одобрения.)

Диониссино *(к Марии)*. Как-то он ответил на это? Иезуит мудр.

Мария. Он ответит. Смотри, как вздымается его грудь и как горят глаза.

Кардинал *(епископу)*. Много лет не присутствовал я на таком диспуте. Эрудиция осталась в стороне и живая мысль в борении предстала перед нами.

Епископ. Хорошо ли это? Дом Хименец сделал бы лучше, опровергая Кампанеллу, единственно от писания.

Кардинал. Вы думаете, это возможно? Пророки, Евангелие, все писания—книги, полные тем же звеном, что и ваш Кампанелла.

(Хименец сходит с кафедры, на которую немедленно всходит Кампанелла. Он очень взволнован и сразу ударяет кулаком по барьеру и громко восклицает.)

Кампанелла: Так вот как!

(Наклонившись вперед, роет глазами толпу, словно разыскивая отдельных людей.)

Д. Пиа *(встает с кресла)*. Это он! Это сатана с горы! Я сразу узнала его. Это он проповедует здесь бунт, стоит взглянуть на него, чтобы узнать сатану!

Синнелло. Полиция должна следить за ним пристальнее, если святая инквизиция дремлет.

Дзах *(к Пафнутио)*. Он взволнован. Он погубит себя окончательно. Господь ожесточает его, дабы покарать. Желаю ему от души вдохновеннейшего красноречия.

Пафнутио. Он бежит, как дикий кабан, в каикан.

Кампанелла. Так вот как! Надо устроить землю, но не слишком хорошо, дабы земля не сравнялась с раем! Удержите смех, друзья. Risum teneatis. Или за несмышленных детей ты считаешь нас, Хименец? Или, может разумный не увидеть, что либо возможен рай на земле, либо нет? Прими первое этой дилеммы. Рай на земле возможен, но что такое рай? Есть ли это просто сад между Тигром и Евфратом? Место, где плоды произрастают без садовника? Нет, рай есть место невинности, любви и общения с богом. Итак, что значит: рай возможен на земле? Это значит, что искупление, указанное Христом, закончено будет церковью, а даст то, о чем говорил Иоанн: царство божие на земле, на земле. Новый Иерусалим, то, о чем возвещает ап. Павел, предвидя новую землю, но землю и новое небо над нею, но над нею-землею. И припомни, Хименец, пророчество божие через Исаию: «Благоволение его в страхе божием, и будет судить не по взгляду глаз своих и будет обличать не по слуху ушей своих; но будет судить бедных по правде, и будет решать дела смиренных на земле по справедливости; и поразит землю жезлом уст своих и умертвит нечестивого духом уст своих; и правда будет поясом на чреслах его и верность—на бедрах его. И волк будет жить вместе с агнцем, и леопард будет лежать вместе с козленком; и телец, и лев, и вол будут вместе, и малое дитя поведет их. И корова будет пастись с медведицею, и детеныши их будут лежать вместе, и лев будет есть солому, как вол; и грудное дитя будет играть над норою аспида, и отнятое от груди дитя положит свою руку на гнездо василиска. Не буду делать ни зла, ни вреда по всей святой горе моей, потому что земля будет так наполнена знанием господа, как морское дно покрыто водою».

О, дивные слова, о, поистине божественное вдохновение! И если подобный рай на земле возможен заслугами святых, под коими разумею всех строителей общего

блага, то неужели не свято в глазах господних итти по сему пути? Оставь же это, Хименец. Оставь это. Кто этому поверит? И вспомни другое положение твоей дилеммы. Рай невозможен на земле,—почему же боишься ты устремления к нему, почему боишься для достижения что-то порвать, раз самое достижение немыслимо? Хименец—ловец разума, порыв к лучшему остановится только, когда самое лучшее будет достигнуто, но по достижении истинной цели порыв поистине ненужен. Ангелы никогда не порываются: они и так в боге. Requiescunt in pace aeterna. Но ты намекаешь, тонкий доктор и лукавый, что мой рай есть благоустройство внешнее и что оно-то остановит благостроение душевное. О, хитрый, разве об этом говорю я? Не ты ли сказал: облегчим условия достижения святости. И ты же говоришь: повесим на шею одному гирю золотую, а на шею другому жернов сельский и пусть плывут. Дабы облегчить воспарение духа, надо изгнать пресыщение одних и голод других. Если хочешь быть совершенным, сказал Спаситель, продай имущество твое и раздай бедным. Благоустройство земли, как я толковал тебе, и чего ты притворяешься, будто не понимаешь, заключается в том, чтобы трудом всех превратить землю в сад благоуханный и плодоносный и города в жилище прекрасное, самими стенами располагающее к мудрости и любви. И о сем прочти у Иоанна богослова. Так поддерживая эту основу бытия телесного немногими усилиями, освободишь бо́льшую часть силы всей: людей для жизни духовной. Тогда-то воспарим. Зачем засоряешь дорогу уму? Зачем извращаешь пути сердца? Ухищряешься, ибо защищаешь богатство богатых правдой и неправдой. Делаешь вид богослужения. На деле же ты-то и служишь Маммоне.

(Движение в толпе. Простолюдины взволнованы. Дворянство и испанцы возмущены, доминиканцы сдержанно шепчутся между собой.)

Да! Прославляешь бедность, чтобы бедняк был терпелив, пока вы стрижете его. Хуже подобные, чем фарисеи, ибо именем Христовым, и раем, и праведностью скрепляют мерзостную неправду жизни, от которой не только господь отвращает лик, но и солнце готово было бы уклонить лучи свои... Вы, богатые и знатные, слушайте меня: ваше богатство — золотые цепи, говорит иезуит: сбросьте же их. Нет, вы не сбросите их, сладостны вам эти узы. Тогда вы, бедняки, соединяйтесь, чтобы снять с себя железные ржавые цепи, сбросить которые молит душа ваша. Господь всевышний и Владыко-солнце помогут вам, если вы сами поможете себе. Истинно говорю вам, вы великая сила божья. Когда сплотитесь воедино, когда станете единым стадом—воздвигнется единый пастырь и поведет вас к земле обетованной. И не бойтесь разить, если придется, ибо Иисус Навин разил, и солнце остановилось, чтобы светить ему, так как он землю очищал от нечестивых.

Д. Инна. Сатана! Сатана...

(Шум среди слушателей.)

Инна *(вскакивая с кресла)*. Я не могу больше слушать эти речи.

(Испанцы встают со своих мест, один выхватывает шпагу. Среди дворянства также шум и возмущение. Простолюдины мрачно сгружаются вокруг кафедры. Монахи встают со своих мест, взволнованные пререканиями между доминиканцами и иезуитами.)

Кампанелла. Испанка, изыди, если не можешь слушать! В тебе сатана, он не выносит глагола истины! Изыди, гордая, ибо о таких, как ты, сказано в святом писании: возгордилась ты, дочь Сиона, и ходишь с вытянутою шеею, с нескромным взором, выступая с сладострастными движениями и гремя драгоценностями твоими, но

Господь сделает плешивым темя дочери Сиона и обнажит срамоту ее.

А! вы шумите, знатные испанцы, и те, что клонят перед ними дворянские спины, чтобы милостию их править нами. Однако вы же христиане? Смотрите сюда прежде, чем уйдете от бича моих слов. Это ли ваш бог? Обнаженный, исхлестанный плетью, гвоздями пригвожденный. Ваш ли это бог? Он? Бедняк? Плотник? друг рыбарей? Смотрите, друзья, на их шелка, и золото, и перья?.. И вспомните вчерашний день каждого из них. О, братья, калабрийцы, их ли это бог? Уйдите же. А вы, братья-монахи, сторонитесь тех среди вас, кто служит зверю. Это вы пойдете с крестами, с песнею впереди народа, когда двинется новый Израиль из Египта, новые левиты нового Исхода. Иезуиты, вы извратили церковь, вы-то защитите ее? Вы подобны негодяю, который живет продажей тела матери своей.

Дзах. Не слушайте, не слушайте его! Теперь же всем видно, что дьявол говорит его устами. Стащите его с кафедры!

(Иезуиты и дворяне бросаются, чтобы стащить Кампанеллу. Доминиканцы и народ, чтоб помочь ему. Свалка.)

Мария *(голосом громким, покрывающим шум).* Благословен муж господень! Благословен сын Солнца! Благословенна правда, шествующая в мир! Осанна!

(И крики: Осанна! Осанна! *подымаются отовсюду. Заглушая бешенство противников, они передаются в партер и ложи и отовсюду кричат):* Осанна! Осанна! *(И внезапно громозвучно и сладко раздается орган победной руладой и—)*

занавес опускается.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ.

МЕССИЯ.

Картина I.

Монахи.

(Внешний двор монастыря Стило. Вал с бастионом. На верху мортира. Около нее сторожевой с аллебардой. Несколько вооруженных людей сидят и спят. У подножия вала лужайка, залитая солнцем. Поодаль Барбара и Мария около колодца разбирают целебные травы, насыпанные кучей между ними. Бенно и Чекко играют в кости на большой перевернутой кадушке.)

1-й солдат *(лениво потягиваясь)*. Как звонко петухи поют. И цикады трещат. И травами этими пахнет. Хорошо... Живем у монахов сытно, а неприятель и не думает атаковать.

2-й солдат *(зевая)*. Скоро будет дождь... Если не ночью, так завтра утром... *(Зевает и приподнимается на локте. Кивает в сторону Марии.)* Какая девка.

1-й солдат. Я хотел-было пощекотать, да получил тумака, как от хорошего парня. Держится вроде служанки, а горда.

2-й солдат. Понятно. Евангельский Мессия только давал своим Мариям мыть ноги и отирать волосами, а наш Мессия...

1-й солдат. Ха-ха-ха. Вот почему я не верю ему. Он недостаточно постник!

2-й солдат. Где уж! Видел, как он тащил туда мортиру на вал. Он силен, как буйвол. Ему нужно мяса жареного и живого.

1-й солдат. Охо-хо-хо! Уж и говорить-то ты здоров.

2-й солдат. Какое нам дело до того, что он за Мессия? Монастырь платит червонцами, а они-то настоящие.

1-й солдат. Кормят, поят.

Бенно. Все проиграл. Хочешь так: ты—весь выигрыш, а я—тарантеллу. Проиграю—берусь тебя научить.

Чекко. Ишь ты. Я и так научусь.

Барбара. Чекко, Бенно, смотрите—куры опять в саду. Загоните их сейчас же.

(Дети с хохотом убегают.

По сцене бежит курица, за нею с криком Чекко. Солдат быстро вскакивает и ловит курицу.)

1-й солдат. Моя! А еще никогда не выпускал я куру, попавшую мне в лапы. Эта пойдет в мой личный суп. *(Уходит.)*

(Медленно входят Стефано Кампанера, Бильбиа, еще три доминиканца.)

Стефано. Иначе мы не можем поступить. И все окончится хорошо. Кардинал-диакон поехал к его святейшеству в наилучшем настроении. Испанцы и знать не рискнут атаковать монастырь, так как ясно, что за нас встанет весь народ вокруг, во всех селах. Ни одна капля крови не прольется. Когда все обойдется—мы отправим Кампанеллу в Рим, и там разберутся во всем.

Бильбиа. Простите, отец приор, но вы непривычно близоруки. Ведь дело не об угрозах испанцев схватить брата Томасо, не в неприятностях с ними... Если бы дело пошло на открытое восстание провинций против Испании, а стало быть и Неаполя,—я и тогда был бы спокоен сравнительно. Дела политические. Самое большее—это грозило бы разрушением наших стен и телам нашим. Но брат Фома об'является себя Мессией. Но толпы поселян пьяны от языческого фанатизма. Но в самом монастыре больше половины братий стали солнцепоклонниками. У брата Фомы сумасшедшие планы.

Стефано. Что вы хотите, брат Джиованни? Чтобы я выдал иезуитам Кампанеллу? Я не сделаю этого. Что сказал

кардинал? Держитесь, я выхлопочу у святейшего отца бреве, который выведет вас из вашего затруднения. Кардинал-диакон полюбил брата Фому, да и святейший папа его любит. Вооруженные силы Спинелло невелики. Он не посмеет напасть на нас. Все обойдется.

(Входит Дионисспо.)

Дионисспо. Отец почтеннейший, сюда идет учитель и народ, воспевающий хвалу жизнедавцу-Солнцу. Я привез крестьян из поморских деревень. Это рыбаки, какими были первые апостолы.

Мария *(встает)*. Дионисспо, как же ты не сказал мне? Есть ли у вас цветы и все, что надо?

Дионисспо. Все есть, Мария. Слышишь, они поют.

(Близится хор голосов и звуки труб.)

Бильбина. Терпимо ли это нечестие и язычество?

Стефано. Не знаю. Бог сам скажет.

(Входит шествие. Впереди два человека несут знамена, один—красное с изображением солнца, другой—голубое с золотым крестом, другие два трубят в трубы. Дальше 7 или 8 монахов, которые поют, в руках у них подсолнечники. За ними идет Кампанелла. Сверх белой рясы доминиканца на нем оранжевый омофор, а на голове венок из роз. В руках у него большая клетка с птицей.)

Хор: Слава, слава жизнедавцу богу,
Слава божьему пресветлому царю.

Кампанелла *(торжественно).*

'околу открою я дорогу.
Внуку солнца клетку отворю.

(С церемониальными жестами поднимает над головой клетку и отворяет ее. Птица вылетает и исчезает.)

Братья-рыбаки, садитесь здесь на лужайку. И вы, братья монахи.

Я рад, что здесь оказались и другие. Рад видеть здесь святого старца настоятеля Стефано Каппанеру и ученейшего моего друга, родственную мне душу Джованни Бильбна и всех вас. Ибо я могу возвестить вам чудо. Какое счастье сметь возвестить чудо. Приблизься, мой Дионисио, приблизься и ты, Мария. Станьте подле меня.

Бильбна. Что еще возвестит он? Какое новое безумие?

Кампанелла. Братья, вы уже знаете, кто я. Как Моисей—евреям, и Нума Помпилий—Риму, и Магомет—измаильтянам, наподобие даже Иисуса Христа, благословенного, пригвожденного ко кресту и присно и во веки причтенного славой пресвятой Троице, я пришел дать вам закон, вам, калабрийцам.

Мария *(становясь на колени).* Благословен.

Кампанелла. Конечно, дьявольская и грозная Испания и более близкий нечестивый Ирод Фердинанд Неаполитанский восхотят искоренить меня и учение мое. О, ты, Испания, повторяющая: Христос, Христос, но нечестивая, жадная, черствая сердцем! Вот солнце, истинный наместник бога, папа небесный воздвигнет мне защиту из среды неверных, из страны восхода своего. Видите ли вы, люди: суда и галеры и фелюки на взморье?

Старый рыбак. Их видно с берега в хорошую погоду. Это турки. Но они не собираются напасть на нас. Они сошли на берег и покупали рыбу, и платили за все.

Кампанелла. От главного корабля, на парусах которого вышит большой пурпуровый полумесяц, отчалил бриг о 16 веслах. На носу стоит в узорных шальварах и в золотом тюрбане некто, кого бог посылает мне в братья. Он вышел на берег и приближается сюда... Не правда ли, мой Дионисио? Он близко?

Дионисио. Вероятно, брат Фабио привел его уже сюда. Да... Я слышу гул толпы у ворот.

Кампанелла. Так звоните же в колокола и трубите в трубы!

Вильбина. Как, для мусульманина? Безумие! Безумие!

(Хочет уйти.)

Стефано. Останься, Джиованни. Я нуждаюсь в твоем совете.

(Колокола и трубы.

Быстро, как кошки, входят три негра в причудливых нарядах, 2 евнуха расстилают ковер. Сопровождаемый двумя высокими телохранителями входит Гасан Чикола в роскошном восточном наряде.

Движения его быстры, говорит он пламенной скороговоркой.)

Г. Чикола. Ты брат Фома Кампанелла?

Кампанелла. Я.

Г. Чикола. Хочешь говорить со мной наедине? Ты видишь, какую честь я тебе оказал? Сам приехал, сам приехал. Я сам. Я могучий человек в могучей стране. Мигну—и отрубят человеку голову,—голову человека мне на забаву. У меня 7 дворцов, у меня 114 жен, не считая невольниц. Я сижу на одной подушке с падишахом, и его младший брат, красавец, зажигает нам обоим кальян. Я одержал 9 побед на море, я сжег и пленил больше кораблей, чем сколько их у всех городов Италии вместе взятых. Но я калабриец, я калабриец! Здешний моряк. И многие тут меня знают. Ге? Шипионе? Старик? Попрежнему чинишь сети?

Рокко, ты совсем поседел. Ха-ха-ха! Ну да, ну да. Я отступил от Христа. Почему? Мог ли я жить под пятой испанца? Никогда! Чикола горд, как сатана, как сам Иблис, гордейший из демонов. И вот я тут с небольшим флотом, но я могу призвать тысячу судов. Непобедимую армаду. Я здесь потому, что, видишь ли, монашек, меня тянет сюда к этим скалам и снегам, отражающимся в море... Эта страна будет свободной, или умри душа Чикола! И твои монашки приехали мне сказать, что ты поднял восстание и вооружил Стило, что испанцы попрятались, как крысы, и рыбаки похватали старое оружие. Ге? Держись. Держись, Томасо. Я полечу отсюда, как орел морской, и вернусь, как мысль о мести: они не успеют еще послать сюда силу из Неаполя. Пойдем говорить с тобой наедине. Пойдем говорить на счастье мое.

Кампанелла. Брат Чикола, брат о солнце, я пойду говорить с тобой, но вот омраченные лица кругом: они думают, праведные монахи и старцы преподобные, и все эти простые сердца; не вырывает ли из когтей Испании, дабы предать в пасть турка? Гасан Чикола, калабрийское сердце: поклянись этой родиной нашей, землею, цветущею душистыми травами и теми горами, подпирающими самое небо и могилами отцов наших, что ты поможешь нам освободиться и оставишь нас свободными!

Г. Чикола. Фома, вождь моих братьев! Клянусь нашей землей и святой утробой ее ah, che l-sange mi si bruccia! если я солгу, клянусь этими снегами, как сединами деда, и старой моей и новой моей верой. Allah al mehem mehe!

Да я ли порабощу Калабрию? Я ли не обижу Италию мою?— Италия отняла у меня все, Турция мне все дала. А в сердце моем Италия на троне, в сердце моем Турция целует ей ножки.

Кампанелла. Идем. брат. Вы же все, да не сомневается сердце ваше. Я веду вас дорогою верной, пастырь добрый. Расходитесь в мире и ждите.

(Широким жестом благословляет их, обнимает Чикола и уходит с

ним. Все расходятся. Остается Стефано Каппанера, Джиованни Бильбна и три доминиканца.)

Бильбна. Не смущены ли вы, отцы и братья? Не смущены ли, наконец? Мое сердце волнует не союз с султаном, а союз с Магометом. Исчадие лжепророка в стенах святых. Губил тела Фома, губит и души.

Стефано. Признаюсь, признаюсь.

Бильбна. Да простит мне св. Доминик, но я должен, наконец, сказать тебе, отче честный, ты слаб, ты слаб.

Монахи. Слаб, слаб, нельзя терпеть!

Бильбна. Навождение. Своим красноречием и решимостью в действиях, громовым голосом и огненными глазами брат Фома околдовал половину братии, ополомил нас, обезволил настоятеля, прельстил кардинала.

Дионисено. Каркаете! Остаток трусливых в святом нашем монастыре.

Бильбна. Обнаглел ты, юноша. Поведение твое—лучшее доказательство козни демона в этом деле. Как осмеливаешься говорить со старцами?

Стефано. В самом деле распустилась дисциплина. Надо поднять жезл.

Дионисено. Я ненавижу вас. Вот пришел некто, кто преобразит мир, и вы хотите погубить его в самых стенах монастыря, ставшего оплотом спасения.

Стефано. Опомнись! Ты еще мальчик. Тебе ли учить?

Дионисено. У нас в чистых сердцах загорелось солнце. Отроки стали мужами. А у вас, болотных, мудрые старцы обращаются в суетных и трусливых баб. Но знайте, мы—зелоты. Мы будем биться под знаменем солнца. Изменники падут от нашей руки.

Стефано. Как огорчен дух мой. Пойдемте ко мне, братья. Соберемте старцев. Посоветуемся еще и еще.

Бильбина. Молодой брат, лучшее, что вы можете сделать— истребить нас и даровать нам венцы мучеников. Но ты ошибаешься, видя в нас врагов. Мы любим брата Фому и больше думаем о душе его, чем о своих душах.

Диониссио. Брат Джиованни ни дать ни взять иезуит.

Стефано. Пойдем, пойдем, братья.

Старший монах. Плетью тебя, мальчишка!

(Диониссио вызывающе смеется. Монахи встревоженной толпой уходят.

Диониссио садится у колодца. На сцене никого, кроме сторожа, стоящего у мортиры, который тихо напевает или насвистывает песню без слов.

Через пару минут входит Мария с большим глиняным сосудом и приближается к колодцу за водой.)

Диониссио. Привет тебе, Мария-дева. благословенная ты среди женщин.

Мария. Привет тебе, братец милый. Жарко и надо принести холодной воды брату Фоме... Они громко беседуют в келье с турком.

Диониссио. Мария, любишь ли ты учителя?

Мария. Только любовь к нему и угожденне ему—вот я и вся.

Диониссио. Ты подарила ему сокровище несметное. Но я подарил ему больше.

Мария. Я ничего не подарила ему.

Диониссио. Себя подарила ему.

Мария *(опустив глаза)*. Я раба учителя моего.

Диониссио. Но я подарил больше. Подарить себя легко. Мария, я давно подарил себя учителю. Но, Мария, если бы ты знала, как я любил тебя с каждым днем, с каждым

часом все больше. Все минуты мои во сне и наяву полны были тобой. Дуновение концов платья твоего казалось мне дыханием духа святого. Если взглядывала ты на меня—сердце останавливалось. Если случайно прикасался к тебе—боялся упасть в изнеможении. Куда ни шел, что ни делал: Мария, Мария! О сны мои! Но я запретил себе любить тебя, Мария, ибо Сильный, и Благой, и Мудрый положил на тебя руки. Я пригвоздил мое сердце к кресту. И вырвал исток моих слез. Ох, много принес я в дар учителю.

Мария. Красавец ты мой, и я бы полюбила тебя.

Дионисио. Тише. Не буди умирающего эрота. Пусть умирает тихо. Не искушай, девушка. Вот он идет сюда радостный. Он ищет нас, друзей своих. Но я уйду сейчас, ибо несколько смутен я. Побудь с ним. Счастье дает ему силы.

(Дионисио уходит.)

Кампанелла *(подходя к Марии)*. Что, Мария? Что, дорогая? Растет благословенное дело свободы. Если мы продержимся всего дней 20—флот Чикола будет здесь и родится великая держава Солнца.

Мария. Во мне нет сомнения.

Кампанелла *(садясь около нее)*. А я-то. Я крылат. Поистине.—захоти я.—полетел бы к солнцу. Силу чувствую в себе нечеловеческую. Мария, полдень мира наступает. Я—дух полуденный. Мария, солнце—отец мой, как бог супранатуральный был отцом Иисуса. Не бойся ничего и знай: царство солнца берется насилием. Нам предстоит большая борьба. *(Пауза.)* Посещение турка наполнило душу мою весельем. Сегодня у нас должен быть праздник. Но я не хочу собирать братьев и крестьян, чтобы они пели и играли на инструментах. Я хочу отпраздновать мой праздник с тобою, Мария.

Мария. Если могу послужить тебе—прикажи. Если могу принести радость тебе—это счастье мое. Если могу стра-

дать за тебя—это веселье мое. Если умру за тебя, брат Фома—это венец мой.

Кампанелла. Откуда ты такая? О, крестьянство Калабрии и крестьянство всей земли! Чего не таится в тебе! О, женщина! Как мало знают тебя, как не ценят сокровище, данное мужчине в подруги. Женщина! Для меня теперь в этом слове звучит что-то несказанное: пышное, царственное, сладостное. Вступаю в полдень мой. В полдень солнце жгуче ласкает подругу свою—природу... Мария—прекрасна ты. Мы с тобой, как солнце и природа. Как вьются твои волосы, какой сильный сок завивает их, как побеги винограда, и солнце золотит их отливами, радующими взор. Как дышат волосы твои, как цветок плетения кос твоих. Когда касаюсь их рукой — нежится ладонь моя. Когда касаюсь губами—нью шелковую нежную струю. А лоб твой и брови твои: великий архитектор не построит так: циркуль божий из золотых лучей соразмерил здесь все; под темными арками, подобными крыльям орла, горит дивный свет. Мария, в глазах твоих солнце целует сына своего: жизненный огонь, живущий в крови твоей. Трепещут твои ноздри, как у нетерпеливого коня, и щеки твои рдеют, словно кровь ищет, где показать миру пурпур свой. О ткань, краше, чище, пушистее, румянее персика, и теплота и свежесть. Когда губы касаются щеки твоей—они замирают в блаженстве. Но не надолго, ищут они большего, произенного страстью и дрожью живого взаимного и находят пир, уносящий за пределы—в единении с губами твоими. Шепчу тебе слова, пою песню песней. Хотел бы красками рисовать эти лепестки и жемчуга. О, красками, и музыкой, и ароматами хочу петь тебе песню песней, ибо ты—Суламифь. Встань, женщина, пойдем, пойдем со мною. Полдень. Жажда. Торжество... Тишина. Пойдем со мною, женщина. В этот час я полон, разорвется сердце в трубном крике. Это счастье. *(Обнимает ее и они медленно уходят.)*

(С другой стороны сзади входит Бильбиа, останавливается посредине сцены и смотрит перед собой.)

Бильбина. Тень моя... Прямо предо мною. Еще худее и сутулее, чем я сам. Ну, тень моя? О чем ты киваешь мне? Да, нельзя терпеть. Бог повелевает. Да, поскорее на север. Верхом, монах. Припомни отрочество. Мчаться к графу Лемносу, суровому наместнику. Пусть спешит сюда, если не хочет, чтобы Фердинанд потерял Калабрию.

Джованни, припомни твои мечты о свободе родины! Припомни, как читал с братом Фомою, поучал его великим заповедям истинно христианских учителей, и повести о священных войнах апостолических братьев, во главе с величайшим святым, грозным мучеником Дольчино! Думал ли ты, что будешь бороться на пороге старости с его преемниками? *(Пауза.)* Бог видит мое сердце. Я не предаю. Я сам святое дело равенства и свободы во Христе спасаю из рук безумца, язычника и магометанина.

(В то время, как Бильбина говорит все это, маленький Чекко крадется сзади него и прячется под опрокинутую кадушку. Когда Бильбина окончил последние слова, он приоткрывает ее и кричит звонко.)

Чекко. Джованни завидует.

Бильбина *(оглядываясь)*. Кто? Чей голос? *(Пауза.)* Странно. *(Пауза.)* Нет, Джованни не завистлив. Джованни на страже. *(Пауза.)* Эй! Ты, там на страже. Что видно на море?

Страж *(с бастиона около мортиры)*. Турок плывет на юг.

Джованни. Тем лучше. *(Уходит.)*

Чекко *(опрокидывает кадушку)*. Я напугал его. Ха,-ха,-ха! Беппо, Беппо.

(Беппо прибегает.)

Беппо. Ну?

Чекко. Знаешь, тут будет история. Я ничего не понимаю, почему они и что происходит, но будет большая драка,

Беппо. И пусть. А мы будем танцовать.

Чекко. Да, я-таки научусь тарантелле.

Бенно. Никогда не научишься без меня.

Чекко. Ты думаешь? Смотри-ка. *(Танцует.)*

Бенно. Не так, не так. Это делается вот как... *(Танцует.)*

(Вдали гром.)

Чекко. Гроза идет.

Бенно. Как хорошо. Как все хорошо.
Тара-та-та--та-рра, тата-рра-та-та-та-та-рра.

(Танцуют. Гром.)

ЗАНАВЕС.

Картина II.

Крестьяне.

(Вечер. Рощица пиний. Широким кругом сидят на земле и на камнях крестьяне. Между ними старый Шиппоне и Рокко, черный и косматый Дзио Неро, кривой Норио, красивый Таддо и каменщик Краначчи. Диониссио проповедует).

Диониссио. Он сам придет к вам сегодня и зажжет вас своим словом.

Шиппоне. Кто же не хочет, чтобы было лучше? Но верно говорит наш священник—лучше будет на небе за гробом. А если он врет, значит, ни где не будет лучше крестьянину. Будем покорны. Я ведь тоже слыхал кое-что про мужицкие восстания. Бичи заменят скорпионы, как говорит наш священник.

Диониссио. Ваш священник трус, болван и негодяй. Он испортил тебе голову и сердце, дедушка Шиппоне. Дети божии должны неустанно добиваться блага. И секира лежит уже у корня дворянских дерев. Словно не знаешь, что в звездах записана судьба. А сам святейший папа признает астрологическую мудрость Кампанеллы. И сей великий муж в звездах прочел о наступлении царства пастухов, рыбарей и земледельцев.

Шиппионе. В звездах, в звездах, и букв-то читать не умею, но я знаю, что знаю.

Рокко. Будет лучше. Но будет лучше, когда ниспошлют нам с небес благочестивого господина. Когда господь перестанет гневаться и захочет приласкать детей своих, он пошлет нам благого короля. Дворяне и сановники, как тучи, не пропускают к нам лучей короны, ни воплей наших к отеческим ушам их христианнейших величеств в Неаполе и Эскуриале.

Диониссио. Терпения нет. Ты хуже всех, дядя Рокко. Скорей можно продолбить скалу, чем мужицкий предрассудок. А ты ведь самый умный рыбак на всем побережьи. Короли—это атаманы разбойников, бандиты, которые душат вас и будут душить детей ваших, если вы не опомнитесь.

Д. Неро. Постой, монашек, ты говоришь правду. Живем собачьей жизнью.

С каждой неделей становится хуже. Теперь все подати требуют деньгами, а где напасешься денег? Отцы наши жили, как собаки, но они жили много лучше, чем мы. А в замках вино и песни. Во многих роскошь, о которой не мечтали их отцы. Пес и лошадь стоят у них больше, чем сколько нужно, чтобы целая семья крестьянина была сыта и весела. Бьют нас. Дочерей же насилуют. Одних забили до того, что те стали тупыми овцами. А для других одно осталось—уйти в горы и стать волками. И я уйду. Вы знаете, что мою дочь забрал к себе Уффо ди Рипа. И он скоро прогонит ее, как делал с другими. Я подожду, когда родится ребенок. Потом я удушу его. Тогда я уйду в горы. Может быть, доведется с другими отчаянными головами встретить какого-нибудь рыцаря на глухой дороге. О, попадись мне какой-нибудь! Они изобретательны на муки к нам. Но Дзио Неро натешился бы над ним, как дьявол не умеет тешиться над грешниками.

Диониссио. Вот это уже гораздо лучше. Но мы найдем достойное оружие твоему гневу, рыбак. Недавно мне ска-

зали, какую пословицу придумали про вас юристы, друзья крестьяне. Rustica gens—optima flens, pessime gaudens. Лучше всего, когда мужик плачет, а мужичья радость—наихудшая вещь.

(Ропот негодования.)

Кривой Иорио. А монахи разве лучше юристов, разве лучше они купцов и бар? А монахи не грабят нас, скажи-ка, молоденький монашек?

Диониссио. Мы не из тех. Мы памятуем учение Виклефа, великого апостола, который говорил: Omnia bona clericalis ecclesiae debent esse bona pauperum. Все имущество духовенства церковного должно достаться бедным.

Иорио. По-латыни?

Диониссио. По-латыни.

Иорио. И вы напишете это на пергаменте, на хартии? Сделаете законом?

Диониссио. Да. Мы сделаем больше: мы напишем на хартии и сделаем законом заповедь великих катаров: Omnes nostras possessiones cum omnibus hominibus commune habemus. Все будет общим у всех людей. И каждое слово, которое я говорю вам, взято из уст учителя—Солнечного Мессии, старшего брата людей—Фомы Кампанеллы, который придет к вам. А я кто?—Я мальчик, учившийся у ног его.

Шиппионе. Да и он молод. Ох, не ввели бы вы всех во грех.

Крапаччи. Мы, мастеровые люди, поддержим Фому Кампанеллу. У нас давно поется хорошая песня, такая, словно он ее сочинил, а ей уже более 100 лет, наверно.

Поет.

Не надмевайся, дворянин,
Уймем скорей, друзья, нахала,
Где был мужик и господин,
Когда Адам пахал, а Ева пряла?
Адам пахал, а Ева пряла?

Вы поделили божий свет.
Мечом рубили на куски:
Богач сгребал, а бедный нет,
Так Авель пал от Каина руки.
Брат пал от Каина руки.

Мы, каменщики, строим дом
И строим вместе, всей семьей,
Там будет равенство во всем,
То будет дом людей и храм твой, дух святой
То дом людей и храм святой.

Дионисссио. Чудная песня. В ней узнаю отзвуки проповеди святого пророка, нашего калабрийского великого мужа Иоанна, дивно возвестившего приход солнечного Фомы, утреннего мудреца Иоахима-да-Форли.

Крапаччи. Да, у нас в братстве каменщиков свято чтут память Аббата.

Таддо. Все это ладно. Довольно разговаривать. Пусть старые сычи сомневаются. Молодость не боится смерти. Смотрите же, смотрите на меня. Пощупайте мои плечи. Глядите, какая у меня грудь. Я же жить хочу! А мне не дают жить. Ну, так я поживу в бою!

(Доносится звук труб.)

Дионисссио *(вскакивая)*. Это он!

(Все встают.)

Дионисссио. Пророк идет! Снимайте шапки. *(Все снимают шапки, некоторые становятся на колени.)*

(Входит монах с трубой, другой с мечом. Между ними Кампанелла, сверх его белой рясы черный плащ. Он благословляет склонившуюся толпу и становится посредине. Некоторое время молчит.)

Кампанелла. Братья мои. Буду пророчествовать вам. Поймете ли вы все, что скажу?—Нет. Господь открыл мне прошлое мое и ваше. Первые и вторые шаги дела

нашего. Внимайте повесть страшную, святую. *(Пауза.)* Братья мои. Если не поймете чего в словах моих,—поймете музыку голоса моего. Понимаете ли все в песне церковной? Умом не все и мало, а сердцем много, много, до пределов морей, до глубин бездны, до высот неба. Песню пою вам, братья. Поймете, не поймете? Нужно? Ненужно? Шел сюда и думал, что скажу рыбарям и крестьянам? Как уловлю их души? Подбирал слова. Но вдруг бог коснулся очей моих и уст моих: перед очами родилась картина, на языке—слова. Ну, что же, простые умом и сердцем—не понимайте. Но я должен спеть мою песню.

Бог мне повелевает.

И не начну ее с пророков Израиля, не скажу ничего об Иисусе.

Я не буду петь первых христиан. И святого отца нашего Доната, кто умер за чистое учение. Я начну с тебя, итальянец. Арнольд, Арнольд, мой старший брат и отец! Мы слышим твою горячую речь. В ней гордость Рима подлинного, того, что трудится. Слышишь? — Арнольд ди Брешиа грозит королям и папам, и в устах его молнией блещет забытое имя—справедливость. Погиб ты телом, спасся навеки духом. Вижу твою голову обрубок и обильно падающую почти черную кровь.

Отец наш Арнольд, сопутствуй нам.

(Крестьяне повторяют вполголоса эту молитву. Они охвачены почти ужасом перед вдохновением Фомы Кампанеллы.)

Хвала вам, бедные Лиона. Кроткий Вальдус раздает имущество свое. Что мое—твое. Собирает сокровище на небе. И благословляет тебя кроткий Вальдус с этих гор, великий калабриец.

Слава тебе, Иоахим. Слава. Слава тебе пророк духа святого. Пойте ему, пойте. Это свет калабрийских гор. С гор родимых брызнул свет миру. Слава тебе, слава тебе, Иоахим.

Дионисио.

Слава тебе, Иоахим, слава.
Возвеличится Форли средь города.
Слава тебе, слава тебе, Иоахим.

Краначчи.

Слава, слава доктору святого духа.

Крестьяне.

Слава тебе, святой пророк божий, Иоахим.

Кампанелла. Кто сказал: люди станут свободны? Кто сказал: люди станут равны? Кто сказал: люди станут царями, богами в духе? Бог отец правил жезлом и называл вас рабами. Бог сын правил словом и называл вас сынами. Бог дух правит мыслью и называет вас друзьями. Слава тебе, Иоахим

Братья мои, я читал его. На коленях читал я его и выглось в сердце моем 1600.

Точно и ясно—1600.

Звезды подтвердили мне—1600.

Поймите же, поймите же, братья крестьяне: 1600.

1600.

О вы, подобные Варфоломею, в нем же нет лукавства, дети Христа и блаженного бедняка из Ассизи. Кроткие завоеватели мира.

Вижу, как среди вас подняли мудрые голову, первые сыны солнца.

О, мои дорогие. О, мой дорогой ты друг.

Брат, братец, родимый, родной родименький. Фрате, фрате. Дольчино.

(Плачет.)

Плачу, плачу... Ведь это я. Ведь это я... Братец родимый — во мне ты, и я в тебе. Целуй святую Маргариту. Целуй ее голодными губами, герой солнечный. Я знаю, как ты умирал от голоду с друзьями своими на Монте-Рубелло. Красные горы облиты кровью. Красные горы, сияющие нам, как планета Марс. Монте-Рубелло. Я хотел бы сделать это имя кличем битвы в одной из битв.

где будут биты последыши сынов епископа Ворчельского. Я знаю пытки Рудело и епископа Ворчела. Это мои члены откручивали клещами и дробили молотками. Это с меня снимали кожу щипцами и ножами... Это мои глаза видели страшные судороги обезображенного, кровью залитого тела любимой подруги. Поэтому плачут сейчас мои глаза. Маргарита, Маргарита, ты видела, как сгорал в дыму и пламени твой друг. А я видел глазами духа, как шипела на огне твоя окровавленная плоть.

О, муки без конца во имя крестьянского христианства! О, крест, кольми тяжелее креста Христова. Жаки, Жаки, мои французские братья. Разве мы не знаем Великого Карла? Пар пошел и кровь брызнула сразу, когда Карл Злой надел руками палача узкую корону на твое чело.

Брат мой Уот, буйный брат мой, разве не слышал я, как говорил ты с хрупким Ричардом... Я видел и слышал, как ты клялся и мычал словно буйвол и как пил ты пиво и хохотал в королевское лицо, и как брызнула твоя густая кровь под мечом проклятого Уольворта, оросив неистовым вином солнца зеленую траву сметфильдских лугов.

Джон Болл, безумный, безумный солнце-брат мой. Вот ты висишь передо мною на дереве. Сине лицо твое и высунул ты мне прикушенный твой язык, и у ног твоих воют два волка, и луна глядит в твои стеклянные глаза. Болл! Этот язык метал искры правды, от которых загорится мир. О, наша огненная корона. Ты будешь все-таки править миром. Вижу твое венчание, брат Дужа, верный вождь крестьянский. Тебе надели красный обруч и дали в руки тебе красный и пламенный жезл, и ты держал их и был красивым, прекрасным.

О, прообраз, слава, слава тебе.

Пойте славу мученикам, героям и вождям.

Не забудьте, кто шел за ними.

Я перечислил предков моих.

Их поддержали предки ваши.

Табор, Крайна, Каринция, как плоды на деревьях твоих удавленники. Император и Сатана украсили деревья, плодами смерти земледельцев. Я изнемогаю и не доскажу.

Слава героям и мученикам!

Ты, Фома. Не Аквинский. Мудрец холодный и тонкий. нет, не тебя я зову, не в твою честь назван я. Я зову Фому из Мюнцера. В честь тебя назван я. Прежде, чем отрубят тебе голову—улыбнись мне, величайший среди великих.

Братья, видите ли реку крови и огня? Это все ваши дела.

Боже солнца, миром правящий,
В волны красные вступаем мы.
Стяг кровавый, пламенем сверкающий
До небес высоко поднимаем мы.
О, даруй победу нам конечную,
Ниспошли земле ты правду вечную.
Духом света одержимы мы,
Поддержи нас серафимами,
Пусть полками спустятся незримыми.
Если же готов он, крест мучения
Новый знак в пути великого учения,
Дай печатью быть для истины кровавою.
Дай нам умереть твоею славою.
Смертью пурпурной, горячей и закатною
Ради воскресенья жизнью тысячекратною.

Шиппионе *(тихо)*. Не сошел ли он с ума?

Кривой Норио. Нет, это бог нисшел на него.

Дионисссио *(громко)*. Стойте, слушайте. Слышите колокольчики? *(Голоса.)* Что это? *(Вбегает на холм.)* Испанцы!

(Смятение.

В глубине сцены проходит небольшая группа испанцев: офицер, 5 или 6 солдат и два мула с паланкином между ними.)

Кампанелла. Крестьяне—богатыри солнца и правды. Вы должны обезоружить испанцев.

Шиппионе. Нас не так много, и у них мушкеты.

Рокко. Они станут стрелять.

Кампанелла *(бросается навстречу испанцам, грубым голосом)*. Стойте. Я—Фома Кампанелла, пророк божий, при-

казываю вам бросить оружие и бежать отсюда, если не хотите потерять жизнь!

(Испанцы останавливаются в некотором смятении.)

Офицер. С дороги. Убирайтесь!

(Выхватывает шпагу. В это же время сбоку ударяет его топором Таддо. Офицер падает, испанцы бросают оружие и бегут в рассыпную. Раздаются два выстрела, не причиняющие никому вреда. Мулы остаются.)

Кампанелла. Кого же мы захватили, дорогие друзья? Это конечно важная испанская птица, которая пригодится нам. Выходи из носилок ты, иезуит или вельможа и во всяком случае слуга сатаны.

(Из паланкина выходит смертельно испуганная донна Ина, крепко кутаясь в свой синий плащ.)

Кампанелла. О, поистине райская птица.

Ина. Отпустите меня сейчас же, я племянница короля. *(Гордо поднимает голову.)* Если вы причините мне малейшую обиду, каждый кончит жизнь в неслыханных пытках.

Кампанелла. Не пугай нас, красивая девушка. Время страха для народа прошло. Наступило время страха для господ.

Ина. Отпустите меня... Я даю вам слово принцессы, что пришлю богатый выкуп.

Кампанелла Мы не разбойники. Но я помню, что предсказал тебе в горах. Помнишь ли и ты?—Я сказал: ты попадешь в руки угнетаемых тобою и тогда радуйся, если они не отомстят тебе иначе, как об'ятиями страсти. Реченное пророком должно сбыться. И в этом есть высшая справедливость. Дзио Неро, барон Уффо взял у тебя дочь. Почему нам не взять дочь сестры короля испанского?

Барон Уффо отпустит твою, и мы отпустим эту своевременно.

Д. Н е р о. Мудро и правильно. *(Подходит к Нина и хочет схватить ее за руку.)*

Н и н а *(замахиваясь кинжалом)*. Смерть тебе или мне!

К а м п а н е л л а. Ну, Таддо, красавец, горный олень. Ты, ведь, все говоришь: я хочу жить. Вот тебе первая добыча нашей войны, которую солнце посылает нам с последним лучом сегодняшнего дня. Клянусь: мы не можем ни убивать ее ни ранить ее, ни дать ей причинить себе вред. Но в этом чувствуете вы все промысел божий. Она должна стать женою крестьянина. Девушка—мы отпустим тебя. Посмотри на этого красавца, много ли таких среди князей? Да будет этот мужем тебе. Ты получишь счастье его об'ятий в отмщенье права первой ночи твоего званного отродья.

Т а д д о *(подходит к ней. Дрожащим голосом)*. Мадонна, как хороша испанка... Принцесса — ангел гордый... *(Падает на колени.)* Вот я стал на колени. Ну, взгляни, ну, не гневайся. Какой подарок и какое счастье! Я должен любить тебя, я должен владеть тобой. *(Вскакивает.)* А! Пусть умру без покаяния—она моя. *(Вырывает у нее кинжал и обнимает ее.)* Не бойся же, не бойся, испанка... Ой, как ненавидит... ой, как она страдает... Ты прекрасна... Брат Фома, я не могу ее обидить, я не могу ее обидеть. *(Кусает в ярости свою ладонь и отходит, плача, как ребенок.)*

К а м п а н е л л а *(величественно)*. Во имя солнца! *(Протягивает руку к заходящему солнцу.)* Она должна принадлежать крестьянину. Если это не будет Таддо, то это будет другой.

Г о л о с а. Я, я.

М о л о д о й к р е с т ь я н и н *увалень*. Я-то уж справлюсь.

Т а д д о. Горло перерву тому, кто тронет! С дороги! *(Хватает огромный камень и подымает его обоими руками над головой.)* Размозжу череп! *(Бросает камень снова.)* Эй, де-

вушка, иди со мной. Я живу совсем близко, идем ко мне: они обидят тебя.

Инна. Я не пойду.

Молодой крестьянин. Тащи, а не то мы поможем. *(Хохочет:)*

Кампанелла. Испанка. Иди с ним и проведи ночь под его кровом. Ты девушка в цвете лет, а он молодец. Он благороден, как ни один твой герцог. Гордец, он уже об'ят чистейшей страстью к тебе. Если ты прикажешь—быть может, он ляжет у дверей хижины и будет оберегать твой сон. Я клянусь, что завтра ты продолжишь путь. Но я верю в чары луны, я знаю законы крови. Идите. Ты будешь супругою его.

Таддо. Красавица, монах правду говорит. Пойдем... Лягу у дверей, как пес. Не коснусь края платья.

Инна. Я пойду в носилки, а ты, мужик, веди мула в поводу. Если бы ты был честный пастух—ты повел бы меня прямо в замок Либо. Но может быть, ты боишься разбойников по дороге, тогда пойдем в твою хижину. Я запру дверь, а ты извне станешь на страже и никто пусть не смеет приближаться.

Кампанелла. Ночь наступила. Идите тихо. Вдыхайте запах наших волшебных трав. Вон зажглись фонарики светляков и начинают мелькание брачного танца летучих. У тебя над хижиной будет петь соловей сегодня ночью. Смотри, снег засеребрился луною там наверху. Испанка. Помнишь ли, как пела подруга Соломона.

«Не будите и не возбуждайте любовь, пока она не придет.

Положи меня, как печать, к сердцу твоему, потому что сильна, как смерть, любовь, стрелы ее—стрелы огненные, она—пламень Господень.

Большие воды не могут потушить любви и реки не зальют ее. Если бы кто давал все богатство дома своего за любовь, то он был бы отвергнут с презрением».

Нина. Отпусти меня, злой волшебник. Ты силен, колдун, я боюсь тебя!

Кампанелла. Я отпущу тебя, когда заря окрасит розовым отблеском Монте-Лукко и Монте-Коломбелло. Тогда я приду к хижине пастуха. Он нацедит тебе молока козы, а я принесу тебе хлеб и мед.

Нина. *(Входит в носилки.)*

Кампанелла. Иди, Таддо, и пой ту песню про невесту на осле. Знаешь?

Таддо. Брат Фома, и радость, и горе, и робость у меня на сердце.

Кампанелла. Ты благословен солнцем. Ты муж ее на эту ночь.

Таддо *(берет мула за узды и поет).*

Я живу высоко, там на взморье.
А невеста родом из долины.
Путь далекий в нежном разговоре
Проведем, идя к скале орлиной.

Но моя красотка
Что-то молчалива.
Лишь поют цикады чотко
Да шумят вдоль горной речки ивы.

Я веду осла моей невесты
И боюсь назад я оглянуться.
В первый раз наедине мы вместе:
Может, очи плачут, слезы льются.

Знаю ль я, что мил ей?
Ничего-то я не знаю.....
Может, поженили силой...
Неуверенно к горам моим шагаю.

(Уходит за сцену.
Голос Таддо раздается, затихая:)

Как придем мы к хижине пастушьей,
Я для ножки дам свое колено
И скажу: войди же и откушай
Хлеб любви супружеского плена.

Тут с осла спрыгнула,
Обняла меня за шею
И на грудь мою прильнула:
«Не посмел ласкать, так я посмею!»

Кампанелла. Спасибо тебе, народ мой, за такую прелестную песню. Тебе, природа, за твои ароматы и эту святую тишину. Какую же хорошую отпраздновали мы свадьбу.

Рокко. Ну, и чудак монах! Таких чудаков на свете не видывал.

Кампанелла. А этот? *(Подходит к офицеру.)* Убит... Поверните его лицом к луне. Вот так. Не гневайся, дух. Лети от хладного тела. Нам некогда хоронить. Мы помним—пусть мертвые хоронят мертвецов. Запоем теперь и мы, уходя к себе.

(Громко запевает:)

Из тьмы к звезде идет народ,
Из тьмы идет к звезде.
Незримый бог его ведет,
Бог, сущий вечно и везде.

Ну повторяйте же за мной, рыбаки.

(Все хором.)

Из тьмы к звезде идет народ и т. д.

(Они медленно уходят вслед за Кампанеллой, Дионисио и его монахами. Идут вверх к горам, и лучи луны серебрят их широкополые шляпы и их потертые плащи.)

ЗАНАВЕС.

Картина III.

Дворяне.

(Большая зала в укрепленном замке Либо. Барон Уффо и старый кавалер Авалетта пьют вино за столом, закусывая какой-то снедью. Иезуиты дом Пафнутио и дом Дзах ходят взад и вперед, тихо разговаривая. Испанский дворянин дон Диего ди Фуэнта, весь в черном, чопорно сидит за другим столом и смотрит перед собою. За тем же столом чистит ногти расфранченный кавалер Тибальдо ди Каприкорно.

Тибальдо *(к д. Диего)*. Да, да... Во всех этих вопросах я вольнодумец. О, дон Диего, я много путешествовал и приобрел замечательную сметку и остроту ума. Наше время блещет развитием философии, остроумия и искусств. Наше время—время утонченной урбании. Дворяне научили людей жить. Эти злополучные крестьяне с звериной точки зрения правы. Их жизнь ужасна. Если бы нас с вами заставили жить так—мы не смогли бы, уверяю вас, не смогли бы. Ну, и они рычат, лают, кусаются, когда могут. Но они правы лишь с звериной точки зрения. С человеческой же они не правы, уверяю вас, жизнь осмысленна, дон Диего, лишь, поскольку она хороша. Но жить хорошей жизнью всем нельзя. Пусть немногие будут цветами, осмысливающими бытие. Уверяю вас, дон Диего, это единственное решение, к какому может прийти ум острый и широкий. Ах, д. Диего, когда я посмотрю на таких грубых винопийц и сластолюбцев, как вот этот Уффо, на таких диких дураков, как седой Авалетта, я думаю: зачем они живут? Уверяю вас, они менее ценны, чем даже крестьяне. Те хоть работают. Когда дворянин настоящий идет *(встает и делает несколько шагов)*, вы даже в походке его видите мироправящую грацию. Не правда ли?—Когда он улыбается *(улыбается)* и делает жест рукой, воздушный поцелуй *(проделывает это)*, обнажает шпагу... становится в позицию... *(проделывает это)*,—вы им любуетесь... и не можете оторвать от него глаз. Это красота, это благородство! Все эти вышивки, костюмы, локоны.—Увы!—в Калабрии таких людей мало.

Д. Диего. В Испании тоже.

Тибальдо. Вы правы. Там другие люди. Но Испания грандиозна. О, Испания. Я чту ее сумрачный блеск, эти старые церемониалы, эту гордую медлительность: черное, серое, красное, сдержанную страсть; как я люблю капеллы, полные вздохов, свеч, кровавых Христов, плачущих перед ними красавиц. Испанский гранд—один из чудеснейших цветков человечества. Испанский дворянин—сух, но величественен. Я попрошу вас, д. Диего, пройтись по комнате.

Д Диего. К чему это?

Тибальдо *(приложив руку к сердцу)*. Но я прошу вас, я умоляю вас.

(Дон Диего встает и прямой, как палка, чопорно делает несколько шагов.)

Тибальдо *(громко)*. Браво, браво, прелесть! Поклонитесь.

(Д. Диего медленно выпрямляется и откидывает голову назад.)

Тибальдо. О, браво, браво! Выньте шпагу. *(Вынимает свою, то же делает Диего.)* В позицию. *(Становится.)* Маленький выпад...

(Д. Диего резким движением выбивает у него шпагу.)

Тибальдо *(испуганно)*. Что вы делаете?

Диего. Следовало бы вогнать тебе 3 вершка толедской стали в мясо, фривольный безбожник. *(Вкладывает с треском свою шпагу в ножны. Поворачивается и уходит, прямой как палка.)*

(Оба дворянина, наблюдавшие всю сцену, громко хохочут, держась за животы.)

Тибальдо *(подбегая к ним)*. Испанцы отличные рубаки, верные слуги своего короля и защитники церкви, но сплошь дурачье. Испания—это величественная глупость.

Уффо. Подите к чорту, кавалер, с вашим мускусом. Я не могу выносить этот запах. Ха-ха-ха! Вы среди нас, деревенщины, как попугай среди соколов.

Авалетта. Дворянство погибнет от таких молодчиков. Бьюсь об заклад, что он проживает в год свой двухгодичный доход.

Тибальдо. Нет, кавалер, вы очень ошиблись. Я проживаю в год трехгодичный доход.

Уффо. А зачем? Мне хватает совсем небольшого имения на мою курицу, на мое вино, на оружие и слуг... Мне, право, почти не нужно денег. Я беру, что мне надо, натурой и даже не очень обижаю крестьян. Такой ферт на одни ленты затратит кучу золота, чтобы понравиться илюхам, а мне стоит поманить любую крестьяночку, и она не посмотрит, во что я одет. Для нее достаточно, что зовет барин.

Пафнутио *(подходя)*. У каждого своя повадка и свои приемы, кавалеры.

Уффо. А у вас, дом Пафнутио?

Пафнутио. Смирение.

Тибальдо. Жить, как вы, милые мои друзья, скучище. Да это и недостойно дворянина. Но вам непонятна иная жизнь, подлинного дворянства—цветка человечества, как мне не понять ваше прозябание. Дом Пафнутио, могут ли, например, понять последнее стихотворение кавалера Морина:

Скажу ли я, кого люблю я?
Ей никогда не выдам тайну.
Розину иногда целую,
Алину обниму случайно,
Фаншетте подмигну игриво,
И всем красоткам рад служить я.
Меж тем перед нею сиротливо,
Ах, даже слез не смею лить я!

Ну, деревенские пентюхи, и так, кавалер Морино назвал ту, по которой вздыхает, а именно графиню Серафиму

Орлини. Да. Берите первые буквы каждой строки: сказку—с, ей—е, Розину—р, Алину—а, Фаншетту—ф, и—и, меж—м, ах—а—С-е-р-а-ф-и-м-а. Это называется акростих. А вы называетесь буйволами. Ха-ха-ха!

Авалетта. А в бога вы верите, кавалер?

Дзах *(подходя к ним)*. Как можно задавать подобные вопросы, милый кавалер Авалетта?

Авалетта. Я задаю их потому, что от моего двоюродного брата из Ниццы знаю, что представляют собой эти молодчики в позументах и лентах, которые причисляют себя к эпикурейской секте.

Дзах. Какие там эпикурейцы. Господь бог взирает с улыбкой милостивого отца на мелкие шалости любимых своих детей.

Тибальдо. Дворянин—воин, воин и в то же время человек тонкой образованности—вот.

Он—цвет человечества. Я не устану повторять это. Если бы не было изящных кавалеров, с одной стороны, и святых аскетов—с другой, уверяю вас, земле не стоило бы существовать. Уверяю вас. Я мыслю так, д. Лопе и дом Нафнутио, что истинный рыцарь и истинный монах в некотором роде даже и не люди, а как бы сверхлюди.

Нафнутио. Credo homines superiores quomodo enim superhomines esse, quibus multum licet, quid vulgaris hominibus severiter prohibitum est.

Тибальдо. Ах, какое прелестное изречение! Не принадлежит ли оно блаженному Августину?

Нафнутио. Не совсем.

Тибальдо. Не отцу ли Игнатию?

Нафнутио. Не вполне. Но и апостол Павел говорит, что сыны не подлежат закону.

Уффо. Отцы иезуиты распускают молодежь.

Авалетта. О, снисходительность духовника потребна иногда и деревенскому рыцарю в зрелых годах. Ха-ха-ха!

(Входит Спинелло и посланник.)

Спинелло. Здравствуйте, господа. Где же уважаемый д. Диего?

(Д. Диего входит и слегка кланяется, не снимая своей шляпы.)

Спинелло. Добрые вести. Повторите, молодой человек, то, что вы мне рассказали.

Вестник. Я пробрался к вам, хотя у вас в провинции весьма неспокойно, синьоры. Я послан к вам самим вице-королем графом Лемносом. Почти одновременно с письмами гр. Спинелло прибыл в резиденцию монах из взбунтовавшегося монастыря, некто Дж. Бильбна. Если не ошибаюсь, он не только подробно осведомил нас о бунте, ереси и измене столковавшегося с магометанами Кампанеллы, но и привез планы монастыря и его подземных ходов, так что мы поймаем крыс в самой их норе. Вице-король выслал 4 галеры с отрядами и артиллерией, которые прибудут через два дня. Он выслал также флот навстречу туркам, если бы они осмелились вновь приблизиться к берегам Калабрии.

Нафнутио. Finis Campanellae!

Дзах. Костер ему!

Спинелло. Все это прекрасно, но, пока что, надо крепко держаться в замке. О ком я страшно тревожусь, так это о донье Ина, которая еще вчера должна была бы прибыть к нам.

Вестник. Могу успокоить вас. Я встретил высокую инфанту в странном положении: она ехала в носилках на двух мулах без всякой стражи в сопровождении рослого крестьянина, который горланил песню.

Спинелло. Где? Где?

Вестник. Недалеко отсюда. Я оставил ей в качестве конвоя моих обоих кавалеристов.

(Входит слуга.)

Слуга. Донья Инa дела Вос.

Спинелло *(устремляясь к ней навстречу)*. О, дитя мое, моя принцесса.

(Донья Инa стремительно входит. Все мужчины встают и глубоко кланяются.)

Инa. Граф, прикажите сейчас же застрелить мужика, с которым я приехала сюда. Сейчас же. Прикажите отвести меня в назначенные мне покои.

Спинелло. Позовите сюда кастеляншу. Итак, вы требуете схватить мужика и...

Инa. Я прошу исполнить точно мой приказ.

Тибальдо. Мы восторженно приветствуем красу Испании в этом замке. Я, кавалер Тибальдо ди Каприкорно, племянник герцога Омптеда.

(Инa слегка кивает головой и дает ему поцеловать руку.)

Инa. Где же люди, которые проводят меня в мои покои?

Кастеляншa. К вашим услугам, высокая инфанта.

Инa *(уходя)*. Пусть хороший стрелок возьмет его на прицел из окна и уложит на месте. *(Уходит.)*

(Спинелло задумывается.)

Тибальдо. Странно... Мужик ведь привез сюда принцессу. За что такая немилость?

Спинелло *(громко)*. Якко, Бальди, приведите сюда мужика, который вел мула принцессы. *(Дворянам.)* Извиняюсь, синьоры. Прошу прощения. Мне надо допросить его сейчас же.

(Дворяне неохотно, с любопытством и беседуя между собой, уходят, также, как и оба иезуита.)

Спинелло. Прелюбопытная история. В чем тут дело? *(Нервно ходит по комнате.)*

(Два солдата с аркебузами вводят Таддо.)

Спинелло. Ты привез принцессу?

Таддо. Да, синьор.

Спинелло. Как ты ее встретил?

Таддо. На нее напала шайка крестьян, ее стража разбежалась. Мне удалось выручить инфанту, она переночевала у меня в пастушьей хижине у подножия Монте Коломбелло, а потом я по ее просьбе привез ее сюда.

Спинелло. Ты улыбаешься, словно она подарила тебе 10 дублонов.

Таддо. О, гораздо больше, синьор.

Спинелло. Неужели? Чем же ты разгневал ее?

Таддо. Я ничем не разгневал принцессы.

Спинелло. Она разгневана. Она требует, чтобы ты был убит тотчас же.

Таддо *(широко улыбается)*. Шутите, синьор. Этого не может быть.

Спинелло. Она дала такой приказ. Что ты сделал ей? Сказал какую-нибудь грубость?

(Входит кастеляниха, приседает.)

Кастеляниха. Инфанта приказала узнать, исполнено ли ее приказание. Но я вижу, что оно еще не исполнено, граф.

Спинелло. Вы не успеете дойти, матрона, до комнат принцессы, как дело будет сделано.

(Кастеляниха уходит.)

Спинелло. Ты будешь застрелен, мужичок. Но, может быть, ты развяжешь язычок и об'яснишь мне, в чем дело. Ты

сам был в банде—это для меня ясно. Но если ты ограбил принцессу или оскорбил ее, как мог ты сам прийти сюда вместе с нею?

Таддо. Поклянитесь мне Матерью божией, синьор, что она сама приказала убить меня.

Спинелло. Клянусь тебе Матерью божией. А ты скажи мне—за что? Может быть, я тебя еще и помилую.

Таддо. Мне не надо милости. Но если она такова... Так знайте, синьор: она почевала у меня, и я стал на страже у двери. Но я не мог выдержать и пошел, я стал на колени, и протянул к ней руки, потому что пророк божий сказал мне, что она по всей справедливости должна быть моею хотя на одну ночь. И, клянусь Отцом, Сыном и Духом святым—она встала и пошла ко мне и целовалась со мною всю ночь, и была моею и говорила: я околдована, я околдована. И после была тиха и милостива. Садясь в носилки, она сказала мне—вези меня в Либо, Таддо, ты получишь награду. И я вел ее мулов, и пел ей песни.

(Спинелло делает знак одному из солдат. Тот прицеливается в Таддо сзади.)

Я думаю, что вы ошиблись, граф. Этого не может быть.

(Раздается выстрел. Таддо падает.)

Спинелло. Иди, дружок Бальди, скажи кастелянше, чтобы она сказала мне—вези меня в Либо, Таддо, ты получишь у меня! От кого услышу повторение басен, какие здесь плел этот разбойник и лжец—тому прикажу вырвать язык.

(Солдат уходит.)

Спинелло *(другому)*. А ты скажи, чтобы отсюда убрали падаль.

(Слышен звук труб.)

Тревога. Крестьяне атакуют? Ха, ха, ха! Пустое. Бараны обломают рога о башни Либо, а помощь графа Лемноса близко.

(За сценой трубы, колокольный звон, шум.)

ЗАНАВЕС.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ.

ЛАДЬЯ.

Картина I.

Набат.

(Монастырский двор, как в первой картине предыдущего действия. Мелодично звучит набат. Смятение. Двор полон народа. Монахи. Наемные брави, крестьяне, женщины, мальчики; монастырские рабочие.
При открытии занавеса после минуты суматохи и шума под набат из монастыря выходит Стефано Кампанера в митре и облачении с посохом, он торопливо идет, окруженный старейшими монахами, и становится на возвышении у вала).

1 монах. Тише, тише! Настоятель говорит.

Стефано. Братья! Где брат Фома Кампанелла? Ведите его сюда. Мы должны говорить с ним перед всеми.

2 монах. Кто же знает, где он? он всегда вне монастыря с Дионисио ди Никастро.

1 монах. А еще чаще с Марией, что есть скандал перед людьми и ангелами.

Стефано. Ищите его.

2 монах. Тащите его!

1 монах. Есть ли кто на страже на валу?

1 брави. Монастырь окружен со всех сторон. Что тут смотреть? На приступ они сегодня не пойдут, потому что только что высадились, а завтра нам не сдобровать.

2 брави. Мы сдадимся. Разве можно защищаться от такой силы.

(Вбегает молодой монах.)

Мол. монах. Отец-настоятель, брат Кампанелла с вооруженными крестьянами пробился к воротам монастыря. Открыть ли их ему?

Стефано. Открыть ли? Раз он пришел сюда да еще с вооруженными людьми нам на помощь—конечно, открыть. Но зовите его сюда на совет перед всеми. Вряд ли монастырь может держаться!

1 монах. Не пускать его!

2 монах. Сдаться испанцам!

Крики. Сдаться, сдаться!—Долой Кампанеллу!

Стефано. Не будет торопиться, братья. Мы все обсудим совместно. Дело идет о жизни всех—пусть и судят все.

1 монах. Слаб, слаб настоятель.

Стефано. Думаете вы—сдаться—значит спастись? Это еще неизвестно. Испанцы прекрасно могут перевешать всех вооруженных, и иезуиты—сжечь всю братию.

1 монах. Да будет проклят соблазнитель Кампанелла!

(В толпе сильный шум. Подходит Кампанелла в своем черном плаще поверх белой рясы, на голове каска, в руках меч. За ним Диониссио и кучка вооруженных крестьян.)

Кампанелла. Братья! Мы пришли! Вот начинается брань Солнца с тьмою. Восторг! Восторг! Наслаждение свистать мечом в воздухе за правду бояню. Братья, мы уже почти взяли замок Либо, но весть об осаде монастыря заставила нас вернуться сюда на выручку вам. Смотрите: Стило окружен был плотным кольцом испанцев и их сворой, но мы грянули на них и ударили на них. Мы бросились и шли вперед и прошли сквозь строй их, как вихрь и как

пламя сквозь сухую траву. Отныне Стило будет носить имя МОНАСТЫРЯ СОЛНЦА. Отсюда заря. Вооружайтесь! Сейчас поведу вас. Сейчас, не теряя ни часа. Мы развеем их, как ветер осенние листья.

Диониссио. К оружию, к оружию!

Капитан брави. Достопочтенный учитель, а сколько подмоги привел ты?

Кампанелла. Нас всего 7 человек. Но мы среди врагов как ангелы божии.

Капитан брави. А нас здесь, способных носить оружие, около 60, а испанцев не менее 800. Полно безумствовать. Мы могли бы не сдаться, если бы крестьяне толпами шли на помощь. Но этого не видно.

1 монах. Сдача, сдача!

2 монах. За что бороться? За химеры Фомы?

Диониссио. Первый удар меча изменникам!

Кампанелла. Опомнитесь. Вы избраны. Опомнитесь! Каждый, кого судьба привела в Стило в эти дни—избранник и палладин божий

1 брави. Бред.

2 монах. Богохульство...

1 монах. Говорите же, отец Стефано, говорите же! Что же вы молчите?

Стефано *(поднимает жезл)*. Братья, будем рассудительны. Брат Фома, ты красноречив и учен, ты знаешь, как я люблю тебя и сколько я сделал для тебя, но ты увлекся и ввел нас в беду. Ты же должен и вывести нас из нее. Монастырь не хочет и не может делить теперь твою судьбу. Я скажу осаждающему нас полководцу: Кампанелла сам за себя. Монастырь не может поддерживать Кампанеллу, он придет к вам и ответит вам за себя. Пострадай, брат Фома, если веруешь. Пророки страдали. Не

без сокрушения говорю тебе: ни я, ни все сии не пророки и не мученики.

(Наступает минутное молчание. Только колокол продолжает бить набат.)

1 б р а в и *(раздражается громким хохотом).* Вот так веселая комедия! Монашек озадачен. Браво, настоятель! Сдача, сдача!—а потом веселая пирушка вместе с испанцами. Там все наши друзья и командир у них всем нам прекрасно известный Панкратио Бирбанте.

Т о л п а. Браво, браво! Да здравствует Панкратио Бирбанте! Сдача, сдача!

К а м п а н е л л а. Так, значит, я ошибся в вас. Слушайте. Молчите, когда пророк божий говорит.

(Перед его грозным голосом толпа замолкает.)

Я думал, что господь и Солнце избрали не меня одного, а и вас всех. Говорю вам: если бы вы пошли за мною—разбежались бы испанцы, как сумерки от утра. Да будут прокляты кровь моя и душа моя, если я лгу. Но вы—псы трусливые! Вы жалости и презрения достойные твари. Вам, гнусам, поручать дела Солнца? Смотрю на вас и ужасаюсь, словно вижу вас впервые. Вот тот, похожий на гиену, а ты на свинью. Там кривляется большая волосатая обезьяна, а этому не хватает только воловьих рогов на тупой лоб. Презренье... Люди ли вы? Ах вы пасти, зобы, бельмы, узкие лбы, ах вы, сволочь мира, отребье земли. Дурак Фома, как же ты в пророческом рвении не рассмотрел, с кем имеешь дело? Сдачи? Да, я пойду один на муку. Да, я один защищу господа и Солнце. Прочь! По норам и дырам исчадия ночи, упыри и совы, гады! Здесь вокруг меня останутся только те, кто готов умереть. И помните, за таковыми будет победа. Во всей Калабрии восстания, крестьяне и рыбаки тысячами идут нам на

помощь, но вы не будете иметь части в победе. Итак, оставайтесь здесь, сыны Солнца. Прочь, дети ночи!

(В толпе колебание, ропот, шум. Сперва монахи, потом брави, а за ними и другие постепенно уходят, нехотя, ворча, оглядываясь. Кампанера, склонив голову, уходит одним из последних. Остаются только Кампанелла и Диониссио.)

Кампанелла. Все? О, сколько печести наплодила ты, мать земля! Итак, Диониссио, мужайся. Это только в монастыре так. Страна подымается. Слушай... Что же мы сделаем? Слушаю тебя, господь, в моем сердце. Что делать мне? Диониссио, я уйду на несколько времени в мою келью. Там господь просветит меня. Ты будь здесь. Если случится что непредвиденное—беги ко мне. *(Уходит, озабоченно кусая ногти, с сморщенным лбом.)*

Диониссио *(один)*. Пали великие великодушные планы. Ты рано пришел, пророк. О, как мне жаль тебя, великий, великодушный! *(Закрывает лицо руками и плачет.)*

(Мария входит взволнованная и испуганная.)

Мария. Диониссио, где учитель? Все в смятении. Того и гляди откроют ворота. Где учитель, ради Мадонны, Диониссио?!

Диониссио. Мария, сладчайшая, он думает и совещается с богом. Но что же может он придумать? Измена, измена кругом! Все рушилось.

Мария. Он погибнет?

Диониссио. Несомненно.

Мария. И мы с ним?

Диониссио. Ты не должна погибнуть, красавица.

Мария. У меня нет жизни отдельно от учителя.

Диониссио. Тогда умрем, Мария. Если мне лишь дано только это счастье—беру его. Умереть с тобою—блаженство. Как прекрасна ты сейчас, Мария. Как ты любишь его.

(Пауза.
Мария в глубокой скорби.)

Диониссио. Мария! Быстрым, неслышным шагом подходит смерть, смерть мучительная. Мария. Мария, пойми меня! Не осуди меня: дай мне один раз обнять тебя, дай мне один раз поцеловать тебя!

Мария. Обними меня и поцелуй меня. Я люблю тебя. Диониссио. Но теперь мы должны умереть потому, что учитель побежден.

Диониссио *(бурно обнимает ее).* Мария, сладчайшая, должна ли умереть ты, такая молодая и прекрасная? Они откроют ворота и спасутся, а нас отдадут на муку. Мария, пойми меня... Разве отец Солнце, о котором возвещал он, хочет гибели своего прекрасного создания? Иди отсюда. *(Хватает ее за руку и взбирается с нею на вал.)* Смотри, смотри: я так и думал. С этой стороны врагов нет, они все теперь у ворот и у входа в подземелье, который кто-то выдал им. Ты видишь, вот там. Я возьму тебя на руки, я снесу тебя. Здесь крута стремнина, но можно сойти. Здесь можно сорваться, можно убиться, но разве это не лучше мучительных пыток инквизиции, а если мы спустимся, мы перейдем через ров в брод. Я знаю—вода его не глубока, не более, как по грудь мне. Я понесу тебя на руках, а там нас почти никто не знает. Испанцы никогда не видели нас. Сейчас здесь никого нет. Пойдем, Мария,—не теряй ни минуты. Это спасение, это жизнь!

Мария. Я не хочу покинуть его.

Диониссио. Да будет воля твоя. *(Бессильно опускает руки.)* Но жизнь хороша, Мария. И я так любил бы тебя! *(Пауза.)* О, подумай, Мария, смерть, смерть мучительная подходит к нам шагом быстрым и неслышным.

Мария. Дионисснo! Мне стало странно! Я посмотрела на тебя и представилось мне, что они клещами будут рвать твои губы и щеки. *(Закрывает глаза.)*

Дионисснo. Идем! Бежим!

Мария *(громко)*. Бежим, бежим, Дионисснo!

(Дионисснo хватает ее на руки, целует и собирается спускаться с вала. В это время входит Кампанелла и старенький монашек.)

Кампанелла. Дионисснo, Мария, куда вы? Вы сорветесь, упадете, безумцы!

(Дионисснo оглядывается, шатается. Раздается пронзительный крик Марии. Оба валятся.)

Кампанелла *(вбегает на вал)*. Упали... Здесь не так уж высоко. Они спаслись, быть может. Вода не глубока. Господи, помилуй их и спаси. Мария, Мария! Дионисснo! Нет... они ударились об острый камень. Нет, не всплывают! Дети, дети, дети! О! О! *(Разбитый, шатаясь, спускается.)*

Старый монашек. Учитель дорогой, надо торопиться. Спасай себя, ибо ты Мессия. Страна ждет тебя. Мир ждет тебя... Я говорю тебе: брат Джованни предал нас, они ворвутся через северное подземелье, они истребят здесь этих жалких трусов, они уже идут. Я был там, там темно, но слышен звон оружия, они идут ощупью. И пусть, и пусть. Трусы заслужили... Спешим! Мы пройдем другим подземельем, о котором помню только я, и которое ведет прямо к морю. Иди, иди, брат Фома! Страна ждет тебя! Мир ждет тебя!

Кампанелла. Мир ждет. Изменники Солнцу гибнут. Что бы стоило Дионисснo и Марии подождать одну минуту, и я вывел бы их к жизни и борьбе. Но, видимо, все робкие должны исчезнуть в этой пламенной заре твоей. Но я смел и тверд. Я тверд, отец мой, Солнце! Идем, старик. На

борьбу или на муку, идем. Я один теперь на свете. Я на земле, а Феб на небе.

(Уходит.

Шум, смятение, вбегают испуганные монахи, женщины. Раздаются крики: «Они ворвались, они рубят, они жгут! Пощады, пощады!»)

ЗАНАВЕС.

Картина II.

У моря.

(Берег моря. Много скал кругом, часто круглые валуны. Барка с опущенным парусом колышется у берега. Около нее на песке, положив голову на сеть, спит пожилой рыбак. Входят Кампанелла и монашек Порфирий.)

Порфирий. Ты видишь, мы вышли к морю. Это спасение. Брат Фома, как я счастлив, что спас тебя. Беда не сломит тебя. Ты еще победишь... Смотри, смотри: здесь есть барка. О, воистину ладья спасения, посылаемая Провидением. Еще до вечера, плывя на юг, ты будешь в Марине Мадякоре, где никто тебя не знает. Ветер попутный. Небо хочет твоего спасения.

Кампанелла. Я благодарю тебя, отец. Как странно—я почти не замечал тебя в монастыре. Ты возился в кладовых, как белая мышь, между тем все, все... О, проклятие!.. Все изменили мне... Не мне, а духу святому и святому Солнцу. Я благодарю тебя за то, что ты—ты. Что ты не изменил. Этим ты спас мою веру в людей, а без нее, пожалуй, не стоит жить на земле. *(Садится на камень.)* Ах, отец Порфирий, какой переворот в моем сердце. Все кажется мне черным. Лик лучезарного солнца кажется мне восшедшим в ночи и никак не могущим рассеять ее. Какая картина: солнце ослепительное, а небо черное, и на земле непроглядная тьма. Солнце, золотое, лучистое, но словно нашитое на черное сукно, бессильное соединиться с тьмою, схватиться с нею и препобедить ее.

Порфирий. Брат Фома, надо поискать рыбака. Надо торопиться, чтобы доехать до вечера к Марине Маджоре: оттуда есть большая дорога. Да там и барок не мало. Спастись легко. Есть ли у вас деньги, брат Фома?

Кампанелла. Я не взял с собою ничего.

Порфирий. Худо... У меня тоже ничего нет... Это очень худо.

Кампанелла. Пустое. Я произнесу проповедь в порте и мне накидают монет полную монну.

Порфирий. Дай бог. Постойте, вот спит рыбак. Надо, немедля ни минуты, вступить с ним в переговоры. *(Подходит к рыбаку.)* Добрый человек, добрый человек! Проснись во имя божье. Ишь, как крепко спит. *(Толкает его.)* Пробудись, рыбак! Ты нужен господу. *(Рыбак мычит.)* Редко встречал я такой крепкий сон.

Кампанелла. Народ спит крепко.

Порфирий. Ну же, ну же, проснись! *(Приподнимает его за плечо.)*

Рыбак *(протирает глаза)*. Ну, что там, кто тут такое? Не дадут отдохнуть... А? Монахи?—Чего вам нужно?

Порфирий. Не много. Довези нас до Марины Маджоры! Ветер попутный.

Рыбак *(отплевывается)*. Тьфу ты. *(Ложится опять.)* До Маджоры? А зачем я туда поеду?

Порфирий. Рыбачок, рыбачок божий, чтобы нас свезти, монахов. Меня и еще вот того брата. Нам очень нужно.

Рыбак *(садясь)*. Очень?

Порфирий. Крепко нужно, рыбачок.

Рыбак. А сколько заплатите?

Порфирий. Заплатим... Заплатим благодарностями и благословениями.

Рыбак. Идите к... Хотел сказать к чорту, да не скажу, чтобы не огорчать черным словом владычицу.

Порфирий. Ты, я вижу, хороший христианин. Во имя Мадонны и всех святых, свези нас! Брат—проповедник. Он произнесет проповедь в Маджоре и отдаст тебе половину сбора.

Рыбак. Дублон вперед.

Порфирий. Ты обезумел, корыстолюбец. Это грех!

Рыбак. Кто спит, тот не грешит. Напрасно меня разбудили.

Кампанелла *(встáет и подходит)*. Слыхал ты о брате Фоме Кампанелле?

Рыбак. Слыхал. *(Меряет его с головы до ног.)*

Кампанелла. Что же ты слыхал о нем?

Рыбак. Разное.

Кампанелла. Говори.

Рыбак. Одни говорят, что он пророк божий, пришедший к простолюдинам Калабрии, а другие, что он—злодей и бунтовщик.

Кампанелла. А как ты мыслишь о нем?

Рыбак. Мыслю? Ха-ха-ха! Я ни о чем не мыслю... Я ловлю каламайо, морские фрукты и рыбу, собираю устриц—вот и все. высокопочтенный брат,—до пророков и бунтовщиков мне нет никакого дела. Если вы дадите мне дублон—я перевезу вас в Марину, если у вас его нет—проваливайте.

Кампанелла. Бедняк. Ты вдов. Твои дети уже подросли. У тебя есть сыновья. Быть может, среди них есть солдат, который переносит труды и льет кровь за пропитание. Твоя дочь в прислугах, где ею помыкают, а может быть, стала потаскушкой... Кое-кто в твоем роде потонул в море

в бурю... Ты—старый человек, голова седая. Скоро ослабеешь. Всю жизнь ты работал, вынося непогоду. Руки у тебя, как два больших краба. Спину твою ты уже не можешь выпрямить,—ты становишься все слабее. Болит поясница, темнеет в глазах, а когда совсем ослабеешь — никто не подумает о тебе, и ты умрешь, как собака.

Рыбак. Все это похоже на то, что есть на самом деле.

Кампанелла. Кампанелла пришел восстановить справедливость, учредить царство бедных, низвергнуть гордых. Кампанелла послан на радость всем трудящимся, старик. Я Кампанелла, посланный для спасения таких, как ты. Сила мрака временно победила, и мне надо скрыться или, вернее, перенести мою святую войну в другое место. Отвези меня и пойди за мною, как Петр-рыбак пошел за Христом.

Рыбак. Вас победили, брат Фома? Вы бежите? А расплачиваться будут те дураки из нашего брата, которые пошли за вами?

Кампанелла. Молчи, морской осел! Я у начала моей войны. Я подниму весь край, бедных Италии, бедных всего мира. Я непобедим, как солнце. Если его прикроет клочок утреннего тумана—это не мешает ему величественно восходить в небесах. Я—полководец великой армии, и нельзя, чтобы меня взяли в плен случайно. Рыбак! велика будет твоя награда, если ты спасешь Мессину Калабрии. Если бы ты читал в звездах, ты знал бы, что еще в 1600 году, а он уже наступает, Кампанелла войдет в царство божие, во главе воинства бедных. Причастись к сему царству, рыбак! Ты будешь награжден превыше всякого ожидания твоего.

Рыбак. Вы уверены в победе, брат Фома?

Кампанелла. Да. Как в наступление завтрашнего дня после ночи.

Рыбак. Вы так сильны?

Кампанелла. Истинно говорю тебе, я сильнее всех на свете, ибо я сын Солнца и помазанник божий. Берись же за весла и парус и не сомневайся, старый сын мой!

Рыбак *(подумавши)*. Ладно. Если так, то да будет воля божия. Но мне надо сбегать в хижину, взять хлеба и себе, и вам обоим. Это недалеко, я сейчас же вернусь, а вы подождите у ладьи. *(Идет и вновь возвращается.)* Только не уходите, смотрите... А? Не ищите другого рыбака. Раз вы набрели на меня—такова воля божия.

Кампанелла. Эта честь за тобою, рыбак!

Рыбак. Вот хорошо. Благословите меня, честной отец.

(Кампанелла благословляет его.)

И дайте поцеловать руку. *(Целует ему руку.)* И ждите... Несколько мгновений—и я тут. Ветер хороший. Еще завтра будем в Марине. *(Уходит.)*

Кампанелла. Простой сердцем простолюдин.

Порфирий. Только бы он не мешкал.

Кампанелла *(садясь на камень)*. Смотри, брат Порфирий, смотри на величие творения. Прекрасны небо и море. Прекрасны горы... Знаешь ли ты, кто они и почему так прекрасны, и ясны, и мирны? Знаешь ли ты, почему грозы и бури их только игры их между собою, в которых ничто, присущее им, не умирает и не страдает? Это потому, брат Порфирий, что все зримое вокруг нас есть стихийные произведения великих архангелов. Архангел огня, коего сердце есть Солнце. Архангел влаги, коего кровь волнуется здесь, синея у наших ног, украшенная серебром пены. Архангел воздуха и эфира — всеобъемлющий, прозрачный. Архангел земли, плодоносец, всемирная жена и мать. Жена и опора всех братьев святых, великих архангелов стихий. И все цари вселенной, сверхмощные силы и престолы суть не столько вассалы, сколько любимые дети сих великих сынов божиих и как бы часть их. Они все целостны, гармоничны, они просты в своем величии. О

простота! Знаешь ли ты ей цену, брат Порфирий? Каббалисты, не постигшие глубины, говорят «элементарный дух» почти с презрением. Жалкие! Ты можешь смотреть уничижительно на каплю воды, повисшую на персте твоем, но она есть неотделимая часть океана и даже не этого *(указывает на море)*, а вселенского Поссейдона, Гидродаймона, столь же простого, как капля, но необ'ятного, как бесконечность. Если бы глянул он на тебя, брат Порфирий, бездонной зеленью своих неизмеримых очей, ты понял бы, что такое величие, мудрость и блаженство. О, Порфирий, даже растения еще причастны некиим образом к блаженству ангелов миростроителей. Часто, слушая шум пиний и глядя на вековых зеленых гигантов, я готов был плакать над презрением человека. Звери. Ты скажешь мне, что зверь питается, разрушая? Что он бывает хищен и кровожаден? Приносит страдание? Да, но он не сознает греховности своего голода. Его гнев подобен грозе. Его гнев чист, как молния, по сравнению со смрадной копотью ехиднной злобы нашего сладострастного мучительства. Человек урод, несчадие, ужас, блудный сын природы. И это потому, брат Порфирий, что он не понял хорошенько эту тайну. Это потому, что в нем таится искра духа. Тление и брожение природы вызвали в нем зародышевые божественные возможности. Скажешь: у господа есть сонмы ангелов бесплотных, грани его неизмеримой сверх-умной духовности. Да, но человек создает в муках и мучительствах, в гримасах развращенной обезьяны, в растлении падшего ангела создает, говорю тебе, брат Порфирий, звено, которого еще нет в природе. Он—кривой и грязный временный мост между исполинским величием бездны и сиянием безграничности вне пространства. В нем дух воплотиться жаждет и плоть—одухотвориться. Он богочеловек и человекобог, о нем мечтали ваятели, создавая Зевесов и Венер, о нем писали евангелисты. Порфирий, брат мой, никто не знает мою и твою судьбу. Если ты переживешь меня—запиши то, что я сейчас сказал тебе. Запиши и назови: Sermones fratri Thomae Campanelli apud Mediterraneum.

Порфирий. Я очень беспокоюсь... Рыбак не идет. Стойте! Поглядите: словно скачут. *(Не без труда взбирается на ближайшую скалу.)* Дева пресвятая, скачут. Целый кавалерийский отряд и на крупе коня офицера предатель рыбак. Мы погибли!

Кампанелла *(встает спокойно).* Спускайтесь, отец Порфирий. Вы должны убежать, друг мой. Вы маленький человек и легко скроетесь между этими большими валунами. Если мы убежим вместе—они станут искать, найдут обоих. Вас они не станут искать. Вас не знают. Я же вижу, что поручено мне страданием доказать величие звания пророка. Ни слова больше, брат Порфирий. Поцелуемся. Benedice te musculo parvo, muro bono condido. *(Целует его.)* Они близко. Скорей, брат Порфирий!

(Порфирий скрывается. Кампанелла садится на скалу.)

Кампанелла. Муки, приблизьтесь! Сын Солнца готов принять вас.

(На скале появляется рыбак и кавалерийский офицер.)

Рыбак. Да, он здесь. О, десять дублонов мои!

Офицер. Теперь не убежит!

(Кампанелла громким голосом запевает: «Te deum laudamus»...)

ЗАНАВЕС.

Картина III.

Ад.

(Камера в тюрьме Del'Uovo в Неаполе. Маленькое окошко справа наверху. Железная дверь слева. Стол, заваленный рукописями, табурет, немного соломы в углу и Фома).

(После открытия занавеса он тяжело стонет и приподнимается.)

Кампанелла. Хоть бы дал кто-нибудь пить... О, насколько лучше забыть! Когда приходишь в себя — страдаешь

острей... *(Приподнимается.)* Мне трудно держаться на ногах. Все еще так измучено во мне. *(Стонет и падает обратно на солому.)* Дайте мне пить... Не хватает силы крикнуть. Идут?—Страшно. Быть может, опять для новых допросов. Притворюсь лучше, что обморок продолжается.

(Лежит неподвижно.

Дверь открывается. Входит тюремщик, останавливается у дверей. Брат Джованни Бильбиа и иезуит дом Пафнутио.)

Пафнутио. Брат Фома... Добрый наш брат. Он спит, брат Джованни. Он устал, бедняжка. Мы можем посидеть здесь минуту, хотя здесь сыро и тяжело пахнет. Если он не проснется, что як? — придется разбудить его. Ваш разговор с ним может иметь добрые плоды для него и для нас. Является совершенно необходимым, чтобы он дал, наконец, хотя некоторые показания.

Бильбиа *(рассматривая неподвижного Фому).* Он выглядит ужасно. До чего вы довели его. *(Подходит к столу.)* Он пишет?

Пафнутио. Немного пишет. Ему не запрещают этого. Напротив, мы находим, что он слишком осторожен в своих писаниях.

Бильбиа. Можно прочесть?

Пафнутио. Читайте вслух последние страницы:

«Я прошел заключение в 50 различных камерах и семь раз подвергался самой ужасной пытке. Последний раз она длилась 40 часов под-ряд. Натуго связанный веревками, которые впивались в мое тело, повешенный за руки, связанный за спиной и притянутый к деревянному столбу, я потерял шестую часть моего мяса и 10 ф. крови за эти 40 часов и был признан мертвым; пытку прекратили. Одни меня при этом бранили и, чтобы увеличить страдания, качали веревку, на которой я висел; другие шопотом высказывали удивление моему мужеству. Ничто не

могло меня поколебать и вырвать у меня хотя бы слово признания. Выздоровев, благодаря какому-то чуду, через 6 месяцев я был брошен в ров.

«15 раз меня водили на допрос. Когда при первом допросе меня спросили: «Откуда же знаешь ты то, чему никогда не учился? Нет ли у тебя в услужении демона?»—я ответил: «Чтобы узнать то, что я знаю, я извел в своей лампе больше масла, чем вы успели выпить вина».

«Мои члены были растерзаны 7 раз, невежды проклинали и оскорбляли меня, солнца моим глазам не показывали, мышцы мои были разорваны, кости поломаны, мясо висело клочьями. Я лежу на голых камнях, в оковах, крови моей пролилось несметное количество, пищи дают мне мало, и она тухлая. Разве, о боже, этого недостаточно, чтобы надеяться, что ты защитишь меня?!

«Сильные мира сего строят себе лестницы из человеческих тел и запирают в клетки души, как птиц; они пьют их кровь, питаются их мясом, и вид их страданий ласкает их взор; их стон и слезы для них излюбленное зрелище. Из костей несчастных приготовляются рукоятки для инструментов, которыми нас же пытают, и когда все члены наши сведены судорогами, шпионы и лжесвидетели заставляют нас признаваться в таких вещах, о которых мы даже и не слыхивали. Им желательно, чтобы все языки проклинали добродетель и прославляли их пороки; но с высоты твоего небесного престола, ты лучше моего можешь видеть в чем дело, и если попранное правосудие и зрелище моей казни недостаточны для того, чтобы заставить тебя вооружиться, то пусть же, господи, общее несчастие приведет тебя в движение, так как ведь Провидение твое должно же бодрствовать над нами»...

Бильбиа. Какой дух!

Пафнутио. Да, это силач.

Бильбиа. Страшно читать описание этих мучений!

Пафнутио. Но еще страшнее видеть эту непримиримую ненависть к сильным мира сего. Это абсолютное упорное

нежелание нашего дорогого брата признать, что власть предержащая и есть представительница Провидения на земле. Бедный брат, бедный брат, как он бледен, не правда ли?

Бильбина *(отворачиваясь)*. Простите... *(Плачет.)*

Пафнутио. Вы плачете?

Бильбина. Простите.

Пафнутио. Смотрите, не размягчитесь слишком. Вам нужно вырвать у него признание.

Бильбина *(после молчания)*. Скажите, ведь он, кажется, написал одну или две книги? Уже здесь?

Пафнутио. Да, его святейшество в свое время распорядилось издать их, и они скоро появятся в тиснении. Это поэзия. Сейчас брат Фома одновременно пишет еще две работы. Он особенно утешается последней книгой: Civitas Solis.

Бильбина. Но как же может он работать в этом подвале и среди пыток?

Пафнутио *(пожимая плечами)*. Работает... Слуги христианнейшего короля пытают его в определенном порядке и с определенным расчетом. Ему дают передышки. Теперь его водили к допросу в виду бегства двух его единомышленников, и новые пытки сносятся им с великим терпением.

Бильбина. Я удивляюсь святому отцу, который распорядился печатать оба сочинения брата Фомы, но позволяет ломать ему кости и рвать мускулы.

Пафнутио. Его святейшество отпустил бы своего дорогого астролога, но орден наш смиренно умолил христианнейшего короля во что бы то ни стало удержать бедного брата в темнице и хотя бы ценою неиспытанных никем еще страданий тела спасти одновременно его душу, ибо мы крепко любим брата Кампанеллу... а также обезопасить государство от дальнейших заговоров.

Бильбина. Он пробуждается.

Кампанелла *(садится, выпрямившись)*. Джованни, Иуда, ты ли приходишь насладиться плодами ухищрений твоих?

Бильбина. О, Фома... Я страдаю не менее тебя.

Кампанелла. Глупец... *(Раскрывает грудь и поднимает рукав своей рясы.)* Видишь ли ты?.. Ты станешь говорить мне о страданиях души? Спроси у меня, я знаю теперь, что такое боль. Душа сама по себе не может так болеть. А тело?—разве оно болит? Нет, это наше «я». сознание. дух мечется, когда жгут, крутят, режут, рвут, щиплят, сверлят, колют. Ты страдаешь?.. Знаю, что если бы десятую долю одного допроса применили к тебе, ты со всем согласился бы. Что стоило мне назвать тех, кто сговаривался со мною об обновлении земли? Да, такие были, были! Их было не мало среди доминиканцев и даже среди прелатов и других. Или, что стоило бы мне признать, что я еретик, самому осудить мое мучение. Я избег бы костра. Я был бы отпущен к пане, который благоволит ко мне. Но пусть, наморщив свои низкие лбы, думают палачи, как истязать Кампанеллу. Он не скажет ни слова, ибо все сильные боли здесь в застенке—одержанные победы, которые преисполняют меня гордостью. Этот смиренный иезуит ничего не может чувствовать. Но понимаешь ли ты, Бильбина, перед кем ты? Кто живет здесь?.. *(Показывает на свое сердце.)*

Бильбина *(склонив голову и тихо)*. Понимаю, брат Фома.

Кампанелла. Скажи-ка лучше тюремщику, чтобы он принес мне пить.

Бильбина *(быстро подходит к дверям)*. Воды! ради Бога, вина, если можно...

Нафнутио. Я оставлю вас вдвоем для дружеского разговора. Я прикажу дать вам вина. *(Кланяется и уходит.)*

Бильбина. Я хотел было поговорить с тобой, брат Фома. о том. не поможешь ли ты нам прекратить весь этот ужас пыток?

Кампанелла. Молчи, ничтожный! Бесы, много сильнее тебя, приходили искушать меня.

Бильбина. Я не смею и настаивать на этом разговоре. *(Пауза.)* Брат, я всегда считал тебя великим. *(Голос его срывается.)* Теперь, когда я вижу твои раны, твое худое лицо, твои морщины и ранние седины, теперь я говорю тебе: ты велик, велик...

Кампанелла. Так говорил Иуда, когда увидал Господа на кресте и «шед, удавися».

Бильбина. Я близок к тому.

Кампанелла. Что делаешь — делай скорей!

Бильбина. Ты беспощаден.

Кампанелла. Может быть. Меня щадят? Я изувечен и в темнице. Тебе дан епископский сан и ты цветешь. О, ты, жалкий, пришел ко мне просить у меня милостыню духа.

Бильбина. Так это.. так это.

(Тюремщик вносит два стакана и фиаку вина. Ставит на стол.)

Бильбина. Хочешь вина, брат?

Кампанелла. Хочу пить.

(Джиованни наливает стакан и дает Кампанелле, который жадно отпивает его и протягивает вновь, второй стакан он ставит около себя).

Бильбина. Я сделаю все, чтобы выручить тебя..

Кампанелла. Бесполезно и ненужно. Я буду жить здесь, страдать, мыслить и писать. Скоро мои книги выйдут из печати. Мои крики будут раздаваться во всей земле. Мои книги читает мир и будут читать еще жаднее те, которые выйдут отсюда. Я получаю даже письма от мудрецов всех земель. Ха-ха-ха! Ты воображаешь это: я пишу философские сонеты в промежутки между разговорами с д. Ба-хом, при которых меня вешают на дыбу и раскалывают мои кости.

Бильбина. Мне страшно смотреть на тебя.

Кампанелла. Что ты смотришь, согбенный, пришибленный монах, смотришь ужаснувшимися глазами: да, я силен! И вот мой бог идет навестить меня!

(Показывает на отражение света на стене, которое бросило заходящее солнце из окошка, напротив.)

В хорошую погоду на час скользит улыбка солнца на этой серой стене. Вот я поднимусь, стану там у стены и поцелуемся с отцом моим. Дай руку! *(Бильбина поддерживает его.)* Ох, больно... в этот раз они мучили меня всего два дня назад. Они пытались узнать о моих сношениях с турком. Ты знаешь обо всем этом. Но я нарочно сказал, что это длинное дело, в котором замешаны многие и которое чревато последствиями... Пусть боятся. Они терзали меня, но Лопе Дзах мучил меня с отчаянием. Этот человек боится меня. Он шепчет молитву, когда видит мое упорство. Я браню его и говорю ему слова презрения, а он все больше горбится и желтеет; он боится меня. Ха-ха-ха! Это сильный человек, но что такое он перед страдающим гордо! Да, Джиованни, слава, слава богу моему. Ну, так... вот... Ну, ну... Поддержи меня, епископ. Для тебя честь, что ведешь меня! *(Подходит к столу.)* А. Вот я вижу его. *(Становится, поднимая руки, как распятие, у стены и подставляет лицо лучам солнца.)* Поцелуй, красавец, ты, ты... ласкай меня, красавец. *(Закрывает глаза.)* Так. *(Отходит от стены.)* Скажи, Джиованни... народ, простой народ... бедняки в Калабрии помнят меня?

Бильбина. Да... но редко кто говорит о тебе, по правде. Среди мудрых—наоборот: ты знаменит.

Кампанелла. Так. А мне они важнее мудрых. Ах, они предали меня хуже, чем ты! Слушай, запиши, и скажи им. Я сочинил сонет в честь народа.

Народ, чудовище, что спит в своем незнанья,
Огромный, грязный, потный, темный люд,
Все создано тобой, в тебе основа зданья,
Где трон господ и каторжный твой труд.

Бог ниспослал тебе пророков. Состраданье
Их тянется к тебе. Но тяжек суд
Твоих заржавленных мозгов, и не признанье
Даришь ты им, а камни и Иуд.

Но некогда поймешь мощь сил твоих сокрытых.
Придет твой час: народный ураган
Сметет, как листья, гордых, именитых.

В тот час, когда раскинешь ты свой стан
В земле счастливой—прах друзей, тобой убитых,
Перенеси во храм под трубы и тимпан.

(Пауза.)

Да... Да... Это так. Ты ли виновник того, что великое предприятие кончилось провалом?—Ты только темное орудие в руках еще более темных сил.

Страдаю... Другим, более широким и одиноким путем несу знамя солнца...

Да будет воля высших сил.

Молодость моя кончилась.

Знаешь ли ты, как кончилась моя молодость?

Она стала передо мною в образе друга юного и прекрасного: над самым обрывом держал он в об'ятиях свое и мое счастье.

Зачем пошел иною дорогою? Кто заставил занести ногу над бездной?

Восклицание, беглый взгляд, вероятно, прощения или мольбы, или страха и... крик. И конец.

Моя молодость покрыта серою водою. Вот камни, обагренные кровью сердца моей молодости.

И на одну минуту захотелось в бездну за ней и потом я остался один на борьбу и муку. Но этого ты не поймешь.

Многие изменили мне. Но юности и народу я даже не прощаю. Где-то и как-то мы все-таки одно с ними. А ты, ты осторожный, ты рассудительный,—уходи, Бильбна. Уходи! Ни минуты не оставайся здесь больше. Мне трудно дышать одним воздухом с тобою. Было бы несправедливо, если бы я не презирал тебя хотя одну минуту... *(Уходит.)*

Бильбна. Фома, брат Фома!

Кампанелла. Ступай. Казнись!

(Бильбиа сʼеживается и уходит. Дверь со стуком запирается.)

Так... Господи Боже Солнце, дай мне силы. *(Тяжелой походкой доходит до соломы и со стоном ложится.)* 1600 год... как ясно звезды предсказали мне счастье и победы в этом году. И вот он прошел. Да, я побеждаю. Неслыханно! Я победил тело и муку. Но о таком ли счастье думал я? *(Тяжело стонет.)* О, горька моя победа. *(Опят гремит запор в двери.)* Кто? Что они хотят еще?

(Входят дом Пафнутио и донья Пиа дела Вос.)

Пиа. Уходите, отец! Мне надо поговорить с колдуном с глазу на глаз.

Пафнутио. О, роза Испании, как странно видеть вас в этом мрачном подвале!

Пиа. Не болтайте вздора. Оставьте нас!

(Пафнутио уходит.
Кампанелла тяжелый, огромный приподнимается и садится на табурет у стола. Смотрит на нее.)

Кампанелла. Ну? Чего тебе надо, испанка?

Пиа. Перестань меня мучить!

Кампанелла. Меня мучат здесь, а до тебя мне нет дела.

Пиа. Не лги и не притворяйся. Ты насылаешь на меня страшные сны. Ты—сильный колдун. Я отслужила сто заупокойных месс по молодому мужику. Я призывала святых людей, ношу частицу мощей самого св. Роха—но я измучилась. Каждую ночь дьявол в образе молодого мужика приходит ко мне и ложится со мной, и сначала он страстен, как в ту ночь, а потом лежит около окровавленный, белый, с свесившимся руками, как я видела его, когда его везли на двор в Либо. Я умру так, я умру

скоро, я не могу снести этого! *(Пауза.)* Колдун, я упрошу многое облегчить тебе, я запрещу Лемносу пытать тебя, но не пытай меня!

Кампанелла. Он был красив и великодушен. Когда ты стройная, гордая вышла из носилок, сверкая черными глазами, а он стоял рядом, как бронзовый римлянин—я подумал: разве они не друг для друга? Да соединит же бог то, что люди раз'единили. И из этого могло выйти счастье, как из всего посева, который я сеял. Но ты, жалкая, как другие, ответила коварством и жестокостью. Если бы мне надо было коснуться только пальцем, чтобы исцелить тебя, я не сделал бы этого. Я не изменю памяти Таддо, не запрещу душе его ласкать тебя, ибо он муж твой, испанка!

Пиа. Пощади меня, колдун! *(Рыдает.)*

Кампанелла. Миллион таких, как Таддо, ждут пощады от 100 таких, как ты. Твои слезы холодны, твое страдание веселило бы меня, если бы могло как-нибудь тронуть меня! Инфанта, умоляющая узника! Солнце шлет сегодня подарки своему страдающему сыну.

(Дверь отворяется. Входят Дзах и два монаха со свечами.)

А! Вот явление другого рода. Что, бес, пришел мучить меня?

Дзах. Брат Фома, его святейшество г. наш папа, Павел V, прислал тебе собственноручное Breve. И я пришел в минуту его получения. Безотлагательно прочтите его, Кампанелла.

Кампанелла *(вставая)*. Слушаю слова друга моего, наместника Христа.

Дзах *(читает)*. Возлюбленному брату Фоме, в испанском узилище томящемуся за мнимое, быть может, преступление, епископ Рима, Павел V, раб рабов божиих, привет. Возлюбленный брат, среди дел церкви и государства памя-

тую о тебе и неоднократно приказывал представить тебя мудрому суду трибунала нашего в Риме,—однако тщетно. Ныне же старость и немощь наша наиболее о смерти и переселении в конклав небесный мыслить нас вынуждает. Астролог глубочайший, друг звезд, просим тебя попытаться определить час преставления нашего. Просим также сообщить гороскопы возможных для избрания кандидатов на святой престол князя апостолов Симона Петра.

«Шлем рукою, едва удерживающей легкое перо наше, тебе отцовское благословение и собственноручно чертим

Павел».

Кампанелла. Аминь.

Дзах. Мы выполним все, что приказывает святейший отец. Мы дадим тебе возможность, брат, наблюдать звезды. *(Он поднимает жезл.)* Но, брат Фома, если бы его святейшество, коего я пес и последний раб, приказал отпустить тебя—я бросился бы к ногам его Испанского Величества и просил бы оставить бремя греха непослушания папе на моих ничтожных плечах,—удержать тебя в темнице.

Кампанелла. Потому, что я силен? Да, Лопе?

Дзах. Если бы сила твоя была от бога—то я был бы достоин проклятия по образу Каиафы, Анны, Пилата и распинавших, но св. писание не предвидит второго Мессии, разрушающего заветы первого, а предвидит Антихриста, который силен.

Кампанелла. Антихрист, это—твой Игнатий и весь род ваш, искажающий христианство. Я же вновь явившийся пророк Исаия, о котором сказано в книге Ездры.

Дзах. Ты поступаешь по вере твоей, я поступаю по вере моей,—рассудит нас бог.

Кампанелла. Аминь. Я пророк, а ты книжник. Ты хранишь тлен и прах прошлого, а я развертываю вечно живой дух для грядущего. Ты терзаешь меня, а я повы-

шаюсь. Сам же ты, палач, уже начинаешь вкушать от ада... Некогда из ада увидишь меня, блистающего, Лопе палач. Бильбиа пришел просить у меня пощады, а вон сидит инфанта испанская, пришедшая с мольбами к узнику, может быть, и ты имеешь какую-нибудь просьбу к пророку божьему? Но он не скажет: Отче, прости ему, не ведает, что творит. Ведаешь! Ведаешь! Отче, не прощай ему и всем, кто с ним!

Дзах. Уйдем, уйдем все... Инфанта, уйдем отсюда! Эта темница полна демонами.

Кампанелла. Они удалятся вместе с вами, а со мной останутся ангелы-утешители.

(Все уходят.)

Кампанелла *(у стола)*. Civitas Solis. Но уже темно. Надо потребовать лампаду. Государство Солнца... Ты придешь... О, народ мой, говорит господь, сколько раз посылал я тебе пророков, но ты побивал их каменьями. Сколько раз, как наседка, старался я собирать тебя под крыльями моими, но вы разбегались и выклевывали очи друг другу.

Придет время, однако.

Но некогда поймешь мощь сил твоих сокрытых.
Придет твой час: народный ураган
Сметет, как листья, всех надменно-именитых.

Тюремщик *(входит с лампадой, ставит ее на стол и останавливается.)* Брат Фома, брат Фома. У меня жена заболела, мечется от сильных страданий головы. Может быть, я приведу ее к вам и вы положите ей руку на лоб.

Кампанелла. Тюремщик, думаешь ли и ты, что я колдун?

Тюремщик. Я думаю, что вы святой.

Кампанелла *(выпрямляется в мерцании лампады и широко благословляет его)*. Да благословит тебя великое и пресветлое СОЛНЦЕ!

ЗАНАВЕС.

Часть вторая.

ГЕРЦОГ.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ.

ИЗБРАННИКИ СУДЬБЫ.

Картина I.

Счастливцы.

(Небольшая зала в королевском дворце в Неаполе. Несколько сундуков и баулов, нагроможденных в беспорядке. В остальном пышная мебель барокко, арацци на стенах, бронзовый бюст императора, на мраморных колоннах позолота, роскошный плафон, ковры.

Иоанна сидит в черном платье с кружевным воротником и в кружевном чепце. Она сняла перчатку с одной руки и отдыхает в небрежной позе. Перед ней стоит слуга в придворной одежде.)

Иоанна. Скажите мажордому, что я не терплю, когда долго устраиваются. Пусть работают всю ночь... Конечно, без всякого шума, и чтобы завтра же не было и следов беспорядка и переезда.

Слуга. Слушаю, ваше высочество.

Иоанна. Где герцог?

Слуга *(низко кланяясь)*. Его высочество на балконе. Весь Неаполь собрался на площади. Если ее высочество прислушается, она отсюда услышит восторженный шум несметной толпы, которая приветствует нового наместника.

Иоанна. Но Неаполь еще не знает, какого наместника он получил.

(Входит офицер Чебрарио.)

Чебрарио. О, герцогиня, толпу после речи герцога охватило какое-то безумие. Если бы он приказал всем этим людям перерезать друг друга, каждый вонзил бы нож в

горло соседу. Герцог и в речах, и в позах был красив, как бог. Неаполь почувствовал это. Он умеет ценить красоту здесь, в Италии.

Иоанна. Я охотно присутствовала бы там, но я устала. К тому же я видела и еще увижу выражение культа по отношению к моему супругу.

Чебрарио. Сейчас поэт Финальди читает ему приветствие. Говорят, это искуснейший художник слова в современной Италии.

(Быстро входит герцог Оссуна. Высок, молод, изящен, с красивыми локонами вокруг светлого лба, с ласковыми карими глазами.

Оссуна. Иоанна! Почему ты не на балконе? Они прелестные: эти неаполитанцы. Как они меня любят! Я хотел бы, чтобы они влюбились и в тебя так же, как в меня. И вот послушай, какие стихи мне преподнесли.

(Развертывает свиток пергамента и читает:)

К суровой матери Испании прижался
Неаполь наш, как робкий отрок нежный,
И за щитом ее мир сладостный достался
Неаполю и отдых безмятежный.

Но ты, Испания, сильна не только сталью.
Богата ты и яркими цветами.
Кого полюбишь ты, пренебрегая далью,
Сияешь ты тому волшебными лучами.

И ты прислала нам цветущий луч отрады
Того, чью колыбель качали вечно-юны
Хариты Греции, и нимфы, и наяды:
Ахилла светлого, хранителя Оссуны.

Одной рукой ты нас от черных бед защитишь.
Другою бросишь красоты посевы:
Ты нас спасешь, герой, утешишь и восхитишь.
А в благодарность пусть звучат напевы.

Но, впрочем, что тебе восторженные песни?
Зачем тебе, счастливому, осанна!
Земля тебе в награду дар прелестный
Давно дала—богиню Иоанну!

Разве не прелесть? Я велел дать ему 200 червонцев. Замечательный старикашка.

Иоанна. Все это страшно хорошо и радует меня. Но я устала и проголодалась.

Оссуна. Долой пышность и официальность. Распоряжение первое: в эту комнату без моего или моей супруги разрешения не входит никто. Второе — Чебрарио здесь прикажет накрыть на стол и дать нам хорошего вина и приличный обед. За стол приглашаются: Чебрарио, поэт и неаполитанский губернатор. Больше никого. Парадные пиры на завтра. Сегодня моя голубка хочет отдохнуть.

(Чебрарио кланяется и уходит.)

Оссуна *(ходит по комнате)*. Да, я избранник судьбы. В самом деле, мне 27 лет и я ни разу не был болен... Взять хотя бы это? А? Ведь это редко случается с кем-нибудь из смертных? Ни разу! И ни разу горе не глянуло в окно моего сердца. Ни разу ни одно мое желание не осталось неисполненным. Правда? А я не был скромен в моих желаниях, Джина. Я просил много и мне многое давалось. Люди любят меня положительно все... обожают, хотя ведь они не такие уж добряки. Род, богатство, сила, здоровье, красота, слава, таланты—все мне дано. Изумительно, как балует меня судьба. Я — муж самой прелестной женщины Испании. А теперь к тому же правитель самой прелестной ее провинции. Я как-то никогда не чувствовал всей милости судьбы так, как сейчас.

Иоанна. Ты счастлив потому, что прекрасен телом и душой. Ты—полубог среди людей. Ты принес с собою счастье в наш мир.

Оссуна. Нет, Иоанна. Это здесь я встретил тебя, а ты мое главное счастье.

Иоанна. Сделай счастливыми все эти народы.

Оссуна *(небрежно)*. Конечно.

Иоанна. Мне кажется, это не так легко.

Оссуна. Что для меня невозможно?

Иоанна. Не будь только легкомыслен, Ашилле.

Оссуна. Надо быть легкомысленным, Джина. Я живу и правлю, как бы играя и танцуя.

Иоанна *(смеясь)*. Как ты мил.

Оссуна *(подходит к ней и целует ее в лоб)*. Как ты прекрасна. Ты ведь тоже веселая. Ты смеешься, как жаворонок. А губы, Мадонна! что может быть упоительнее и счастливее узора твоих губок, Джина. Но в твоих синих глазах иногда бывает странная серьезность, которая мне чужда. Я обожаю ее, но иногда немножко боюсь.

Иоанна. Годами я младше тебя на 4 года, а душой старше лет на 25, вот в чем дело.

Оссуна. На 25! Так у тебя старая душа?

Иоанна. Нет, молодая, потому что у тебя она очаровательно ребяческая.

Чебрарио *(входя)*. Позвольте приготовить стол.

Иоанна. Быстрее!

Чебрарио. В одну минуту.

(Входят несколько слуг, которые быстро и без шума сервируют стол.)

Оссуна. Моя ненаглядная, ты серьезно устала от этого переезда.

Иоанна. О, завтра я буду свежа, как весна.

Оссуна. За стол! Чебрарио, зовите губернатора и поэта. Вина!

(Чебрарио уходит.)

Иоанна. Что тебе вздумалось, Аншлле, назвать гостей сегодня?

Оссуна. Старикашка забавен. А не пригласить губернатора как-то неудобно.

(Чебрарио возвращается с губернатором и маленьким старичком Финальди.)

Губернатор. Я бесконечно польщен, ваше высочество, приглашением к столу.

Оссуна. Представлю вас: это наш добрый губернатор, Джина, моя — супруга Иоанна Аррагонская.

Губернатор. Вашей славой полон мир.

Иоанна. Вы ошибаетесь, синьор губернатор, та, о которой писали поэты, та, черты которой сохранили кисти Леонардо и Рафаэля—была моя бабушка.

Губернатор. Воскресшая в вас. *(Кланяется.)*

Оссуна. А это любезнейший питомец муз, поэт Финальди.

Финальди. О, боги Олимпа и Парнаса, я трепещу от чести и счастья. Поверьте, божественная герцогиня, под морщинами тела еще есть огонь, способный запылать чистым восторгом при виде совершенства.

Оссуна. За стол! Синьор губернатор сядет по правую руку герцогини, поэт — по левую. Мы с другом Чебрарио— напротив.

(Все садятся.)

Итак, будущее улыбается, синьор губернатор. Мы с герцогиней проживем много счастливых дней в Неаполе.

Финальди. Ваше высочество может твердо и отчетливо узнать будущее, если захотите. В Неаполе это легко.

Иоанна. У вас такие гадалки?

Оссуна. Или астрологи?

Финальди. Да, у нас есть великий астролог и мудрец. Воистину пророк. Страшная сила духовного дарования Избыток этих сил сгубил его...

Оссуна *(губернатору)*. О ком говорит поэт?

Губернатор. Я не знаю. Надеюсь, не знаю. *(Бросает сердитый взгляд на Финальди.)*

Финальди *(поперхнувшись вином)*. Я извиняюсь, я тысячу раз извиняюсь.

Иоанна. Нет, вы заинтересовали меня и должны назвать нам вашего пророка.

Финальди. Нет, нет, ни за что. Я только сейчас понял всю неуместность вспоминать об этом злополучном человеке здесь.

Оссуна. Кто же это? Кто?

Губернатор. Я догадываюсь, что речь идет о доминиканском монахе Фоме Кампанелле, который по приказу испанского величества уже 17 лет находится в цепях, ныне в Castello del'Uovo. Это опаснейший бунтовщик против собственности, правительства и самого бога.

Оссуна. Я слышал о нем. Мне говорили, что все же он составляет гороскопы всем повелителям нашего времени.

Губернатор. Мы позволяем ему это.

Финальди. Ваше высочество понимает, что я преисполнен презрения и ненависти к этому преступнику. Но нельзя отрицать, что демон, наверное демон, одарил его красноречием и умом необычайным. Я был у него в тюрьме с одним поручением моего покровителя, высокородного синьора Райберти, и я никогда, никогда не забуду этого черного льва в клетке этих мрачных глаз, которые смотрят из-под бровей прямо в вашу душу и жгут вам лицо.

Иоанна. Герцог, мы должны посмотреть на этого человека.

Оссуна. Непременно.

Губернатор. Как будет угодно вашим высочествам.

Оссуна. Но мне не нужно астролога ни божественного, ни адского, чтобы увеличить мою прочную уверенность в безоблачность моего счастья.

Финальди *(поднимается)*. За безоблачное счастье счастливейшего человека нашего века!

(Чокаются.

Герцог обходит стол и целует Иоанну. Финальди делает жест высшего восхищения.

За сценой раздаются нежные и веселые звуки музыки.)

ЗАНАВЕС.

Картина II.

Вестник судьбы.

(Довольно обширная сводчатая камера в тюрьме Castello del'Uovo. Стол, заваленный манускриптами, приборами, несколько табуреток, убогая койка. Свет падает из узкого окна сверху. Камера пуста. Музыка.—Гремит замок дверей. Тюремщик входит и почтительно останавливается, два солдата становятся по сторонам двери с карабинами. Входят герцог, Иоанна, губернатор и Финальди).

Оссуна. Наоборот, я рад, что его нет дома. Мне любопытно осмотреть его жилище.

Губернатор. Мы редко позволяем ему покидать тюрьму. Но монсиньор Чинквебови очень болен и настаивал на предсмертной беседе с Кампанеллой по поводу некоторых своих астрологических сомнений.

Оссуна *(подходя к столу)*. Какая работа мысли кипит здесь... таинственные чертежи... Мудрость... Становится жутко. Не правда ли, Иоанна?

(Иоанна кивает головой.)

Оссуна. Ты рада, что мы пришли сюда, Джина? Правда интересно?

Иоанна. Очень.

Финальди *(перебирает бумаги)*. Какие сонеты он пишет... Я не могу здесь найти ни одного. Да и было бы нескромно читать то, что автором не предназначено еще для публики. Но я помню один наизусть, который поражает меня:

Спеши, о человек, твой долг успеть
Исполнить здесь твое предназначенье.
Но жадным ты не будь, удел твой зреть
Из жизни в жизнь в спиральном восхожденьи.

Спеши же медленно, спеши, как царь,
Торжественно, без суеты базарной,
Но делай каждый миг, не только тварь
Ты, и творец, и божий млат ударный.

Посланец высоты, черпай во тьме
И подымай к зениту элементы,
О, человек, зачем ты здесь в тюрьме?

Христос в аду, как золотые ленты,
Лучи бросал к спасительной корме,
Влек тени и взносил на фирмаменты.

Я не смею сомневаться, ваше высочество, что вы постигаете бездонный смысл этого мистического сонета. Что такое мысль стихотворца? Я умею делать стихи, как скульптор статую. Но как он, так и я—мы не умеем дать им душу. Брат Фома, ты поистине рождаешь живые сонеты, 14-крылых херувимов, которые улетают к богу и сердцу человеческому, словно золотые птицы. Простите меня, г. губернатор, виноват! Я очень виноват! Я не хочу сказать этим, что можно хотя на минуту забыть, что Кампанелла бросил в зловонную грязь сатанинской гордыни доверенные ему Провидением драгоценные дары. *(Глубоко вздыхает.)*

Иоанна. Вы добрый человек, Финальди.

Финальди. Целую край вашего платья, лучезарная синьора, за ласковое слово болтливому старику.

Тюремщик. Осмелюсь... Брат Кампанелла идет.

(Кампанелла входит, останавливается в дверях, выпрямленный, гордый, оглядывает всю компанию из-под лба горящими глазами, руки скрещены на груди. Ждет.)

Губернатор. Осужденный...

Оссуна. Брат Фома, я Пьетро Ашилле Герон, герцог Д'Оссуна, новый наместник испанского престола в обеих Сицилиях. Осматривая достопримечательности вверенной мне провинции, мог ли я не попасть в эту келью?

Кампанелла. Ты прекрасен, благородный принц. Прекрасна твоя супруга. Вы молоды, счастливы и добры. Привет вам! Но если вы хотите беседы со мною—удалите эту толпу.

Оссуна. Оставьте нас с братом Фомою.

(Все уходят.
Губернатор шепчет что-то на ухо герцогу, который нетерпеливо машет рукой.)

Кампанелла *(величественно)*. Садитесь, гости.

Оссуна *(садясь)*. Эта келья — двор, где незримая святость духов окружает царя мысли.

Кампанелла. *(чуть-чуть улыбаясь)*. Слова герцога Оссуна? Или добряка Финальди?

Оссуна. Брат чрезвычайно проницателен. Признаюсь: я заимствовал эти слова. *(Смеется.)*

Кампанелла. А что твое, юноша? Я вижу твое платье, сделанное ткачами, вышивальщиками и портным, твое оружие — работу кузнецов и чеканщиков, слышу слова,

приготовленные твоими поэтами. Даже твое тело устроено воспитателями, укрепившими его и придавшими ему гибкость. И кажется мне, что ум твой, вероятно, чуть не целиком, напитан педагогами и советниками. Что у тебя твое? Душа?

Оссуна *(несколько смутясь)*. Не́ знаю... Душа моя.

Кампанелла. Покажи мне ее.

Оссуна. Но как?

Кампанелла. Скажи мне твое сокровенное желание.

Оссуна. Я бы сказал, монах: для этого нужно заслужить мое доверие. *(Добродушно смеётся.)* Но я не скажу этого, у ме́ня просто нет желаний. Все исполнено. Я желаю только, чтобы мои дела шли и дальше, как до сих пор.

Кампанелла. Heu! misere! Правда ли, бедняга?

Оссуна. Что ты смотришь на меня так, брат? Ты странно смотришь.

Кампанелла. Я хочу видеть твою душу. Так у тебя просто нет желаний? Как? Ты не желаешь быть первым на земле? Земным богом? Возлюбленным царем царей и нищих? Создателем счастья, в которого влюблена вселенная? Ты не хочешь быть новым Александром, перед которым македонец, что девица перед солнцем? Ты не хочешь быть лучезарным исполнителем надежд земнородных? Императором, Мессией? Не хочешь быть тем, о чем мечтал в Сицилии великий Фридрих?

Оссуна *(еще более смущенный)*. Постой, ты поистине говоришь, как безумец. Кто же может хотеть невозможного?

Кампанелла *(кладя ему руку на голову)*. Возможно! Звезды говорят: родившийся в золотую пятницу столетия под Юпитером, Венерой и Меркурием, этот повелитель любимый и легкий может быть выше Цезаря и Ав-

густа, Карла Великого и Карла Квинта, но я не знаю, есть ли в тебе дерзание?

Дерзай! Вселенная ждет. Когда услышишь тишину—это духи земли трепетно примолкли в ожидании, когда посмотришь на небо—это ангелы глядят внимательно пламенными очами. Ахиллес Оссунский, судьба привела тебя сюда. Да, в этой келье много духов. Особенно в эту минуту. Великие линии судеб связались в узел здесь между мной и тобой и этой прекрасной женщиной. Сердце земли бьется. Солнце играет лучами. Внемли мне, дабы я не был гласом, вопиющим в пустыне. Как древле Иоанн у Иордана сказал: Вот вам Он, истинный Он, кого ждете, так говорю я, Фома Кампанелла, пророк солнца. Не я, но ты, Ахилл сияющий. Приходи ко мне — я все открою тебе. А ты, прекрасная, ты не враг. Есть женщина—враг великого. Но ты, ты любишь величие, ты будешь итти позади него по лестнице Иакова, ведущей на небо, и когда закружится его голова—скажешь ему на ухо: иди, я люблю смелых. И если побледнеет, и пошатнется, и скажет: «это слишком»—ты ответишь ему: «я люблю тех, для кого нет слишком, я не люблю спускающихся». Или я не знаю тебя?

Иоанна *(задумчиво)*. Кажется, вы поняли меня, брат. Но мне кажется также, что вы находите нас для нас самих.

Кампанелла. Я говорю лишь то, что сказали мне звезды. Думаете ли вы, что я не беседовал с великими друзьями в эти ночи? О эти душные ночи, о разверстые небеса о пылающих письменах, о речи владык судьбы, немых вестниц божиих, о семигласный хор безглагольный! Ахилл, брат мой, дерзай! Иоанна, поддержи его. Он родился, дабы начать в мире царство Духа и Солнца. Приходи ко мне. Я буду учить тебя, чтобы потом стать конюхом твоим и повести под уздцы коня твоего, когда ты войдешь при ликовании космоса в ворота нового Сиона. Слышишь, как стучат серебряные копыта по червонной мостовой? Ей, гряди, господи!

(Оба молчат подавленные.)

Разве вы в чертах ваших лиц, в счастьи ваших сердец, в линиях рук, в глазах и красках слов ваших не узнали еще, что вы избранники? Разве вам еще никогда не казалось, что все люди тени и только вы настоящие люди?

Оссуна. Ты читаешь в душах.

(Иоанна кивает головой.)

Кампанелла. Я знаю вас, скоро и вы узнаете меня.

(Дверь отворяется.)

Оссуна. Кто смеет входить без моего позволения?

(Дом Дзах, седой и согбенный, входит.)

Дзах *(низко кланяясь)*. Смиренный монах. Духовник этого места печали.

Оссуна. Вы должны были спросить разрешения войти сюда, отец иезуит.

Дзах. Спрашивают ли разрешения, когда бросаются в огонь, чтобы спасти сгорающего младенца?

Оссуна. Что за речи?

Кампанелла. Герцог—вы младенец, я—пожар, а старый Лопе—спаситель. Ха, ха, ха! Ты не знаешь герцога, старый палач. Ваше высочество, этот мертвец мучил меня и пытал, как сатана, пока Риму не удалось унять его. Он убил 17 лет моей жизни. Если бы я был Прометей, то это был бы мой коршун. Но я только монах Фома humilis frater de ordine sancti Dominici... Почему бы исчадию Лойолы не терзать меня? Но не осмелься, жалкая гадюка божия, шипеть у ног Ахиллеса, он раздавит тебя. Я вижу, ты гневаешься, Ахиллес, как и тот, с чьего гнева начала Муза петь сленцу о Трое, я вижу, ты прекрасно гневаешься, полубог!

Оссуна. Нет, я не хочу сердиться. Но запомни, дом... не знаю как... что я не ребенок и не люблю находить иезуитский нос в моей тарелке.

Дзах. Слушаю. Я слаб, чтобы остановить ваше высочество на пути погибели. Я буду звать сильнейших.

Иоанна. Я знаю, что его святейшество, папа Урбан VIII высоко чтит брата Кампанеллу. Архиепископ катанцарский говорил мне вчера, когда я спросила его о нем, что христианнейший король наш Филипп III, хотя и не разрешает по настоянию иезуитов отпустить с миром брата Фому, но воспретил жестокое отношение к нему, и я удивляюсь, что его палач остается его духовником. Архиепископ нерешителен, ты скажи ему, Ашилле, что дому Дзаху лучше отправиться в Рим, где его мудрые советы пригодятся. И надобно послать туда почтенного старца завтра же.

Кампанелла. Вот сердце и вот уста! Вот воля и вот разум!

Дзах. Или супруга правителя провинции правит в ней церковными учреждениями?

Иоанна. Дом Дзах, я не советую вам говорить со мною так. Его святейшество папа чтит меня своей дружбой... он не любит заносчивых иезуитов.

Дзах. Я нижайший раб его святейшества. *(Кланяется.)*

Оссуна. Идите, Брат Фома, я буду навещать вас.

Иоанна. Брат Фома, благословите меня.

(Он благословляет ее, она целует его руку.

Герцог протягивает ей свою и под руку с ней уходит, улыбаясь. Дзах, согбенный, бросив ядовитый взгляд на Фому, следует за ними.

Дверь захлопывается.)

Кампанелла *(один)*. Я лыцу ему? Я хитрю с ним? Я готовлю в нем орудие?—Но все указывает мне, что он может быть орудием судьбы. Ему не хватает вескости духа и отваги сердца. Но его подруга совсем из Диаманта. Я отдам ему всего себя. Разве я веду его для себя? *(Протягивает руку к солнцу, сияющему в окошко.)* Для тебя. Гелиос.

ЗАНАВЕС.

Картина III.

Добродетель на страже.

(Обширный покой в монастыре св. Клары. Темнокрасные и черные драпировки, картины испанских и неаполитанских художников с изображением голых тел мучеников, резко выступающих из тьмы. В одном углу Христос, раскрашенный и одетый в блестящие ризы, протягивающий руку, перед ним множество лампад.

Сестра Мария дель Долор, в миру Нина дела Вос, сидит в кресле и перебирает четки. Сестра Крещенция на мягком стуле возле нее).

С. Крещенция. И как только вернулась я с этого аутода-фе в монастырь наш, подумайте, высокая сестра, в монастырь под покров великой святой, так почувствовала темный грех в душе моей: чую, что словно туча какого-то чада накопляется в моей душе. Тотчас же стала на молитву. Молилась горячо, высокая сестра, но заметила странное рассеяние в мыслях, взяла плеть и, не жалея, прибавила рубцов непокорному телу. Тут-то дело пошло хуже, высокая сестра. Я бичую себя, а невыразимая сладость разливается по всему телу. И воскликнула я: O dulce Jesu, не ты ли мне даруешь милость за то, что далека я от той пропасти, куда взглянула, когда кричала эта ведьма: Surge, surge Satana, uxore!

А передо мною словно пляшет лицо дьяволовой любовницы с широко раскрытым ртом и с широко раскрытыми глазами: «Dulce Jesu!—кричу я.—Ты ли окутываешь меня благовонием?» А пахло розами, хотя роз не было в комнате. И так я трепетала, молилась, стонала, но голова моя закружилась и на мгновение, высокая сестра, я потеряла сознание. Кто-то вошел, сестра Мария дель Долор, взял меня за руку и сказал: «Девица, встань!» Я встала. А ноги едва держали меня. Долго не открывала я глаз. Тогда он... тогда он... поцеловал меня, высокая сестра. Тут я открыла глаза. И он стоял, кудрявый, с маленькими рогами, глаза как у совы, борода как у козла, губы большие, высокая сестра, и весь пленительный, высокая сестра.

Меня и сейчас трясет, как вспомню об этом. И он замяукал, высокая сестра, и он замяукал, как кот, когда он любит кошку, высокая сестра. Так громко, что мне стало страшно, я закрыла ему рот рукой и прошептала: «молчи же». Тогда он сказал: «Они мне сожгли милую, теперь ты будешь ублажать меня, кошка». И вдруг он схватил меня за плечи и поставил на колени, а сам...

С. Мария. Ну, ну...

С. Кресценция. Кто-то подошел к двери и слушает, высокая сестра.

С. Мария. Поди отвори дверь, Кресценция.

С. Кресценция. Мне что-то страшно, высокая сестра.

С. Мария. Никто не слушает. Тебе мерещится. И вся эта история тебе померещилась! И с какой же стати инкубу приходить к тебе? Ты худа, желта, и тебе было не мало лет два года тому назад.

С. Кресценция. Он приходил, высокая сестра, он приходил, клянусь первым причастием. И что он делал со мною, высокая сестра. Мадонна, святейшая, как развратны эти демоны.

С. Мария. Ну, он поставил тебя на колени... ну... дальше...

С. Кресценция. А сам... Высокая сестра, кто-то капляет за дверью.

С. Мария. Я приказываю тебе отворить дверь.

(С. Кресценция отворяет дверь и отступает.)

Д. Дзах *(входя)*. In nomine patri et filii et spirit sancti. Кресценция, Кресценция. Что делаешь? Что говоришь? Поди, сестра моя, к матери Евлагии и скажи ей, чтобы она оказала тебе услугу любви, дала тебе седьмижды семь ударов тройной дисциплины.

С. Кресценция. О, дом Дзах!

Д. Дзах. Иди, сестрица.

(Ресценция уходит всхлипывая. Дом Дзах садится в кресло против сестры Марии.

Некоторое время оба молчат.)

Д. Дзах. Высокочтимая сестра моя... Монахини любят возбуждать друг в друге воспоминания о sensectimes libidinosus. Это никогда не может быть ни полезно, ни поучительно. Но я пришел возбудить в вас память о чувстве мало христианском и также непохвальном. Смею ли возмутить мир монастыря?

С. Мария. Сплю, как под гробовым камнем, преподобный отец. Ничто во мне ничего не разбудит. Разбудить в себе хотела бы только любовь к богу. Ибо и она замирает в этой тишине. Даже бог не посещает забытую келью.

Д. Дзах. Бог не посещает только тех, кто не зовет его.

С. Мария. Взывала.

Д. Дзах. Orate et datum erit.

С. Мария. Некая густая лень души овладела мною.

Д. Дзах. Ну, что же. Это—мир. Dona novis pacem! Но я, повторяю, пришел возмутить этот мир. Грешно это. Но каждый из нас не для себя. Если бы душа была на пороге рая, а церковь повелела вернуться в мир или даже в чистилище, дабы помочь ей в боренин—должна вернуться.

С. Мария. Темны ваши речи, reverendissime.

Д. Дзах. Хочу разбудить в вас ненависть, сестра Мария.

С. Мария. О!

Д. Дзах. Да. Пока отложим четки и бревиарий! Будем людьми. Не напрасно Господь создал нас таковыми, будем людьми. Я помню принцессу Пиа, гордую, статную подобную Диане. Я помню мечты наши о ней, восторженные взоры грандов великого императора, посольства венценосных женихов.

С. Мария. Это я забыла и не помню. Зачем напоминать о том?

Д. Дзах. Напомню, ибо стою, как старый пес, на страже добродетели и желаю вас, soror electissima, привлечь со мною на тот же пост. Зову ненависть вашу воспрянуть, дабы служить мечом в руке нашей.

(Молчание.)

Для многих как бы солнце помрачилось, когда эта гордая грудь покрылась власяницей, эти косы—покрывалом св. Клары, когда, как Антигона, сошли вы в подземелье, где кроме вздохов—один Господь.

(Молчание.)

И сказать, что такая жизнь затмилась, что будущая королева стала монахиней, из-за чар бешенством одержимого доминиканца.

(Молчание.)

Разве вы уже перестали ненавидеть Фому?

С. Мария. Всегда... Если Господь примет меня в рай, я внесу туда под сердцем, как младенца, мою ненависть к колдуну.

Д. Дзах. Да будет она благословенна, ваша ненависть, ибо вы ненавидите ненавистного богу.

С. Мария. Ненавистного и вам, отец.

Д. Дзах. Да, я горжусь тем, что ненавижу его. 17 лет я стерегу его. Первые годы я терзал его тело, но душа пребывала гордой, как горд Люцифер среди черного огня кромешного. Потом я всеми мерами старался спасти его от гордыни, а мир—от его прельщения. И я был бы смешон, как если бы я охранял сад от ветра. Все читали его, росло его влияние, пагуба ширилась. Но крах разразится, когда ему дадут прощение.

С. Мария. Прощение? Ему?

Д. Дзах. Да. Сюда прибыл Герон д'Оссуна..

С. Мария. Он еще не был у меня, однако.

Д. Дзах. Да. Пока отложим четки и бревиарий! Будем людьми. своей золотоволосой Иоанной, которая гордее доньи Пиа дела Вос и мнит себя прекраснее ее. Святейший папа у нас любитель красоты. Урбан VIII и кардинал Аквила цицеронианцы и духовные сластолюбцы. О Провидение господне, зачем в столь бурное время вручил ты кормило душам, более близким к Горацию, чем к Евангелию! Иоанна Аррагонская — кумир бархатных пурпуроносцев в Ватикане,—Divina Johanna! Герон и его жена попали в сеть прельстителя мотыльков, Кампанеллы. О мотыльки, мотыльки кругом нас, вилоть до стула Петрова, а он—хитрый ловец легкокрылых любителей меда. Мир гибнет в легкомыслии. И пусть бы! Пусть бы порхали. Мы серьезные, строгие, сухие блюдем за них устойчивость божьего порядка. Но если власть над вами получит Сатана—мать наша церковь рухнет и крушение будет великое! Это ли не основание ненавидеть! Дева Испании, ты ненавидишь его человечески. И я тоже. Человеческая ненависть поймет ту ненависть, которая родилась в душе моей. Он унижал меня, как ни один человек не унижал другого. Он бывал распростерт на скамье пытки, привязанный веревками, бичеванный. вокруг стояли слуги справедливости с огнем, клещами,—всем, что мучит. И я был тут, судья неумолимый, с моим оком, от которого тряслись ереспархи, с моим словом, от которого гранды Испании гнулись, как тростник, и я говорил ему: «Разомкни уста, Фома, облегчи твою судьбу, сказав нужное слово». И он глядел на меня и говорил: «Как я презираю этого ничтожного палачишку». И он... он смеялся. У Гуга Барбаруги, который мог бы быть первым мастером в аду, волосы поднялись дыбом, когда он рассмеялся первый раз после того, как мы жгли ему мясо. О, если бы он только хвастал! Нет, он презирает меня! Я—Лопе Дзах, меч божий, я, кого считает страшным сам великий инквизитор, я презираем, как какая-нибудь лягушка... Он гадливо смеется надо мною. Не мог же я убить его? Он признан был бы мучеником. Он

умер был нераскаянным. Он приходил бы ко мне в снах и смеялся бы над моей сединой и моим гневом.

С. Мария. В снах? Да. Он князь снов. Они повинуются ему.

Д. Дзах. Колдун... и сверхчеловек. Но пусть, по крайней мере, заглохнет в тюрьме. За 17 лет, мне кажется, он стал тупеть и слабеть. Дьявол истощает на нем свои силы. Если же его освободят... А с Героном может быть даже хуже...

С. Мария. Что я должна сделать?

Д. Дзах. Писать Филиппу в Мадрид. Ехать туда самой, если надо, чтобы оттуда грозно крикнуть Герону, если он не хочет страшной немилости, пусть оставит мне моего Кампанеллу.

С. Мария. Это будет сделано, отец. Я призналась вам во всем, и вы знаете мой стыд и мои грехи. Вы знаете, что он сделал меня блудницей, что он отдал мое королевское тело циклопу, мужику и принудил меня убить это существо, ибо не могла же я иначе? Убить его... Хотя несчастный стал обожать меня... И тогда он наслал на меня... сны... о! о!.. Он загнал меня сюда, загнал меня в могилу... Пока я жива—колдун не выйдет из темницы. И не слушайте никого, пытайте его, пытайте его опять!! Мы придумаем причины.

Д. Дзах *(вставая)*. In nomine Christi. *(Благословляет ее.)*

С. Мария *(целует его руку)*. Да будет благодать божия с вами и со мною, reveredissime.

(Дзах медленно уходит.
Долгая пауза.)

С. Мария *(сидит в задумчивости. Потом вдруг резко вскакивает)*. Темно. Кресценция отбичевана, и она теперь стонет в своей конуре. *(Страстно.)* Подлая, она постоянно рассказывает мне гадкие вещи. *(Ходит по комнате, как пленная львица.)* Надо открыть окно, здесь душно... *(Открывает окно и останавливается около него.)* Иоанна! Гордее и прекраснее Пии. Я помню ее пятилетним херуви-

мом... Счастливая. А я?.. О! О! *(Кричит, кричит все громче и бегает по келье.)* Мое счастье... Моя молодость. О! О! *(Вдруг останавливается, закрыв глаза.)* Вот... начинается. Это хуже, чем мяукающий бес Кресценции. О, о, как пахнет апельсинами. *(Становится около окна и бессильно опускает руки.)* Вот... Да... да... Так... Так... *(Рыдает тихо. В окно доносятся серебристые звуки гитары.)* Кому он играет?.. Кто играет?.. Все равно. *(Глухо стонет и заламывает руки над головой. Подходит к двери и зовет.)* Сестра Лариса!.. *(Входит тотчас же бледная, высокая старуха.)* Сестра Лариса, вы слышите, кто-то играет там на гитаре... *(Лариса кивает головой.)* Пойдите, позовите его. Скажите ему, что одна дама, прекрасная, молодая, хочет иметь его на своем ложе... да... и что ему дадут золота за это. В моей опочивальне пусть будет темно, как в могиле. Я не хочу его видеть, и он не должен видеть меня. Я замолю мой грех, а на вас греха нет. *(Горько смеется.)* Ведь это не в первый раз, сестра Лариса. Я покаюсь дому Лопе. Идите. Покорствуйте.

(Лариса кланяется, бледная, невозмутимая, и уходит.)

С. Мария *(бросается к ногам Христа и рыдает сначала громко, потом тише. Гитара за окном звенит, звенит и вдруг прерывается).* Идут. Иди, кудрявый с маленькими рогами, с глазами совы... Или лучше другой, другой чорт... что похож на пастуха Таддо... О! О! Таддо, Таддео мой, Таддучно... Это ты?

(Закрывает голову мантилией и на цыпочках уходит в дверь.

Дверь остается открытой, окно тоже.

Вдруг от сквозного ветра окно хлопает, и все лампады гаснут вокруг статуи Христа.

Темно на сцене, только доносятся откуда-то непонятные стоны.)

ЗАНАВЕС.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

МИРАЖИ.

Картина I.

Звезда Оссуны.

(Большой зал в королевском дворце в Неаполе. Довольно многолюдное собрание. Есть прелаты и монахи, но еще больше дворян и богатых купцов. Женщины отсутствуют. Зала освещена несколькими канделябрами. Сдержанный говор. Большая дверь отворяется. Двое слуг вносят еще канделябр. Входят великолепно одетый Оссуна и царственная Иоанна, за ними Кампанелла в белой доминиканской рясе. Все встают и кланяются.

Оссуна *(делает знак рукой садиться и сам садится в троноподобное кресло).* Без церемониала. Мы спаяны делом. Мы за работой. *(Иоанна садится рядом с ним. Фома становится сзади.)* Итак, нотабли Неаполя и Калабрии, мы подробно обсудили возможность восстановления, по крайней мере половины сначала, королевства обеих Сицилий, и вы обещали нам сегодня в полночь дать окончательный ответ. Связываете ли вы судьбу нашу с великодушным нашим планом вернуть вам свободу? Я слушаю вас.

Родериго Казабелла *(молодой красивый дворянин).* Великий герцог, все нам нравится, что вы предлагаете нам. В военном отношении план обдуман прекрасно. Наемные войска с вами. Ваша казна полна золотом. Испания, сцепившись с турком, заслала лучших своих полководцев и лучшие силы в Марокко и только ахнет за морями, когда мы подымем красно-зеленое знамя. Французский трон улыбается нам благосклонно... Момент великолепен. Вождь чудесен. Auспиции превосходны. Звезды знаменуют удачу, как говорит великий астролог Фома... Но дворяне и большие цехи хотят знать наверно, на что идут они? Да, независимость Неаполя, да, сво-

бода Калабрии. Да, если поп благословит и бог поможет, то даже война за богатую Сицилию. Да, королевская власть на твоем челе и на божественных золотых кудрях Иоанны. Но пусть опасается твой астролог умерить наши порывы. Мы не забыли, что Фома фантазер, некогда стремившийся к равенству людей и основанию новой религии. Эта фигура возле трона не нравится нам отнюдь. *(Показывает пальцем прямо на Фому.)* Свобода земель, но без потрясения их внутреннего строя. Приобрести свободу Неаполя и земель мы хотим, но при этом желаем остаться такими, какими были.

Оссуна. Все должно расти и совершенствоваться. Казабелла, я надеюсь, что под моим скипетром будет больше счастья.

Казабелла. Можно отнять счастье у одних и дать другим, пожалуй, большему числу. Дворяне и цехи прямо говорят, что не желают этого. Они прямо говорят: лучше сносить иго Испании, чем разнуздать чернь.

Фома *(выступая вперед)*. Казабелла и вы все, соотечественники, промыслом божием готовые снова стать народом, клянусь вам моим сердцем, я не хочу встряхивать кувшин. Никто не должен делать второго шага, не сделав первого. Звезды укажут, что делать дальше и каковы сроки. За поворотом увидим, куда ведет дальнейший путь. Я даю вам руку, чтобы итти с вами до свержения Эскуриала. Кто помешает вам потом изгнать меня? Народ? О, народ еще так темен... Я ставлю на вас мою ставку потому, что народ еще так темен. Когда-то я хотел полудня. Я был полубезумец. Теперь я жажду первых бледных лучей рассвета. Этим я не изменяю полудню. Но, Казабелла и все вы, помните, если вы теперь откажетесь от меня—останетесь без руководства звезд и союза Ватикана. Ватикан мне верит. Помните, для малых государств, каким в начале будет царство короля Ахилла, одна возможность существовать против императора Испании, могучих государств,—сплотиться под крылом Рима.

Рим знает это. Рим за малых против больших. Я указал святому отцу пути. Я доказал ему страшную опасность гордыни новых Немвродов. Я доказал ему всю осторожность моих мыслей. Вот что пишет мне кардинал Аквила. *(Вынимает письмо и читает.)* «Святой отец благословляет герцога и тебя. Новости, которые ты сообщил нам, радуют нас всех. Ты понимаешь, что Ватикан воздержится, конечно, от посылки вам какой-нибудь прямой помощи, но в нужный час святейший отец пошлет корону для нового короля. Пусть твой гений, брат Фома, будет министром нового королевства».—Вы видите? Рим мудр, он знает все и взвешивает все. Неаполитанцы, не бойтесь моего горячего сердца. Во тьме и сырости тюрьмы оно покрылось корой и обросло мохом. Мне самому порой приходится прислушиваться к нему, чтобы отдать себе отчет—клокочет ли еще былая лава хотя бы в его глубинах.

Купец Заверио Зеликанте. Итак, необходима хартия. Мы установим, что правительство Петра Ахиллеса I, короля неаполитанского и калабрийского, гарантирует всем своим подданным нерушимо и полностью их имущество и все ранее приобретенные права, а также обязует всех должников и лиц, обремененных налогами и сервитутами, полностью выполнить свои обязательства.

Фома. Хитер купец и хочет иметь свой счет на бумаге! Но раскинь торговым умом: из-за чего же поднимается против испанцев бедняк, если кроме бедности и рабства ты ему ничего не обещаешь! Знаю, что ты ему не друг, но поскольку ты друг себе самому и по расчету понимаешь, что сейчас тебе нужна его дружба—купи его!

З. Зеликанте. Я не говорю, что хартию надо обнародовать до переворота и свободы. Ее можно только установить заранее между нами. Пусть ходящий в народе слух об уничтожении долгов и сервитутов продолжает делать свое дело.

Фома. Купец хочет продать фальшивый товар.

Казабелла. Но что ты хочешь, Кампанелла? Твои намерения опять неясны. Что хочешь ты отнять у нас для народа.

Фома. Без народа вы не добудете свободы от Эскуриала. Заплатите народу его часть.

Казабелла. Говори.

Фома. Мы соберем после победы совещание, где должны быть представлены все сословия, не исключая крестьян. Там договоримся о разделе приобретенного.

(Пауза.)

Казабелла. Повторяем: лучше иго Испании, чем бунт черни! Это двери бунта!

(Сильный шум и споры.)

Оссуна. Тише. Вы забыли, что это великое дело сделаю я. Я! Прошу не забывать меня, мои будущие подданные. Мне лично преданы отряды, на которые думала опереться испанская корона. Под моей охраной находятся червонцы, золотые колонны ваших надежд. Меня знают султан, папа и Парити. Мне верят и со мною ведут игру. Я полководец, знамя которого не знало поражений. Я любимец Неба, которому все в жизни смеялось и смеется по сей час. Герб Оссуны—голубой олень и золотой лев, поддерживающие рог изобилия—вот знак, которым победите. Оссуна! Оссуна! Вот ключ, с которым сломим врагов. Верьте в мое счастье, о котором возвещают звезды,—бросьте скучные совещания! Довольно! Я не хочу больше споров и возражений. Вверяетесь ли Оссуне? Если нет—я покидаю Неаполь и еду во Францию к кардиналу, который высоко чтит меня. Если да—то довольно, исполняйте мои приказания. Ха, ха, ха! Похож я на постного бунтовщика, который ограбил бы своих дворян? Я ли убью торговлю и ремесла, науки и искусства? Да, если бы Фоме вздумалось разыгрывать передо мною из себя плаксу на манер сподвижников брата Джироламо из

Флоренции, я бы ответил ему громким смехом и велел бы в наказание заставить его выпить 12 больших кружек старой мальвазии. Или, быть может, позволю издеваться над бедными тружениками и допущу нищету простого народа? Смел ли бы я после этого смотреть в голубые глаза моей Иоанны? Итак, я созову Совет трех, как совещательный орган при моем величестве. В него войдет наш канцлер Фома Кампанелла, наш констебль синьор Родериго Казабелла и наш великий казначей честный Заверио Зеликанте. Остальным—повиновенье. *(Молчание.)* Молчание принимаю за согласие. Да здравствует звезда Оссуны!

(Крики, рукоплескания.
Все расходятся.
Фома остается один и некоторое время пребывает в задумчивости.
Через пару минут возвращается Иоанна. Иоанна подходит сзади к задумчивому Фоме и прикасается к его плечу.)

Фома *(оглядываясь).* Мадонна.

Иоанна. Задумались? Отец мой, быть может, вам горько столь частичное осуществление мысли вашей?

(Фома молчит.)

Иоанна. Когда я слушаю их и вас—я понимаю, что пророк, несомненно, иное существо, чем человек. Понимаю, какая пропасть между человечьим и божьим...

Фома *(с горькой улыбкой).* Мадонна, у Елисея была плешивая голова, а я пророк с оплешивевшей душой. Душа же, как Самсон. Ха, ха, ха! Мое пророчество пошло так далеко навстречу их человечеству, мое божье стало так медлительно и лукаво, что я удивляюсь остроте ваших глаз в различении оттенков.

И о а н н а. Мне горько, что на светлый праздник, благодаря вам обнявший душу будущего короля, черной тенью ложится ваше разочарование.

Ф о м а. Разочарование мое давнее. Я ударился черепом в стену и череп разлетелся в черепки. Кое-как склеил я его и теперь веду под стену тихую сапу, которой хватит, вероятно, на три поколения. А светлый праздник королевский да будет светел. Он светлый, светлейший Ахилл Оссуна! Счастливец, счастье дарующий... Поистине отрок солнца.

И о н н а. Вы любите его?

Ф о м а Да.

И о а н н а. Ведь вы сказали ему, что он может быть Мессией?

Ф о м а *(подумав)*. Может. Но может и не быть. На наших крыльях садится слишком много пыли. Я говорю—он может вознестись, как Дедал, и упасть, как Икар. Вероятнее же всего он будет великим предшественником, как Саул Давиду и как Пипин Карлу. У Ахилла и Иоанны мог бы быть сын. Чего не выполнит Пьетро Ашилле I, то выполнит Пьетро Ашилле II. Фома—ступенька для отца, будет следующей для сына. Вся ваша семья—золотое оружие Солнца.

И о а н н а. Но вы никогда не думали о себе?

Ф о м а. Я думал когда-то, что главный избранник—я. Я ошибся.

И о а н н а. Можно ли пережить?

Ф о м а *(молчит с минуту, потом поднимает на нее глаза сурово)*. Пытки Дзаха помогли перенести пытки ада.

И о а н н а. Было трудно примириться?

Ф о м а. Утешительно было увидеть того, кому дано, и получить право помочь ему.

И о а н н а. Мне грустно видеть вас в тени и горечи.

Ф о м а. Я все же озарен частью света королевского.

Иоанна. Кампанелла, в вас великая сила! Отец, я не случайно говорю с вами. Пьетро—большой и гениальный ребенок. Вы сказали: я поведу в поводу коня твоего. Не лучше ли иначе? Пусть Пьетро венчается короной и вооружится мечом, но пусть руководителем и властелином на деле будет великий сын звезд.

Ф о м а. Монна Иоанна, воистину я постараюсь, чтобы было так, никогда, однако, не подымаясь выше самого подножия нового трона. Пусть меня мало видят и слышат.
Он — Телемак, я — Ментор. Хотел бы быть незримым.

И о а н́ н а. Отец... еще одно. Простите за вопрос нескромный, но меня моя старшая сестра назвала испытательницей душ. Отец, вы самая высокая душа, какую я видела, какую увижу. Скажите: любовь к женщине не играет никакой роли в вашем бытии?

Ф о м а. О, Мадонна! Я — хотя монах — никогда не признавал обет безбрачия правилом для сильных. Почему не сказать вам, высокая красавица, я любил и меня любили, когда я был собою в краткую весну мою. Любовь погибла, как та первая безумная надежда.

И о а н н а. И с тех пор?

Ф о м а. Тысяча эротов жила во мне. Они ухитрялись порою грезить и играть даже в промежуток между ласками клещей Дзаха и чуть не на ложе, где хрустели мои кости. Но пытки помогли мне выдержать искус. Не сказал ли я, что душа моя оплешивела? Эта музыка молчит во мне.

И о а н н а. Ведь вам только 45 лет?

Ф о м а. Да, Мадонна.

(Пауза.)

И о а н н а *(тихо)*. Такого человека, как вы, я могла бы любить.

Фома *(медленно, в упор смотря на нее).* Мадонна, если вы говорите так, чтобы привязать меня крепче к вашему дому—напрасно... я прикован к нему словно собачьей преданностью, которая прочней железной собачьей цепи и не нуждается в иной привязи или привязанности. Если же вы говорите, чтобы искушать меня, на три четверти сломанного великана, то в вашей душе силен подлинный бес женского любопытства.

(Молчание.
Она улыбается.)

Эта музыка не звучит во мне. Но музыканты еще не умерли. Страсть 45-летнего титана—вещь слишком серьезная и даже страшная, чтобы ее стоило будить.

Иоанна. Ни возраст, ни положение, ни мое безоблачное счастье не делают даже отдаленно возможной какую-либо близость между нами, кроме союза для укрепления трона Оссуны и расширения его славы. Но мой ангел мне шепнул, что я все-таки должна была сказать Кампанелле: такого человека я могла бы любить.

Фома *(берет ее за руку и отводит в дальний темный угол зала).* Иоанна. Или ты искушение? Оно пришло с неожиданной стороны. Женщина, ты плохо меня знаешь. Если бес руководит тобой—это бес бессмысленный. Я же похоронил Фому. А! Ты думаешь, что он встанет и опрокинет камень могильный, стряхнет прах с плеч, вдруг услышав голос о возможности такого счастья? Да, Иоанна, если бы ты, прочитав эпитафию на камне гроба, сказала: я бы любила такого человека — труп встал бы целовать тебя. Если же не мог бы встать, то как страдал бы, подумай? Но мой гробовой камень — я сам, вот этот двойник Фомы, который перед тобой, я тюремщик того, что еще не умерло от моей юности. Я хочу быть старцем и делать дело Солнца.

Иоанна *(продолжая улыбаться).* Отец, вы не поняли меня. Я и не думаю искушать. Зачем этот взрыв? Он мне нравится, конечно, я вижу, какой юный этот старец и сколько

жизни в этом трупе. Но воистину звезды бы попадали с неба, если бы королева Иоанна стала любовницей мудрого монаха Кампанеллы. Пусть лишь ангелы наши запишут в вечные книги свои: «они могли бы любить друг друга».

Ф о м а. О, да: могли бы. Я мог бы быть царем Мессией и сжимать в об'ятиях женщину чудо... Зачем ты будишь все эхо, которые раздаются в ответ на слова: «мог» и «мог бы»? Это—унылая песня. Страшно петь ее рядом с тем, кто поет «могу».

И о а н н а. Фома, я верю в вас. Вы выведете его коня, на котором и я еду за седлом на золотые дороги. Наша сила не червонцы, не солдаты, не неаполитанский патриотизм, не меч и звезда Оссуны, а вы, пророк! Я знаю—вы отдадите нам все силы. Но вы не останетесь в тени. Все будут знать: король Ахилл—это сверкающее оружие в руках посланника божия—Фомы-Пророка. И если Иоанна будет любить своего супруга короля, то почему ей не говорить порою о любви и взглядом и словом могучему и светлому волшебнику, канцлеру, окуженному серафимами: *я тебя могла бы любить!*

Ф о м а. Какая женщина! Иоанна. Пусть так было бы... зачем ты сказала?.. Все существо мое содрогается... Воскресение? Разрушение? О чем трубят архангелы над моей вселенной и в груди моей? *(Берет ее за обе руки.)* Ведь ты красива красотою, сжигавшей Трою и губившей Антониев. *(Шопотом.)* Как, ты позволяешь мне обнять себя? *(Обнимает ее стан одной рукой, она берет его голову в обе руки и долгим поцелуем целует его лоб.)*

(Входит Оссуна.)

О с с у н а. Иоанна, где ты?

И о а н н а *(быстро ускользая из рук Фомы).* Здесь, мой Ашилле, здесь, мой дорогой, я здесь с отцом Фомой.

О с с у н а. А! Опять политика и астрология! Забудем про них, друзья. Или лучше оставь Фому смотреть на Венеру

небесную, которая как раз сияет чудесно, и пойдем принесть жаркую жертву Венере подлинной.

Иоанна. Будь скромнее.

Оссуна. Ха-ха-ха! Фома, составь на всякий случай гороскоп. Я так счастлив и силен сегодня. Возможно, что в эту ночь королева зачнет наследника моего трона.

(Фома продолжает стоять в своем темном углу и молчит.)

Оссуна *(обнимая Иоанну)*. О, мое золотое счастье, иди со мной. Прощай, друг астролог.

Иоанна. Пусть не забудет великий Кампанелла, что было сказано в эту ночь.

(Кампанелла хочет сказать что-то и не может.)

Оссуна. Да здравствует звезда Оссуны! Вот самые громкие слова этой ночи. Идем, Иоанна. Он в размышлении.

(Уводит ее.

Кампанелла идет вдоль сцены, углубленный в себя. Останавливается, прикасается рукой ко лбу. Смотрит в окно.)

Фома. Рассвет. Господь Солнце идет. Неужели ты сохранил мне не одни грустные радости? Этот слишком сладостный и ужасный мир, который вдруг отверзся передо мною? Неужели это мое грядущее? Неужели я действительно второй раз юноша у порога загадочной и зовущей жизни? Неужели к органу и трубам присоединяется в хоре обещаний грядущего—лютня? Солнце всходит. О бог мой, благодарю тебя! *(Преклоняет колени.)*

ЗАНАВЕС.

Картина II.

Ватикан.

(Личный Таблиниум папы. Комната элегантна. Мебель—барокко. На стенах картины Дольчи и Рени, на столах тонкая венецианская посуда и разные бронзы. Свет дня льется сквозь кружевные занавески. Папа в широком красно-золотом кресле у рабочего стола рассматривает камею в лупу. Это старик в величественных сединах, с добрым лицом. Он одет в белый талар и белые туфли, на голове расшитая серебром белая шапочка. Аквила в кардинальском пурпуре и очках читает.)

Урбан. Прекрасный подарок. Карабакка уверяет, что это подделка. Ну, что же? Камень—подлинный оникс и работа божественна. Если у них на востоке есть еще такие резчики—тем лучше.

Аквила. Мудрый посланник патриарха константинопольского весь таков: он фальшив, но фальшь его превосходна.

Урбан. Я люблю вкрадчивость его речей.

Аквила. Поистине, как сказано у Гомера про Калипсо:
Не правда ли?

Урбан. Самый звук его латинского языка какой-то пряный.

Аквила. Он родом с Кипра.

Урбан. И все же я не оставляю мечты, мой друг, уехать в Тиволи на 15 дней и совсем, совсем оставить дела, сложный мир политический временно возложить исключительно на твои плечи. А самому исполнить свой обет: дописать Carmen laudi Dominae! Astra maris. Хочу написать и слова и музыку... *(Умиленно декламирует):*

Astra maris, sanctissima luce.
Spes tenebrarum!

Дайте мне скрипку. *(Аквила почтительно подает ему скрипку. Папа берет ее и показывает с обеих сторон.)* Он прекрасен—этот инструмент. О, да, не все у нас в упадке.

Да цветет долго мать Виолин, кроткая Кремона. Послушай вступление, которое я придумал. *(Играет на скрипке.)*

Аквила. Вы подслушали песню ангелов.

Урбан. Под орган и золотые голоса моих кастратов я постараюсь открыть небо и показать среди славословий чистую звезду, дрожащую во мраке небесном, скользящую словно в божественном танце по волнам моря житейского.

(Играет на скрипке и поет старческим голосом с великим умилением:)

Astra maris, sanctissima luce,
Spes tenebrarum!

(Входит и останавливается у двери прелат в фиолетовой рясе и с золотым крестом на груди. Когда папа кончает, он подходит и кланяется.)

Прелат. С разрешения святого отца письмо в собственные руки кардинала.

(Подает с поклоном письмо Аквиле и сейчас же уходит.

Аквила распечатывает и читает. Пока он делает это, папа откладывает скрипку и задумывается, порой напевает что-то.)

Аквила *(поднимает глаза от письма)*. Это интересно. Свершилось. Все готово, и мы скоро будем иметь новое королевство, верное и преданное святому престолу.

Урбан. Кампанелла и Оссуна?

Аквила. Да.

Урбан. Только не нажить бы неприятностей. Молю тебя, друг мой, поддержи их только после победы и не компрометируй святого стула, участвуя в деле неверном.

А к в и л а. О, domine sancto, осторожность не отлучается от меня ни днем, ни ночью уж лет 10.

У р б а н *(добродушно улыбаясь)*. Аквила! Uxor spiriti tui venerabilis! Adsit!

А к в и л а. Amen! Бог хочет возложить жемчужную корону на золотые волосы Иоанны.

У р б а н. Какая красота! Когда она была у меня и склонилась, дабы облобызать туфлю Петрову, я сказал ей: «дочь моя, дай, дай мне осязать твое лицо». И мои старые пальцы, которыми я привык оценивать работу ваятелей древних и новых, прикоснулись к ее профилю, щекам, губам. Природа редко творит impeccabiliter, но здесь поистине сравнялась она с Праксителем и моим Бернини.

(Входит тот же прелат, низко кланяется папе.)

П р е л а т. Святейший отец, настаивает специальное посольство кардинала Примаса испанского с собственноручным письмом короля Филиппа II принять его тотчас.

А к в и л а. Кто это?

П р е л а т. Это дом Дзах, епископ Сполетто, из ордена Иисуса. С ним высокородная сестра Мария дел Долор, аббатисса монастыря св. Варвары.

А к в и л а. Завтра примем послов.

У р б а н. Я отдыхаю.

П р е л а т. Я не мог на себя взять смелость отвергнуть их просьбу, ибо посол утверждает, что каждый миг промедления может иметь ужасающие результаты.

У р б а н. Опять интриги против брата Фомы. Этот человек мне дорого обходится. Боюсь не принять их. О, друг мой, не поссорь ты меня, ради Неба, с Испанией. Дай мне капель доктора Кристобала Павиане... У меня сердцебиение.

Аквила. Не принимайте их, святой отец. Зачем вам беспокоить себя. Я улажу все.

Урбан. Оставь, друг мой. Они скажут, что я отказался принять собственноручное письмо Филиппа. Положи мне эликсир доктора Фралеоне Фараони в зуб. От напряжения нерва у меня может разболеться мой зуб, который давно пора удалить. О, сколько бед на сем свете: Vita nostra in hos lacrimarum regio miserrima.

Аквила *(отсчитывает ему капли в бокал с водой, которы папа принимает, а затем кладет эликсир в зуб)*. Лучше, быть вам в Тиволи, св. отец, и препоручить, хотя временно, мирские дела мне.

Урбан. Ай! Ты сделал мне больно. Нет! Нет! Ты меня поссоришь со всеми этими чудовищами. Выпь эликсир, выпь эликсир доктора Фараони. Он делает мне больно. Ах! я несчастный старик, несчастный старик! Господь, сними с меня тяжелую тиару! Дай мне платок, разве ты не видишь, что я плачу! Heu, heu de senectute, heu de doloribus corporis animaeque, heu de insidi mundi malefici!

Аквила. Итак, пригласить их?

Урбан. Да. Но закрой густые занавески у окон, чтобы было совсем темно.

(Аквила делает это и дает знак прелату, который с поклоном уходит.

В комнате наступает тишина и темнота.)

Урбан. Это хорошо, что пахнет лекарствами. Скажи им, что я болен, и это не будет ложью.

(Входят дом Дзах и Мария дел Долор.)

Аквила. Святой отец занемог, но он ни за что не хотел хотя минуту промедлить в прочтении письма христианнейшего короля Филиппа.

Дзах. Кланяюсь и целую благоговейно святую туфлю! *(Делает это. То же молча делает и сестра Мария.)*

Аквила *(слегка отодвигает занавеску у одного окна)*. Идите сюда, доминус епископ, и прочтите письмо его величества.

Дзах *(подходит к окну и читает)*. «Святому отцу христианского мира, а наипаче нашему в благоговении чтимому Урбану VIII от раба божия короля Испании, Арагонии, Африки и Америки привет. Достигла ли слуха твоего ужасная весть, которая, боюсь, дурно отзовется на любвеобильном твоем и попущением божием страдающем сердце. Легкомысленный и порочный Оссуна, которого по совету дурных и фальшивых друзей направил я наместником в Неаполь, поднял против меня, уподобляясь Люциферу, отцу бунта, знамя крамолы. Сатана воспользовался тем, что подданные мои на море и суше льют кровь свою за Христа в борьбе с турками и сарацинами. Волшебник Кампанелла, к изумлению моему все еще не сожженный, вместе с богомерзкими книгами своими, колдует мрачно и злохитростно у ног блудницы Иоанны, в коей подозреваю Еву, соблазнившую герцога, сего нового Адама в слабости, грехе и возмущении.

«Но как ни горестны обстоятельства и как ни смел бунт, уповаю, что бог посрамит преступление. Сие всецело от тебя зависит, отец великий, ибо знаю, что имеешь в южных замках земли св. Петра почти до 6 тысяч отдыхающих швейцарцев, воинов непобедимых под руководством знаменитого твоего полководца — зависти государей — Чино Леонкавалли. Прошу тебя и заклинал бы, если бы не знал, что и простой просьбы достаточно, не медли, грянь проклятием на голову заговорщиков и прикажи твоим стрелкам и коннице двинуться на Неаполь.

«Уверен в твоей дружбе мне и порядку и целую твои руки, прося смиренно благословения

Слуга и воин Христов Филипп II Испанский».

Если разрешено будет прибавить одно слово: его величество с удивлением выслушал мнение кардинала Примаса, что Ватикан не поторопится ополчиться на Неаполь. Король собственными устами произнес, топнув королевской ногой: «Если бы это было так—я до смерти не простил бы Урбану и скорее пошел бы в ад, чем оставил бы это вероломство без мщения». Но тут я осмелился поднять свой голос и рассеял сомнения монарха.

(Папа стонет.)

Аквила. Его святейшество очень недужен.

Мария. Я не посмела бы открыть в этом покое уста женщины, если бы не знала тайны, которую должна поведать. Фома Кампанелла страшный колдун. Я на себе испытала мощь его адских чар. Ныне, как мне достоверно известно, он заклинания свои на крыльях демонов отсылает к берегам Испании и садам Эскуриала. Мой кузен король страдает страшными болезнями. Я поклялась ему на Распятии и здесь готова поклясться на святой дароносице, что причина его болезни — колдовство Фомы.

Дзах. Кампанелла поработил дух Оссуны. Он говорит и похваляется всюду, выступая при народе: пришло царство бедных, скоро запылают замки. Он говорит, как говорил и прежде: «Я поведу народ к истинно зримому богу-Солнцу». Он говорит: «Мы прогоним императора и королей, а потом папу и епископов, мы устроим единое государство, оно же и церковь. Civitas Solis .

Урбан *(стонет)*. Довольно. Я слышал. Мы рассудим. Я болен.

Аквила. Аудиенция кончилась. Идите с миром.

Урбан *(слабым голосом)*. Benedico vos in nomine Dei.

Дзах *(кланяясь)*. Не могу ли я послать сейчас же вестников, которые уже ждут на конях. Могу ли известить кого надо, что отряд Леонкавалли двинулся, и булла пишется?

Урбан. Я не отказываюсь. Я выслушал. Идите.

(Дзах поспешно уходит. Мария за ним.)

Аквила. Не бойтесь же, не бойтесь, св. отец. Тут суеверия злобной женщины, наветы жестокого иезуита и раздражение испанского двора, наглотавшегося земель и не дающего никому жить. Спокойствие. Выждем, распоряжения можно затянуть, не говоря ни да, ни нет.

Урбан. Друг мой, не рискуй нашим покоем.

Аквила. Будет много хуже, если Оссуна разобьет папские войска, а это более чем возможно. Вооруженный Неаполь — крупная сила, а испанские отряды, воевавшие с Оссуной 6 лет, верны ему, как собаки охотнику. Подумайте, если Оссуна разобьет папские войска?

Урбан. О! Это было бы совсем ужасно. Ты поставил меня между двух огней, между Сциллой и...

Аквила. Ах, святейший отец, это же воля божия. Без воли провидения ничто не совершается, но будем кротки, как агнцы, и мудры, как змии.

(Входит кардинал-секретарь.)

Кард.-секретарь. Я пришел уведомить святейшего отца, что все срочные приказы его исполнены с молниеносной быстротой.

Урбан. Что исполнено? Я ничего не приказывал.

Кард.-секретарь. Епископ Сполетто, выйдя от вас, святейший отец, сказал мне, что надо с быстротою бури мчать приказ Вашего святейшества к римским войскам на границу Неаполя выступить против всех нас потрясшей революции на юге. И все мы, кардиналы, счастливы этим решением, и вестники уже скачут с нашим благословением.

Аквила. Задержать. Бунт не в Неаполе, а здесь. Кардинал-секретарь, как вы смели, domine, дать такое распоряжение без меня?

Кард.-секретарь. Оно так согласовано с обстоятельствами и волей божьей! Только безумец или еретик может медлить в этом деле!

Аквила. Отменить. Послать в погоню! Распоряжусь.

Кард.-секретарь. Я уважаю ваш пурпур, кардинал-диакон, но пока святейший отец не отменит приказа, я никому не позволю его отменить.

Аквила. Папа Урбан, заклинаю тебя нашей дружбой, прикажи вернуть гонцов!

Урбан. Я совсем болен, совсем болен. Отведите меня в спальню. Где Уго? где сестра Бальзамина? где доктор Гиперболикус Назика? Ведите меня в спальню.

Аквила. Но приказ...

Урбан. Я гневаюсь! Мой приказ — оставить меня в покое с моими докторами! Если мне нужен будет кто-нибудь — я позову.

(Доктора, слуги, сестры окружают его и заботливо уводят.
На пороге он останавливается.)

Не сердись, мой Аквила, брат, ляг-ка тоже в постель. Советую тебе очиститься и облегчиться. Purga corporem tuum. Intestinibus purgatis anima levabitur. Benedice.

(Уходит.
Аквила опускается бессильно в кресло.
Кардинал-секретарь насмешливо улыбается.)

ЗАНАВЕС.

КАРТИНА III.

Сломанный праздник.

(Сад при загородной вилле возле Неаполя. Вечер. Весь сад иллюминован разноцветными фонариками. Звучат скрипки и флейты. Люди в масках и разноцветных домино призрачно проходят по дорожкам. Сзади в сумраке брезжит вид на море с освещенными судами.)

Кавалер. Жарко. Ветер не дышит.

Дама. Какие цветы пахнут так сильно?

Кавалер. Я люблю вас!

Дама. Но вы же не знаете, кто я.

Кавалер. В эту ночь я люблю всех женщин!

(Проходят.)

2-й кавалер. Куда вы смотрите? Ха-ха-ха! Вот я могу сказать теперь с уверенностью, кто вы? Вы испанка, одна из компаньонок герцогини.

Дама. Нет... Да... но как могли вы узнать?

2-й кавалер. Вы посмотрели на Везувий и вздрогнули, — значит вы здесь совсем недавно. Вы даже не догадались сразу, что это зарево там от его дыхания.

(Проходят.

Вереница дам и кавалеров в легком танце несется через сад.)

1-й танцор *(поет под музыку. Тенор).*

Мы безликие, разноцветные,
Словно музыкой порожденные,
Мчимся призрачно, как заветные
Тайны ночи, едва освещенные.

1-я дама *(сопрано).*

О, забудь, кто ты.
Ты ночной мотылек.
И ночные цветы
Нам волшебник зажег...

(Вереница несется дальше.)

Дама последней пары *(контральто)*.

Голько миг живет,
Прошлых нет часов,
Нет того, что ждет.
Все мы миги снов.

Последний танцор *(бас)*.

Разноцветны мы, маски тайные,
Жизни музыка не такая ли?
Мы видения здесь случайные.
Пронеслись. Прощай. Мы растаяли.

(Уносится вереница.

На авансцену к мраморной скамье подходят две дамы: одна в зеленом атласе и белой маске, другая в белом атласе с черной маской, между ними кривляется горбатый шут с остроконечным огненно-красным париком, в странно курносой маске, в ярких пятнах алого румянца, с синими губами.)

Шут. Когда же можно говорить правду, как не на маскараде? Не сердитесь, дамы. Я говорю только одну правду. Герцог страшно хитер и обманывает всех в политике. Отчего мне не выдать его тайну: он ведет переговоры с Филиппом испанским и обещает прекратить восстание, и, как высоко-поставленный Иуда, хочет выдать всех заговорщиков, если ему дадут в лен на вечное пользование остров Майорку.

Зеленая дама *(смеется)*. Ты лжешь, шут. Лжешь нескладно.

(Хохочут обе.)

Шут. В религии он делает вид доброго католика, хотя и не слишком горячего: на деле он атеист и не верит ни в бога ни в душу. Вечером третьего дня он выразил желание остаться в часовне помолиться, а на деле он раздел боль-

шую мадонну, что из воска в пурпуровом платье, так как хотел посмотреть, как сделано в скульптурном отношении ее тело, и очень хохотал, увидя под платьем кое-как сколоченный остов из досок.

Белая дама. Но кто же может быть этот шут? Мне даже страшно стало. Да как же ты смеешь произносить такие слова? Он не только не уважает герцога, но и кощунствует.

Зеленая дама *(смясь)*. Маскарадные шутки. Позволь им быть немного вольными.

Шут. В отношении любви. Герцогиня, первая красавица христианского мира, уверена в его верности, как в прочности круга земного, а он... он уже успел завести себе пышную неополитанку с походкой пантеры, бедрами Юноны и грудью Деметры. Это по-своему необычайно красивая женщина. У нее тяжелый шлем волос над низким лбом, широкие черные брови, мрачные глаза, толстый подбородок, свидетельствующий о скотских инстинктах, сытый рот, словно только что напившийся человеческой крови. С ней герцог позволяет себе ласки, о которых нельзя даже думать в присутствии ее величества.

Зеленая дама *(перестав смеяться)*. И когда же герцог бывает у нее?

Шут. О, он хитер. Он отправляется на важное совещание или же на осмотр позиций и судов. Ведь вчера он вернулся ночью, совсем поздно, не правда ли? Он был как раз у нее.

Зеленая дама *(смеется)*. А как имя этой женщины?

Шут. Этого я не скажу. Вы, может быть, подруга нашей будущей королевы и предадите это существо ее мести.

Зеленая дама. Впрочем, ведь все это маскарадная ложь.

Шут. О, герцог. Он поступает как Кандавл. Он, видите ли, очень гордится телом своей Иоанны. Но ведь ее же не покажешь голой всему миру. Так вот что он делает. Меня

он подводит к ее купальне третьего дня и показывает мне Иоанну Калипигу через особое окошечко, которое сам проделал.

Зеленая дама. О, что за наглая чепуха.

Шут. Нет? Я лгу? Скажите, вы не из приближенных ее? Вы никогда не видели ее обнаженной?

Белая дама. Видела.

Шут. Разве у нее нет черного пятнышка на самом верху левой ноги сзади. А, синьорины маски, от этого зрелища мутится ум. Она стояла спиной, но чтобы заставить ее повернуться — это было всего три дня тому назад — он сильно ударил ногой в доски купальни. Она вскрикнула: ах! Быстро повернулась: она заплетала в то время золотую косу и засмеялась, не видя никого. Но я-то видел ее.

Белая дама. Ваше высочество, негодяй, несомненно, подсматривал за нами, когда мы купались.

Шут *(вскакивая)*. Ваше высочество? Неужели... Неужели я говорил с... ее высочеством?

Зеленая дама *(вставая)*. Да, ничтожнейший и пошлейший из остряков. И я приказываю тебе снять твою идиотскую маску, чтобы мы знали, кто позволяет себе не щадить ради низкой шутки герцога, герцогиню и самого бога.

Шут *(падает на колени)*. Я сниму ее, я сниму ее, но я умоляю, умоляю о прощении.

Белая дама. Долой маску.

(Шут снимает маску.)

Зеленая дама. Ахилл!

Оссуна *(хохочет во все горло)*. А! вы не подозревали во мне таких актерских способностей. О, я-таки взволновал тебя, Джина. Ну, конец шуткам и не подумай, пожалуйста, что у меня в самом деле есть любовница. Ха-ха-ха!

Зеленая дама. Я ни на минуту не подумала... Но ты действительно блестяще провел этот фарс.

Оссуна. Я весел, я весел, Джина. Я не знаю, куда мне деть мои силы, мою радость, я все время дурачусь и дурачу других... Я так люблю тебя, Джина.

(Раздается звук трубы.)

Оссуна. А? это к пасторали. Нам представят здесь маленькую пастораль, которую создал Финальди. Это пять минут. Милая музыка, грациозный текст.

(В саду собираются гости, рассаживаются в круг, или стоят.

Слуги вносят маленький помост, убранный цветами.

На него входит Финальди в коротком бархатном плаще с широкими рукавами. В руках у него длинный жезл.)

Финальди.

В полусумраке предстанут
Здесь любовь, порыв, печаль
На мгновенье вас обманут:
Правда сцены—пастораль.
В честь великого Ахилла
Я расторгну связь любви
Под знамена Марса сила
Афродиту позови.

(Делает широкий жест и сходит.

На подмостки входят пастушок и пастушка.)

Пастушок.

С тех пор, как я с тобой живу,
Весь мир стал грезой наяву.
И речки
Журчанье
Овечки
Блеянье,
И лозы,

И козы,
И моря сверканье, —
С тех пор, как я с тобой живу,
Все стало грезой наяву.

Пастушка.

Ах, отчего, Медор, мне грустно,
Люблю тебя, как свет дневной.
Плетя тебе венок искусно,
Я вздох ловлю порой больной.

Ах, о чем же вздыхать мне?
Разве милый, кудрявый
Не со мной, чтобы дать мне
Кубок сладкой отравы?

Ах, разве не могу упиться
Вином трепещущих лобзаний,
Так почему ж к земле клонится
Головка, полная мечтаний?

Пастушок.

Отгони тоскливых теней
Набежавшую гряду,
Я склоню свои колени,
Взяв веселую дуду.

Я сыграю, ты попляшешь
Над фиалками лугов,
Мотыльков цветистых краше
В честь пастушеских богов.

Пастушка.

Лучше сяду у обрыва,
Взор пленяет синью даль,
Громче дудочки мотива
Твой мотив, моя печаль

Пастушок.

Нет, не любишь, о мне больно, больно!
Дай с рыданьем от тебя уйти.

Пастушка.

Нет, Медор, о нет, молю—довольно:
Не страдай! Прижмись к моей груди.

(Пастушка садится, пастушек склоняется к ней на колени.
Звуки волынки и сзирели на манер колыбельной песни.)

Пастушка.

Успокойся, я твоя навеки,
Сладким сном усни возле Камиллы,
Поцелую трепетные веки,
Сладким сном усни, мой мальчик милый.

(Он засыпает.
Звуки колыбельной песни затихли.
Раздается звук трубы, потом слышно, как сзади, за сценой, проходят войска.)

Пастушка.

Опять воинственные звуки,
За славой движутся войска,
Я вновь тяну к знаменам руки.
Зовет меня, зовет тоска.

(Входит Рамир в латах, вооруженный.)

Рамир.

В груди ношу я восемь ран,
Мой ус седеет: сердцем юный,
Едва заслышу барабан
Опять иду в ряды Оссуны.
Скликают под знамена вновь
Святой свободы палладина.
Хочу пролить я снова кровь
За честь Ахилла исполина.
Брось кубок счастья всяк, кто смел,
Иди добыть победу блага:
Призыв Оссуны прозвенел,
Блеснула над землею шпага.

Пастушка.

Вони, видишь ли пастушку?
Милый спит, склонившись к ней.
Но грохочущую пушку
Слышу я уж много дней.
Знаю, кровь за правду льется.
Как архангел впереди
Сам Оссуна, вождь наш, бьется,
Сердце рвется здесь в груди.
Я отцовский шлем имею,
Меч с кольчугой я таю,
Аркебуз держать умею,
Перед врагами устою.
Пусть же спит мой мальчик милый.
Я с тобой пойду на бой,
Чтоб под знаменем Ахилла
Перекликнуться с трубой.

(Отстраняет спящего Медора, целует его в лоб, из-за кустика вынимает шлем и доспехи и быстро надевает их под звуки барабана и звон трубы.)

Рамир.

Мне мил твой пыл, о дева,
Настало время гнева,
Грядет освобожденье.
Познай же наслажденье
Борьбы и жертв за право
И увенчайся славой!

(Дает ей руку и оба уходят.
Боевая музыка затихает и сменяется скорбной музыкой скрипки.)

Медор *(просыпаясь)*.

Один. Ушла. Покинут.
С моих высот низринут
В пучину моря. Горе,
Тебе могила море!

Стада скорей в долины
Бегите к новым людям.
А мы с морской пучиной
Жестокую забудем.

(Отдаленный грохот пушек. Трубы.)

Чу, трубы! Пушек рев! Там бьются за горою...
Оссупа мчится там в пороховом дыму.
Давно я думал жизнь свою отдать герою.
Спешу теперь к нему! К нему! К нему!
Любви блаженство сгибло, есть другое
В святой борьбе, дарованной судьбой,
Иду под знамя дорогое
Перекликаться с звонкою трубой.

(Уходит под трубы и барабаны.)

Финальди *(выходит на помост).*

И там найдут они друг друга
И счастье, верьте, там найдут.
Перед Оссупою заслуга
Как в небе мчится, так и тут.
Так наградите же мои старанья
Гремите сладкие рукоплесканья.

(Публика рукоплещет.
Гости расходятся.
Видно, как Финальди низко кланяется герцогу, который, все еще в шутовском костюме, горбатый, треплет его покровительственно по плечу.
Между тем внизу вдали зарождается какое-то смятение. Оно растет. По саду в блеске фонарей призрачно, словно птицы, проносятся маски.
На авансцену выходит Казабелла, запыленный и усталый.)

Казабелла. Да где же он, где же этот герцог, наконец?

Оссуна *(в шутовском наряде идет ему навстречу).* Вот я, Казабелла.

Казабелла. Как неуместен этот костюм для такого момента. Скиньте долой шутовский наряд! Панцырь на сердце! Папские войска, не сказав дурного слова, обрушились на нас. Искусный Леонкавалли адским маневром прорвался с обоих флангов, его конница уже в Неаполе.

Оссуна. Что? Что? Какой вздор!

Казабелла. Ради бога, не теряйте время на недоверие. Я клянусь вам гробом моей матери — все так. Если же испанцы и наша городская милиция не разобьют сейчас же на-голову передовой отряд—мы, несомненно, погибли.

Оссуна. Это недоразумение.

Иоанна *(бледная, быстро подходит)*. Пошлите сейчас же за отцом Фомой.

Казабелла. Не недоразумение, а обман Кампанеллы или его глупость. Не он ли обещал нам помощь Ватикана?

Оссуна. Против Ватикана я не пойду.

Казабелла. Проклятие! Но с нами расправятся по-свойски испанцы. Я вижу, вы хотите во-время переметнуться, синьор, почти король.

Оссуна *(гордо)*. Не смей так говорить со мной! Нам надо держать военный совет. Положение трудное.

Иоанна. Зовите скорей отца Фому... Он, очевидно, не знает, иначе он был бы здесь.

Оссуна. Он виноват во всем. Что делать? Все это пустяки, однако... Это недоразумение... Седлайте мне коня! Я поеду переговорить с полководцем папы... Седлайте мне коня... Нет, не надо. Где же я разыщу его? Я буду ждать его здесь. Никакого сопротивления. Слышите, синьоры и офицеры, никакого сопротивления! Передайте всюду это распоряжение. Тут недоразумение. Я никогда не шел против папы.

(Вокруг собираются гости.)

Иоанна. Расходитесь, расходитесь, господа. Воины, вооружайтесь, а остальные по домам.

Оссуна. Да, да... Казабелла, вы несколько растерялись? Ха-ха-ха! Это пустяки.

Казабелла. У папы не может быть много войска. Передовой отряд безусловно слаб. Слышите, звонят: это по приказу Заверио Зеликанте ударили в набат в ратуше и в церквах. Через два часа у нас будет до двадцати тысяч вооруженных людей. С вашими испанцами, которых у вас до пяти тысяч, это составит огромное войско. Разве мыслимо, чтобы папские войска могли выдержать такой контр-удар? Никакой Леонкавалли не устоит. Мы дадим трепку папским швейцарцам и тогда уж, конечно, Ватикан обернет все это в недоразумение. Вы напрасно отдали приказ не сопротивляться. Стягивайте силы, наоборот. Если мы дрогнем и сдадимся теперь — это наша гибель. Раз папа захотел с нами драться — мы должны ответить хорошим тумаком. Я прежде всего стою за свою голову.

Оссуна. Мне очень нравится этот план. Вы дельный молодой человек. Скликайте неопалитанских мужей и юношей. Я пойду к моим аррагонцам. А, Леонкавалли, ты узнаешь впервые силу полководца Оссуны!

(Быстро входит Чебрарио.)

Чебрарио. Герцог, положение, поистине, ужасно. Испанцы узнали сейчас от своего духовника, что папа проклял ваше предприятие и провозгласил полковника дона-Диего де-Рипа своим единственным вождем. Вы должны остановить их вашим авторитетом и красноречием, а иначе мы погибли, они способны арестовать вас и выдать вас папе.

Оссуна. Ну? Разве я не говорил только что, что против папы нельзя бороться? Вы видите теперь. Мой первый план был единственно разумный. Никакого сопротивления!

Иоанна. Милый, беги же к отряду: ведь они обожают тебя.

Оссуна. И они сразу успокоятся, когда скажу им, что никогда не пойду против святого отца. Это я сейчас же скажу им. *(Хочет итти.)*

Иоанна. Но, Ахилл, подожди же, ты имеешь ужасный вид в этом костюме.

Оссуна. Действительно, я в наряде шута. Нельзя итти так к солдатам. Помогите мне отцепить горб, парик... *(Ему помогают.)* Дайте мне завернуться в какой-нибудь плащ.

(Из глубины сцены с фонарями входит группа солдат. Впереди дон-Диего тоже с фонарем.)

Д.-Диего. Именем короля, Пьетро Ашилле Герон, я об'являю вас изменником отечеству, проклятым святым престолом, и налагаю на вас арест.

Иоанна. Как смеете вы? Кто посмел сказать, что герцог Оссуна проклят папой? Где булла? Я требую ее.

Д.-Диего *(смеется)*. У меня есть уверенность.

Иоанна. А у нас есть уверенность, что бунтовщик — вы! Солдаты, горои Арагонии, вас хотят обмануть и наложить руки на вашего вождя. Обман, говорю я вам. Солдаты, кто верит Иоанне Арагонской, кто помнит победы Герона — идите к нам сюда! Я торжественно об'являю дона де-Рину лжецом, негодяем и изменником!

(Солдаты колеблются, иные окружают Иоанну.)

Оссуна. Напрасно, Иоанна. Ты ошибаешься, ты неразумна. Мы проиграли игру и можем рассчитывать только на милосердие. Вот моя шпага, дон-Диего. Ах, впрочем, простите, у меня нет сейчас шпаги. Я иду за вами, дон Диего.

Иоанна. Кто здесь друг? Почему давно не послали за отцом Фомой? Где отец Фома?

Казабелла. Я боюсь, что его уже схватили, иначе он был бы уже здесь.

Иоанна. Неужели все рушилось? *(Оссуну уводят.)*

Казабелла *(отводит ее в сторону)*. Высокая синьора! В общем в городе царит сейчас огромное замешательство. Неугодно ли герцогине опереться на меня? Я уезжаю в свой замок и вооружаюсь там. Вы сможете рассчитывать у меня на благоговейное отношение и полную безопасность. Замок мой абсолютно неприступен. Не может быть, чтобы герцога серьезно покарали. Все дело кончилось ведь фарсом. Я убежден, что папа, который фактически сломал нас неожиданным ударом, выхлопочет нам же всем прощение, особенно, если вы похлопочете об этом перед вашими могущественными друзьями.

Иоанна. Я боюсь за Кампанеллу. Иезуиты могут убить его...

Казабелла. Я не могу разыскивать его ночью.

(Входит Заверио Зеликанте с несколькими вооруженными купцами.)

З. Зеликанте. Синьор Казабелла, я рад, что увидел вас. Вы должны дать нам место в вашем замке. Нас 12 или 14 друзей, иначе, вы знаете, сгоряча, Леонкавалли может приказать вздернуть нас.

Казабелла. Мы едем все на конях сейчас же в Кастель-Фальконе. Не направляйте только туда более 100 человек из Неаполя, ввиду продовольствия на случай осады. Не слышали ли вы чего-нибудь о Фоме?

З. Зеликанте. Он молодец. Он работал, как лев. Когда он узнал о приступе, он собрал в порту грозную массу полувооруженных людей и пошел навстречу кавалерии Леонкавалли, очевидно, ожидая, что за ним грянет гражданская милиция и испанский отряд. Но помощь ниоткуда не пришла, и, я думаю, его сброд, продержавшись немного, рассыпался.

Иоанна. Я не могу уехать, не узнав его судьбы.

З. Зеликанте. Поручите его покровительству звезд, с которыми он так близок, герцогиня.

Казабелла. Надо ехать. Мы можем опоздать. Угодно вам почтить нас позволением охранять вас?

Иоанна. Нет, я останусь в Неаполе. Мне никто ничего не сделает. Я здесь нужнее. Я нужна герцогу.

З. Зеликанте. В городе страшный беспорядок и полное безвластие. Поручиться нельзя ни за кого и ни за что. Надо сохранить вашу личность и возможность вашего покровительства, которое, конечно, скоро опять будет могучим.

(Входит молодой францисканец.)

М. франц. Герцогиня, я счастлив, что нашел вас. Никого нельзя найти сейчас в этом городе. Я от брата Фомы. Он захвачен в плен... Но папским войскам приказано, повидимому, щадить его. Его направили в столь — увы!— знакомую ему тюрьму Del'Uovo. Он успел приказать мне просить вас и герцога, если вы еще свободны, немедленно удалиться в один из крепких замков с верными друзьями. Он сказал: дело погибло, но семью герцога легко спасти. Не тревожьтесь слишком, герцогиня. Пусть герцог с вами едет сейчас же из Неаполя, пока здесь не установится порядок. Все обойдется как-нибудь.

Казабелла. Едем. Лошади давно ждут. Герцог арестован, герцогиня едет ко мне. Передайте это Фоме, если увидите его.

Иоанна. И передайте ему этот перстень, если сможете... *(Снимает перстень с своего пальца и подает ему.)*

(Раздается выстрел.)

Казабелла. Спешите. В городе неспокойно. Ничья голова не безопасна здесь.

(Опять выстрел. Слуги закутывают Иоанну в плащ.

Общее замешательство.

Еще выстрел.)

ЗАНАВЕС.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ.

НОЧЬ И УТРО.

Картина I

Два допроса.

Мрачная зала в тюрьме Del'Uovo. За столом, покрытым черным сукном, сидят Дзах и два других старых монаха. Секретарь в стороне, Стража вокруг скамьи, на которой сидит Оссуна.)

Оссуна *(запальчиво)*. Да, я категорически требую, чтобы меня переслали в Испанию и чтобы меня судили гранды, равные мне!

Дзах. Высокородный герцог, вероятно, так это и будет. Мы, смиренные слуги святого отца и христианнейшего короля, творим их волю. Мы ведем следствие. Но я должен напомнить герцогу, что он целиком в руках его величества.

Оссуна. В Испании есть суд.

Дзах. А в Неаполе спадассины.

Оссуна *(вздрогнув)*. На что вы намекаете?

Дзах. Подумайте, если кто-нибудь, не поняв волю его величества, заплатил бы горсть червонцев какому-нибудь мастеру кинжала? Или слуге, подающему вам пищу?

Оссуна. Вы грозите мне преступлением против меня?

Дзах. Я указываю на возможность случайности... недоразумения. Но в одном случае я гарантирую вам жизнь и суд грандов — это в случае спокойного и покорного поведения перед сим следственным трибуналом. Ибо здесь, в лице жалких рабов, которых вы видите перед собою, поистине присутствуете вы перед лицом папы римского и короля испанского.

Оссуна *(надменно)*. Итак, что вам угодно, спрашивайте!

Дзах. Что побудило вас, высокородный герцог, обласканного милостью короля, человека, которому дано прозвище—счастливец,—затеять бессмысленный бунт? Вы—испанец, герцог—вместе с неаполитанцами и чернью? Тут есть что-то глубоко непонятное. Герцог, я старый человек и всю жизнь разбирался в тайниках души человеческой, которую господь удостоил создать по образу и подобию своему, и которая козними врага света отражает в себе и ужасный образ сатаны. И я, искушенный в человековедении, остался бы в оцепенении перед сею тайной, если бы опыт не подсказал мне разгадки. Герцог, вы были вовлечены в это дело чьим-то лукавым советом, каким-то искусным соблазнителем.

Оссуна. Суд, я взрослый человек, государственный муж и воин. Я сам отвечаю за себя! *(Короткая пауза.)* Но... именно потому, что мне, заметному, быть может, великому человеку века, надо дать отчет перед грядущими веками в соделанном... и в этой проклятой неудаче... именно потому, мне кажется, я должен сказать правду. Да, искуситель послал на путь мой Фому Кампанеллу, человека блистательного ума, адамантовой воли, сверкающего красноречия, высокого сердца. Я его чту. Он был всемирно прославленный астролог. Все эти силы пустил он в ход и открыл передо мною как бы миссию господню с головокружительными далями. Если я совершил проступок, ошибку, то в одном—я принял его за пророка, он же был ум блестящий, но впавший в заблуждение. Идя за поводырем слепым—упал и я.

Дзах. Очень, очень важное показание, domini judices. Но позвольте, герцог, дополнительный вопрос. Сколь ни остр ум Кампанеллы — герцог Оссуна тоже не простак... Непонятно, как взрослый человек, государственный муж и воин, как ваша светлость изволили характеризовать себя, столь безвольно предался поводырю слепому. Помолчите, герцог. Я не хочу умалять этим вашу рассудительность или ослабить важность, заподозрить правдивость вашего

показания. Я хочу спросить вас, не приходит ли вам в голову, что дело не обошлось здесь без колдовства?

1-й судья. Змий соблазнил Еву, а сия — Адама? Не через супругу ли действовал еретик?

Дзах. Оставим в стороне высокочтимую герцогиню. Нам достаточно простого заявления герцога, что он допускает здесь действия чернокнижия.

Оссуна. Я сам дивлюсь, как человек этот имел на меня такое влияние. Я думаю, однако, что все тут естественно.

Дзах. В одном случае это было бы естественно, если допустить, что Фома — гений.

Оссуна. Я допускаю это.

Дзах. А герцог — мальчишка или простачок?

Оссуна. Епископ!

Дзах. Не сердитесь, герцог. Иной естественности я не вижу. И если герцог Ашилле может попадать в такие сети, то, конечно, его величество будет заранее расположен воздержаться от поручения ему хотя бы самого малого государственного дела. Над подобными людьми нужна опека

Оссуна. Возможно... возможно, что тут было и какое-нибудь колдовство.

Дзах. Важное, чрезвычайно важное признание. Пишите, секретарь, пишите. Следите, герцог, за тем, что я буду диктовать, ибо потом вам надо будет подписать ваше крайне важное показание.

Я, Дон Пьетро Ашилле Герон, герцог Оссуна, бывший наместник Неаполя и Калабрии, показываю свободно и клятвою подтверждаю, что на бунтовские действия против святой церкви и испанского престола пошел как бы в полусознании, с омраченным рассудком и усыпленной волей, что вызвано было чародейственными силами доминиканского монаха, осужденного к вечному пребыванию

в тюрьме судом святой инквизиции и мною неправильно освобожденного, заведомого еретика, Фомы Кампанеллы.

О с у н а. Мои мысли выражены здесь слишком резко, я говорил не то.

Д з а х. Даже так сказанного еще недостаточно. Суду нужны факты, а не простое утверждение. Герцог, это об'яснение вашего поведения не только удовлетворяет разум, успокаивает совесть, но и поведет за собою лишь легкую церковную епитимью и государево прощение, восстановляя ваше счастье и величие. Но тут необходимы факты. В чем замечали вы колдовские действия Кампанеллы? Не смотрел ли он иногда подолгу на вас, и не казались ли вам глаза его жгучими и страшными?

О с с у н а. Вы знаете, что в Кампанелле это есть, но тут нет колдовства.

Д з а х *(усмехаясь)*. На ваш малоопытный взгляд.

1-й с у д ь я. Не делал ли странных телодвижений руками или иначе?

2-й с у д ь я. Не говорил ли или не шептал ли непонятные слова?

1-й с у д ь я. Не прикасался ли к герцогу, или к его пище, или к предметам, ему принадлежащим?

2-й с у д ь я. Не имел ли у себя effigiem герцога?

1-й с у д ь я. Не дарил ли чего и не брал ли подарки?

2-й с у д ь я. Да, да, не менялись ли вещами?

1-й с у д ь я. Или письмами?

О с с у н а. Все это могло быть. Что значит странные телодвижения? Кто знает — молится или заклинает человек, когда шепчет? А все остальное — ведь это же встречается на всяком шагу между людьми в их отношениях.

Д з а х. Итак, пишите, секретарь: под колдовскими действиями разумею я жгучие и страшные взгляды, которые он

устремлял на меня подолгу, пассы, производившиеся им в моем направлении, заклинания, которые он шептал, чародейские прикосновения, церемониалы, которым он предавался над моим изображением и мне принадлежащими вещами, кои выманивал у меня, часто искусно вручая мне другие свои, хоть бы, например, в форме обмена записками. Всему этому было множество свидетелей, из которых назову дон-Диего да-Рипа и моего духовника, отца дона-Пабло да-Парагвая. А посему всю ответственность за проступки, совершенные мною под влиянием сих сильных чар и демонских навождений, умоляю св. церковь и великий престол возложить всецело на еретика и сатанослужителя Фому, рекомого Кампанелла.

Оссуна. Я не подпишу этого. Совесть не позволит мне целиком сбросить вину на чужие плечи.

Дзах. Его судьбы вы не отягощаете. Она предрешена. Костер.

1-й судья. Костер.

2-й судья. Костер.

Дзах. Вашу же вину вы целиком сбрасываете с плеч, и притом говоря чистую правду.

Оссуна *(вставая)*. Нет и нет!

Дзах *(вставая)*. Церковь должна разоблачить еретика и колдуна! Стража, удались. Суд заседает втайне. *(Стража уходит.)* Секретарь, позовите сюда мастера.

(Секретарь выходит и сейчас же возвращается с личностью, замаскированной в капюшон с отверстиями для глаз.)

Дзах. Высокородный герцог, кардинал-примас Испании и великий инквизитор поручил мне, во что бы то ни стало, изобличить еретика Фому. Его величество дало согласие,

в случае необходимости, подвергнуть тело герцога Оссуны действию огня и железа. О, какое несчастье для меня, старика, в благоговении и любви произносившего ваше великое имя, но я хочу спасти вас и самое имя ваше и, что важнее, душу. Мастер, вы разденете этого человека, вы раскалите железный прут на огне и будете прикасаться к спине этого человека, когда я прикажу вам это.

Оссуна *(весь дрожа)*. Адское насилие. Я подпишу... ибо я не могу допустить... я не хочу страдать... но я опровергну...

Дзах *(мастеру)*. Исполняйте приказ. Призовите помощников.

(Входят два помощника, одетые так же, мгновенно схватывают Оссуна и раздевают его до пояса.)

Клянись, грешная душа, перед сим распятием, клянись твоей вечной судьбой, что ты по всей правде и чистой совести свободно подпишешь акт твоего, только-что произнесенного признания, и что никогда ни одна душа живая не узнает о том, что происходит здесь в эту минуту. И помни: папа и король дают тебе полное прощение. Если же ты хотя словом отвергнешь твои показания с другом ли, с женой ли — будешь схвачен тот же час или убит без покаяния ножом или ядом. Суд не допускает колебаний; еще минута — и мастер будет работать.

Оссуна. Клянусь, клянусь. Отпустите меня.

Дзах. Спасением души?

Оссуна. Спасением души клянусь.

Дзах. Честью твоего рода?

Оссуна. Клянусь честью моего рода.

Дзах. Записывайте, записывайте, секретарь. *(Делает знак палачам уйти.)* Высокородный герцог, допрос окончен. Я прошу вас в грядущее величие ваше не забыть милостью вашей заседающих здесь скромных монахов.

Поздравляю вас с полным освобождением от всех обвинений. Подпишите акт, высокородный герцог. Ваши слуги ждут вас с врачом, вином, каретой и готовы отвезти вас на отдых.

(Оссуна, бледный, как мертвец, подписывает акт.)

Д з а х. Pax tecum, filio grato!

(Оссуна выходит вместе со стражей.)

Д з а х. Пусть стража введет теперь Фому Кампанеллу. Мастер пусть будет во всеоружии. Клянусь богом, domini judices, на этот раз я заставлю его сознаться! Но это будет нелегко. У этого человека выносливость, сама по себе показующая особую власть дьявола.

(Кампанеллу вводят.)

Брат Фома, вот вновь мы друг перед другом и в то же время перед богом. *(Пауза.)* Ты вышел из темницы во имя бунта и, выйдя как дикий зверь, натворил тьму грехов. Того надо было ждать. Быть может, ты признаешь твою вину? Суд тебя слушает.

Ф о м а *(спокойно).* Да, я признаю себя виновным. И вот в чем. В тюрьме Del' Uovo, через посредство заклинаний, вошел я в сношение с нечистым духом и получил от него силу и власть над душой Пьетро Ашилле Герона, герцога Оссуна. Разнообразными чарами я совершенно лишил его воли и через него, частью же новыми чарами и колдовскими ухищрениями, овладел и волею других. Все заговорщики действовали по моему плану, или, точнее сказать, я один действовал, остальные же были орудиями моими, властью сатаны. По размышлении, ныне, когда сила божия низвергла мои козни и планы, согласно коим царство антихриста должно было войти в мир, когда все это раскололось, решился я признать свою вину. Не знаю, могу ли надеяться на милосердие божие, но твердо верю, что, лишь пройдя огонь суда земного, могу хотя ослабить

гнев высшего судии и поэтому признаю и твердо устанавливаю, что телом повинен смерти через костер, а духом кары определит в Высшем Совете божья справедливость совместно с милосердием божиим.

Дзах *(после долгой паузы)*. Так... Ты сдался... Понимаешь ли, что этим документом не только искореняешь плоть свою, но и разрушаешь обаяние твоих сочинений и угашаешь память о себе?

Фома. Я понимаю во всех направлениях больше, — больше, чем ты, старый палач! Торжествуй, судья, но помни — ты сова, а я орел.

Дзах. Говори! Domini judices, вы слышали?

1-й судья. Предадим его в руки святой власти, да лишит его жизни без пролития крови.

2-й судья. Сказано: сожгите плевелы и очистите пшеницу.

Дзах. Dictum est. Запишите все, секретарь. Стража отведет его в тюрьму. Мы пошлем тебе священника для последней исповеди, но вряд ли он позволит тебе принять святых тайн. Колдун будет сожжен завтра вечером публично на площади перед королевским замком.

Фома. Но я требую, чтобы сняли всякую вину с людей, мною околдованных.

Дзах. Фома! Никогда не сломился бы ты, если бы ты не хотел спасти других. Знай же—они, твои недавние друзья, уже признали тебя свободно и открыто колдуном. Здесь ты можешь прочесть показания их. Они отреклись от тебя и суду дали клятвенное подтверждение и показание о всех твоих чародействах. Да, твои безвольные сообщники прощены. Я всегда мечу в больное место железом хирурга. Утешься — ты погубил на этот раз лишь себя, но себя ты погубил безвозвратно.

Фома. Свои итоги я подведу сам! подводи свои, иезуит!

(Величественно уходит.)

ЗАНАВЕС.

Картина II.

Государство Солнца.

(Камера в тюрьме Del'Uovo. Онять Кампанелла на соломе. Он спит прикрывшись черным плащем. Его едва можно разглядеть в темноте камеры. Музыка, варьируя, сопровождает всю сцену до конца.—Отворяется дверь. У двери останавливаются с фонарем тюремщик и дон Дзах.)

Дзах. Кажется, спит.

Тюремщик. Да, всю ночь ходил, говорил сам с собой. Видно утомление взяло свое.

Дзах. Спит. *(Подходит ближе.)* Посвети мне. Спит спокойно... О, Фома, мучитель!

(Стоит с минуту, разглядывая Кампанеллу, и уходит. Тюремщик за ним. Двери закрываются.

Сейчас же музыка усиливается. Задняя стена тюрьмы рассеивается и видно Государство Солнца. Вдали город, его своеобразие и множество позолоченных куполов и, расписанные громадными фигурами, стены и башни. На первом плане большая группа кустов с цветами, похожими на махровый подсолнечник. Посреди них небольшое строение, вроде эстрады или ниши из камня меж двумя пилястрами. Ниша покрыта пурпуровым занавесом с изображением солнца, луны и планет. Мимо идет тротуар из каменной мозаики квадратами, красными и желтыми. По тротуару медленно входят двое: старец в золотом венце и

усеянной золотыми пчелами зеленой одежде и Кампанелла, поверх белой рясы которого, одета складчатая светло-голубая мантия.)

Старец.

Ты видел нашу жизнь. Великий город
С наукой, нарисованной на стенах,
Величием разнообразных зданий,
Грозою стен и наших крепких башен,
С весельем улиц, полных дружным шумом.
Ты видел наши мастерские, где
Кипит работа братская, даруя
Нам всем изящную, благую жизнь.
Ты видел толпы наших земледельцев,
Как с песнями работу Солнца с нивой
Они трудом и знаньем направляют.
Ты видел школы, где без принужденья
По-матерински мудры и прекрасны
Наставницы растят младое племя.
Ты видел юношей и дев веселых.
Их игры стройные и их напевы.
Ты видел наше войско, где рядами
Вслед за мужами выступают жены,
Ты видел и Совет старейшин: богу
Пресветлому они молились громко
И после во святом согласии дела
Решали всем собором просвещенным.
Ты видел: все у нас для всех,
Как бы одной семьей живем мы вместе,
И правит нами тот, кто всех мудрей,
Кого уж с детства избираем мы
По дарованьям — для всезнанья — Гогом.
Владыкой мудрости. Зане единство
Есть для науки, как и для правленья
Условье первое. Все наши знанья
Соединяет Гог в челе святом
И на основе их блюдет единство
Земли сей, что благословенна Солнцем.

(Пауза.)

Теперь хочу я, чтоб Его увидел
Ты, добрый иностранец. Я не знаю.

Не мыслит ли глубокомудрый Гог
Ты не буди его тогда от сна
Великого мышленья. Молча только
Воззри на дивное лицо и чти.

(Другая музыка. Занавес раздвигается. На троне в глубокой задумчивости, с двумя громадными фолиантами, положенными на два пюпитра по сторонам, сидит в расшитой золотом пурпуровой одежде Гог. Лицо его — лицо Кампанеллы, но преображенное и прекрасное.)

Кампанелла *(на 2-й сцене.)* Постой, но он подобен мне, как брат.

Старец. Да, правда. Ты ему во всем подобен.

(Молчание.

Ослепительный свет загорается над головой Гога и бог-Солнце, Гелиос Аполлон, появляется над ним, держа руки прямо над его короной.)

Кампанелла *(на 2-й сцене).*

Смотри, сам бог его благословляет!
Смотри, смотри!

Старец.

Не вижу я, но, может быть.
Ты удостоин зреть его идей.

Кампанелла.

Бог говорит!

Старец.

Не слышу. Ты же, слушай!

Гелиос.

Мой сын, ты гражданином града Солнца
Навеки будешь жить в сердцах людей.
Твои мечты когда-то будут явью

И поздние потомки в честь твою
Воздвигнут статуи. И поздние поэты.
Твои друзья-ученики, с любовью
Для новой жизни воскресят тебя.

(Занавес в нише Гога закрывается.)

Кампанелла *(на 2-й сцене поворачивается к зрителям и идет, как бы спускаясь в темную тюрьму, протягивая руки).*

Потомки! Нет, я временем ошибся.
Но с вечностью в согласьи билось сердце!
Для вас я жил! И в вас живу я вновь!

(Свет погасает. Стена смыкается. Музыка смолкает.)

Кампанелла *(на 1-й сцене. Медленно подымается, сбрасывает свой черный плащ и выходит на авансцену).* Какое торжественное сновидение. Как я мощно подкреплен. Сияй же, мой костер! *(Гордо выпрямляется.)* Я не первый, кто, как Геракл, поднимется с костра к Олимпу!

(Гремят замки. Входит тюремщик с фонарем и офицер, папский швейцарец, в традиционном костюме.)

Папский офицер. Легат его святейшества, только что прибывший в Неаполь монсиньор Аютабуони, требует сию минуту к себе брата Фому Кампанеллу.

Кампанелла. Аютабуони? — Неужели и этому почтенному старцу пришло на ум допрашивать меня?

Папский офицер. Идите, брат, вас ждут в зале тюрьмы. Не ожидайте худого.

Кампанелла *(в задумчивости).* Иду.

ЗАНАВЕС.

Картина III.

Прощание.

(Утро, большой вестибюль в королевском дворце в Неаполе. Сцена вся поднята и устроена так, что справа видна довольно широкая мраморная лестница, ведущая из вестибюля вниз. 5 ступенек спускается прямо к публике, на площадку, и дальше лестница с площадки поворачивается за кулисы. Вестибюль украшен тонкими мраморными колоннами и статуями императора Августа. У подножия статуи сидят пажи и молодые офицеры и беседуют.)

1-й офицер. Прощены все. Сначала хотели сосредоточить наказание на монахе Кампанелле. Но он нашел геройческую заступницу в герцогине. Ее поддержал кардинал Аквила, да и сам папа. Его святейшество обратилось с письмом к королю, где об'являл себя целиком спасителем Испании от бунта, как оно и было, и требовало всепрощения.

2-й офицер. А слыхал ли ты, что легат, монсиньор Аютабуони, прочитав процесс, который вел епископ Сполетто, велел сжечь все бумаги?

1-й офицер. Как же. И когда епископ Сполетто узнал о прощении Фомы — у него сделался нервный удар, а вчера вечером он скончался.

2-й офицер. Мало кто пожалеет о старом клеще.

1-й офицер. Еще скандал: аббатисса Мария узнала о прощении Кампанеллы во время богослужения и в припадке безумия разразилась потоком непристойных проклятий. Она тоже отправляется в Испанию, только на другом корабле, чем герцогская чета.

2-й офицер. Ее поселят в каком-то Горном монастыре, где живут все инфанты, сошедшие с ума.

1-й офицер. Их много. Это в крови испанского дома.

1-й паж. Все хорошо, что хорошо кончается.

1-й офицер. Не для всех... *(Насмешливо улыбается.)* Мне жаль герцога. В нем словно сломалось что-то.

2-й офицер *(понижая голос)*. Иоанна не скрывает своей холодности к нему. Он развенчан в ее сердце.

Паж. Все дамы двора только и говорят об этом. Они спали в эти дни в противоположных концах дворца.

1-й офицер. Наша прелестная владычица перенесла свои симпатии в другое место.

Паж. На Фому?

(Смех.)

1-й офицер. Юнец! Она спасла монаха, но уж, конечно, не для своего ложа.

Паж. О ком же вы говорите? А, я догадался: о Казабелле!

2-й офицер. Безнаказанно нельзя пробыть две недели под одной кровлей такой хорошей паре.

1-й офицер *(смеясь)*. Герцог, по настоянию жены, назначил его ее телохранителем.

(Громкий смех.)

Старый офицер. Это, как говорится в старых хартиях при передаче земель: «поручаю тебе землю мою, храни ее и пользуйся ею».

2-й паж *(стоявший у высокого окна)*. Вон идет Кампанелла.

(Все подходят к окну.)

1-й паж. Он один. На площади никого нет.

1-й офицер. А как встречали герцога неаполитанцы! Теперь город не хочет провожать его.

2-й офицер. Да, пусто. Высокий монах идет, сверкая на солнце своей белой рясой.

1-й офицер. Если бы его жгли на этой площади — было бы много народа.

2-й офицер. Счастливо отделался. Идет благодарить, конечно. *(Отходит от окна.)*

Старый офицер. Корабль идет. Сейчас от'езд.

(Снизу по лестнице поднимается Кампанелла.)

1-й офицер *(подходя к нему.)* Что угодно, брат?

Кампанелла. Я пришел попрощаться с герцогской четой.

1-й офицер. Но герцог и герцогиня никого не принимают. Они от'езжают тотчас. Все, что я могу посоветовать брату— это подождать здесь минуту. Быть может, проходя, они соблаговолят остаться с вами.

1-й паж. Герцогиня!

(Из внутренних покоев выходит Иоанна в дорожном плаще из темно-синего бархата и в такой же шляпе. Она идет под руку с Казабеллой, который любовно смотрит на нее, неся в другой руке свою шляпу с богатым белым плюмажем.)

Кампанелла. Герцогиня! Вот я.

Герцогиня. Отец мой. Итак, я еще увидела вас.

Кампанелла. Мне надо говорить с вами.

Герцогиня *(в минутном замешательстве).* Да? Ну, что же... Синьор Казабелла, отойдите. *(Фома и Иоанна остаются в стороне от всех других.)* Я слушаю вас.

(Она стоит, опустив глаза. Фома пожирает ее лицо своим пламенным взором.)

Кампанелла. Папа зовет меня в Рим. Но что делать мне там? Я хочу ехать с вами в Испанию. *(Пауза.)* Папа не будет сердиться, если вы скажете, что одобрили мою просьбу. В сущности я ему ни на что не нужен.

Иоанна. Нет, отец мой!.. Зачем бы ехать вам в Испанию?

Кампанелла. Чтобы быть около вас.

Иоанна. Отец мой!.. Пусть все будет ясно между нами. Вы помните, конечно, слова мои о том, что я могла бы любить вас? Да? Я не хочу ни отпираться, ни обращать мою тогдашнюю речь в шутку. В то время я еще любила супруга любовью полной и прекрасной и, однако, я допускала в мечтах моих нечто почти преступное, некий образ, который часто возникал передо мной. В вас, отец, была такая сила, что вы казались мне каким-то восходящим духом, которому суждено вскоре править самой судьбой.

И вот мне мечтался какой-то триумф Герона, необычайно солнечный. И после него какая-то встреча с вами, отец, с вами, создателем этого триумфа, где-то в глубине сада, под лаврами, или в моей спальне, куда бы я вас позвала, чтобы сказать вам: ты — повелитель, все — твое, и если меня хочешь — я тоже твоя.

(Кампанелла поднимает руки ко лбу и закрывает глаза.)

Иоанна *(продолжает говорить с опущенными ресницами)*. Но это прошло. Все в нашем деле было самообманом. Конечно, вы вели себя не как Ахилл, вы вели себя... очень... очень... достойно... отважно и благородно в час падения. Но вы не были той великой силой, какой вы мне казались. Вы упали, отец, и мне же пришлось поднимать вас.

(Кампанелла смотрит на нее в упор.

Она чувствует на себе его взгляд. Поднимает ресницы и старается выдержать его взор.)

Иоанна. Вы — пожилой монах. В ореоле сверх-естественной славы возможны вы были как предмет моих желаний... Не иначе.

(Фома продолжает смотреть на нее и складывает руки на груди.)

Иоанна *(с усмешкой помогает себе выдержать его взор)*. Уж не колдуете ли вы, как утверждал покойный епископ, взором? *(Зовет.)* Синьор Казабелла!

(Тот тотчас же подходит, предлагает ей руку и отводит ее шага на три в сторону.)

Иоанна *(останавливаясь)*. Прощайте, отец, поезжайте в Рим. *(Кивает головой.)* Всего вам доброго в будущем.

Кампанелла *(продолжая смотреть на нее с скрещенными руками)*. Прощай!

(В это мгновение из внутренних покоев выходит герцог. Он закутан в плащ, черная шляпа надвинута на брови, так-что его лица почти не видно. Идет торопливо, кивает, поровнявшись с Фомой, который тоже наклоняет голову.)

Оссуна. Торопись, Иоанна. Я не жду тебя.

(Он спускается с лестницы в сопровождении своей небольшой свиты.

Поэт Финальди идет в свите герцога. Он останавливается около Кампанеллы.)

Финальди. О, брат Фома, как я счастлив видеть вас! Благословите старого стихотворца.

(Кампанелла благословляет его.)

Финальди *(в экстазе, со слезами на глазах)*. Люди. Вот он! истинно великий и бессмертный! А мы все будем бессмертны лишь постольку, поскольку с ним соприкасались! *(Преклоняет колени и целует руку Фомы.)*

Герцог *(тоном, каким зовут собак)*. Финальди.

(Финальди вскакивает и быстро уходит.)

Иоанна *(хочет итти к лестнице, останавливается, оглядывается на Фому, осторожно высвобождает руку и снова подходит к Фоме).* Верьте, я от души пожелала вам доброго. Верьте, я знаю вам цену и высоко уважаю вас. Не думайте, что один Финальди... Но титан шутя низвергнут в прах стрелой Юпитера...

Фома. И не завоевал никакого права на счастье!.. Счастье берется с бою и сияет только победителям...

Иоанна *(улыбаясь).* Это инстинкт истинно-женщин. Казабелла! Проводите меня. *(Она опирается рукой в длинной черной перчатке на плечо Казабеллы, идущего впереди нее, и спускается с лестницы.)*

(Офицеры и пажи шушукаются.)

Фома *(выпрямляясь).* Один! *(Пауза.)* Отправимся в вечный Рим. В мир. В вечность. *(Вперив взор впереди себя, словно не видя ничего окружающего, он медленно спускается с лестницы.)*

(Вверху над лестницей пажи и офицеры посмеиваются между собою.)

ЗАНАВЕС.

ОСВОБОЖДЕННЫЙ
ДОН КИХОТ

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

(Синее небо. Слева лес пиний, бросающий черную тень на лужайку и дорогу. Справа обрыв вниз. На заднем фоне раскаленный каменистый красновато-серый пейзаж).

Привал. Четыре солдата с алебардами караулят трех арестантов. Поодаль сидит офицер.

Арестанты: Дон Балтазар, саламанкский студент, лет 26, тощий, изголодавшийся, одет в узкое черное платье, потертое и в нескольких местах лопнувшее по швам. Длинные прямые грязные волосы падают на плечи. Лицо бледно и красиво: огромные глаза, высокий лоб, решительные губы.

Кузнец — Дриго Пацц, грузный, мрачный, лохматый мужчина, смотрит исподлобья, брови косматые. Почти вся грудь голая и поросшая шерстью.

Разбойник—цыган Астро Вермильон, фантастически одетая личность с лицом краснокожего.

Офицер. Слишком жарко. В эти месяцы Испания — ад. да благословит ее бог.

1-й солдат. Нечего пить, синьор поручик.

Офицер. Вот это главное... Конечно, верхом я мог бы добраться до ближайшей таверны менее, чем в час, но плетясь в ногу с этими канальями... *(Пауза.)* Вот что я придумал: я поеду вперед. Что может случиться? Как бы ни были велики преступники, не убегут же три связанных человека от четырех вооруженных молодцов, как вы.

1-й солдат. Можете быть спокойны, синьор поручик.

Офицер *(вставая)*. До скорого свиданья, друзья. Буду ждать вас в ближайшей харчевне у дороги. Можете от-

дохнуть здесь еще часок. За курицей и флягой, в беседе с хорошенькой служанкой я умею быть терпеливым.

1-й солдат. Терпенье — великая добродетель, синьор поручик.

(Офицер уходит за угол налево.)

1-й солдат. А мы давайте глотать воздух.

2-й солдат. Самый несчастный человек — это конвойный. Сторожа преступника, он живет его жизнью. Но у преступника есть утешение в мысли, что он несет заслуженную кару. А у конвойного...

3-й солдат. Я до того зол сейчас, что ежеминутно готов расколоть череп одному из этих негодяев.

4-й солдат. Мир и спокойствие. Бедным каналья̀м все равно не уйти от веревки.

3-й солдат. Только это меня и удерживает.

1-й солдат. Эй, слушай, ты, цыган. Ты, красная рожа. Ты ведь — разбойник Вермильон? Ты бежал, когда святая Германдада разогнала твою шайку, осаждавшую замок маркиза Акакуаны. Поручик сказал мне это.

Вермильон. Синьор поручик — мудрец и астролог. Синьор поручик знает больше, чем я сам. Что касается меня самого, то на мой взгляд, и насколько себя знаю, — я просто торговец лошадьми. Все зовут меня Луд Белла Мура. Однако вот меня повесят. Что поделаешь. Я не первая жертва судебной ошибки.

3-й солдат. Будем надеяться, что и не последняя. Если ты даже и не Вермильон, то уж, наверное, негодяй. Уж тебе-то, конечно, не дано долго раздумывать, чтобы догадаться, за что провидение ведет тебя к петле. Судьи могут ошибаться, но промысел божий никогда. Без него и волос не упадет с головы человека.

(Солдаты один за другим снимают каски и крестятся. Вермильон тоже.)

Вермильон. Однако уверяю вас, синьоры солдаты, что я мирный и честный торговец!

1-й солдат. Честный торговец! *(Хохочет.)* Если бы ты был действительно разбойником, я бы еще мог, пожалуй, поверить в твою возможную честность, но честный торговец... *(Все четыре солдата хохочут.)*

Вермильон. Не думаете же вы, что все торговцы заслуживают быть повешенными?

1-й солдат. Я не далек от этой мысли, да простит мне Мадонна.

2-й солдат. Беда в том, что кому-нибудь все равно надо торговать.

4-й солдат. Верно сказано. Перевешай купцов, найдутся другие. Мы прогнали мавров, но разве свои меньше грабят народ? Мужики ненавидят судей, монахов, солдат... Карамба! Люди меняются, но порядки остаются: вот опять говорят о бунте заговорщиков, но я знаю цену этим ребятам: они хотят свалить начальство, чтобы начальствовать самим. Мужику не становится никогда легче. Кто-нибудь всегда стрижет стадо. Вишь, надоели пастушьи собаки. Что ж, лучше будет с волками!

1-й солдат. Народу худо. Он ворочается, как больной на постели, хоть знает, что все бока отлежал одинаково. Народу худо, оттого повсюду брожение.

2-й солдат. Новый герцог со своим Дон Мурцио слишком жаден и расточителен. К тому же безнравственность его вопиет к небу, как говорят капуцины про ласковых девочек.

1-й солдат. Кто лучше? Отец был святоша, не расставался с монахами, постился и бичевался. А этот содомит и кутила. Однако народу одинаково скверно. Нам, солдатам, пожалуй, стало лучше. Герцог любит, чтобы солдат был веселый.

3-й солдат. Когда мы прогнали войска союза городов и вошли в Вальядолин — капитаны просили распорядиться о квартирах и довольствии. Тогда герцог сказал: «Вальядолин вел себя подозрительно, и вам и мне будет веселее, если солдаты сами устроятся». Уж мы же и устраивались! По мере того, как мы пьянели и входили во вкус— было все меньше спуску горожанам. Под конец женщины и девушки уже боялись прятаться и сопротивляться. Мужья, отцы и братья ни в чем не противоречили. Все они ходили бледные, как трупы, и исполняли каждую прихоть любого солдата. А мы, наоборот, стали красные, расстегнулись, рычали и громили. Мы даже заставляли эти привидения смеяться, петь и плясать. У каждого в душе дрожал ужас перед собственным зверем, и вместе с тем каждому солдату было сладко дать этому зверю свободу и власть над другими. Два дня и две ночи шел праздник. На третий приказали выступать. Трудно было выполнить приказ. Повесили шестьдесят шесть солдат на площади, потом мы выступили.

Вермильон. Если Вермильон, за которого меня принимают, разбойник, то его высочество герцог...

3-й солдат. Договаривай, договаривай, негодяй! Или ты не понял, что владетельные особы могут делать все, оставаясь в добрых отношениях с моралью, законом и религией. Они не грабят, а ведут войны. Они не убивают, а казнят. Они не насилуют, а делают честь. Не воруют, а конфискуют. Не лгут, а проявляют дипломатический дар. Не обирают, а взимают налоги... Да... ибо нет власти не от бога.

4-й солдат. Аминь.

Дон Балтазар. Все верно. Но кто сказал, что власти поставлены богом?

3-й солдат. Кто? Церковь, если ты хочешь знать.

Дон Балтазар. Церковь делит с владетелями все выгоды власти и богатства. Почему нам не предположить, что она лжет?

1-й солдат. За такие слова — костер.

Дон Балтазар. Меня все равно повесят. Почему мне не пофилософствовать?

1-й солдат. Кто ты такой?

Дон Балтазар. Я Балтазар из Саламанки. Студент философии и богословия.

1-й солдат. За что тебя волочат к герцогу?

Дон Балтазар. Я бунтовщик. Я проповедывал по всей стране восстание во имя бога и справедливости.

2-й солдат. И видно, что лгал, иначе господь не предал бы тебя в руки твоих врагов. Богослов! Поди ты к чорту. Ответь мне, если ты студент, на один вопрос: бог всемогущ или нет?

Дон Балтазар *(вставая и становясь на колени; четвертый солдат делает то же)*. Ну?

4-й солдат. Ты попался. Если он всемогущ, то все на свете делается по его воле. Раз власть у герцога — то тут не надо никаких уверений патеров — она не может быть у него иначе, как согласно воле господней.

Дон Балтазар. Это мне нравится. Откроем диспут. Скажите же и вы мне, синьор солдат, совершаются ли вообще на земле преступления или нет?

4-й солдат. Если я скажу — да?

Дон Балтазар. То выйдет, что и преступления, как все на свете, совершаются по воле божьей. Но кто действует по воле божьей, не может быть признан преступником, ergo — нет преступления на свете.

4-й солдат. Если я соглашусь, что нет?

Дон Балтазар. Если преступлений нет, то короли, судьи, палачи и солдаты, все карающие. карают невинных. Но карать невинного преступно; ergo — преступление есть.

1-й солдат. Хитро...

Дон Балтазар. Еще один вопрос: все ли вообще хорошо на свете?

1-й солдат. Сомневаюсь.

Дон Балтазар. Итак, всемогущий бог, очевидно, желает, чтобы на свете было плохо.

1-й солдат. Я часто допускаю, что бог не так уж благ.

Дон Балтазар. Ужасное допущение. За него — костер, синьор солдат. Если сам бог не благ, то бытие — ад. Все бытие тогда сплошное издевательство.

1-й солдат. Похоже на то, синьор студент, которого везут вешать.

Дон Балтазар. Нет, уж если быть еретиком, так иначе. Если бы сам бог был зол, откуда же возник бы в нашем сердце идеал добра? Почему мы все любим добро? Почему каждому страшно подумать, что мир лежит навеки во зле? Почему так радостно трепещет сердце каждого, когда ему скажут: ты не понимаешь, но на самом-то деле все очень хорошо, ибо великий и нежный отец небесный блюдет над миром? *(Вскакивает на ноги.)* Откуда в душе человека любовь? Покайтесь! У каждого из вас есть много любви в душе под черствой коркой и ржавчиной жизни. О, кавалеры, человек не может быть лучше бога, но я говорю вам, и тебе, дружище Дриго, и тебе цыган, и вам, лес, небо, солнце, каменистая Сьерра: бог — благ, бог — благ.

Дриго. Успокойтесь, Дон-Балтазар, и помолчите.

1-й солдат. Философ без головы. Но если он благ, откуда зло?

Дон Балтазар. Я же вам сказал, философ с головой в каске, что выбираю другую ересь. Попробуем подвергнуть сомнению ваше первоначальное допущение.

1-й солдат. То-есть?

Дон Балтазар. Допустим, что всеблагий не всемогущ. Тогда все ясно.

(Торжественная пауза.)

Он благ. И медленно из мрака возводит здание порядка и счастья. Строит из холодной пустоты материи — тепло, свет, жизнь, дух и высшее, что есть в бытии — любовь. Но мрак и холод — сильны. Они калечат задуманное дело. А мы — искра его огня, мы — его помощники, рыцари любви. Вот почему я проповедывал на всех дорогах и дорожках восстание против угнетателей во имя братства. Я был прав. Я сделал мало. Но сделал, что должен был сделать. Здравствуй, виселица! Смерти я не боюсь, а боюсь быть отступником света, трусливым и неверным слугою любви.

(Пауза.)

1-й солдат. Растрещались цикады...

(Пауза.)

Вермильон. Тихо. И словно кто-то дышит громадный.

2-й солдат. Глядите, глядите, по обрыву карабкаются сюда два всадника!

(Все встают и с любопытством всматриваются вниз.)

2-й солдат. Ну всадники! Тощий на белом одре, ни дать ни взять, — мор из апокалипсиса.

Вермильон. А круглый на осле. Я расхохотался бы и повешенный.

1-й солдат. В конце концов они вскарабкались.

2-й солдат. Чудной рыцарь привязывает лошадь.

3-й солдат. Толстяк вытирает пот.

1-й солдат. Они идут сюда.

2-й солдат. Должны ли мы допустить их?

1-й солдат. Почему же нет? Любопытно посмотреть, что это за ряженые.

(Входят Дон Кихот и Санчо Панса.)

Дон Кихот *(церемонно кланяясь)*. Кавалеры, с кем дана мне честь встретиться в этой молчаливой и жаркой пустыне?

1-й солдат. Синьор, мы солдаты и ведем в город этих парней под арестом. Герцог, наверное, велит повесить их.

Дон Кихот *(садится на траву и снимает с потной головы шлем Мамбрена — цирюльничье блюдо; обмахивается большим только что сорванным лопухом)*. Это очень интересно. Быть может, три пленных рыцаря, которых ведут навстречу преждевременной и насильственной смерти, соблаговолят рассказать мне историю своей жизни. Что касается меня, то я знаменитейший Дон Кихот Ламанчский, рыцарь Печального образа. Тот же человек — мой всему миру известнейший оруженосец Санчо Панса.

Дон Балтазар. Я слыхал о великом Дон Кихоте, защитнике угнетенных.

Дон Кихот. В меру своих сил я стараюсь пресекать зло и творить благо.

Санчо Панса. Мы большие чудаки. Мы славные парни.

Дон Кихот. Молчи, Санчо, молчи, мой друг. Мне кажется, что мы услышим сегодня дивные вещи.

Санчо. Я готов поднять уши, как мой Серый.

Дон Кихот. Итак, синьор, имевший случай слышать о нас, за что так жестока к вам судьба? Чем заслужили вы гнев вашего государя? Или он не заслужен?

Дон Балтазар. Клянусь престолом матери Иисусовой, — он вполне заслужен. Вдумавшись в положение, я пришел к выводу, что главным источником горя в этой стране

является сам ее герцог, а также его двор, его губернаторы, знать, суды и т. п. Страна стонет от их мнимо-законных грабежей. Это хищники и расточители стада. Моя мысль, досточтимый рыцарь, что народу давно пора начать управляться самому, как это бывало в древности. Я — республиканец, подобно Тразибулу и Бруту. За проповедь этих и подобных мыслей и собираются меня повесить враги народа. Это в порядке вещей. Война есть война, а я об'явил им войну.

Дон Кихот *(задумчиво покручивает ус, глядя в пространство)*. Ваша мысль смела. Я ее не разделяю. Короны священны. Злых государей надо убеждать словом. Безвластие хуже наихудшей власти. Люди не созданы для воли. Во всяком случае сначала надо переделывать природу людскую. Иначе они восстанут друг на друга и т. д. и т. д. Однако все, что я говорю, может быть, ошибка. *(Смотрит на Балтазара и улыбается бесконечно доброй улыбкой.)* Кто прав — неизвестно. Всякое мнение можно защищать. Честный всегда прав перед собою, а любящий — перед человечеством и природой. Но два честных и любящих существа — увы! — могут ненавидеть друг друга: истина одного может быть ненавистной ложью для другого. Как соединить терпимость к чужой вере и страстное исповедание своей? Однако то и другое благородно и необходимо. Как быть паладином своего лозунга и не ранить борцов другого девиза? Это трудно. Ум слаб. Он не отвечает. Власти сердца темны... Мы — бедные существа. Но будем делать непосредственное добро, не заботясь об остальном. Солдаты! Я прошу вас отпустить на волю этих трех добрых людей.

1-й солдат. Кавалер, вы рехнулись. Они поручены нам. Если мы не доставим их, куда приказано, так повесят нас самих.

Дон Кихот. Так... *(Задумывается.)* Так. Вам нельзя их отпустить добровольно. В таком случае я нападу на вас и отобью пленных. Вы расскажете герцогу о новом по-

двиге Дон Кихота. А я сломлю мое решение не являться к дворам и прибуду скоро: тогда я лично переговорю с герцогом об этом деле.

1-й солдат. Но мы не можем сдаться четверо одному.

Дон Кихот. Я — Дон Кихот, странствующий рыцарь. Целым полчищам великанов случалось бежать от моего окрика. Скажите герцогу, что нападавший был Дон Кихот — он поймет все.

4-й солдат. Эй, рыцарь, я думаю, что вы просто сумасшедший.

Санчо. О, если бы это дело было так просто.

Дон Кихот. Итак, я сажусь на коня. Волей или неволей, но бедняги мятежники будут свободны. *(Встает.)* Кавалеры, не советую вам принимать бой. Я не хотел бы причинить вам зла. *(Отводит Санчо и говорит ему тихо.)* Пока я буду управляться с ними, ты перережешь веревки пленным и, когда последний из них скроется в лесу, ты свистнешь.

Санчо. Слушаю, синьор, только... быть нам битыми.

Дон Кихот. Молчи, еще один подвиг.

Санчо. Хорошо, если обойдемся синяками, а ребра...

Дон Кихот. Умей быть на высоте призвания.

Санчо. А ребра останутся целы? Охо-хо-хо. Пансо, лучше сидел бы ты под своей фигой.

Дон Кихот. Итак, ты помнишь инструкции. *(Уходит направо; солдаты тревожно совещаются между собой.)*

Дон Балтазар *(обращаясь к Дриго)*. Не думаешь ли ты, дружище, что сумасброд неожиданно спасет нас?

Дриго. Плохая надежда.

Дон Балтазар. Подумать — от этого анекдота зависит трон герцога. Если я ночью все-таки буду в пещерах, —

уж завтра загремит набат по селам и запылает вся Кастилия.

Дриго. Завтра вороны будут клевать нам глаза.

(Дон Кихот возвращается в полном вооружении верхом на Россинанте.)

Дон Кихот. Кавалеры! Дон Кихот Ламанчский, рыцарь Печального образа, обращается к вам с речью мира и дружбы. Во имя высших начал добра я повелеваю вам отпустить этих людей. Я обещаю ответить за них перед богом и властями. Великодушно спасенные от смерти, они станут мудрее и добрее. Моя совесть говорит мне, что право мое желание, а дальше да свершится все согласно воле высших сил. Прошу вас, братья по оружию, освободить их добровольно, не принуждая мощь моего копья присоединиться к голосу убеждения. Но если вы не внемлете увещаниям, да помогут мне ангелы небесные победить вас, не пролив вашей крови.

1-й солдат. Мы не можем их отпустить. Нам дороже собственная шкура. А вас, пустомеля, мы не боимся.

Дон Кихот. Итак, я наступаю, защищайтесь.

2-й солдат. Тузите его.

(Солдаты немедленно стаскивают рыцаря с Россинанты, валят на землю и нещадно колотят древками своих алебард. Между тем Санчо развязывает пленных, которые убегают в лес. Вермильон скатывается вниз по обрыву.)

3-й солдат. Я тебе переломлю все кости, несчастный, сквозь твой балаганный панцырь.

1-й солдат. Легче, Легче. Будет! Не убивайте сумасшедшего. Кажется он не дышит.

(Санчо свистит.)

Дон Кихот. Санчо, Санчо, на помощь.

3-й солдат. Жив. Давайте, отдубасим и оруженосца.

Санчо *(отступая)*. Что вы! Что вы, христиане! Лучше держите ваших арестованных, мне кажется, что они убежали.

1-й солдат. Изверг! Матерь пресвятая! Он освободил арестантов. *(Ударяет Санчо, что есть силы, древком алебарды в грудь, тот падает, высоко взметнув ноги в воздухе.)*

3-й солдат. Он дал им и своего осла.

Санчо *(немедленно вскакивая)*. Кто дал осла?

2-й солдат. Конечно, краснокожий умчался на осле. Вон он внизу у опушки. Теперь не поймаешь.

Санчо. Он взял моего осла, моего Серого, моего друга, моего брата. Будь он сто раз проклят! Делайте после этого так называемое добро. Совершайте разные подвиги. Святая дева, что я буду делать без Серого!

(Плачет громко, как маленький.)

1-й солдат. Нечего зевать. Надо постараться изловить беглых.

4-й солдат. Пустое! Их теперь не изловишь. Арестуем-ка лучше рыцаря с его пузырем слугою. Авось герцог, повесивши их, смилуется над нами.

3-й солдат. Дело.

Дон Кихот *(медленно встает)*. Стою ли. Стою... Санчо.

Санчо. Синьор, я избит, моего осла угнали, нас тащат к герцогу, который не погладит нас по голове.

Дон Кихот. Свободны ли узники?

Санчо. Они задали лататы и угнали моего Серого. Проклятые висельники!

Дон Кихот. Санчо, Санчо, дай мне обнять тебя.

Санчо. Чему вы рады, синьор рыцарь?

Дон Кихот. Победа, Санчо, победа!

ЗАНАВЕС.

КАРТИНА ВТОРАЯ.

(Кабинет герцога. Сам герцог сидит в кресле за большим столом. Напротив него изящный, женоподобный красавец граф Мурцио и врач Паппо дель Баббо.)

Герцог. Скучные дела окончены. *(Сладко потягивается.)* Мурцио, чем ты будешь меня развлекать?

Мурцио. Рессурсы исчерпаны. *(Чистит ногти.)*

Герцог. Твой очаровательный порок. Ты неисчерпаем.

Мурцио *(погруженный в свое занятие и не глядя на герцога).* Польщен...

Герцог. Не дуйся, Антиной, разверни веселую программу.

Мурцио. Сегодня мне приходят в голову только жестокие мысли.

Герцог. Жестокие мысли легко могут быть веселыми. Кошке весело играть с мышью.

Мурцио *(хмуро улыбаясь).* Как приятно думать, что мы не мыши.

Герцог. Я — королевский тигр. А ты — озорной котенок. мой очаровательный Мурцио. Сегодня вечером я опять одену тебя в женское платье.

Мурцио *(сердито).* Какая безвкусица. Лучше оденьте в женское платье синьора Паппо.

Герцог *(хохочет).* С его бородою и бородавками!

Панпо *(угодливо смеясь)*. Почему нет? Терезий был временно превращен богами в женщину для того, как уверяет Назон, чтобы засвидетельствовать, который из полов получает больше наслаждения в акте любви.

Герцог. О, об этом лучше всего знает мой Мурцио.

Мурцио *(зло)*. Довольно, дук, вы грубы.

Герцог. Трепещу. Я его боюсь, Панпо. Он вертит мною. Я боюсь его больше, чем герцогиню. Только их двоих я и боюсь на свете. Мне кажется иногда, что я когда-нибудь отрублю им их хорошенькие головки.

Мурцио. И умрете сами от скуки и от страха перед смертью.

Герцог. Да. Вот... Я еще боюсь смерти. Но не будем говорить о смерти. Будем говорить о жизни. Мурцио, твоя программа?

(Входит секретарь и несколько раз низко кланяется.)

Секретарь. Ваше высочество, осмелюсь тревожить... Крайне, крайне важное и крайне, крайне неприятное дело.

Герцог. Выкладывайте.

Секретарь. Прибыл поручик с конвоем, который должен был препровождать мятежников из приречных деревень. Мятежникам удалось бежать. Дон Кихот, именующий себя странствующим рыцарем, мелкопоместный дворянин из Ламанча, атаковал конвой и дал возможность мятежникам ускользнуть. Зато преступный рыцарь и его оруженосец задержаны солдатами и доставлены сюда.

Герцог. Кто, кто? Дон Кихот! Но ведь это сумасшедший странствующий гидальго. Мурцио, поздравляю: зверь бежит на ловца. Я заплатил бы за него тысячу червонцев. Помнишь, как мы хохотали, слушая рассказы о нем Ми-

гуеля Сааведры? Зовите его, просите сюда. Встретьте его почтительно, с помпой. Мы посмеемся, мы посмеемся.

(Секретарь уходит.)

Паппо. Ну, еще бы. Надо угостить рыцарем весь двор.

Мурцио. И под соответственным соусом. Это развеселит меня. Поцелуйте меня, дук. *(Целуются.)*

Секретарь *(возвращаясь.)* Дон Кихот Ламанчский, рыцарь Печального образа. Он просит ваше высочество простить ему его дорожный воинский убор.

(Дон Кихот входит и картинно опускается на одно колено.)

Герцог. Милости просим, герой.

Дон Кихот. Прощения, ваше высочество!

Герцог. Я вам все прощаю.

Дон Кихот. Не мне, но вашим солдатам.

Герцог. Всем прощаю. Да и кто же мог устоять перед вашей рукою?

Дон Кихот *(вставая)*. Клянусь, отныне рука эта столько же ваша, сколько моя. Я чую всю меру вашего великодушия, государь. Где враги ваши? Они — враги Дон Кихота.

Герцог. Пусть же трепещут! Но о врагах после, а сперва о друзьях. Вот они: этот очаровательный эфеб, — мой любимец, граф Мурцио Весконсин. А этот почтенный муж — мой врач, синьор доктор Паппо дель Баббо. Ученейший из флорентинцев.

(Раскланиваются.)

Дон Кихот. Приветствую друзей великодушного и мудрого государя.

Герцог. Присядем и побеседуем полчаса. Затем я отпущу вас отдохнуть, храбрый рыцарь, а после попрошу запросто к столу моей герцогини.

(Все садятся.)

Паппо. Знаете ли, славнейший Дон Кихот, я врач, сведущий во многих науках... Признаюсь, я занялся ими лишь в сладкой надежде найти путь к магии, к власти над людьми, скотами и вещами через власть над духом... Словом, я мечтал овладеть искусством чудотворения. Сорокалетняя работа привела меня к выводу совершенно неутешительному: чудес нет на земле, все совершается согласно соотношению вещей и сил, и ни в чем не заметно вмешательства воли потусторонней, злой или доброй. Так я стал последователем Лукреция. Между тем, я знаю, в былые времена странствующие рыцари были окружены чудесами в несравненно большей мере, чем, скажем, великие алхимики и астрологи. Мне интересно было бы знать в вашей практике, достославный Дон Кихот, испытывали ли и вы наличность чудесного, о чем так увлекательно повествуют рыцарские романы? Или жизнь так сера и прозаична для вас, как для нас, простых смертных?

Дон Кихот. Я понял ваш вопрос, ученый муж. Если герцог позволит, я отвечу вам.

Герцог. Да, да, я с нетерпением жду ответа.

Дон Кихот. Я мог бы начать с того, высокие господа, что все на свете — чудо. Но сказал ли бы я этим что-либо новое столь просвещенным слушателям? Останавливаться ли мне на столь простой мысли? Что такое чудо? Все непонятное. Но что понятно, синьоры? Мы просто не спрашиваем о привычном и им пытаемся об'яснить непривычное. Но разве привычность делает что-либо понятным? Или чудесно то, что беспричинно? Но где причина всего совершающегося? Кто зрел или узрит первопричину? Или под чудом разумеется необычайное, редкое?

Новое необычайно на свете, ибо ведь все, что происходит, — происходит только один раз. Или чудесно великолепное или удивительное? Что чудеснее дня и его солнца? Что удивительнее ночи и ее звезд? Что чудеснее мысли и мечты? Что удивительнее любви?

Панно. Да, да, но рыцарь понимает, что...

Дон Кихот. Я понимаю ваш вопрос. Вы спрашиваете, в сущности, доступны ли странствующему рыцарю некоторые стороны бытия, недоступные другим людям?

Панно. Да, приблизительно.

Дон Кихот. Но если кому-либо открыто закрытое для всех и он повествует об этом тайном — не назовут ли его безумцем. Это тайное — не бисер ли, о котором говорит евангелие: да не попрут его ногами и, обратившись, да не растерзают вас. Пример: однажды я вошел в храм в Сант-Яго. Я задумался в его тиши и прохладе. Пришел Санчо и сказал мне, что нищие города ждут от меня милостыни на паперти. У меня же не было ничего. В храме было темно, но яркий сноп лучей падал косым столбом из высокого окна. Я хотел иметь много золота во утоление печали страждущих. Я подошел к потоку света и вот совершилось чудо: я вдруг весь оказался усеян, осыпан золотом. Цепи повисли у меня на плечах, руках, пальцах, банты и ленты из парчи, кольца, запястья, пояса, короны и сосуды, — все сияющее, ликующее, яркое, солнечное. Я поднял голову к окну и увидел головокружительный каскад кованого червонного золота... Сдержать его я не мог: оно падало к ногам и росло большой сверкающей кучей. Я кричал: «Санчо, зови же, зови сюда нищих и неимущих. Золото! Золото»! Он позвал их. Впереди вошли слепые, щупая пальцами и протягивая дрожащие руки. И долго не верили они пришедшим позднее безногим и прокаженным, что золота не видно. Ибо — увы!—и зрячим оказалось оно незримым. Только я видел его. Ах, они остались очень недовольны, бедняги! Они были раздражены голодом и вспыхнувшей, потом

погасшей надеждой. Если я не ошибаюсь, они порядочно поколотили меня и моего доброго оруженосца. Вот вам, синьоры, одно из великолепных чудес. Я никогда не забуду сказочного изобилия золотого потока. Допустим, что из окна валилось бы подлинное золото. Это было бы только полчуда. Что за невидаль обыкновенное золото!.. Тяжелая материя, гремящий, звякающий металл грузно брякался бы об пол. Все увидели бы его, ощупали бы его и, ссорясь меж собой, разделили бы его и проели. Какое это было бы пошлое чудо! Какая фея, какой ангел захотел бы сотворить его? Это было бы едва в пору какому-нибудь земному крезу... А здесь. — Оно сияло, трепетало, смеялось лучами, горело, оно чуть звенело, музыкально, певуче... Я сейчас слышу это легкое тинг-танг. Оно лилось как ласка, чаруя разнообразием форм, тепло и нежно касаясь рук, целуя их... И отдавалось мне одному, одному мне. Вот это я называю чудом.

Г е р ц о г. Вот за какие чудеса чернь прозвала вас безумцем!

П а н ь о. Что спрашивать с черни?

Д о н К и х о т. Синьоры! Простолюдины ближе к чуду, чем образованные и знатные. Святой апостол Павел не ошибался. Однажды в лесу я увидел дивного рыцаря. Он тоже сиял золотом. Он ехал на могучем красном коне. Весь золотой и багровый, тяжкий и великолепный, алые перья над пламенным шишаком. Я видел и золотой шелк кудрей, богато падавших на широкие плечи. Что за посадка! Рука в золотой перчатке у кованого пояса. Он ехал впереди меня и не оглядывался, хотя я почтительно окликнул его несколько раз. Вдруг к моему горю я потерял его из виду. Тут же на лужайке я увидел бедную женщину с ребенком — крошкой-девочкой. Они собирали ягоды. Я спросил их, не видели ли они чудесного золотого всадника. Мать спросила: «А каков он?» Я подробно описал. В неописуемую радость пришла девчурка и, хлопая в ладоши, кричала: «Я видела, видела, он мне улыбнулся... Ах, ах, — кричала она, — я дала ему ягод.

Да, он взял целую пригоршню ягод из моего лукошка». А мать лишь смеялась, наполовину веря нам, мне, бедному рыцарю, бедному воину, и милому ребенку... *(Помолчав, в то время как слушатели перемигиваются и улыбаются.)* К тому же многие голоса, мои синьоры, то в сердце, то в ушах. Они говорят много мудрого. Часто столь мудрое, что я уже не понимаю. Не понимаю я иных слов. Тогда они поют... Затем бесы... Лукавые, довольно злые... жалкие, невежественные, но надменные и упрямые. О, их не переубедишь! Они слушают тебя с улыбкой презрения. Ты проповедуешь им, а они в ответ выкинут грязную шалость, как пошлые школяры добряка учителя в распущенном классе. Граф Мурцио простит мне... Это странно, но в его прекрасном лице есть что-то, напоминающее мне иных бесов из числа моих знакомцев, моих бедных недругов.

Герцог. Ничего удивительного. Мурцио — чертенок.

Мурцио. Судя по тому, Дон Кихот, что вы отбили у нас мятежников — вы принадлежите не только к тем, кого называют сумасшедшими за их сказки и видения, но и к тем, кого именуют сумасбродами за так называемую жажду справедливости на земле.

Дон Кихот. Увы, как я темен в этих вопросах. Неправды в делах человеческих так много. Надо перестроить и общество и природу. Когда читаешь о золотом веке — силы небесные, хоть за гробом, где-то там, хоть через тысячу лет — дайте нам прохладные кущи и ковры цветов, журчанье ручья, пение птиц в рощах без хищников и жертв. Дайте нам жизнь без страдания, которым полны самые идиллистические уголки земли. Дайте видеть пары вечно юных людей, любящих без ревности и без пресыщения. Ведь наша земля — это намек на то, что столь прекрасно. Дитя... Юноша... Женщина... Цветок... Поцелуи... Какие возможности! Но зачем же все покрыто липкой росой порока, потом, слезами и кровью? Зачем вражда меж братьями, насилие и рабство? — невежество, нужда, бес-

сердечие? Зачем болезнь, старость и смерть? Счастье манит, небо говорит о братстве и блаженстве. Идеал так ясен, но мы так бессильны. Быть-может, эта жизнь — только суровая подготовительная школа? Вздохнем же и будем трудиться. Нельзя переделать все. Будем творить одно маленькое добро за другим. Будем страдать, сколько дано, и любить, сколько сможем!

Мурцио. Ваше миросозерцание, рыцарь, не мужественно.

Дон Кихот. Как?

Мурцио. Не думаете ли вы, что кроме жвачного счастья равенства существует еще счастье хищников, которое вы вычеркиваете из вашего коровьего рая? Я понимаю, что ягненку очень улыбается перспектива спокойно пастись рядом со львом... Но льву? О, Дон Кихот, вы не знаете нас, хищников. Грубому зверю безумно сладко задрать голову лани, прокусить ей горло, медленно пить ее горячую кровь и чувствовать, как замирая трепещут нежные члены под когтями. Но человек — зверь утонченный. Владеть, роскошествовать, заставлять перед собою преклоняться в благоговении и страхе, унижать. Счастье в том, чтобы чувствовать, что силы миллионов устремлены к тебе и отданы тебе безответно, рабски, как некоему богу. Счастливейшими и прекраснейшими людьми земли были римские императоры. Как хотел бы я видеть в моем герцоге возрожденного Нерона или хоть Гелиогабала. Но мы еще далеко от этого при нашем маленьком дворе. Нарушать все законы бога и людей самому и ковать другим цепи из закона своей собственной воли! Власть. Вот слово, в котором все: волшебное, пьянящее слово. Жизнь измеряется степенью власти. У кого нет власти — тот труп.

Паппо *(улыбаясь)*. Вы пугаете благочестивого рыцаря, граф.

Мурцио. Клянусь небом, вот мои задушевные убеждения. Вас называют безумцем, Дон Кихот. Но вы просто не-

удавшийся поэт, травоядный мечтатель. Вот мы, быть может, безумцы, это мы, — пурпурные и золотые. Я убежден, что тот красный рыцарь, которого вы встретили в лесу — был из нашей породы. Если бы он обернулся к вам, то расхохотался бы вашему великопостному виду.

Герцог. Мурцио шутит. Я вижу выражение глубокого ужаса на вашем печальном образе, рыцарь. Забавник Мурцио. Впрочем, он действительно таков: капризный, жестокий котенок, опаснейший пушистый зверек у самого моего сердца, ручной, но все-таки опасный...

Дон Кихот. Признаюсь, я огорчен. Дело не в том, что мне, граф, противен этот дух. Всякий чувствует согласно своей природе. Я не осуждаю хищников. Но я не удивляюсь, когда добрый пастух мирного стада их убивает.

Мурцио *(надменно мотнув кудрями и сверкнув глазами, ноздри его раздуваются)*. Вот как! Это сильно сказано. Слышите, пастух здешних мест? Ведь это вы, надеюсь, герцог, пастух здешних стад, над которыми я...ха-ха-ха... молодой орленок, парю плотоядно?

Дон Кихот. А там, где от пастуха нет у стада ограды, оно защищается, как может.

Мурцио. Ага! Я знал, Дон Кихот Ламанчский договорится до оправдания тех мятежников, которых он самовольно отпустил. О, Дон Кихот, рыцарь Печального образа, не так глуп, как о том говорит легенда, и не так наивен, как думают наивные.

Герцог *(смеясь)*. Что ты раздражаешься попусту, мальчик? Разве мы собрались в хорошей компании не для того, чтобы шутить?

Мурцио. Придет черед и для шуток, от которых кой-кому не поздоровится. Но пока еще один серьезный вопрос. Дон Кихот, входя сюда, вы помпезно изрекли: герцог, ваши враги — мои враги. Ну, так вот, враги герцога — мятежники. Возьмете ли вы на себя подвиг переловить

вновь отпущенных вами негодяев и доставить их разочарованному палачу?

Дон Кихот. Я верю в великодушие его светлости. Мятеж против милостивого монарха — преступление. Но милость монарха не карает мятежников. Она подавляет их своим милосердием. То же, что говорите вы, заслуживает строгого осуждения из герцогских уст. Ибо поведение, согласное с подобными правилами, воистину превратило бы мятеж в долг каждого честного сердца.

(Герцог, Паппо и Мурцио принужденно смеются.)

Герцог. Герой, не пожелаете ли вы удалиться в отведенные вам покои, где вы найдете все нужное для отдыха и туалета? Близится час обеда у герцогини.

Дон Кихот *(встает и церемонно кланяется)*. Я буду счастлив преклонить колени перед ее высочеством. Ваше высочество, синьоры, я удалюсь.

(Уходит прямой, упорный и озадаченный.)

Герцог. Надо придумать ряд забав над этим сумасбродом.

Мурцио. Издеваться над ним можно не без удовольствия. Играть с мышью, — фи. Но играть с надутой добродетелью, святым педантом — забава хорошая.

Паппо. Выработаем план... И знаете, пригласим герцогиню, синьору Мирабеллу и синьору Марию Стеллу.

Мурцио. Только не Марию Стеллу. Она недостаточно зла.

(Все трое придвигаются друг к другу.)

ЗАНАВЕС.

КАРТИНА III

(Большой зал в герцогском дворце. Санчо входит, отдуваясь. За ним по пятам следуют два маленьких пажа—белокурый и черненький.)

Санчо. Вот это был обед. Эй, — мальчуганы, неужели за герцогским столом каждый день едят таким образом?

Белый паж. Бывает лучше.

Черный паж. Вам понравился обед, Дон Санчо?

Санчо. Еще бы.

Белый паж. Разве Ламанчский герой не избаловал вас вконец разными изысканнейшими яствами?

Санчо. Не скажу, чтобы мы редко обедали за столом волшебников и добрых великанов. Но надо вам знать, что волшебная пища насыщает скорее воображение. Иной раз сидишь, сидишь за скатертью-самобранкой у какого-нибудь длиннобородого чернокнижника: как будто ешь, как будто пьешь, а в брюхе только пустота растет. Так что пошлешь, наконец, к чорту его служителя вместе со всеми волшебными обедами.

Белый паж. А у великанов?

Санчо. У великанов? Желал бы я видеть, как ты станешь обедать у великанов. Великан, он пригонит вам по быку и говорит: вот мясо. Потому что он сам берет быка за рога и начинает жрать его, начиная с хвоста.

Белый паж. Живьем?

Санчо. А то как же? Что же он станет церемониться с ним, что ли? Вот ты и пообедай у него.

Черный паж. Чем же вы жили, дон Санчо?

Санчо. Сыром, хлебом и водою. Дон Кихот, мой милостивый господин, да пошлет ему господь победы и удачу, говорит при этом: вода представляет собой мир стихий, хлеб — мир растительный, а сыр — мир животный. Таким образом, вкушая три сии пищи, — мы причащаемся к видимой вселенной. Остается лишь сделать какое-нибудь добро, дабы причаститься миру небесному. Вот. Умилительно. Очень умилительно. Ломоть растительного мира, тоненькая тартинка животного и вволю стихии. У герцога за столом все эти миры представлены с иным изобилием. Что вы смеетесь? Не гордитесь. Такая еда, как у вас, отягчает душу. Вот я, например, ужасно захотел спать.

Черный паж. Идите с нами, Дон Санчо, мы вас уложим.

(Берут его за руки и уводят. Из другой двери выходят хохочущая Мирабелла и грустная Мария Стелла.)

Мирабелла. О, бесподобно! Ну, не диковина ли, что этот надутый сухопарый аскет даже не понимает, что над ним потешаются. Где после этого предел человеческой глупости? Служить мишенью шуток целого общества в течение бесконечного парадного обеда и сохранить невозмутимо торжественную наивность.

М. Стелла. Мне было невыносимо тяжело. Я возмущаюсь грубостью, которая сегодня сказалась резче, чем когда-либо. Ах, как мне хочется вернуться во Францию, в мой белый монастырь.

Мирабелла. Лучше выходи замуж за Дон Кихота. Два глупых святых. Чем не пара?

М. Стелла. Бедняжка Мирабелла, бедняжка сестрица, что они с тобой сделали?

Мирабелла. О, святая! Однако и ты заглядывашься на Мурцио, на центр всей нашей блестящей компании, на

того, кто затмевает самого герцога. А, мы покраснели! Все влюблены в Мурцио: герцог, герцогиня, дамы, кавалеры, паяки, я, ты, все. Он очаровательный колдун, дерзкий, бесстыдный, бессовестный, грациозный, прелестный, страшный и увлекательный.

М. Стелла. Мне так же жаль графа, как и тебя. И если сказать правду, то он в гораздо большей степени был шутом вашего общества, чем заезжий рыцарь. За весь долгий день издевательства я ни разу не покраснела за гостя. Из самых хитрых капканов он выходил, в конце-концов, с честью. Но мне было больно и стыдно за тебя и графа Весконсин.

Мирабелла. Тс... постой... Я слышу голоса... Это герцогиня и Мурцио. О, как интересно: спрячемся за занавес окна!

М. Стелла. Что ты? Пусти меня!

Мирабелла. Иди, иди же. *(Увлекает ее за занавес. Входят герцогиня и Мурцио.)*

Мурцио. Не станете же вы утверждать, герцогиня, что мои пламенные взгляды остались для вас неразгаданными.

Герцогиня. Я поражена вашей дерзостью.

Мурцио. Дерзость — моя любимая добродетель. Только дерзкий достоин жить. И почему нет, герцогиня? Почему не испытать нам и такую комбинацию? В часы интимности его высочество рассказывал мне о вас; удивительно ли, что я весь проникся желанием благоуханного вашего тела. Не может быть, чтобы вы беззаветно любили герцога. Я имею достаточно оснований думать, что ваша верность ему не абсолютна... Да, да. Не трудитесь возражать. Мы тут вдвоем; смешно сохранять маски. Быть может, вас влечет к нему несомненное искусство любить, которое он проявляет? Но в этом отношении он только мой ученик, начинающий и не очень способный. Что можно представить себе курьезнее и занятнее при нашем дворе, как непосредственную связь между нами.

И когда герцог узнает, как он будет хохотать после первой вспышки гнева.

Герцогиня. Какой дьявол сидит в вас, Мурцио!

Мурцио. Легион имя ему!.. Посмотрите, сюда в важной задумчивости шествует наш гиперкомический гость, Дон Кихот. Это кстати. Садитесь. Вы будете сейчас присутствовать при дерзкой буффонаде, которая вас позабавит.

Герцогиня. Что вы задумали, проказник?

Мурцио. Только молчите. Только не мешайте мне. Умоляю вас, не препятствуйте развитию увлекательного фарса.

(Дон Кихот входит, задумчиво опустив голову на грудь.)

Мурцио *(останавливясь перед ним)*. Благочестивый и благородный рыцарь! Само небо посылает вас к нам. У нас с ее высочеством вышел спор относительно положения, в каком находится одна из ее дам. Могу ли я изложить вам волнующий нас казус и выслушать ваше мудрое решение спора? Вопрос положительно мучит меня и нашу повелительницу.

Дон Кихот. Я рад служить ее высочеству всем, чем могу.

Мурцио. Итак. Супруг вышеупомянутой дамы — достойнейший человек, пользующийся всем ее уважением и поистине дочерней любовью. Другою же, более греховной, любовью она любит молодого офицера, который, в свою очередь, пылает к ней безгранично огромной страстью. И вот, не далее, как вчера, офицер этот заявил даме, что не может больше жить без ее ласки. По безумным глазам его она убедилась, что он говорит трагически серьезно. Но долг... Однако скажите, рыцарь, можно ли ради долга жить с нелюбимым человеком и таким образом обманывать его? — отказать себе в удовлетворении ее властного инстинкта, отказаться от любви любящего и любимого.

отказать в том же другому, стать виновницей смерти человека, убийцей, и любимого притом? — стать причиной самоубийства этого человека, т.-е. кончины греховной, осуждающей душу его на муки вечные?.. И все это в то время, как есть выход: дать богатое наслаждение себе и другому, оставив супруга при той же утешительной иллюзии, при которой состоит он и сейчас. Ему ведь от этого нисколько не станет хуже...

Дон Кихот *(хмуро)*. Я мало сведущ в подобных делах.

Мурцио. Но все же...

Дон Кихот. Я всегда за правдивость. Пусть дама все расскажет мужу, воззвав к его великодушию.

Мурцио. Несомненно, в таком случае супруг повесит офицера и сошлет в монастырь даму.

Дон Кихот *(задумчиво)*. Жизнь сложна, граф... Дай бог разобраться в собственном существовании... Я не судья в делах других людей.

Мурцио. Знайте же, Дон Кихот, что этими словами вы обрекли человека, а может быть, и двух, на смерть.

Дон Кихот *(испуганно)*. Каким образом?

Мурцио. Долой маски и притворное шутовство. Сердце к сердцу. Обнажим души. Мы здесь три благородных человека. Это я люблю герцогиню и она — меня.

Герцогиня. О!

Мурцио. Умоляю... Осудите же меня на смерть, а ее—на вечное раскаяние. Или скажите то, чего я жду от вас. Скажите: молодость имеет право на счастье. Кто обеднеет? Кого мы обидим? С великой бережностью отнесемся мы к правам и достоинству герцога. Ни он сам и ни один смертный не будут знать тайны. За что же, во имя какого идеала, осмеливаетесь вы, Дон Кихот, убить это счастье, убить меня, а может быть, нашу юную, прекрасную, цветущую повелительницу? О, гер-

гиня, скажите, разве я не угадал? Да, я знаю, я чую, что вы решили умереть вслед за мной. Скажите, герцогиня, скажите!

Герцогиня *(стараясь быть серьезной)*. Да.

Мурцио. Вы видите. Казните же, жестокий в своей добродетели рыцарь, казните во имя вашей черствой святости!

Дон Кихот *(сильно взволнованный)*. Да минует меня такая судьба. Пойдем все трое и бросимся к ногам герцога.

Мурцио. Наивный воин! Это та же смерть... быть может, для троих.

Дон Кихот. Если вас сколько-нибудь может утешить то, что я умру вместе с вами, — умрем. Смерть наша не будет напрасной. Мы покажем, что любовь сильнее ее, но что жажда правды сильнее даже жажды любви. Здравствуй, подвиг! Идем же, идем упасть к ногам герцога. Или он простит и отпустит вас куда-нибудь на далекие острова для счастья друг с другом, или умертвит нас троих как мучеников, и на наших гробах вырастут трогательные и поучительные саги и песни во славу вечной любви, вечной правды и в проклятие насилию и предрассудкам.

Мурцио. Дон Кихот, Дон Кихот! Есть одно, на что неспособна пойти герцогиня: это — сделать несчастным обожаемого супруга и повелителя. Сказать ему: я не люблю тебя—это значит пронзить его сердце. Пусть мы трое умрем ради правды, но как убить ей того, перед кем она благоговеет, как перед отцом?

Дон Кихот. Новое осложнение. Но тогда — во имя любви к герцогу — отрекись, о юноша! Принесите себя в жертву, страдайте, терпите, — пусть все остается по-прежнему.

Мурцио. О, Дон Кихот, вы не знаете, вижу я, что значит страсть! Для меня есть одно отреченье, которое я готов предложить ежемгновенно — смерть. Но с ужасом пред-

вижу, что смерть моя фатально повлечет за собой и смерть герцогской четы; выход один, великий герой, выход один. Счастливая, сладостная, блаженная, тайная любовь. Здесь ложь становится святою. И надо, чтобы герцогиня постигла всю святость этой лжи. Вот почему я прошу вас, святой рыцарь, благословить наш обман.

Дон Кихот *(задумчиво)*. Какая ужасная вещь жизнь! Какие запутанные узлы, перед которыми меркнет самый роман о Тристане. Совесть, совесть, подскажи мне решение! *(Глубоко задумывается. Мурцио подмигивает герцогине, которая чуть заметно улыбается ему.)* Дети, подойдите ко мне, склонитесь. *(Они склоняются.)* Во имя борьбы со смертью, слишком часто пожирающей юность, во имя скорби и мощи любви, во имя жалости и почтения — я с сокрушенной душой благословляю вас на тайную любовь. В благоговении, в раскаянии, в горестно сладком углублении в себя — идите вашим скрытым путем, берегитесь и берегите дорогое третье сердце. *(Мурцио и герцогиня улыбаются друг другу и гримасничают, пока Дон Кихот благословляет их.)* Мне страшно в эту минуту. Чей я священник сейчас? Не священник ли сатаны? Но перед отверстою синевою небес я возглашаю вечным силам: вечные силы, да ляжет на мою душу вся ответственность за совершаемое и за все, имеющее отсюда проистечь. Да обрушится ответственность эта на мою неразумную голову, если она ввела их в заблуждение. Я дам и за них ответ на страшном суде, грудью покрою их от стрелы разящей справедливости, потому что это бедные, бедные дети.

(Закрывает лицо и быстро уходит. Герцогиня и Мурцио хохочут.)

Герцогиня. Вы были неподражаемы, граф.

Мурцио. Разве я вам не обещал? Когда свидимся, чудная? Вы знаете, что здесь сейчас будет устроено еще одно издевательство по моему плану, менее тонкое, чем моя импровизация, но весьма феерическое. Наше свидание...

Герцогиня. Короткий разговор в саду около павильона Помоны в полночь.

Мурцио. Мириады благодарностей.

Герцогиня. Разойдемся.

Мурцио. Я буду в саду, увлекательная, и превзойду себя. Я счастлив.

(Расходятся. Появляются Мария Стелла и Мирабелла.)

Мирабелла. Куда ты, дурочка? ты вся дрожишь. ты вся в слезах?

М. Стелла. Оставь меня. Я видела дно низости и вершину духа.

Мирабелла. Экзальтация. Не уходи. Смотри: целая толпа идет сюда. Герцог нас увидал.

(Входят герцог с целой толпой придворных дам и кавалеров.)

Герцог. Мирабелла и Мария, мы вас ищем повсюду, а вы уже здесь на арене грандиозного комического спектакля с протагонистом рыцарем Буффо Дон Кихотом. Все готово?

Церемониймейстер. Все готово, ваша светлость.

Герцог. Все знают свои роли?

Голоса. Все, все, ваше высочество.

Герцог *(садясь в кресло)*. Мирабелла. Сядьте по левую мою руку. Герцогиня сядет справа... Где герцогиня?

Герцогиня *(приближаясь)*. Я здесь, Дон Алонзо. *(Садится рядом с ним.)*

Герцог. Вы присутствуете, Панно? Где же Мурцио?

Герцогиня. Проходя сюда, я видела его в библиотеке. Он был занят разговором с нашим уморительным гостем.

Герцог. Отлично... Отыщите теперь его оруженосца.

(Все размещаются, смеясь и разговаривая. Два маленьких пажа вводят Санчо Панса за руку.)

Герцог. А, мой друг Санчо! Ты отдыхал. Это видно по твоей прическе... Хорошо ли ты спал, мой друг?

Санчо. Плохо, ваша светлость: эти два канальчонка уложили меня очень удобно, но потом через каждую минуту спрашивали то один, то другой, что мне снится. Так я и не заснул ни на мгновение. Я уже думал — не посечь ли мне их. Да уж слишком они милы. *(Пажи хихикают.)*

Герцог. Ну, ничего, друг Санчо, успеешь отдохнуть, а сейчас, дружище, нам не до сна. Моя страна подвергается ужасной опасности, и только твой господин может спасти ее. Торопись, отыщи его. Он, кажется, теперь в библиотеке с графом Весконсином. Скажи ему, что я прошу его пожаловать сюда немедленно, что я имею к рыцарю Печального образа важную и покорную просьбу.

Санчо. Я лечу на крыльях ветра, а мой господин примчится на крыльях бури... Ловко сказано. Я наслышался. Говорю как книга... Спешу... *(Уходит.)*

М. Стелла. Ваше высочество, позвольте мне уйти...

Герцог. Почему, разве ты не хочешь позабавиться, милая Мария Стелла?

М. Стелла. Простите меня, ваше высочество, но ваши забавы кажутся мне более жестокими, чем игры римского цирка... Я не могу смеяться над достойным, хотя и несколько странным человеком. Дон Кихот меня трогает.

Герцог. О, это воспитание в утонченных французских монастырях! Мария Стелла, в вас убили, засушили непосредственную радость жизни. Говорят, вы даже не едите мяса и не пьете вина?! *(Придворные хохочут.)*

М. Стелла. Мне противно и то и другое.

Герцог *(смеясь)*. Это забавно... Мария Стелла, ты в самом деле в некоторой мере пара нашему приятелю Дон Кихоту. Но я приказываю вам остаться... Да... запрещаю вам судить нас, наши развлечения и вкусы. Вы привыкнете, Мария Стелла, и будете скоро смеяться над вашим детским слабодушием. Сядьте.

(Мария Стелла кланяется и садится, потупив глаза. Входят Мурцио, Дон Кихот и Санчо.)

Мурцио *(предупреждает Дон Кихота)*. Мы пришли впопыхах. Что ужасное случилось здесь? Вот он, мой достойный и великий друг Дон Кихот. Его присутствие среди нас — гарантия, что никакая опасность не может быть для нас грозной.

(Дон Кихот кланяется.)

Герцог. Будем надеяться. Герой Ламанчский, внимайте нашим словам. Вы видите сидящую здесь по левую руку нашу Донну Мирабеллу — нашу родственницу, вдову нашего несчастного личного оруженосца, покойного дона Диэго делла Вос, да удостоится он царства небесного! Покидая земной мир после чрезмерного насыщения дичью и рыбой, незабвенный наш оруженосец — с грустью вспоминаем мы, как любил поесть наш слишком рано призванный господом друг — завещал нам оградить покой своей молодой жены, любимицы нашего сердца, веселой, вопреки всему, Мирабеллы. О, она даже в эту скорбную торжественную минуту не может прогнать очаровательных ямочек со своих персиковых щечек. Могли ли мы не взять под щит державы нашей такую прелесть, и притом вдову друга и мать сына, хотя и родившегося, в силу астрологических причин, через тринадцать месяцев после смерти доброго Диэго. Между тем, беря на себя покровительство красавицы, мы знали, чему подвергаемся. Ибо уже давно преследовал очаровательную Мирабеллу своей скотской любовью не кто иной, как гроза сарацин и испанцев, язычник чародей и великан Африкан. Тот самый

черномазый великан, который забавляется тем, что каждое утро убивает двенадцать слонов, ударяя их одного за другим кулаком в лоб. Прибавьте, что он является вождем черных, черно-желтых и черно-зеленых народов из глубины Африки и бесчисленной кавалерии опасных негритянок, гарцующих на страусах. Мы предвидели, что рано или поздно нам придется столкнуться ради бедняжки со свирепым сим неприятелем. И ныне это случилось. Только что ушел от нас, скрежеща зубами, посол оного полуторасаженного шейха. Почти все здесь присутствующие слышали его последние слова: «Раз вы не хотите отдать Мирабеллу добром, — кричал негодяй-язычник,— вот вам приказ господина: пусть какой-либо испанец выйдет со мной на единоборство. Пусть меч рассудит: мне ли вернуться навеки в пустыню с пустыми руками, вам ли отдать ту, которую я хочу иметь, дав ей в приданое треть герцогства?». Негодяй-язычник не допускал и мысли, что мы можем отказаться от вызова. Знает, что доблесть испанская нам это запрещает. Не будь при дворе нашего великого гостя, мы сами лично одели бы дедовские доспехи и скрестили бы наш христианнейший меч с саблей неверного. Но где присутствует Дон Кихот, заступа угнетенных, там, естественно, поручить ему защиту чести Донны Мирабеллы, нашей чести, целости герцогства и славы Испании, равно как достоинства церкви Христовой. Согласны ли вы, рыцарь Кихот, взять на себя этот подвиг?

Дон Кихот. Великий государь! В страшную минуту эту я со смущенной душой прошу вас взвесить, не имеется ли среди ваших подданных кого-либо достойнее меня. Кто я? Одно лишь есть во мне — готовность. Когда судьба и совесть зовут бороться за добро — я иду. Безмерно больше боюсь я не откликнуться на такой зов судьбы, чем умереть. Вот и вся моя доблесть. Беспощадная к себе покорность гласу совести. Когда рискуешь только собственным бренным телом — ничто тебя не пугает. Но когда поражение связано с гибелью счастья дамы, чести государя,

связано с великим ущербом для страны и бесславием для церкви, тут дело иное. Только в таком случае признаю я, что совесть зовет меня на риск такого размера, когда я буду убежден, что некем заменить меня. Вы, кавалеры с широкой грудью о железных мышцах, вы, юные, одаренные верным оком, молниеносными движениями — идите, сразитесь с дерзким чудовищем Африканом.

Герцог. Кто посмеет считать себя выше Дон Кихота, рыцаря Печального образа?

(Молчание.)

И мы, и бог, и честь, и совесть вас зовут, Дон Кихот.

Дон Кихот. Герцог, позвольте мне помолиться. *(В глубокой серьезности опускается на колени. За его спиной гримасы и сдержанный смех).*

Дон Кихот. *(вставая).* Во имя всего благого во вселенной — я готов. Не верю, чтобы силы вышние оставили меня в последнем боренин, ибо чиста моя готовность на жертву. Пусть отымется от меня не только мимолетная и горькая земная жизнь, но и вечная жизнь души. Но да будет победа, нужная добру и свету, победа любви.

(Входит толстый негр в тюрбане и с причудливой булавой.)

Герцог. Кто это?

Церемониймейстер. Кто ты, входящий дерзко?

Негр. Посланник величайшего из черных людей Махмуда Шейха Африкана. Трепещите, он идет сюда.

(Входят два трубача с трубами, два литаврщика, фантастический знаменосец с пестрым знаменем, наконец, огромного роста негр в золоченых доспехах и зубчатой короне на курчавой голове.)

Герцог. А, ты здесь, ненавистный и пагубный Африкан? Здесь ныне ты найдешь своего первого победителя.

Дон Кихот. Санчо, дай мне мои латы и оружие.

(Санчо торопливо уходит.)

Так вот он, этот непобедимый чернокожий. О, если бы от силы тела зависела победа, как легко сокрушил бы он мой немощный и стареющий организм. Но тогда надо бы отчаяться в самой победе добра, которое повсюду слабо на вид. Трепещи, Африкан, разве ты не видишь ангела за моей спиной?

(Африкан весело и глупо смеется, показывая сахарные, белые зубы.)

Дон Кихот. Смейся, язычник, я молюсь.

(Санчо приносит оружие. Он помогает Дон Кихоту облечься в доспехи.)

Дон Кихот. Жалкий панцырь мой, будь тверже адаманта, вера и твердость духа тебя да укрепят. Шлем героя, варварскою рукою переделанный в таз цирюльника, засверкай на голове того, кого небо избрало борцом правды. Мой добрый и старый меч, да правят тобою силы Любви... Ну... я готов.

Толстый негр. Всесильный Африкан, богошейх и сверхрыцарь.

(Начинается бой, трогательно серьезный со стороны Дон Кихота и явно карикатурный со стороны негра. Повсюду сдержанный хохот. Дон Кихот, видимо, утомляется. Негр выбивает меч из его руки.)

Толстый негр. Подыми, рыцарь. Склонись и подыми. Великий Африкан позволяет тебе это.

(Смех громче.)

Дон Кихот. Силы небесные! Разве была еще личная гордость в моем сердце? Склонюсь и подыму. Смерть или победа?

(Негр тотчас же вышибает у него опять меч).

(Хохот.)

Толстый негр. Кланяйся, подымайся, рыцарь.

Дон Кихот. Что это? — Выпьем чашу до дна. За что карает судьба даму, государя, Испанию, церковь? — не за меня же, недостойного!

(Негр в третий раз вышибает меч.)

Дон Кихот. Кончено... убей меня.

(Негр бьет его по голове плашмя с такой силой, что Дон Кихот падает, как пораженный громом, без чувств. Общий громкий хохот. Но сквозь него слышно вдруг судорожное рыдание Марии Стеллы, которая убегает. Негры уходят.)

Герцог. Санчо! Омой водой голову твоего господина, приведи его в чувство. Он побежден. Он погубил нас всех, Санчо. Позор, позор!

Санчо. Мне кажется, милостивые господа, что вы издеваетесь над моим добрым господином.

Герцог. Вот как? Уведите бездельника.

(Санчо подхватывают и уводят.)

Панпо, приведите в чувство напыщенного старого осла. Теперь, думается, начнется самое интересное...

(Панпо приближается к Дон Кихоту, дает ему нюхать какие-то соли, трет ему чем-то виски.)

Паппо. Вот как. Мой бедный Палладин. Вы открываете глаза. Присядьте. Нет, не вставайте пока. Вы слишком слабы, упадете.

Дон Кихот. Дайте мне умереть.

Паппо. К чему? Ваша смерть бесполезна. Как, впрочем, и ваша жизнь. Игра проиграна.

Дон Кихот *(закрывая лицо руками)*. Позор. Если бы я был чист до дна сердца, силы неба не покинули бы меня!

Паппо. Силы неба, силы неба. Все это чепуха, бедный человек, а вот силы тела давно вас покинули и вам отнюдь не следовало вступать в драку с этим верзилой.

Дон Кихот *(вставая через силу)*. Где победитель?

Паппо. Удалился, но он возьмет свое.

Дон Кихот *(Мирабелле)*. Прекрасная дама, вы здесь еще? Об одном молю я вас: позвольте, когда вернется злой исполин, заставить его перешагнуть через мой труп, прежде чем он коснется вас.

Герцог. Все это лишнее, Дон Кихот: вы побеждены, а с вами — мы. Мы слишком доверились вам.

Дон Кихот. Ангелы, ангелы, за что же вы покинули меня?

Мирабелла. Я не против того, чтобы разрешить Дон Кихоту бодрствовать ту ночь у того павильона, где я буду скрываться. Мне жаль героя. Пусть умрет, защищая меня еще раз.

Дон Кихот. О, чудо доброты! Дай облобызать край твоего платья.

Герцог. Все погибло, даже честь. Не приближайтесь ко мне, рыцарь. Удалитесь лучше. Поймите, как тяжело мне вас видеть.

Дон Кихот *(пошатываясь, робко вернувшемуся Санчо).* Санчо... твое плечо. *(Уходят.)*

(Взрыв хохота.)

Герцогиня. Что за неподражаемая серия гримас.

Мурцио. Это смешно до слез. Жалобно до колик.

(Хохот.)

ЗАНАВЕС

КАРТИНА IV.

(Герцогский сад. Справа вычурное здание: павильон Помоны, слева купы растений. В глубине пруд, осененный густыми деревьями. Дон Кихот, освещенный луною, стоит на страже.)

Дон Кихот. Около полуночи, думается мне. Никто не подходил. Промелькнули только две тени и улетучились... мне показалось, что это были те двое, которых я соединил сегодня. Праведно? Кто знает... Допускаю мысль, что за это и покарало меня небо поражением. Пусть... счастье им, а ответ мой. Я сам хотел того. Но те, кто связан судьбою с моей победой? Кто знает. Судьба мудра. Я много раз убеждался в том. Быть может, сегодня же исполин подавиться костью и околеет. И вот все будет спасено, кроме меня, который заслужил свой стыд. *(Пауза.)* Поистине, я не ищу больше ни капли счастья для себя. Поэтому легко мне говорить—возьми, судьба, эту жизнь во искупление... Зачем она мне, и какой тут подвиг? Вот если бы такая блестящая цветущая юность, как герцогиня и граф, принесли себя в жертву за чужие грехи — ах! Это было бы чудо, и такую жертву, я убежден, судьба приняла бы благосклонно. Но да будут счастливы. Да будет счастлив всяк, кто может... а мы... мы будем

скромны. Я все еще слишком много думаю о себе. *(Пауза.)* Все таинственно на свете, — это ясно при луне. Откровение... Оно отмерено людям по их росту. Как ни резко это в устах моих, но я многому не верю уже в Святом Писании. Однако я верю в силы вышние. Я их чую порою совсем рядом. Люблю их. Они, правда, ни разу не дали мне ничего похожего на счастье... Правда и то, что все безмерное большинство людей и даже всех чувствующих веществ — устроено чудно в этом мире... Но что из того — как часто ясно мне бывало, что мы проходим горнило испытаний. Боже, или боги, простите мне — но мне порой казалось, что из горнила этого я выхожу к концу концов чистым: тогда уверенность в некоем возвышеннейшем счастье в жизни новой овладевает мною, и я ощущаю бурную радость. *(Пауза.)* При луне и один я часто говорю сам с собою. Когда я был совсем юн, я декламировал луне стихи. Они лились тогда неудержимо. Я сам бывал поражен своей импровизацией и недалек был от мысли, что некий светлый демон нашептывает мне в сердце эти мелодии и образы. *(Пауза.)* В памяти встают иные обрывки... мне было шестнадцать лет. Сестра вышла замуж за дона Сильву. Он был стар. Она плакала. Я утешал ее, как мог. Но сам был неутешен... И в лунную ночь, когда она уехала, я смотрел долго от ворот на дорогу... и тогда я вдруг стал говорить... я еще теперь помню иные строфы:

При луне стал мне ясным наш путь..
Друг-сестра, он начертан печалью.
И сливаясь с туманною далью, —
Он не манит нигде отдохнуть.
Мы пойдем неустанной дорогой.
Друг-сестра, она стелется вниз,
И потом, вдоль скалы, как карниз,
Она лепится вплоть до порога.
Слева камень, обрывист и гол,
Справа бездна и пенное море...
И пути не останется вскоре
Для того, кто к пределу пришел.

И тогда упадем мы с тобой.
Упадем, чтоб разбиться внизу.
Удержи горделиво слезу,
Не унизься ненужной борьбою.

Помню, я тут плакал. И смотрел на луну, как сейчас. И потом вдруг почти запел конец:

Упадем, но послушай, сестрица.
Отчего мне так радостно вдруг,
Что шепнул мне неведомый друг?
Что пропела незримая птица?
Упадешь, — эта птица поет: —
«Но подхватим тебя мы на крылья
И помчим вас с сестрой Инезильей,
И направим мы к раю полет.
Распахнутся пред вами ворота:
Путь печали приводит к венцу».
Это так. Приближаясь к концу —
Приготовься, сестра, для полета.

(Пауза.) Я все хотел сказать сестре эти стихи, но мы так и не повидались с нею больше. А теперь вот я действительно приближаюсь к концу и, по правде, несмотря на сломанное тело, — я готов для полета... Готов. *(Задумывается.)*

Мирабелла *(в окне)*. Пст. Рыцарь Кихот, это вы?

Дон Кихот. К услугам Донны Мирабеллы.

Мирабелла. Вы один оберегаете меня?

Дон Кихот. Я не видал никого другого.

Мирабелла. Трусы.

Дон Кихот. Нет, но они связаны словом, они не имеют права защищать вас, таково условие проигранного мною поединка. Но я здесь, чтобы умереть.

Мирабелла. Великан что-то не идет.

Дон Кихот. До утра далеко. К тому же он может прийти и днем.

Мирабелла. Дон Кихот!

Дон Кихот. Донна делла Вос!

Мирабелла. Пусть вы побеждены, вы все же великий герой.

Дон Кихот. Я недостойный рыцарь. Но да простит мне небо, если ваша ясная душа меня простила.

Мирабелла. Вполне, вполне. Поцелуйте мою руку.

Дон Кихот. Окно высоко.

Мирабелла. Встаньте на карниз. Да скиньте меч, отложите ваше оружие. Вот так. Встаньте на карниз. Ха-ха. Он падает. Да держитесь же за глицинию. Ну, целуйте мою руку. Так. Дайте мне вашу. Да протяните мне ее сюда.

Дон Кихот. Что вы хотите?

Мирабелла. Поцеловать благородную руку, которая сражалась и будет сражаться за меня.

Дон Кихот. Я не могу позволить...

Мирабелла. Я требую. Я прошу.

Дон Кихот. Дорогая девушка, я хотел бы иметь такую дочь. Вот моя бедная, изможденная, тощая рука, не сделавшая и стотысячной доли того добра, которое хотела сделать.

(Мирабелла ловит руку, накидывает на нее ременную петлю и привязывает к крюку окна. Рассыпчато хохочет.)

Дон Кихот. Что это? Почему вы привязали меня, Мирабелла. *(Со страхом.)* Донна делла Вос! Она ушла... Она привязала мою руку... Что это? Мне очень неудобно... И

больно... мучительно больно... Нога скользит... сейчас я повисну... о, пытка... пытка тела и души... смешная пытка... больно... терпи, терпи твое комическое распятие, Дон Кихот. *(Пауза. Дон Кихот крепится, потом стонет.)* О, мне больно... Жилы трещат... мука... силы неба, дайте терпения — либо бесчувствия, либо смерть.

(Пауза. Быстро подходит Мария Стелла.)

М. Стелла. Что вы здесь делаете, Дон Кихот? Что за поза, чего вы ищете на окне?

(Дон Кихот молчит.)

М. Стелла *(всматриваясь)*. А, боже, вы страдаете... Он привязан... Один миг, рыцарь, я развяжу вас.

(Вбегает в павильон, через минуту появляется в окне, отвязывает петлю. Дон Кихот падает.)

М. Стелла. Упал. — Вы ушиблись. Дон Кихот, вы живы?

Дон Кихот. Я жив, дорогое дитя.

М. Стелла. Благодарение деве Марии!

Дон Кихот. Я жив, но уничтожен.

М. Стелла. Она нагло пошутила над вами. Жестоко и низко... Понимаете ли вы это?

Дон Кихот. Дорогое дитя, я предпочитаю не понимать.

М. Стелла. И уходите, уходите скорее. Я пришла сюда потому, что услышала ее злой и веселый смех, и раскатистый хохот двора, и резкий голос графа...Я поняла, что они опять что-то затеяли против вас, и пришла... Благодарение владычице, что я пришла освободить вас от страданий. Уходите скорее.

Дон Кихот. Они затеяли... *(Все стоит.)* Я останусь., Мария Стелла.

М. Стелла. Умоляю вас...

Дон Кихот. Я вижу зарево факелов. Они идут. Мы поговорим с ними.

М. Стелла. Новое несчастье для бедного рыцаря.

(Факелы. Входят герцог и герцогиня, Панно, Мурцио, кавалеры, дамы и слуги.)

Герцог. Постойте. Кто-то отвязал его и наполовину испортил нашу шутку. Ну, все равно... *(Подходит к Дон Кихоту.)* Вероломный! *(Минута молчания.)* Ты станешь отпираться, потому что тебе удалось сорваться с ремня. Ты осмелился поднять взор пса на нашу племянницу. Делать ей гнусные предложения? Карабкаться к ней в окно?

Дон Кихот. Довольно!

Герцог. Что?

Дон Кихот. Ваше высочество, довольно. Я понял. Вы все время издеваетесь надо мною. Вы пользуетесь тем, что я взял вас и ваши слова всерьез. Хорошо, будем молчать о прошлом. Я виноват больше вас. Но отныне и впредь я воспрещаю вам шутить надо мною, будь вы хоть императоры и папы.

Герцог. Что такое? К похотливости и низости он прибавляет и угрозы.

Дон Кихот. Ни слова больше в этом стиле комедии. Я обращаю ее в трагедию. Ты оскорбил Рыцаря, герцог. Ты оскорбил достоинство странствующего рыцаря. Тебя или того, кто захочет заменить тебя, я зову на смертный бой. Вот моя перчатка. *(Бросает перчатку, общий хохот.)*

Герцог *(покатываясь от смеха)*. Это... это он называет трагедией. Ну, ладно, ладно, старина. Бери свой вертел. Герцог окажет тебе честь. Ээ, слушайте, я выбью меч из его рук, а своим мечом надаю ему шлепков, как школьнику.

Дон Кихот. Ваше высочество. Готовьтесь.

(Бой. Дон Кихот с нечеловеческой силой разбивает пополам меч герцога.)

Герцог. Эй, кто там, остановите негодяя! Хватайте безумца, он подымает руку на своего государя!

Дон Кихот *(успокаиваясь)*. Корона досталась вам случайно. О, двор шутов, царящий над злополучной страною! Вот, я бросаю мой меч. Не бойтесь меня, старого Кихота. Я даже без оружия. Только на миг я был страшен, ибо ангелы гнева были со мною.

Герцог *(визгливо)*. В тюрьму его. На цепь!

(Сбиры хватают Дон Кихота и тащут.)

Дон Кихот. Синьора, Мария Стелла, мой нижайший поклон вам и пожелание счастья, дорогое дитя.

М. Стелла. Я бегу, спешу... я не позволю им. *(Исчезает от окна.)*

(Дон Кихота уводят. Герцог и его свита удаляются.)

Стелла *(выбегая, застает одного Мурцио)*. Вы. Вы. О... О... О... Как мне высказать всю глубину презрения к вам... Шут паяца! *(Уходит.)*

(Пауза.)

Мурцио. Какая красавица!.. Как прекрасна она была сейчас. Ангел гнева был также и с нею... Как она меня презирает. Как надо было бы отомстить ей! Мурцио, Мурцио! Но разве ты-то не презираешь себя! Шут — паяца. Хуже, хуже... Чистая девушка не знает... Мурцио, Мурцио, как ты грязен, как ничтожен, как противен...

(Падает на скамью и плачет.)

ЗАНАВЕС.

КАРТИНА V.

(Тюремная камера. Дон Кихот лежит на койке. Тусклый вечерний свет падает из окна. Санчо и тюремщик тихо разговаривают.)

Санчо. Да... очень, очень добрый рыцарь. Самое горячее и любящее сердце на свете. Но что ни приключение, то — либо кутузка, либо колотушки. «Вы неправы, синьор рыцарь,—говорю я ему,—вы неправы: вы принимаете мир не так, как он есть». А он отвечает: — это мир неправ. «Против мира не пойдешь», говорю я ему. — Против совести тоже, — отвечает.

Тюремщик. Совесть. Без совести плохо, потому что тогда желания бунтуют и легко проштрафиться. Но и с совестью худо, когда она не считается строго-престрого с тем, что принято всеми. Есть преступления от недостатка совести и есть от совести чрезмерной.

Санчо. Вот я то же говорю: чтобы жить умно — не надо совести. Надо знать, чего от тебя хотят, и делать свое дело, никому не переча. Надо быть овцой, не волком и не сторожевой собакой. Правда, что овцой надо быть умной, а то другие тебя будуть драть.

Тюремщик. Надо уметь и зубы показать, когда нужно. Только зубы показать следует лишь слабейшему: перед меньшим гордись, а перед большим согнись, — да долголетен будешь на земле.

Санчо. Мы с вами в одно слово. Так я жил у себя под фигой. И жена и дети такие же у меня благонамеренные, как я сам. А теперь... ах, синьор тюремщик, что за горькое житье.

Тюремщик. Что же вы его не бросите, Санчо? Разве он так дорого вам платит?

Санчо. Ничего он мне не платит, только обещает сделать меня губернатором острова.

(Тюремщик смеется.)

Я и сам вижу что не будет этого! Если я остаюсь с ним, так не из-за острова, а из-за жалости. Уж очень хороший человек.

Тюремщик. Правы же те, которые бьют вас, Санчо. В жизни надо быть практиком. Раз вы увязались за сумасбродом из-за разных чувств — значит и сами рехнулись.

Санчо *(чрезвычайно удручен)*. Вот, вот.

Тюремщик. Правы же те, которые бьют вас, Санчо. В честéн, а когда надо хотя бы и поподличать — иду и на то: это и значит быть практиком. В этом — истинная мудрость.

Санчо. Все так, все так. Теперь мы уже вторую неделю сидим в тюрьме, а с господином моим все хуже. Увлекся снами. Встает радостный: «Что мне снилось?» и рассказывает такие небылицы, что я, наслушавшись, не знаю, стать ли мне на четвереньки и взреветь, как мой Серый, или напиться до чортиков.

Тюремщик. Спит много.

Санчо. Ради снов, синьор тюремщик. Что мне тюрьма! — говорит, — во сне я свободен и даже летаю

Тюремщик *(смотрит на Дон Кихота и ухмыляется)*. Он, пожалуй, и сейчас летает.

Санчо. Чего доброго... Потом сочиняет много стихов. Я этого за ним раньше не примечал. Теперь чуть ли не все время говорит в рифму. Умоляю его в иной раз: синьор рыцарь, обожаемый господин, высокочтимый Дон Кихот, не говорите стихами, пожалейте вашего бедного оруженосца! Ничего не помогает. *(Задумывается.)* Я уже ловлю себя на том, что и сам стал сочинять стихи.

Тюремщик. Дело плохо.

Санчо. Например: О, боги, о, боги, о, боги, мне нечем чистить сапоги! Или еще лучше: Я прежде ел, был вольной птицей, теперь в тюрьме — хлеб с луковицей!

Тюремщик. Вы сочиняете здорово.

Санчо *(несколько сконфуженно)*. Я и про вас сочинил.

Тюремщик. А что?

Санчо *(декламируя)*:

Какая б вышла кутерьма,
Когда бы лопнула тюрьма.
Она бы стала вдруг порожней,
Тюремщик, будь поосторожней:
Эй, лопнет! здесь бы пал и конь,
Понюхай-ка, какая вонь.

Тюремщик. Очень хорошо. Идейное содержание и красивая форма. Особенно мне нравится—ка-ка-ка в последней строфе.

Санчо *(самодовольно)*. Понюхай-ка, какая вонь.

Тюремщик. Слышите?

Санчо. Это пастух играет на рожке.

(За окном заунывно играет рожок пастуха.)

Тюремщик. Он скучно играет. Повеситься впору.
Санчо. Да... жалко.

(Слушают.)

Санчо. У меня под фигой... бывали славные деньки. *(Вздыхает.)*

Тюремщик. А у меня никогда не было ни дома, ни собственной фиги.

(Дон Кихот подымает голову.)

Санчо. Просыпается. Идите, синьор тюремщик.

(Тюремщик кланяется в сторону Дон Кихота и уходит. Дон Кихот садится на койке и смотрит по сторонам.)

Дон Кихот. Санчо! Я лежу давно с открытыми глазами и слушаю. Как чудесно играет пастух! Я переживаю что то очень сложное и нежное. Я постараюсь выразить это так...

Санчо. Милостивейший господин. вы опять будете говорить стихами?

Дон Кихот. Да, это речь, роднящая человека с агнелами.

Санчо. Ангелы говорят стихами?

Дон Кихот. Именно, при этом они поют.

Санчо. Это презанятно, но потом... может, пожалуй, надоесть. Если бы на земле все пели стихами, я бы охотно переселился на луну, где, говорят, все молчат.

Дон Кихот. А пока помолчи на земле и слушай:

О, ты, напев простой жалейки,
В тебе живут любовь и грусть.
Ты говоришь мне: пожалей-ка
Людей бедняжек. В сердце пусть
Цветком невинно ароматным
Взрастет любовная печаль.
Ведь в мире бурном и превратном
Людей так жаль, так жаль, так жаль!

Санчо *(задумчиво)*. На этот раз я немножко понял. А то я обыкновенно, когда вы говорите стихами, ничего не понимаю.

Дон Кихот. Но ты чувствуешь сердцем.

Санчо. Сердцем... Скорее носом... Когда вы поднимете голову и начинаете вот этак подвывать, когда вас особенно схватит вдохновенье, — то у меня начинают щекотать в

ноздрях, так что я скорее чешу переносицу, чтобы не чихнуть.

Дон Кихот. Бедный Санчо. Меня мучит один вопрос: бессмертная ли твоя душа?

Санчо. Вот те на!

Дон Кихот. Когда мы умрем — ты не сможешь больше быть моим оруженосцем. Ты отстанешь, Санчо... Вообрази, что мы умираем...

Санчо. Не дай бог.

Дон Кихот. Моя душа, я знаю, готова для полета. Может быть, крылья ее слабы, как у молодого воробушка, но все-таки, поддерживаемая кем-либо из снисходительных небесных друзей, она полетит. Но твоя душа? Твоя душа, боюсь, все еще гусеница, а не бабочка.

Санчо. Я ни за что не расстанусь с вами, ни за что, ни за что! Конечно, Серому удавалось гоняться за Росинантой только потому, что кобыла ваша, вероятно, родная дочь одной из обитательниц Ноева ковчега, но думается мне, что я уже ухитрюсь как-нибудь. Моя душа как-нибудь поползет все в ту сторону, все в ту сторону, куда умчится ваша. Будут же у вас привалы и остановки, моя душа будет одержима надеждой, что где-нибудь нагонит вас. Она будет ползти и ползти, никогда не останавливаясь.

Дон Кихот. Милый, добрый Санчо. Да возьмут твою душу ангелы на свои широкие крылья.

Санчо. Аминь. Теперь я пойду посмотреть, что кладет в похлебку синьора Пуппа.

Дон Кихот. Иди, Санчо...

(Дон Кихот остается один.)

Мне снятся дивные сны, пророческие сны. Сейчас я видел сон о страшном суде... высоко, на багровых тучах, стоял я перед кем-то, чье лицо сияло так, что на него нельзя было смотреть. Он говорил со мною строго и грозно. Он

говорил, что моя любовь... Что моя любовь... Но я не понимаю, почему осуждал он мою любовь. И гром грохотал, но кто-то нежный обвил меня розовым облаком и так умолял, чтоб судья не осуждал моей правдивости: «Нет, нет, не осуждай его... его... его правдивости». Он сказал — какой правдивости, но я не помню... Странный сон, могучий сон. В тюрьме живешь больше, чем в мире, где многое мешает душе. *(Пауза.)* Когда я представляю себе кого-нибудь из лиц знакомых, когда я представляю их себе здесь, в тюрьме, — они возникают передо мною с неожиданной яркостью, как будто совсем живые. *(Закрывает глаза.)* Вот, например, Мария Стелла, — вот ее очаровательные локоны, нежный лоб, печальные вишневые губы и глаза, как синие звезды, какая чудесная, какая ангелоподобная девушка!

(Дверь тюрьмы тихо отворяется, входит Мария Стелла с корзиной в руках.)

Дон Кихот *(с закрытыми глазами).* О, милая Мария Стелла, будьте благословенны. Я бы хотел, чтоб иной раз вы вспоминали на мгновенье... нет, нет, это было бы мгновеньем боли. Вам и так предстоит много страдать, нежное беззащитное сердце..

М. Стелла. Дон Кихот!

Дон Кихот *(открывает глаза).* Видение!

М. Стелла. Я сама.

(Пауза.)

Я принесла вам фруктов, мягкого хлеба, немного дичи, немного вина. Я не могла упросить герцога пустить меня к вам. Герцог кричит при упоминании о вашем имени. Мне пришлось подкупить тюремщика. Это нехорошо, но патер говорит, что благая цель оправдывает дурные средства.

Дон Кихот. Что? О, девушка! Пусть никогда эти ужасные слова не осквернят твоих чистых уст. Что можешь ты ска-

зать о целях. Они в руке судьбы. Делай добро, говори правду и предоставь остальное Провидению.

М. Стелла. Вы человек с прямой душой.

Дон Кихот. Но я благодарю вас, принцесса, за ваше посещение. Ваш обман простится вам не ради цели, но ради источника. Ведь вас привела ко мне жалость.

М. Стелла. Нет, нет, Дон Кихот, не жалость. С тех пор, как я видела вас грозным, как архангел гнева божьего, я питаю к вам не жалость, а безграничное уважение и восторг.

Дон Кихот. Матерь Божия! Какое сокровище послала ты мне на дно темницы!

М. Стелла. Дон Кихот! Дайте мне ваши руки, я хочу целовать их, позвольте мне прильнуть к вашему сердцу. Я не знала отца, о, Дон Кихот! Я не видела вокруг себя ни одного доброго человека. Я так жажду отцовской ласки!

Дон Кихот *(осторожно обнимая ее)*. Приди ко мне, моя милая, дорогая дочка. *(Он садится на табурет, она у него на коленях.)* Сладостно и мне чувствовать на моем колене ребенка.

М. Стелла. Вам не надо слишком верить людям, Дон Кихот. Если бы я была вашей дочкой и всюду следовала бы за вами, люди не обманывали бы вас. А вы такой добрый, мудрый и мощный, что скоро вас перестали бы считать чудаком. Гнусно смеяться над вами. Вашему имени так легко загореться благороднейшей славою.

Дон Кихот. Я знаю, что меня считают сумасшедшим.

М. Стелла *(прижимаясь к нему)*. Оттого, что вы такой светлый, добрый и небесно-благородный Рыцарь Печального Образа. *(Целует его.)*

Дон Кихот. Принцесса, слишком много ласки, до боли в сердце.

М. Стелла. Как я одинока! Как мне сладка его дружба! Дон Кихот. Вы пожилой человек, странствующий рыцарь со смешной репутацией, а я все, все отдала бы вам... Все... все... Ведь мы оба одинаковые, чужие всем...

Дон Кихот *(порывисто встает)*. Отойдите от меня, принцесса, я недостойный грешник. *(Отходит в угол, закрывает лицо руками.)*

М. Стелла. Что случилось?

Дон Кихот. Я умоляю вас и заклинаю вас, уйдите сейчас же, сейчас же. И не возвращайтесь, не возвращайтесь никогда.

М. Стелла. Боже мой, чем я разгневила вас?

Дон Кихот. Ангел, я молюсь тебе. Ты коснулась недостойного человека из грязи... Уйдите.

М. Стелла. Но, дорогой рыцарь, дорогой рыцарь...

Дон Кихот. О, уйдите. Не мучьте меня!

М. Стелла *(направляется к выходу, оборачивается у двери, делает порывистый жест к Дон Кихоту)*.

Дон Кихот *(отпрянул от нее, и она уходит)*.

Дон Кихот *(ходит по камере большими шагами, останавливается и хватается за голову)*. Ужасно. Гад! Гад! Чудовище! Кому исповедаюсь? Вы, стены тюрьмы, видевшие много страданий, вы, духи, которые всюду, что вы скажете о старом человеке, который держал на коленях девушку, называясь ее отцом, ощущает приступ... приступ звериной похоти... О, ужас...

Санчо *(мурлыкая входит)*. Что за аппетитные ямочки на щеках у синьоры Пуппы. Поздравьте вашего оруженосца, милостивейший господин, я только что поцеловал обе щечки синьоры Пуппы. Я, кажется, рассеял вас?

Дон Кихот. Молчи, тварь! И не забудь покаяться в твоих пакостях небу.

Санчо. Милостивейший господин! если вы намекаете на то, что синьора Пуппа не моя жена, то это так правда, но ведь тюремщик при синьоре все равно, что непьющий содержатель винного погреба, с позволения вашей милости. Если же вы считаете пакостью вообще целоваться с женщинами, то... это уже было дело неба устроить нас как-нибудь иначе.

Дон Кихот. Многое соблазняет тебя, но небо сделало нас способными к греху, чтобы мы, побеждая и грех, имели заслугу.

Санчо. В данном случае позволяю себе сказать со всем уважением и со всею твердостью — грех лучше заслуг. Оставайтесь, пожалуйста, с вашими заслугами. Как бы только на том свете вам не сказали, что первая заслуга человека пустить в ход все, что ему дано от роду.

(Пауза.)

Кричат и шумят сегодня необыкновенно, слышны даже выстрелы, тюремщик тоже не знает, в чем дело. Одни говорят, что это охотится герцог, другие — что со стороны степи вдруг явились большие банды беглых каторжников и что они грабят монастырь св. Антония.

(Пауза.)

Дон Кихот! А вы так никогда не любили женщин?

(Пауза.)

Прежде вы мне часто рассказывали о Дульцинее из Тобозы, красавице, которая...

Дон Кихот. Молчи, молчи потому, что ты говоришь вздор, а между тем твои слова сами сплетаются так, что в них слышится какая-то мудрость,—быть может, дьявольская.

Санчо *(спешно и быстро крестит рот)*. Какой шум! Слышите выстрелы? Несомненно, где-то неподалеку идет катавасия.

Тюремщик *(вбегая)*. Осаждают тюрьму. Осаждают какие-то вооруженные люди. Стража разбегается. Ведь это на мне лежит поручение охранять тюрьму и скорее умереть, чем впустить или выпустить кого-нибудь без пропуска.

Санчо. Вдруг придется умереть?

Тюремщик. Я думаю отпереть ворота.

Санчо. Это называется быть практичным.

Тюремщик. Именно... *(Быстро уходит.)*

Дон Кихот. Что же это за люди?

Санчо. Нам не его бояться. Ограбить нас не мог бы сам король, ибо и он теряет свое право там, где ничего нет, так что уже говорить о простом грабителе? Убивать нас им тоже не зачем. Скорее они выпустят из тюрьмы, раз они сами беглые.

(Дверь широко раскрывается, входит Дон Балтазар вооруженный, за ним тоже двое вооруженных.)

Дон Балтазар. Дон Кихот. Добрый, благородный, тебе мы были обязаны нашим освобождением! Ты свободен, рыцарь!

Дон Кихот. Синьоры! Не совершаете ли вы насилия? Если вы действуете во имя правды, не забываете ли о милосердии?

Дон Балтазар *(громко смеясь)*. Чудак! Сейчас мы рубим и стреляем на всех улицах города.

ЗАНАВЕС.

КАРТИНА VI.

(Большая комната. Всюду навалено много оружия, кое-где неуклюжее огнестрельное оружие XVII века. Посередине стол, за которым сидит Дон Балтазар и пишет гусиным пером. Дриго Пацц в панцыре и красном плаще ходит косматый и мрачный, как туча. Он диктует.)

Дриго. Кто из сельских старост, сторожей или алгвазилов не исполнит немедленно этого приказа Народной Хунты, об'является врагом народа и при первой возможности будет повешен как собака.

Дон Балтазар. Я вишу просто — будет повешен.

Дриго. Как собака. Так лучше. Ну, вот.

(Входит вестовой.)

Вестовой. Я от Хуана де Инферно. Он просит вас не медлить с присылкой ему лошадей. Надо бить войска герцога Морены беспощадно, чтобы они не могли оправиться и чтобы другим было неповадно.

Дриго. Пятьсот лошадей послано вчера. Неужели ты их не встретил?

Вестовой. Нет.

Дриго. Какой же дорогой ты ехал?

Вестовой. Через горы.

Дриго *(подходит к нему, кладет руку ему на плечо)*. Слушай, товарищ, если ты еще раз попробуешь удлинить дорогу ради безопасности, то я кратчайшей дорогой пошлю тебя к твоей прабабушке.

Вестовой. Слушаю, капитан. А Хуан будет чертовски рад лошадям.

Дриго. Ступай. *(Ходит молча по комнате.)* Балтазар! Надо заставить докторов служить армиям. У нас порядочно больных.

Дон Балтазар. Прикажи.

Дриго. Мало приказать. Проклятая страна! Для того, чтобы сковать в ней силу, которая даст народу свободу, надобна железная дисциплина. Без страха вся эта сволочь думает только о том, чтобы спрятаться в кусты или грабить для собственного брюха. Каррамба! Я уверен, что, пока мы не повесим двух-трех дезертиров, другие не поймут своего гражданского долга.

Дон Балтазар. Постойте, Нац. Мысль! *(Кричит.)* Эй, кто там есть? *(Входит солдат.)* Приведите поскорей доктора Паппо дель Баббо из подвала.

Солдат. Сию минуту. *(Уходит.)*

Дриго. Ну, действуй, а мне надо поговорить с нашим Вермильоном. *(Подходит к другой двери.)* Синьор капитан, прошу вас.

(Входит Вермильон в лаптях. Он блестит и гремит, на его шишаке огромное красное перо.)

Вермильон. К вашим услугам, синьор капитан.

Дриго. Дон Астр, позвольте поздравить вас со взятием шести монастырей, четырех замков и двух городов.

Вермильон. Делаю, что могу для революции, синьор капитан. Пусть голова Вермильона падет на сырую землю, но пусть благодарные внуки...

Дриго *(громовым голосом)*. Негодяй!

Вермильон. Что, что?

Дриго. Негодяй! Ты грабишь всех и все. Ты пьянствуешь со своими канальями. Ты насилуешь женщин. Ты обижаешь пастухов и крестьян. Ты думаешь — революция позволяет тебе выкинуть монахинь голыми из монастырей? Тешить в себе зверя? Накоплять под шумок золото у своей ведьмы бабушки.

Вермильон. Я не имею... Это напрасно.

Дриго. Молчи! Клянусь тебе моей верой в победу бедного народа, имя которого вы позорите, что повесил бы тебя средь лагеря на высокой мачте, если бы ты... не был удальцом. Но вот тебе честное слово «красного кузнеца»; я расправлюсь с тобой беспощадно, если ты позволишь себе или своим оборванцам еще хоть одну подобную штуку.

Вермильон. Но что же я могу поделать с моими подлецами? Я набрал их по каторжным тюрьмам, по таборам бродяг. Сказать между нами, их не столько интересует революция, сколько нажива.

Пацц. Слушай, Астро! Народ добр, хотя темен. Первые дни свободы окрашены злобой и местью, — раб, выпрямившись, еще несколько дней раб. Хунта берет жизнь в железные рамки, на благо народа. Граждане, крестьяне благословят нас не за то, что мы сотворим новую власть. Кто грабит теперь — жесточайший преступник перед революцией. Порядок в нашей полудикой стране может быть водворен только мерами свирепыми. Это тебе говорю я, Дриго Пацц, который либо пошлет свою душу к чорту в зубы, либо создаст Республику в Испании, чего бы это ни стоило ему и другим. В нем народ, который хочет правды и счастья и готов заплатить за них всякой ценой. Кто мешает — будет стерт с лица земли. Понял?

Вермильон. Понял, капитан. Я сделаю все, чтобы вам не пришлось стереть меня с лица земли. А если не удастся, что же — сотрите.

Дриго. И вашему отряду, капитан. И не пробуйте от меня...

Вермильон. Куда? Вы сильный человек, Пацц. Испания постепенно начнет плясать под вашу дудку.

Дриго. Потому, что моя музыка идет прямо от души бедного народа. Ступайте!

(Вермильон уходит.)

Солдат *(входя)*. Доктор Паппо давно ждет.

Дон Балтазар. Впустите.

(Входит доктор Паппо, помятый и похудевший, низко кланяется.)

Дон Балтазар. Ученейший доктор, мы даем вам свободу и извиняемся, что забыли о вас за многими делами.

Паппо. Ничего, ничего я не скучал. Я размышлял.

Дон Балтазар. Мир обогатился таким образом новыми мыслями. Синьор доктор, вы потрудитесь сейчас же собрать всех врачей столицы всех наций и вероисповеданий. Вы потрудитесь сказать им, что нам нужно взять из них три четверти по их собственному выбору для армии, которая болеет.

Панна. О! Это ведь косные люди, дорогой вождь! Это ведь друзья могучих и богатых, которых вы истребили, разогнали. Они будут вам скорее вредны. В лучшем случае они разбегутся.

Дон Балтазар. Синьор Панно, я постараюсь убедить их на собрании, что долг врача помочь страждущему борцу за свободу народа. Я думаю, что многие не будут против этого. Не все же врачи — люди корысти и лакеи знати. Но вас, в качестве их декана, мы делаем ответственным за них. Дезертирство сознательное, причиняющее вред нашим людям, будет строго караться. Вы потрудитесь учредить трудовую поруку и надзор за тем, чтобы каждый выполнил прямой долг человеколюбия.

Панно. Что касается меня, то я особенный сторонник свободы. Я при отце герцога часто говорил такие вещи, что однажды герцог, отец нынешнего, т.-е. не нынешнего, а, так сказать, недавнего или последнего, — так вот, отец его дал мне, врачу, ученому лицу, пощечину. Я считался красным. Именно при этом, при рождении герцога, присутствовал не я, а Иегуда бен Джобе. Я с вами. Но как поручиться, я спрашиваю вас? Там есть такое дело, возьмите, например...

Дон Балтазар. Врач он все же был хороший. Надо помнить, что большинство из них евреи и мавры, а мы даем им впервые полную свободу и безопасность.

Панно. О, евреи! Знаете, какой это коварный народ?

Дриго. Еще бы. Их обезоруживали, грабили, оплевывали. Что вы оставили им, кроме коварства, чтобы оберегать себя, жен и детей?

Панно. Простите. Я не знал, что могучий капитан—израильтянин.

Дриго. Видите, Балтазар, если кто говорит правду о евреях, они сейчас же думают, что он сам еврей. Нет, я каталонец от головы до ног, но я честный кузнец, который хочет всем дать дышать.

Дон Балтазар. Я перетолкую с врачами. Но помните, доктор Баббо: где не действует убеждение, там действует принуждение. Нам нужна победа...

Панно. ...которую я приветствую и которой я охотно буду служить всеми силами. Будьте беспощадны, великие кузнецы человеческого счастья! Цель оправдывает средства.

Дон Кихот *(входя, останавливается в дверях)*. При самом входе слух мой оскорбляется безнравственной максимой.

Дон Балтазар. Мы не удерживаем вас, доктор. У вас теперь много дела.

(Панно уходит.)

Ну, милый Дон Кихот, дела идут. Великий Родриго *(указывает на Пацца)* создал армию сильнее королевской. Порядок, новый порядок восстанавливается всюду. На пожарищах и на земле, залитой кровью, взойдет некогда роскошная жатва. *(К Паццу.)* Друг мой, вы прекрасны. Вы как божья гроза, человек из народа.

Дриго. Молчи, студент!

Дон Кихот. Вы давно обещали выслушать меня. Мой час... Я буду говорить.

Дриго. Простите, не час, а четверть часа. Так было условлено.

Дон Кихот *(садится в кресло)*.

(Небольшая пауза.)

Я должен предварительно сказать, что долго собирался с мыслями и вот опять не соберусь. Ведь вы не убийцы, не злые люди по природе. Я полагаю, что вы преступники от своеобразной доброты. Это требует уважения к себе. И проповеди труднее проникнуть в сердце, одетое в броню ложной веры.

Дриго. Я предваряю, что занят, и только по настоятельной просьбе Балтазара соглашаюсь в течение четверти часа слушать бесполезные слова.

Дон Кихот. Тем хуже для вас, Пацц, если слова мои окажутся бесполезными. Истинно говорю вам, перед вами не просто Дон Кихот Ламанчский, а посланник Правды.

Дон Балтазар *(улыбаясь)*... которого мы и слушаем с должным вниманием. Мы вас любим, Дон Кихот, и знаем, что мы с вами.

Дон Кихот. С вами и против вас. Защитник ли я герцога и его тирании? Считаю ли господство богатых незыблемым установлением неба? Бог видит — нет. Если дурной порядок, достойный такого чистилища, как им является земля, низвергается, — я могу лишь радоваться, однако, под условием, что он не до ада низвергнется, а чтобы уступить место раю. Я хочу быть очень трезвым с вами, очень разумным. Что мы все? Непрерывные картины нищеты, злобы, неразумения, расстилаются перед нами. Обвиняю ли я вас? Делайте, что можете, но зачем же вы приступили к работе с негодным материалом? Из этих людей пока нельзя сделать благородного человечества.

Дон Балтазар. О, да, на этот раз Дон Кихот разумен и трезв. И как только это вас прославили безумцем? Вы ли это? Вы ли это, который выехал из Ламанча, чтобы подвигами помочь добру и для этого, как никак, вооружились мечом и копьем. Дон Кихот! Если бы вы были правы, и мы начали бы нашу дружную работу над незрелыми материалами, знаете ли, как назвали бы нас в будущем? С ироническим почетом нас назвали бы Дон Кихотами.

Дон Кихот. Гм... да... Ваша острота меня колет, но я собирался исцелять отдельные несправедливости, вы же взялись перестроить все, и вот я сдерживаю моих безумных, если уж вы... Дон Кихоты.

Дриго. Мы вовсе не Дон Кихоты. Чаша терпения народа переполнилась, он восстал. Мы по мере сил служим ему оружием. Или лучше, чтобы погиб народ, чтобы он в анархии погиб под копытами возвращающихся дворян?

Дон Кихот. Нет, но если дело начато, ведите его правильно. Вы должны противопоставить насилию старого мира ми-

лосердие нового. У вас же тюрьмы полны заключенными за убеждения. У вас всякий льет свою и чужую кровь. У вас смерть и казни. И я, старый рыцарь, вынужден выступить против вас, ибо теперь вы, вы, вы — насильники, а они — угнетенные.

Дриго *(вскочив)*. Мне некогда слушать вздор. Идет война за величайшее благо. Надо победить, раздавить врага, который иначе разгромит нас и нашу надежду. Все для победы! Расслабленные пусть идут к чорту... или там... к богу. Дворяне и народ не могут щадить друг друга. Только огонь или вода. Мы или они... Довольно!

Дон Балтазар. Вы сказали правду, Дон Кихот. Творя добро по мелочам, вы даже не остановились перед насилием, но от широких горизонтов у вас закружилась голова. Вы близоруки, рыцарь!

Дон Кихот *(тоже встав)*. Я умоляю вас одуматься. Пусть цель ваша высока, но вы не достигнете ее. Вы потонете в Черном море, через которое ведете народ.

Дон Балтазар. Вы маловер, Дон Кихот. Вы благоразумны. Может быть, это потому, что, в конце концов, вы сами дворянин, воспитанник усадьбы традиции и романов.

Дон Кихот. Я предупреждаю вас: где я увижу угнетенных, хотя бы вами, хотя бы под видом новой справедливости, родной сестры старой, я так же брошусь на помощь, как когда-то вам.

Дриго. И мы так же посадим вас в тюрьму, как герцог.

Дон Кихот. Это вы приравняли себя к тиранам, а не я.

Дриго. Да, мы тираны. Да, мы диктаторы. Вот этот меч,— видите? — он такой же точно, как у дворянина, — только тот рубит во имя рабства, а этот —во имя свободы. Вашему старому черепу трудно переделаться. Вы добрый; добрый человек любит помочь угнетенным. А теперь мы на короткий срок — угнетатели. Боритесь же с нами. Мы

будем бороться с вами, ибо мы угнетаем, чтобы вскоре никого нельзя было угнетать на свете.

Дон Кихот. Посылайте же меня сейчас же в тюрьму. Напрасно было звать меня.

Дон Балтазар. Успокойтесь, Дон Кихот.

Дон Кихот. В тюрьму Дон-Кихота, в тюрьму! Или на плаху! Ибо я враг ваш! Цель — химера, но где насилие — там я противник.

Дриго. Вы старый глупец!

Дон Кихот. Вы — жестокий тиран, вырядившийся в красный плащ.

Дон Балтазар. Бросьте. *(Смеется.)* Уверяю вас мы люди одного лагеря. Дон Кихот, повремените.

Дон Кихот. Нет! Тюрьма или свобода! Для меня свобода — это борьба с вами.

Дриго. Вместе с ордою дворян?..

Дон Кихот. Пусть в одиночестве, но против всякого насилия. В тюрьму, в тюрьму Дон Кихота!

Дриго. Да будет! *(Решительно идет к дверям.)*

Дон Балтазар *(хватая его за край платья)*. Пацц. Пацц! Ты вышел из себя. Уйдите, Дон Кихот, и делайте что хотите. Мы вас понимаем и уважаем, вы же нас понять не можете, но я знаю, вы чувствуете сердцем то, чего не видят ваши подслеповатые глаза...

Дон Кихот Я ухожу. Вы не вняли голосу правды. Вы погибнете.

Дон Балтазар. Это вероятно. Но я предпочту погибнуть с нашей грозной правдой, а не с вашей маленькой...

Дон Кихот. Моя правда самая великая. Она вне пространства и времени и она гласит: не твори зла.

Дриго. А наша во времени и пространстве; она гласит—сейчас в Испании революция. Ты солдат ее, отдай себя ей. Все для победы. Только так сгинет зло... и пусть даже во многих и многих битвах...

Дон Кихот. Истинно вы безумцы...

Дон Балтазар. Ха-ха-ха! Это разговор между безумцем и добряком. Семейное дело!

Пацц. Лжешь, студент! Его крохоборческая лояльная благость — яд в такие дни, а наша едкая ненависть за всех— это святое мученичество.

Дон Кихот. Вы больше мучите других, Пацц.

Пацц. Пойми же, старик, пойми, посмотрев в мои волчьи глаза, что казнить других мучительнее, чем страдать самому, или ты стал черств и не чувствуешь, что на нас венец терновый, что каждое насилие наше впивается иглой в наши виски... Довольно болтовни! С этим старым фофаном как раз и сам станешь сантиментальным. *(За стеной зоря.)* Играют зорю! Вечерний смотр. *(Идет к выходу.)*

Дон Балтазар. Пацц, ты не ел ничего. Тебя задержат там.

Дриго. Молчи, студент! *(Уходит.)*

Дон Кихот. Грубый, как железо.

Дон Балтазар. Я люблю вас, Дон Кихот, я люблю вас, но поистине говорю вам: ваше сердце, как свеча перед костром по сравнению с его сердцем.

Дон Кихот *(задумчиво)*. Что говорит моя совесть? Усомнилась она? Нет! Она говорит: борись против них, так как они отведали человечины. Балтазар, я вам враг.

Дон Балтазар. Дон Кихот, упрямец, я вам друг!

ЗАНАВЕС.

КАРТИНА VII.

(Комната Дон Дихота. Большое кресло, много книг, которые ему нанесли со всех сторон и которые стоят беспорядочно, грудами и столбами. Кровать и проч. Санчо стоит на коленях и пересматривает книги. Смеется.)

Санчо. Удивительно. Ничего не понимаю. Между тем, во всякой книге, на всякой странице написано что-нибудь понятное, какие-нибудь слова. Вот эта, видите, какая большая. Но какая же шея носит голову, в которую переместится вся эта тяжесть? *(Взвешивая книгу в руке.)* А тут стихи. *(Проводит пальцем по странице.)* Вот... вот... и вот... еще вот... ужасно как длинно. Столько наговорить в рифму! Каким надо быть пустым человеком и сколько пустого времени надо иметь! *(Оглядывается.)* Да, нанесли этого добра. *(Встает с колен.)* Впрочем жаловаться не на что. Хотя в городе голодновато, но у нас вчера ели пулярку, и я не уверен, что сегодня нам не пришлют опять и доброго мяса, и доброго вина. *(Садится в кресло и кладет ногу на ногу.)* Я решительно за революцию! Вот теперь самое время сделать меня губернатором. Откуда же иначе наберут новых губернаторов? Если не назначат Санчо губернатором, то кого же! Я — человек из народа, бывалый, понатерся в хорошем обществе. Ах, как хорошо быть губернатором? Если бы меня сделали губернатором, как бы я защищал революцию! Пожалуй вот... следовало бы научиться грамоте. Да пустое! Можно было бы завести секретаря, или еще... хорошенькую секретаршу.

(Входит Дон Кихот, взволнованный. Санчо вскакивает с места.)

Санчо. Милости...

Дон Кихот. Постой. *(Подходит к авансцене, задумывается.)* Я стоял на багровых тучах и муж с лицом слепительным мне говорил строго, даже гневно. Что он говорил мне, Санчо? Во сне некто говорил мне очень важные вещи...

И сегодня слова Панца разбудили заснувший в моем сердце сон...

Санчо. Хоть убейте меня, я не помню. Ведь это удивительно! Наяву я почти всегда с вами, а во сне — врозь. Впрочем, вы мне снитесь иногда. Может быть, и я вам. Но что в том толку? Допустим, я с вами в вашем сне, но ведь этот я все равно ничего не видел, что видел тот я. Ох, темно и мудро создал бог мир...

Дон Кихот. Не болтай...

(Пауза.)

Да, он говорил о походе. Он тоже гневался на то, что я... что я... не овладел долгом времени. Да, да. Санчо, друг мой... я вспомнил. Он мне говорил: ты добр и праведен,— нет, ибо ты не овладел долгом твоего времени. *(Ходит взад и вперед.)* Санчо, я их враг.

Санчо. Волшебников и великанов?

Дон Кихот. Я враг революционной власти.

Санчо. Напрасно.

Дон Кихот *(останавливается перед ним).* Ты думаешь? Сердце во мне волнуется, как море в непогоду. Они благородны.

Санчо. Очень. Они присылают каждый день превосходный обед и обращаются с вами...

Дон Кихот. Молчи, бессмысленная тварь! Каждый день происходят казни. Что такое казнь? — Это подлейшее из убийств. Это убийство беззащитного.

Санчо. Но это очень просто, милостивейший господин. Они боятся, что если в час победы они не перекрошат врагов, то те уже, наверное, перекрошат их, как только из других мест Испании или от французского короля придет к ним помощь.

Дон Кихот. Вот, даже Санчо, и тот способен меня мучить. Если здравый смысл этого получеловека способен ранить

мою совесть аргументами, не значит ли, что она плохо защищена? *(Садится в кресло в глубокой задумчивости. Пауза. Затем стук в дверь.)*

Санчо *(идет к дверям, шепчется и возвращается)*. Милостивейший господин, это синьора Мария Стелла, уверяю вас...

Дон Кихот *(быстро встает, идет к двери, вводит Марию Стеллу)*. Мое дитя, мое бедное дитя, мое осиротелое дитя! *(Он сажает Марию Стеллу в кресло и становится около нее)*. Не грозит ли вам опасность, Мария?

М. Стелла *(отрицательно качает головой)*.

Дон Кихот. Вы плачете о ваших родных?

М. Стелла *(сквозь слезы)*. Дон Кихот, мне жаль герцога и герцогиню, которые после блеска и могущества живут в темнице, попираемые ногами черни, но я плачу не о них.

Дон Кихот. Что мучит вас?

М. Стелла. Это письмо. *(Показывает.)* О, позвольте мне, святой рыцарь, прочесть его вам.

Дон Кихот. Я внимаю.

М. Стелла *(читает)*. «Мария! Я в темнице. Дни мои сочтены; не думай, что я боюсь смерти, но я хочу жить, потому что я не жил еще. Грязным распутством было то, в чем погибли мои первые годы. Я жажду не счастья, не победы,— нет! Я жажду добродетели, добродетели жажду я. Мария, спаси мою душу! Дай мне несколько лет покаяния и, может быть, святости даже. Великая жажда подвига великое страдание наполняют мою душу. Спаси меня!»

Дон Кихот. Кто это пишет? Дон Мурцио?

М. Стелла *(кивает головой)*

Санчо *(утирая слезы кулаком)*. Вот дань революции. Даже из такого птенца может сделать святого.

М. Стелла. Он просит вас помочь.

Дон Кихот. Как могу я?..

М. Стелла. Каждый день его могут казнить. Он ради того, чтобы протянуть время, дает показания, но они ложны. Скоро изверги поймут его хитрость, и он погибнет.

Дон Кихот. Но как могу я?.. Видит бог, я сделал бы.

М. Стелла. Он просит вас поговорить с доктором Паппо дель Баббо, которому ему тоже удалось написать.

Санчо. Это все через прочного человека, который оделся тюремщиком.

Дон Кихот. Я поговорю с доктором.

М. Стелла. Не следят ли за вами?

Дон Кихот. Возможно.

М. Стелла. Не заподозрят ли?

Дон Кихот. Я им сказал, что я их враг.

М. Стелла. Всегда прямой.

Санчо. Человек непрактичный.

М. Стелла. Но что же медлить? Надо итти вперед! Дорога каждая минута! Я привела сюда доктора. Мы скажем, что он пришел потому, что вы нездоровы. Меня они щадят за то, что я была добра к черни, когда она еще вздрагивала под бичом. Ненавистное чудовище! Теперь оно держит всех нас в своих грязных тюрьмах.

Санчо *(падает на колени перед Дон Кихотом)*. Дон Кихот, рыцарь Печального образа, герой Ламанчский, испанский, вселенский! Заклинаю вас господом богом, рыцарскими шпорами, своей бедной головой,—чем угодно! Ваша милость, не вступайте в заговор. Вас хотят втянуть в заговор.

Дон Кихот. Выйди вон и держи язык за зубами.

Санчо *(встает)*. Ну, нынче революция, милостивейший господин, и я, так сказать, не столько, так сказать, слуга вам.

как, так сказать... потому, что бар-то уже нет, так сказать, так что я скорей, так сказать, товарищ, и поэтому вы не кричите. Я советую вам, потому что башка у меня на плечах не глупа, да еще и потому, что ей не хочется своего места покидать на этих самых плечах. Да. *(Молчание.)* Вот, так сказать...

Дон Кихот. Так ты восстал?

Санчо. Нет, я просто встал. Разве я вас граблю? Ничуть не бывало. Разве я отказываюсь быть вашим младшим товарищем? Опять-таки ничуть не бывало. Но у нас должна быть конституция.

Дон Кихот *(дает ему сильную затрещину)*. Вот тебе конституция

М. Стелла. Стыдись, Санчо!

Санчо. Вы деретесь! Очень хорошо. Да, да, это очень хорошо. А я иду к доброму синьору Балтазару и расскажу ему все, что я здесь слышал.

Дон Кихот. Негодяй! И ты говорил, ты смел утверждать, что любишь меня. Ты осквернял слово любовь, произнося его своими толстыми губами, способным изрыгать то, что ты сейчас изрыгаешь. Вы видите, Мария Стелла, как я одинок. Ведь этот осел был единственным существом, которое было привязано ко мне, но к которому и я привязан. Ведь на самом деле я любил его, как брата, хотя он глуп, жаден, труслив, болтлив, лжив и так далее, и тому подобное до бесконечности. Я любил его. Я ни разу не забыл помолиться за него, когда молился. Когда он был болен, в бреду, в жару, — я целые ночи сидел над ним.

Санчо *(с рыданием валится на колени)*. Простите меня, простите меня, о, простите меня, если можете! Правда... я так привязан к вам... вот... как собака веревкой к тачке цыгана. О, простите меня, добрый господин.

Дон Кихот. Успокойся, Санчо, успокойся. *(Поднимает его и целует его в лоб.)* Конечно, ты мой товарищ, ты мой млад-

ший брат. Так не суйся в дело, которое выше твоего смысла. Ну, ступай же вон, бедняга, высморкайся, умойся, посмотри, что готовят на кухне, и слушайся всегда моих приказаний.

Санчо *(всхлипывая, как только что выплакавшийся ребенок)*. Слушаю, милостивый господин.

М. Стелла. Ну, пошлите нам доктора, который дожидается за дверями.

(Санчо уходит.)

М. Стелла. Я знаю, что вы спасете его.

Дон Кихот. Мой долг очевиден.

(Доктор входит и кланяется.)

Панно. Великий герой. Я не прятался ни под плащом, ни под шапкой, именно для того, чтобы не возбуждать подозрений. Я пришел к вам потому, что вы почувствовали себя просто нехорошо.

М. Стелла Синьор доктор, в чем просьба дона Мурцио?

Панно. Его надо высвободить из уз. Он человек начитанный и романтический, он изобрел способ, заслуживающий восхищения авторов, описывающих приключения.

М. Стелла. В чем дело?

Панно. Уважаемый Дон Кихот требует себе свидания с Мурцио, даже лучше того — с герцогской четой и с Мурцио.

Дон Кихот. Но мне откажут.

Панно. Почему? Вы скажете правду, т.-е. что вы руководствуетесь человеколюбием, что вы хотите принести им некоторое утешение, как делается... нужны священники.

Дон Кихот. Еще вчера Балтазар сделал бы это по моей просьбе, но, доктор, сегодня я об'явил им открытую войну.

Панно. Вот так. Гм... Гм... Это приятно и — неприятно. Приятно, уважаемый рыцарь, что вы с нами, что вы в

борьбе с варварами, бездельниками, висельниками, христопродавцами, жидами, развратниками и развратителями, у которых я... *(Кашляет.)* О, злоба меня душит. Я умираю просто от злобы к бестиям, к сволочи. Уф... Ох... Пфу...

Дон Кихот. Вы их не любите?

Панно. О, попадись они мне, почтеннейший рыцарь, я недаром врач. Я припомнил бы все, что знаю о способности человека страдать, чтобы напитать их тела муками.

М. Стелла. Доктор, вы ужасны, вы человек злобы... Мы... с дон Кихотом... люди добрые.

Панно. Совершенно верно... Хе, хе, хе... Простите... Простите мой порыв, хотя бы за его искренность. Итак, итак, итак... о чем мы? Да, так вот. Это ужасно, ужасно отрадно. Одно уже то, что вы в войне открытой. Мы слабы — они сильны. Какая же тут может быть открытая война? Надо лгать.

Дон Кихот. Цель оправдывает средства? Да?

Панно. Ну, конечно. Хотите вы спасти Дона Мурцио?

Дон Кихот. Всем сердцем.

Панно. Без лжи и обмана нельзя.

Дон Кихот. Если для самого священного дела надо лгать или убивать иначе, чем в открытом бою, я отступаю — таков мой принцип.

Панно. И чудесно. Я надену шляпу и уйду себе домой, а нашему Мурципикулюсу завтра или послезавтра шейку топориком. Как! Готово! Прощай мечта о добродетельной жизни! *(Идет к двери.)*

М. Стелла. Дон Кихот. Милосердие. Милосердие. *(Хватает его за руку. Доктор останавливается, держась за ручку двери.)*

Дон Кихот. Но помните, я потому стал врагом этих идеалистов, которые хотят добра человечеству, что я человек чистых средств. Я уже сказал вам, что в этом мой принцип. Человек, изменивший своему принципу, заслуживает не ада даже, а смерти полной.

Паппо. Но ее мы все заслужили с принципом или без принципа.

М. Стелла. Дон Кихот! Милосердие! Милосердие! *(Падает на колени и смотрит на него сквозь слезы.)*

Паппо. Для того, чтобы знать стоит ли взяться за дело, нужно, по крайней мере, дослушать до конца.

Дон Кихот *(поднимает М. Стеллу)*. Я слушаю, но я...

Паппо. Итак, вы идете с письмом дона Мурцио, да, да, с письмом к Балтазару. Не к главарю Паццу, — он из камня, а к пустомеле Балтазару, он из глины. Вы говорите ему, что Мурцио покаялся. Быть может, говорите вы, изменилась и душа царственной четы. Вы хотите их видеть. Как можете вы повредить? У вас нет связи с врагами революции. Стража может быть усилена. Вы готовы даже... быть подвергнутым... обыску при входе и выходе... А... неужели Балтазар не клюнет? Не захочет тоже быть великодушным? Услужив другу рыцарю, который к тому же помянет ему, что отношения могут возобновиться, что он думает, колеблется... А? *(Хитро прищуривается.)*

М. Стелла. Дальше, дальше.

Паппо. Дальше. Я даю вам крошечный пузырек, величиною с орешек, с горошинку. Вы вкладываете его в рот, за щеку. Вы даете его Мурцио. Говорите там в тюрьме, что хотите, и уходите. Гм. *(Поднимает кверху палец.)* Это яд.

М. Стелла. Это яд.

Паппо. Это яд. Раскусив пузырек, Мурцио упадет мертв.

М. Стелла. Ах!

Паппо. Но не совсем. Он будет мертв три дня. Очевидно, его похоронят, как всякий труп. Они позволят его похоронить в семейном склепе. Почему нет? На третий день, или вернее ночь, мы, заговорщики, отправляемся на кладбище и... вы понимаете? Конечно, хороших лошадей

надо припасти. *(Поднимает палец кверху.)* И никому ни-никакого вреда, ибо Мурцио возродится к правильной жизни и святости.

М. Стелла. Когда Мурцио был порочен, — помните? — он дразнил вас своею любовью к герцогине, и я полюбила вас, рыцарь за то, что вы сказали тогда. Вы помните? Тогда вы взяли грех обмана, грех измены на себя. Дон Кихот, вы были великим. А теперь? Ну да, вы отступитесь от вашего принципа, вы солжете, но блажен, кто даже душу свою полагает за других.

Дон Кихот. О, софистика невинных уст! О, аргументы лазурных очей! О, какая печаль снедает мне сердце! *(Садится на груду книг в глубокой задумчивости.)*

Панно. А пузыречек малюсенький, минюскулус, видите? Вот он. И в нем три дня смерти и воскресения. Хе-хе-хе! Чуть не все христианство...

М. Стелла. Посмотрите в мои глаза, Дон Кихот. Я еще почти ребенок. Я — дитя сердцем. Будьте, как дети, сказал Господь. Верьте мне: если скажете: нет, я отойду от вас, как от лжесвятого или от... если скажете: да, я оправдаю вас. Я готова буду благовонным миром омыть ваши грехи и волосами моими отереть. Помните, Дон Кихот, суббота для человека, а не человек для субботы...

Панно *(в сторону)*. ...или для принципов. Никто не может быть хитрее невинности.

Дон Кихот *(с тяжелым вздохом)*. Согласен.

М. Стелла. Gloria Mariae virgini!

Панно. Это победа.

Дон Кихот. Чья?

М. Стелла. О, человеколюбия.

ЗАНАВЕС.

Картина VIII.

Мурцио *(на коленях. Молится минуту. Встает. С досадой топает ногой.)* Ну, что же я могу поделать? Скучно... у меня нет этого дара... Я бы много дал за то, чтобы быть мистиком. *(Пауза.)* Граф Висконсин, не лучше ли нам с вами сыграть партию в бильбоке. *(Вынимает бильбоке из-под подушки.)* Вот. Первым играет добрый Мурцио, который хочет стать совсем паинькой. Вторым—злой Мурцио, который хочет... О, у него много желаний. Итак, ангелический Мурцио, евангелический Мурцио... Раз... два... Сорвалось! Нет, это не считается. Я начинаю сначала. Раз, два, три, четыре. Сорвалось! Ничего не поделаешь. Мурцио демонический, инфернальный, ваш черед. Раз, два, три, четыре, пять, шесть и так далее. *(Продолжает играть.)*

(Дверь отворяется. Входит тюремщик. Останавливается в дверях и широко улыбается.)

Тюремщик. Граф упражняется.

Мурцио. Эк ты. Ну, да, играю. Что же мне больше делать?

Тюремщик. Сейчас вы получите много развлечений. Не знаю, как и почему, но мне приказано привести на час в вашу камеру недавно царствовавшую чету.

Мурцио. Да ну? Ты серьезно?

Тюремщик. Смел ли бы я?..

Мурцио. Я бы дал тебе цехин, если бы он у меня был.

Тюремщик. О, они скоро будут у вас.

Мурцио. Запиши за мной... *(Играет в бильбоке).* Раз, два, три. *(Продолжает считать шопотом.)*

Тюремщик. Будто какой-то гость должен посетить вас всех сразу.

Мурцио. Ах, сорвалось! Гость? Это, наверное, долговязый Дон Кихот. *(Хлопает по плечу тюремщика.)* Все идет к лучшему. Христос сказал разбойнику, что помянет его в царствии своем.

Тюремщик. Осмелюсь поправить: это разбойник попросил Христа...

Мурцио. Ты не разбойник, ты даже, наоборот, тюремщик, но ты все-таки мошенник. Итак *(с комической торжественностью)*, вскоре будешь со мною там, где будут пить вино и кушать каплунов.

Тюремщик. Покорнейше благодарю вашу милость. Вон герцог и герцогиня идут и громко спорят.

(Входит герцог, крайне раздраженный; за ним герцогиня, тоже взволнованная. Тюремщик удаляется.)

Герцог. Что это, уж не прощаться ли нас привели?

Мурцио *(с иронической печалью)*. Прощаться, герцог.

Герцог. Что ты знаешь об их намерениях?

Мурцио. Они хотят вас повесить.

Герцог. Повесить? Но это чорт знает что такое! Этого нельзя! Они не смеют! В худшем случае они должны отрубить мне голову!

Мурцио. Не все ли равно?

Герцог. Нет. Я буду протестовать. Молчать, герцогиня! Вы оказались глупой женщиной, когда беда настигла нас. Примум вивер. Наша политика теперь одна: сохранить жизнь, потом будет видно. Так, вот. Ну, Мурцио, прошу теперь прослушать мой план. Я продумал его до деталей, хотя, признаюсь, думать головой, столь непрочной на шее, очень трудно. Молчать, герцогиня! Да, я совершенно определенно признаюсь, что я боюсь смерти. Боюсь, боюсь. Это пытка оставлять человека в тюрьме с мыслью о казни. Я протестую! Вот! *(Кладет руку на лоб.)* Вот у

меня и сейчас холодный пот выступает на лбу. Мурцио. Они дают вина? Мне они дают. Скажи, чтобы дали.

(Мурцио подходит к двери и стучит в нее. Тюремщик сейчас же появляется.)

Мурцио. Подслушиваешь, скотина? *(Тюремщик молчит. К герцогу.)* Это самый двуличный мерзавец на свете. Он служит всем. Дайте стакан хереса его высочеству!

Тюремщик. Тотчас. *(Кланяется и уходит.)*

Мурцио. Если у вас есть план, говорите о нем тише.

Герцог. Это столь гениальный план, что о нем можно кричать с крыши.

Мурцио *(иронически)*. Ну.

Герцогиня. Стыдно, стыдно.

Герцог. Молчать! Эта женщина не восхищается моей тончайшей самообороной. Она только ослабляет ее. Видите ли, она решилась разыграть рыцарский роман в тюрьме.

(Тюремщик приносит вино. Герцог жадно пьет, тюремщик берет стакан на подпос и уходит.)

Герцог. Так вот. Я диктую, вы слышите хорошо, Мурцио, не пишу, а диктую документ, в котором говорю о своих так называемых преступлениях все, что о них сказать возможно. Я издеваюсь над монархией, над церковью, над моим собственным отцом. И я предлагаю этой сволочи подписать мою декларацию, если они меня отпустят. А? Они могут это напечатать? А? Разве им невыгодно? А?

Мурцио. Они поймут, что вы потом отречетесь и скажите, что все это написано ими самими, а вы подписали под угрозой смерти. Правда, это все-таки вас морально дискредитирует. Но на счет морального кредита ваше высочество давно банкрот.

Герцогиня. Нет, они сделают иначе. Они опубликуют то, что вы продиктуете, и скажут, что вы предложили продать им эту подлость за их милосердие.

Герцог. Им не поверят...

Герцогиня. Поверят!

Мурцио. Поверят!

Герцог. Но чем же тогда мне выкупиться?

Мурцио. Продолжать медленно разоблачать тайны вашего режима, а также режима других государей Испании и Европы. Можете при этом и выдумать кое-что. Но ведь и без примыслов пакостей хватит более, чем на тысячу и одну ночь. Будете их Шехеразадой. Ха-ха-ха.

Герцог. Смеешься? Ты что задумал, малый? Слушайте. Если кто-нибудь отсюда убежит, других повесят сейчас же. А? *(потирает лоб.)* Дадим же друг другу слово не подводить друг друга.

Мурцио. Я убегу. Я еще сам не знаю, женюсь ли я на Марии Стелле, о которой я грежу наяву, поселюсь ли я где-нибудь в Провансе, между оливами у моря, чтобы постепенно стать мудрым и спокойным, или рискну еще раз жизнью и подниму восстание против восставших, чтобы жечь села, рубить мужичье мясо, сажать на кол революционеров, чтобы постепенно добраться и до Пацца.

Герцогиня. Мурцио, если вы ускользнете, ударьте на них. Гибель им.

Герцог. Мурцио, ты не сможешь бежать... Ты не смеешь воевать... Прежде чем ты оцарапаешь их, я буду повешен, я, тот, ради спасения которого ты затеешь свою войну...

Мурцио. Ради вашего спасения? Тьфу. Знаете, герцог, я буду рад, когда вас умертвят.

Герцог *(отшатнувшись)*. Что?

Мурцио. Рад буду. Вы злой, развратный, жалкий человек, да к тому же глупый. Куда вы годны? Вот красивую герцогиню мне жалко. Во-первых, потому, что она красивая, во-вторых, потому, что она мужественна. *(Герцогу.)* Вы, кажется, хотите присесть, ваше высочество? Вам как будто нехорошо? Садитесь на койку, не стесняйтесь. *(Герцогине.)* Но, прелестная дама, надо выбирать. Если я убегу и буду жить отшельником, ваша головка, может быть, уцелеет. Если же я пойду на них войной, то в первый же день закажу панихиду о вас.

Герцогиня. Мне не снести мою ненависть. Она меня душит. Если, умирая, я буду знать, что схватила за край одежды революцию и влеку ее за собой в могилу, я умру веселой.

Мурцио. Героическая женщина. *(Герцогу.)* Не хотите ли вы сыграть со мной партию в бильбоке?

Герцог. Бильбоке?

Мурцио. Да вот так. *(Показывает.)* Хотите об заклад? Если вы выиграете, я отшельник, я выиграю — воюю. Вот так. Раз, два, три, четыре, пять. К чорту! Сорвалось! Угодно, ваше высочество?

Герцог *(вскакивая)*. Уйдите к сатане! Вы бездушный выродок, негодник!

Мурцио. Ха-ха-ха! Вы считаете меня таким, а я — вас. Герцогиня несколько возвышается над нами величием своей славы, но если бы я знал, что все люди гады и мразь, я сказал бы, чего мы все стоим... Но чего стоят они все, в конце концов? Есть одна праведница, Мария Стелла. Научить ее порокам сладострастия, иметь ее с собою на ложе душепомрачающего греха — это сладко. *(Играет.)* Раз, два... *(Продолжает играть и шепчет счет.)*

Тюремщик *(входя)*. Дон Кихот, рыцарь Ламанчский.

(Тотчас в дверях появляется Дон Кихот, как всегда чопорный и прямой.)

Мурцио *(бросает бильбоке, устремляется к нему и низко нагибаясь, целует ему руку).* О, рыцарь, о, мой светлый патрон... *(Плачет.)*

(Герцог и герцогиня в недоумении смотрят на эту сцену.)

Дон Кихот *(тронутый).* Успокойтесь, Мурцио, успокойтесь, мой сын!

Мурцио. Сын, сын, сын...

Дон Кихот. Сядьте... Герцог, герцогиня, граф. Член Хунты, Балтазар, честный человек и мягкое сердце, при всех своих заблуждениях, пропустил меня сюда, чтобы преподать вам утешение.

Герцог. Они готовятся повесить меня?

Дон Кихот. Утешение мое лежит не в этой плоскости, но я не откажусь ответить. Дон Пацц сказал: мы покончим с ним, если нам будет худо. Если, храня его, соседние властители оставят нас в покое — он будет жить.

Герцогиня. Вы видите?

Герцог. Вижу... Это очень умно... Вот что, милый рыцарь, я охотно, скажите вы им, пошлю письмо моим царственным соседям, чтобы они воздержались...

Герцогиня *(закрывает лицо руками).*

Дон Кихот. Я не посредник в таких делах. Я не политик. Повторяю, мое утешение лежит не в этой плоскости. Сегодня в этом скорбном месте, перед тремя лицами, высоко богом поставленных и его же рукой скорбно на край гибели низвергнутых людей, думаю я, уместнее будет побеседовать о бессмертии души.

Герцог. Идите к сатане! Не желаю. Может быть, мне немного и жить-то осталось! Лучше плевать в потолок, чем такая скука! Предложите лучше, Мурцио, Дон Кихоту сыграть в бильбоке. *(Отвертывается.)*

Дон Кихот. Итак, даже в этот час, когда острят, быть может

Герцог *(первно вскакивая)*. Не смейте говорить об этом! *(Вытирает лоб.)*

Дон Кихот. Вы, который были официальным хранителем церкви...

Герцог. Никогда, ни прежде, ни теперь, ни в будущем не верю, не верил и не буду верить ни в какое бессмертие. Хочу жить, есть, пить, ласкать, охотиться. Еще предки, по крайней мере, полагали, что все это можно делать и на том свете, а монахи — душа без тела. Не вижу никакой надобности...

Мурцио *(к Дон Кихоту)*. Может ли быть, чтобы в раю покаявшемуся грешнику дали бы ангела в жены? Как Гебу дали Гераклиту и тысячу гурий Осману?

Дон Кихот. Ангела? В жены?

Мурцио. Простите мне неуместный вопрос! Чтобы получить ангела в жены, можно пойти на великие подвиги. По древним мифам многие герои супружески ласкали богинь, но это не то. В библии ангелы сходили к дщерям человеческим, но и это не то. Ну, а вот иметь в любви настоящего христианского ангела, самого святого, светлого, чистого и бесплотного, и почти погасший уголь греха стараться раздуть и вдвинуть в голубую грудь...

Дон Кихот *(скорбно)*. Юноша. Ты любишь Марию Стеллу?

Мурцио. Да. Она-то и есть моя звезда путеводная. Выведет ли сия звезда моя меня из заточения на путь героический, кроткий и близкий к возвышенному?

Дон Кихот *(после долгого размышления)*. Юноша она выведет тебя. Во имя любви и милосердия, во имя жажды исправиться. О, пусть также во имя самоотверженности... пусть также... прийми от меня в дар эту горошину. Пусть она...

Мурцио *(как кошка вырывает горошину из его рук).* Горошину! Счастье! Победа! *(Долго танцует по камере.)*

Горошина, горошина
Хорошая, хорошая,
Прислал ли чорт, иль бог,
Спасительный горох.
Тили-фа-фа, тили-фа-фа.

Что? Отдать? Что? А? Что это такое? С'ем, с'ем, с'ем! Раз, два, три, х-хам. — С'ел.

Горошина, горошина,
Хорошая, хорошая.

(Садится на краю, запыхавшись.) Что же я теперь сделаю? Умру? А потом? Я сделаю то, что будет мне угодно. Поняли? Вон, вон, долой из моего кабинета. Все, все, павлины, лебеди и журавли. Кш. Оставьте меня умирать. Уходите. У меня уже деревенеют ноги. Вон!

Герцог. Я ничего не понимаю *(поспешно уходит).*

Герцогиня *(делает движение к Мурцио).* Мурцио.

Мурцио. Вон. *(Она уходит.)*

Дон Кихот *(важно и грозно).* Граф!

Мурцио. Вон!

Дон Кихот *(разводит руками и уходит).*

Мурцио. Коченею. У-у, какой озноб! Ззуббб на ззуббб не попадает. Брр. Грррр. *(Закрывается одеялом на койке.)*

У-у-у. Не чувствую ног.

(Входит тюремщик.)

Мурцио. Вон!

Тюремщик. Нет, надо же, чтобы вы знали. Горошинку состряпал доктор Баббо.

Мурцио. Знаю.

Тюремщик. Но все выведала Хунта и подменила смертельным ядом.

Мурцио *(вскакивает с молниеносной быстротой).* Что?

Тюремщик. Вы умрете взаправду.

Мурцио. Что, что? *(Падает.)*

Тюремщик *(наклонясь над ним).* Обмер. А я думал, он пострадает. Это я нарочно, пошутил. Захотелось и мне пошутить вот над таким... фертом.

ЗАНАВЕС.

КАРТИНА IX.

(Кладбище. Кипарисы, розы, мраморные могильные памятники. Недавно сделанная могила Мурцио с временным деревянным крестом над ней и белым венком. Луна светит. Издали доносятся звуки гитары и мандалины. Входят Дон Кихот и Санчо в плащах).

Санчо. Шататься ночью по кладбищу я не большой охотник. Успею еще к нему привыкнуть, — так я себе думаю.

Дон Кихот. Ах, Санчо! *(Тяжело вздыхает и садится на могильном камне.)* Здесь мир пахнет розами. Слышишь, кто-то веселится или поет своей милой.

Санчо. И прекрасно делает. Это только мы сидим, как упыри, на могиле. Не смотрите, пожалуйста, на меня такими стеклянными глазами, ваша милость. С вашей тощей шеей и изможденным лицом вы совсем призрак.

Дон Кихот. Как утешительно думать, что все на свете призрак. Но, Санчо, не все, ах нет, не все. Страдание есть все-таки страдание. И вот, вдруг, Санчо, я могу оказаться виновником нового неслыханного страдания.

Санчо. Я уже говорил вам не ввязываться в заговор...

Дон Кихот. Я вышел из него. Я ничего общего не хочу иметь с заговорщиками. Даже с Марией Стеллой.

Санчо. Но почему же мы притащились сюда? Просто хныкать?

Дон Кихот *(молчит. После паузы).* Ах, Санчо, надо же мне знать, может быть, что-нибудь еще можно исправить.

Санчо *(бросает шапку на землю).* Ах ты, пропащая твоя душа, несчастнейший ты мужчина, Панса. С кем связал ты судьбу свою?

(Молчание.)

Что же будем делать? Или вы решили сами превратиться в надгробный памятник графа Мурцио?

Дон Кихот. О, если бы! Я хотел бы быть достаточно тяжелой статуей, чтобы он не встал, ибо боюсь — он воскреснет скорее бесом, чем ангелом.

Санчо. Да, конечно. *(Садится рядом с ним.)* Ну-ка, скажите, ведь он не вправду умер? Да? Я уже догадался: столько говорили об этом секрете обиняками, что и осел-то мой, думается мне, понял, в чем дело. Мурцио живет. Ведь так? Вот страшно. Нет, я уж ни за что не пошел бы на этакое дело. Проснуться в гробу, в саване.

Дон Кихот. Да, это ужасно. Между тем это будет сегодня ночью. Может быть, он уже открыл глаза в этой могиле. Послушай, Санчо, сквозь землю. не слышно ли какого шума?

Санчо. Нет, я боюсь простудиться, земля сырая.

Дон Кихот *(ложится на могилу Мурцио и прижимается к ней ухом).* Молчит, молчит сыра земля.

Санчо. Милостивейший господин! Кто-то идет с глухим фонарем. Луч скользнул мне прямо в глаза. Пожалуй это Альгвазил Хунты.

Дон Кихот. Это неверно Папио дель Баббо.

(Входит Мария Стелла с фонарем и заступом, в плаще.)

М. Стелла. Кто здесь? Это вы, рыцарь? Вы все-таки пришли? Как это хорошо! Доктора почему-то нет и нет.

Я кое-как сама достала заступ и пришла сюда. О, боже, как я измучилась! Мне кажется, что я сейчас умру.

Дон Кихот. Дайте заступ. Надо рыть. Лучше раньше, чем позже.

М. Стелла *(дает ему заступ, он принимается рыть, она стоит с фонарем).*

Дон Кихот. Я вспомнил теперь мой совсем, совсем странный и великий сон.

М. Стелла. Вы не слышите никакого движения в могиле?

Дон Кихот. Нет, но цикады трещат страшно громко.

М. Стелла. Какие-то пошляки играют где-то сэгедилью.

Дон Кихот. Мне снилось, будто я стоял на багровых тучах, перед ослепительным судьей. Грохотал гром. Властный голос говорил мне: «Ты смеешь считать себя праведником? Ты не понял долга твоего времени. И из самой дряблой праведности твоей... — он сказал так, именно так сказал он, — и из самой дряблой праведности твоей вырастет гибель тех, кто творит великое благо своего времени». Я весь задрожал. Я чувствовал, что сейчас упаду и паденью моему не будет конца, не будет конца... И вот, тут, кто-то нежный...

М. Стелла. Копайте, копайте, Дон Кихот.

Дон Кихот *(копает молча).*

М. Стелла. Как глубока могила?

Дон Кихот *(по колени в земле).* Я не видел как его зарывали.

М. Стелла. Вы ничего не слышите?

Дон Кихот. Нет. Вот, Мария Стелла, я говорю вам, из могилы.

М. Стелла. Это жутко.

Дон Кихот. Вы там, наверху, а я в могиле. *(Смотрит на нее, весь залитый луной.)*

М. Стелла. Копайте же, копайте же, Дон Кихот!

Санчо. Уж дайте мне, что ли. Вы совсем задыхаетесь. Хрипите, как Россинанта, когда у ней приступ сапа. Эх-ма! *(Засучивает рукава.)* Давайте заступ, вылезайте-ка из могилы.

Дон Кихот *(выходит, Санчо становится на его место).*

Санчо. Ну, мое ли это дело, отрывать покойников или что-то еще хуже? *(Проворно копает.)*

Дон Кихот *(подходя к М. Стелле).* Да, в ту минуту, когда я, чувствовал себя страшно несчастным, проклятым и осужденным, кто-то нежный...

Санчо *(выскакивает из могилы, как ужаленный).* Стучит! Клянусь костями моей матери, стучит! Вот страх-то!

Дон Кихот *(хватает заступ, вскакивает в могилу и роет изо всей силы. Приостанавливается, нагибается).* Дон Мурцио! Дон Мурцио! Вы слышите меня? *(Опять быстро копает.)* Вот и крышка гроба. Очистим ее, так, так. Санчо, Санчо, помоги мне вытащить гроб.

Санчо. Нет, нет, я отказываюсь самым решительным образом. Я уж лучше уйду, куда глаза глядят.

Дон Кихот. Санчо!

Санчо. А вдвоем мы и не поднимем гроб.

Дон Кихот *(наклоняясь).* Он едва завинчен. Есть ли здесь отвертка? Что? Что вы говорите?

М. Стелла. Он говорит. Что он говорит, Боже мой, что он говорит?

Дон Кихот *(выпрямляясь).* Он ругается... и очень неприлично. Есть ли у вас отвертка?

М. Стелла. У меня нет ее.

Дон Кихот *(опять наклоняясь).* Крышка держится на четырех больших винтах. Ее, повидимому, нарочно не заколотили гвоздями, но я напрасно ломаю пальцы, тут нужна отвертка.

Санчо. Не пригодится ли вам мой нож? *(Дон Кихот берет его.)* Уж, наверное, честному кузнецу, который его ковал, не снилось, что им будут вершить такую работу.

Дон Кихот. Да, им можно работать. Вот так, вот так. Один! *(Выбрасывает винт.)*

М. Стелла. Боже, как бьется сердце!

Санчо. И у меня тоже, принцесса.

(Оба наклоняются над могилой и смотрят в нее.)

Дон Кихот *(выбрасывает винт).* Другой!

Санчо. Он гремит там, в гробу; покойник, скорее можно сказать: беспокойник? А?

Дон Кихот. Ах, нож сломался.

Санчо. Сломался? О, какое несчастье! Нож, который служил мне одиннадцать лет.

Дон Кихот. Что делать?

Санчо. Я купил его на ярмарке в самой Ламанче и это оказался честный, христианский нож. Сколько хлеба и сыра я им разрезал!

Дон Кихот. Что делать?

Санчо. Скажите, по крайней мере, как он сломался.

Дон Кихот. В том-то и дело, что он не сломался пополам, — можно было бы работать осколком, — но лезвие вышло из рукоятки и она распалась.

Санчо. Это хорошо.

Дон Кихот. Это худо, нельзя работать.

Санчо. Это хорошо, говорю я вам; я приделаю ручку. Подайте скорее лезвие.

Дон Кихот. Но Мурцио?

Санчо. Какое мне до него дело? *(Живо прячет нож в карман.)*

(Раздается треск. Дон Кихот выскакивает из земли. Санчо опрометью бежит в сторону и прячется за кипарисом.)

М. Стелла. Что это такое?

Дон Кихот. Он поднимает крышку! *(Вскакивает в могилу.)* Да, да, он ее ломает, он выходит!

Мурцио́ *(в саване выходит из могилы и садится на ее край. Луна заливает его светом, он хмур и молчит).*

(Пауза.)

М. Стелла. Мурцио?

Мурцио. Значит не умер.

М. Стелла. Вы живы, граф?

Мурцио *(откашливается и плюет).* Пить!

Дон Кихо́т. У нас ничего нет с собой. Снимите саван, и пойдем в город.

Мурцио. Мерзавцы, не взять с собою вина, или хоть воды! *(Сидит, согбенный.)* Я устал. Я постарел на сто лет. Что, волосы у меня не седые?

М. Стелла. Нет, граф.

Мурцио. Не может быть! Подойдите. Боитесь? Подойдите и посмотрите хорошенько и говорите мне правду.

М. Стелла *(подходит и гладит по голове Мурцио).* Бедный мой граф. У вас довольно много седых волос.

Мурцио. Я говорил. Но кое-кто заплатит головой за каждый поседевший мой волос и криком адских страданий за каждую минуту, которую я провел в гробу.

Дон Кихот. Граф. Я оказал вам две услуги: я принес вам наркотик и я же... почти против воли, правда, отрыл вас, так как доктора нет. Не приди я сюда, вы уже задохлись бы в гробу. У вас есть основание выслушать меня.

Мурцио. Никакого. Молчите, проклятая жердь, сумасшедший пустозвон!

Санчо *(выскакивая из-за дерева)*. И знаете, почему он так ругает вас, этот молодчик? Потому что знает, что вы слишком великодушны, чтобы сбегать за стражей, но я-то побегу за ней. Довольно с меня! На этот раз молодчика уложат на более долгий срок. *(Убегает.)*

Дон Кихот. Санчо, Санчо, что ты делаешь? Санчо, вернись! Са-анчо!

Мурцио. Не кричите своим охрипшим басом. Где лошади?

М. Стелла. Но их еще нет.

Мурцио. Это скверно. Где Дон Кихот, там глупость и провал. Что делать?

М. Стелла. Они уже идут.

Мурцио. Я слаб, не убегу. Дайте мне кинжал, или что-нибудь, — надо возвратиться в гроб. Сам виноват. Не сразу надел маску. Граф Мурцио Весконсин тот, кто свернул бы голову змею, погибнет из-за пызаря Панса.

М. Стелла. Они на лошадях.

(Входит Панпо дель Баббо.)

Панпо. Что я вижу? Уже все готово! Как любезно с вашей стороны, мой милейший Дон Кихот. Торопитесь же все. На коней! Их хватит на всех. Добрые кони. Полетим, как ветер. У меня и пропуски, на меня, как на декана врача,

на двух докторов, одну сестру и одного слугу. Столько нас и будет.

Мурцио. Очевидно, в мире есть провидение, или хоть сатана. Мария Стелла, вы едете со мной.

Дон Кихот. Я — нет.

Мурцио. Я и не возьму вас, и доктор Баббо предложил вам прогулку только шутки ради.

Дон Кихот. Мария!

Мурцио. Тс. Ха-ха-ха! *(Берет Марию Стеллу под руку.)*

М. Стелла. Я хочу хоть поблагодарить его.

Мурцио. Никаких благодарностей. Старый репейник ничего не стоит. *(Уходит.)*

Панно. Старый репейник? Ага! Ведь это он вас так назвал. Честь имею кланяться, Дон Кихот. *(Насмешливо кланяется и уходит.)*

Дон Кихот *(садится на могилу и прислушивается)*. Скачут. Так. Это они повернули за церковь. Так... Вот и не слышно. И ничего не слышно. Цикады замолчали... Гитары замолчали... И душа моя замолчала тоже.

(Пауза. Потом шум. Санчо, вооруженные люди, факелы.)

Санчо. Хватайте, хватайте всех без разбору и тащите к синьору Родриго, он рассудит.

(Люди светят факелами во все стороны.)

1-й солдат. Да здесь нет никого, кроме рыцаря печального образа.

Санчо. Вот те раз. А, карай! *(Бросает шапку на землю.)*

2-й солдат. Что же теперь делать?

1-й солдат. Остается тащить к синьору Родриго тех, кто остался.

ЗАНАВЕС.

ЭПИЛОГ.

(Та же декорация, что и в VII картине. Дон Кихот сидит в кресле, удручённый и надломленный. Санчо, стоит у двери вглубине).

Дон Кихот. Долгое время этот сон стоял передо мною, как грозный предвестник. Он сбылся, и теперь, я все вспоминаю его, как уже обещанное утешение, ибо в момент, когда грозное облако раздалось под моими ногами и почувствовал я, что буду падать годы, годы падать стремглав в пропасть, кто-то нежный обвил меня легким туманом, и голос чудный, какого не слышал я на земле, сказал: «О, судья, он заслужил вполне мою жалостливую любовь».

Санчо. Вот в этом месте у меня всегда щекочет в носу.

(Пауза.)

Санчо. А зачем вас вызвали сюда? *(Молчание.)* Не было бы с нами какого худа? После первого допроса, когда мы все рассказали...

Дон Кихот. Ты.

Санчо. Я бы настаивал на мы... Но вообще-то я хочу сказать, что нас оставили в покое, как будто мы ничего и не напкодили.

Дон Кихот. Как в покое? Ну да, нас не заключили в темницу, но как они относятся ко мне? Как к зачумленному!

Санчо. Не целоваться же с вами, после вашего нового подвига. Но зачем нас позвали?

(Дон Балтазар открывает дверь сбоку и смотрит. Затем входит.)

Дон Балтазар. Вы здесь, Дон Кихот? Хорошо. Я хочу, чтобы вы прослушали одно донесение. *(Говорит в дверь).* Входите, Васко.

(Входит сержант. Балтазар садится в кресло.)

Дон Балтазар. Рассказывайте.

Васко. Войска графа Весконсина, вернее его банды, после взятия Цихо двинулись на восток, как наводнение. Перед ними бежит горькая и голая толпа беженцев, а в занятых областях села беспощадно сжигаются, все захваченные мужчины ввергаются в армию и при малейшем неповиновении — виселица. Дети остаются без призора и умирают тысячами, как и старики. Женщины и девушки служат игрушкой похоти рыцарей и их бандитов. Если захватят кого-нибудь подозрительного по принадлежности к революционерам, его тащат в главный лагерь к графу и там устраиваются в присутствии вождя пытки — спектакли, чудовищные ауто-да-фе. От рассказа о них меня, видавшего виды, мутит и тошнит и лучше я не буду передавать подробностей. Но одно я отмечу: графиня Весконсин, принцесса Мария Стелла, обязана тоже присутствовать на пытках. Она каждый раз, еще в самом начале, падает в обморок. Ее приводят в чувство и вновь оставляют свидетельницей ада. Случалось, как рассказывают, что она рыдала и кричала, почти заглушая крики мучеников, бросаясь на землю и умоляя этого дьявола о пощаде. Какая мрачная тайна скрыта за этим ужасным истязанием души принцессы, я не знаю, но думаю, что она умрет скоро. На белом знамени Весконсина вышиты слова: «Ужасом побеждай».

Дон Балтазар. Довольно, Васко. Идите отдохнуть, а о расположении войск Весконсина вы рассказывали кому надо?

Васко. О да, конечно.

Дон Балтазар. Идите. *(Васко уходит.)* Дон Кихот, нам худо. Родриго Пацц, мой великий друг, сегодня рано утром сам выступил в поход. Сейчас у нас втрое меньше людей под знаменами, чем у Весконсина. Нам не нужны и чужды, конечно, приемы его ужаса, но мы должны чистить тыл. Могу ли я на минуту протестовать? Да, Дон Кихот, здесь тоже льется кровь. Не сломив заговора сзади,

мы вели бы нашу армию на гибель. Ах, Дон Кихот! Я не хочу усугублять вашей вины, но вы тут сыграли свою фатальную роль. Не скрою. Суровому Родриго пришло в голову в науку всем мягкосердным, которые со своей филантропией суются в тяжелую, сложную, полную ответственности жизнь, опустить на вас грозную руку провосудия.

Дон Кихот. Всегда готов.

Дон Балтазар. Кто сомневается в этой готовности вашей? И кому она нужна? Я удержал его от этого. Но, Дон Кихот, вам нельзя быть с нами. Кто знает, какая еще блажь, благороднейшая, благостнейшая, войдет в вашу голову?..

Дон Кихот. Изгнание?

Дон Балтазар. Да... Ах, Дон Кихот, вы не годитесь в граждане истекающей кровью голодной Республики, руководимой людьми, которые народной буре хотят во что бы то ни стало дать победу и сквозь Чермное море, пески пустыни и жестокие сечи ввести народ в обетованную землю. Но когда придем мы в обетованную землю, когда снимем мы кровавые жаркие доспехи, вот тогда-то позовем вас, белый Дон Кихот, вот тогда скажем мы: войдите под завоеванные нами кущи помочь нам творить добро. И как вольно тогда будет дышать ваша грудь и каким естественным покажется вам все вокруг. О, тогда вы станете поистине освобожденным Дон Кихотом. Но и тогда вы, зажмуриваясь, будете глядеть назад, на пропасти и ужасы, которые не вами пройдены. Ах, вы не можете понять, что мы платим ту цену, не уплатив которой не войдешь в страну, где освобожденный Дон Кихот найдет гармонию и свет.

Дон Кихот. Да, Дон Балтазар, что мне сказать вам? Я думал так. Они пустились в плаванье по океану великих дел. Там легко заблудиться, поддаться зову химер себе и другим на горе, ибо я вижу, что, делая добро, самое не-

посредственное добро, человек тоже может посеять огромное зло. Ваша вера — не моя. Но что вообще делать нам, людям? — Я ничего теперь не знаю. Поистине я — как слепец.

(Пауза.)

Дон Балтазар. Куда пойдете вы?

Дон Кихот. Не знаю.

Дон Балтазар. О, опять раскаленные ланды, и, под жгучим небом из лазури и расплавленного золота, опять, отбрасывая тень, движутся всадники, длинный и круглый, в неизвестность. *(Пауза.)* Мне жаль вас, Дон Кихот. Быть может, оставить вас у нас на мой риск?

Дон Кихот. Нет, я уеду. Я не даю вам обещания, что завтра не скрою у себя в постели вашу жертву. А почем я знаю, не будет ли это второй Мурцио?

Санчо *(входя.)* Великий рыцарь. Я приготовил все к от'езду. Шлем Мембрана я уже давно начистил мелом, он блестит так, что больно глазам. Россинанта, она по обыкновению прихрамывает и имеет такой вид... да... что больно глазам. Точно так же ваши доспехи я латал и штопал постоянно так, что они, можно сказать, в блестящем порядке. В дорогу, милостивейший господин. К новым приключениям, пока господу богу не угодно будет прибрать нас обоих с лица земли.

Дон Балтазар. Прощай, честный Санчо.

Санчо. Ах, Дон Балтазар, я долго думал сегодня ночью. Я... глаз не сомкнул. Даже к Серому ходил посоветоваться, но ведь он осел, что с него взять? Человек я не военный, но захотелось мне бросить Дон Кихота и не возвращаться в дом свой, а выступить рано утром с армией, пойти умирать на запад, за стременем Дон Родриго Пацца, красного кузнеца, нашего мужичьего полководца. Да, нет уж! Где мне оставить Дон Кихота?

Дон Балтазар *(целуя Санчо)*. Постарайся быть счастливым, золотое сердце.

Дон Кихот. И я поцелую вас, Дон Балтазар. *(Целуются.)* Оправдать вас я не смогу, осудить не смогу, не смогу благословить вас. Только поцеловал вас поцелуем, в котором сознание нашей общечеловеческой слабости и нашего в ней братства.

Дон Балтазар. Сейчас или позднее, но мы добьемся власти человека над судьбой. Мы этого добиваемся и этого добьемся только мы. В гибели или победе конечные победители — мы.

Дон Кихот. Гордые слова. Ну, что же. Вас назовут сумасшедшим. На вашем пути было и будет много ошибок, но у вас прекрасная Дульцинея, мои странные собратья по рыцарству. О, моя скромней... но... но... я все-таки не обрел ее. Пора. Ах, Санчо, это большое приключение сильно надломило меня. Я чувствую смертельную рану на груди души моей. Да спасет вас бог, если он еще занимается внуками Адама.

(Уходят.)

Санчо. Старик плох. Он вообще-то помешан, а вы ему перемешали и самую помешанность. Ну, будь, что будет. Колотите проклятого Мурцио. Если вы точно войдете в обетованную землю, не забудьте сделать меня губернатором в каком-нибудь Капернауме. *(Кланяется и уходит.)*

(Пауза.)

ЗАНАВЕС.

ОЛИВЕР КРОМВЕЛЬ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА.

Оливер Кромвель — генерал-лейтенант (позднее протектор Англии).
Елизавета старшая — его мать.
Елизавета младшая — его жена.
Бриггитта Клейполь, Елизавета Айртон, Мэри Фокенберг } его дочери.
Ричард Кромвель — его сын.
Генрих Клейполь — заведующий мортирами, зять Кромвеля.
Полковник Айртон — друг, соратник и зять Кромвеля.
Лорд Фокенберг — приближенный короля, зять Кромвеля.
Карл I — король английский.
Лорд Сеймур — его телохранитель.
Граф Манчестер — бывший главнокомандующий, военный вождь пресвитериан.
Пим — политический вождь пресвитериан.
Вен — член парламента, пресвитерианец, республиканец.
Граф Эссекс — полководец, пресвитерианец.
Иезекииль Помбертон — духовное лицо, пресвитерианец.
Джон Мильтон — секретарь Кромвеля, поэт, пуританин.
Полковник Гамонд, Полковник Юэр } соратники Кромвеля, пуритане.
Доктор Бирд — бывший священник, пуританин.
Доктор Овертон — ученый, левелер.
Капитан Сексби — офицер армии Кромвеля, левелер.
Мафусаил — старый солдат армии Кромвеля, левелер.
Роберт Хог, Варрава, Мартин } Солдаты армии Кромвеля.
Монго — нечто в роде компаниона короля.
Шерадам — парикмахер короля.
Мортимер — секретарь короля.
Солдаты армии Кромвеля.
Служанка в доме Кромвелей — Миллер.
Сержант Манчестера.

КАРТИНА ПЕРВАЯ.

Ньюмаркет. В распоряжении армии. Комната в доме, занимаемом генерал-лейтенантом Оливером Кромвелем. Очень простая меблировка. За дубовым столом около канделябра сидит Кромвель, около него его мать Елизавета старшая, седая строгая матрона, и его жена—Елизавета младшая, пухлая добродушная женщина а по другую его сторону священник—доктор Бирд. Вдоль стола против зрителя — три дочери Оливера: похожая на бабушку—Бригитта, на мать — Елизавета и прекрасная Мэри. Поодаль в тени Джон Мильтон с лютней. При поднятии занавеса Мильтон играет на лютне. Все поют хором псалом).

Помоги нам, Боже, на земле.
Да воздвигнем мы маяк во мгле.
Пусть зажжется пламя правды твоей.
Сонмы искушений, Господи, развей.
Дай нам жизнь и смерть во имя истины,
Здесь страданьем и трудом очисти ны
А по смерти дай взыскуемый покой,
Господи, веди нас крепкою рукой.

Оливер. Довольно. Слушайте со вниманием слово божие. «Исход», глава 16-я: «И двинулись из Елима, и пришло все общество сынов Израилевых в пустыню Син, что между Елимом и между Сином, в пятнадцатый день второго месяца по выходе их из земли Египетской. И возроптало все общество сынов Израилевых на Моисея и Аарона в пустыне, и сказали им сыны Израилевы: о, если мы умерли бы от руки господней в земле Египетской, когда мы сидели у котлов с мясом, когда мы ели хлеб досыта. ибо вывели вы нас в эту пустыню, чтобы все собрание это уморить голодом». Вот так. Измучилась страна. Кто не жаждет спокойствия, кто не говорит: лучше было бы не подымать распри. Но Моисей вел все вперед. А на меня, мистер Бирд, находит сомнение. Мне далеко до Моисея, м-р Бирд.

Мильтон. Сер Оливер, вы — Моисей Англии. Дух божий на тебе, муж сильный.

Оливер. М-р Бирд, что вы скажете о пресвитерианах?

Бирд. Я о них не раз говорил вам, м-р Кромвель... Они остановились на полпути...

Оливер *(нетерпеливо)*. Не то, м-р Бирд, не то... Где конец пути? Может быть, у левелеров? Джон, до конца пути дошел ваш Овертон и неистовый Сексби. Конец пути — в фантазии, м-р Бирд. Конец пути лежит в туманах химеры. Всякий мудрый вождь должен уметь остановиться во-время. Конец пути—бездна. Не то, м-р Бирд. Посмотрите на шотландцев, которые захватили короля и торговали им, как барышник мукой. Когда я торговался с ними, я вспомнил, как покупал быка на племя на ярмарке в Генктингдоне. *(Хохочет.)* Десять тысяч фунтов за английского короля, — кто даст больше? Можно купить на племя, а можно и на убой. *(Хохочет.)*

Старшая Елизавета. Не будьте слишком грубы, Оливер.

Оливер. Прошу прощенья, матушка. Вы знаете, что я люблю пошутить. В былое время этот праведник божий, Гемпден сказал мне: у вас нос и шутки пьяницы, а вы почти непьющий. А я ответил: это невольное лицемерие в обратную сторону. И мы оба смеялись. Дружище Гемпден, ты теперь в раю господнем, а между тем вот где понадобился бы твой совет. *(Пауза.)* Я говорю, м-р Бирд, английские пресвитериане, все эти члены палаты общин, еще хуже. Они торгуются с королем. Для чего? Присмотритесь, кто это пресвитериане? Это не только ханжи — папы, которые способны сделать самую библию противной для честного парня, это, прежде всего, все пэры, пошедшие против короля, чтобы царствовать самим. Это набитое золотом Сити, это деревенские воротила! Чего они хотят? Свободы? Для себя, может быть, но ни в каком случае не для других. Христос? Христос для них просто лозунг. Корысть, м-р Бирд, корысть! Это люди класса! Народу же будет хуже, чем когда-нибудь. Стакнутся-ли

они с королем, победят-ли они, — все равно мы получим безбожное правительство, правительство лукавых сребролюбцев.

Мильтон. Вы правы, вы тысячу раз правы. Чем епископане оказались лучше папистов? То же стремление заковать в цепи чужую совесть и та же алчность к наживе. Все это — аристократы разного уровня! Сэр, только вы дадите Англии народоправство.

Оливер. Я не знаю, будет-ли когда-нибудь на земле существовать демократия. Избранному народу в лучшие времена господь посылал судей.

Мильтон. Управляй святыми божьими по чину Гедеонову, вождь!

Оливер. Что было бы наилучшим? Судья, избранный богом, отмеченный дарами неба, и парламент из благочестивых и честных тружеников, посланных народом. Главное же, правительство должно — служить!

Бирд. Аминь.

Оливер. Не знаю, будет-ли так. Боюсь, что пожиратели домов вдовиц и сирот восторжествуют... если только я не вырву у них главную козырную карту — короля! Да — козырного короля!

Мильтон. Карл первый? — Вряд ли это большая карта!

Оливер. Король — муж хитрый и полный талантов. Может быть, скоро вы узнаете его короче Джон.

Бирд. Ваши речи загадочны, сэр. Но ведь вы сами вели переговоры с королем.

Оливер. Да, я не прочь иметь козырную карту в моей игре. Впрочем, я сам лишь мелкая пешка в игре Провидения божия. *(Пауза.)* М-р Бирд, мне опять было видение в субботу ночью. Я не рассказывал вам? нет? Я расска-

зал его утром матушке и Бригитте. Бригитта иногда хорошо толкует мои видения. Я увидел Карла Стюарта, он стоял передо мной, как живой. Он подошел ко мне и сказал: «Они перепутали наши головы», сказал он: «Они хотели посадить вашу голову, Кромвель, на пику и для этого отрубили мою». — «Но наши головы на месте, государь!» — Это только кажется», — сказал он.

Бирд. Какой кошмар! Вы спали?

Оливер. Это только кажется... Да... Он был задумчив, у него не было его обычной ленивой усмешки... «Это только кажется», — сказал он.

Мильтон. Что же сказала по этому поводу мистрис Клейполь? *(Кромвель задумался и ничего не отвечает.)*

Мильтон. Что вы сказали, мистрис?..

Бригитта. Тс... отец думает.

(Молчание. Только шелест от рукоделия женщин. Мистрис Елизавета младшая зевает.)

Оливер *(словно очнувшись)*. Уже поздно... Но я жду Айртона.

Мильтон. Нельзя-ли узнать, что сказала мистрис Клейполь по поводу вашего видения?

Оливер. Пусть скажет.

Бригитта. Я сказала, что на этом свете все только кажется. Бог создает сны жизни, дабы испытать души. Наше тело—глина, а глина — прах, ничто. Только души существуют. Вот почему в видении сказано: это только кажется, что у нас головы короля и Оливера. У нас всех одна голова — Христос.

Мильтон. Как это прекрасно, мистрис Клейполь. М-с Клейполь. вы — настоящий поэт.

Оливер. А по-моему это темно. Может быть, это благочестиво, но это темно. По-моему видение означает одно, что головы на наших плечах со Стюартом сидят одинаково непрочно.

Елизавета младшая. Оливер! как вы можете...

Оливер. Ну что ж такое? Бригитта права, все это — глина. Только души не умирают... да, души не умирают. Так говорит слово Божие. Но если бы даже души умирали, — не умирают великие дела. Нет, нет — мир в целом не тлен и не прах. Мир — великое здание, которое мы строим. Хочу верить, что каменщик, потрудившийся в поте лица, отходя, получает плату и заслуженный отдых. Но главное не в плате и не в отдыхе, главное — в постройке. Что вы скажете на это, Джон?

Мильтон. Я скажу так: если рай и бессмертие можно было бы заслужить, отойдя от общественного дела, а участие в нем губило бы душу, — вы скорей погубили бы свою душу, чем отошли от дела.

Оливер. А вы, Джон?

Мильтон. Я тоже.

Оливер. Не грешно-ли это?

Бригитта. Грешно. Надо любить только Бога. Не надо любить этот мир.

Мильтон. Но Бог создал его не напрасно. В евангелии сказано: «блажен, кто душу свою погубит за други своя».

Оливер. М-р Бирд, как вы полагаете? Вы — священник...

Бирд. Я думаю, что подобные вопросы может рассудить только свободная совесть каждого человека.

Бригитта. М-р Мильтон, вы слабы глазами. А вы так любите свет и его игру с тенями. Я часто спрашиваю себя, почему Бог грозит вам слепотою?

Мильтон. Доктор Мейер говорит, что я не ослепну.

Бригитта. Боюсь, что вы ослепнете, м-р Мильтон, так как вы слишком любите красоту мира. Да, она творение рук божьих, но любить тварь недостойно. Чтить Бога в тучах неба, волнах моря, цветах садов и блеске солнца это то же, что чтить его в картинах Антония Ван Д'Эйка, как делают паписты.

Мильтон. Ругайте, ругайте меня, Бригитта... т.-е. м-с Клейполь. Вы — праведница.

Елиз. младш. Бригитта надменна. Она хочет учить. Это не хорошо для женщины. Моя Бетси варит суп и штопает платье для детей. Она молится по утрам, как птичка. По моему она ближе к отцу небесному. Бригитта горда.

Елиз. старшая. Клейполь — негодяй. Это единственный зять Оливера — негодяй. Вот наказание Бригитте за то, что она хочет видеть в сумраке божьем.

Мильтон. Как Кассандра.

Елиз. старшая. Но Бригитта тем более прилепилась к богу. А муж милой Бетси—Айртон, сам подобный грозному ангелу Саваофа, вместе с тем нежный муж и отец, хоть и не позволяет себе показывать это всякими внешними ласками.

Оливер. Айртон — моя гордость. Если бы Ричард был хоть в половину Айртон.

Елиз. старшая. Бог справедлив. Бригитте дан свет разумения, Елизавете — счастье у очага, а Мери — нечто более опасное.

Мери *(тряхнув своими кудрями)*. Ах, оставьте меня.

Оливер. Да, Мери вышла удивительно красива, она совсем непохожа ни на кого из Кромвелей и Стеардов! Елизавета, как вы умудрились родить эту папистскую мадонну? ха, ха, ха!

Елиз. старшая. Оливер!

Оливер. Не заглядывались-ли вы на красивую икону Эйка? или на какого-нибудь кавалера, ха, ха!

Елиз. старшая. Оливер, я уйду и уведу Мери!

Оливер. Ваши шутки и ваш нос, сказал Гемпден... Полноте, старушка, отчего не пошутить? Я не пьяница, но в походе я все-таки пил имбирное пиво, а подчас и стаканчик испанского. Что это значит на весах наших грехов? Когда я был последний раз у короля, я видел там Фокенберга... Стойте... глядите на Мери... ха, ха! *(Мери встает из-за стола.)* Нет, нет, я не буду. Только о Фокенберге хотел я сказать, что хотя он лорд и кавалер, однако, он не только красив, как Авель, но также славный малый. Хотел я еще кое-что рассказать про него, но раз Мери этого не хочет... Не хочешь? — Хочешь? Плутовка! Она — плутовка, мамаша! О мадонна... папистская... Он спросил, этот сверхпаж короля: «как здоровье ваших, сэр Оливер»? — «Недурно, недурно»... отвечаю, — «только младшая дочь моя, Мери, при-смерти». — Мой лорд побледнел. «Она умирает со скуки»,—говорю я и хохочу! Ну, довольно шутить. Мы заболтались. Ночь в небесах и библия на столе. Я забылся.

(Пауза.)

Что же Айртон?

Бетси. Постойте... я слышу стук копыт. Конечно, это конь Айртона. Ну да, он слезает у ворот, вот он разговаривает с часовым *(вскакивает)*.

Мильтон. Тонок слух любви.

Оливер. Да, это Айртон. Я прошу всех уйти, всех, решительно всех. Что? Ты хочешь приветствовать мужа, Бетси? Ты сделаешь это через полчаса.

(Все уходят. Оливер, полный ожидания, смотрит на дверь. Входит Айртон в плаще и сапогах со шпорами.)

О л и в е р. Айртон, садись, Айртон. Ты привез его?

А й р т о н. Он здесь.

О л и в е р. Расскажи мне, как это было.

А й р т о н. При самом факте меня не было. Но я послал записку Карлу. Я писал: «Вас увезут в армию. Не пугайтесь. Лучше иметь дело с одним великим человеком, чем с двумя стами мелких плутов».

О л и в е р. Ты написал так? А если он не уничтожит письма?

А й р т о н. Что ж такое? Записку писал верный писарь. Ни подпись, ни почерк не изобличают никого. Да, наконец, увозя его сюда, — нечего бояться записок.

О л и в е р. Ты прав, Айртон. Кто же взял его, — Джойс?

А й р т о н. Корнет Джойс. Дорогой он рассказал мне все, как было. Но прежде всего я должен сказать вам, что слух, дошедший до вас, верен. Действительно, граф Манчестер предложил значительной группе членов парламента арестовать вас. Это подтвердил честный человек — м-р Вен.

О л и в е р. Вен республиканец? На некоторое время он мог бы быть попутчиком нам.

А й р т о н. Тип колеблющийся, но честный. Когда Джойс явился во дворец, парламентская стража только хлопала глазами. Джойс об'явил ваше требование выдать короля, держа пистолет в руках, и, знаете, с ним ведь было только 15 кавалеристов. Ах, генерал, я уверяю вас, что парламент давно стал трухлявым внутри... Но как он надмевается и топорщится. Его гниение заражает всю Англию... Король отнесся к Джойсу благодушно. Правда, он долго готовился к от'езду, он притащил с собою свиту из 12 человек, не считая женщин, мелкой прислуги; среди них и лорд Фокенберг, который несомненный ваш поклонник...

О л и в е р. Пусть они немножко видаются с Мери, Айртон, а?

А й р т о н. Я думаю, что Джойс молод сторожить короля. Я назначил на эту должность полковника Гамонда. Король остался несколько недоволен домом Вайта... Он нашел его тесным. Но прислуга сейчас же принялась расстилать ковры, развешивать картины, расставлять вазы. Скоро там будет совсем, как во дворце. Как они суетны, генерал!

О л и в е р. С ними есть и женщины?

А й р т о н. Несколько прислуг — две или три. Но зато он привез с собою своих собачек и обезьяну! С ним также Монго, знаете? род шута. Молодчики-красавцы Фокенберг и Сеймур и француз-лакей, он же парикмахер, который завивает короля, под фамилией Шерадам. Вещи пришлось уложить на 8 подвод!

О л и в е р. Все это хорошо. Слушайте теперь, Айртон: завтра мы устроим смотр в Ньюмаркете; у нас 21 тысяча ребят; король пусть смотрит из окна. Дней через пять мы двинемся к Сент-Албану и будем грозить Сити!

А й р т о н. Меч сокрушит гнилой закон.

О л и в е р. Айртон! мой меч восстановит закон! Я — человек порядка.

А й р т о н. Пусть Бог благословит наше дело.

О л и в е р. Молись, друг. А пока зови свою Бетси, можешь расцеловать ее в ямочки щек и сказать, чтобы она дала сюда кувшинчик старого испанского. Сегодня я разрешаю выпить себе и тебе. Пусть только она не говорит мамаше. Поди, поди.

(Айртон уходит.)

О л и в е р *(один. Открывает библию)*. Боже! Дай мне предсказание третьим стихом на странице, которую откроет слепая рука моя *(читает)*. «И стал Моисей в воротах стана Израильского и воскликнул: кто принадлежит Иегове—иди ко мне. И собрались вокруг него левиты, он же сказал: да опояшется каждый мечом...» Так... Вот и знамение... Благодарю тебя, господи, за благоволение твое, хотя тяжка де-

сница твоя. Лью кровь... да и своей кожей рискую... Битвы, битвы. Но на этот раз мы сделаем дело без излишнего кровопускания. *(Айртон возвращается. За ним Бетси несет на подносе кувшин и стаканы.)*

Оливер. Бетси, избави Бог сказать матушке, что мы пьем вино, — она этого не любит.

Бетси. Я никому не скажу.

Оливер. Поцелуй меня... так... у Айртона усы не так жестки. Ведь у меня прямо конская щетка. Ну, поцелуй теперь его. Будет, будет, Айртон, не притворяйся, что тебе неприятно. Хотя брак и не таинство, но где ложе нескверно, — муж и жена изображают Христа и Церковь. *(Наливает вина.)* Вы можете итти, миледи! *(Бетси уходит.)* Выпьем, Айртон, за короля!.. За то, чтобы король служил мне, как я служу господу.

Айртон. За успехи истины на земле. *(Пауза.)*

Оливер *(щелкая языком)*. Да. В земле обетованной также имелись виноградники... и Христос претворил воду в вино... Сядь поближе, Айртон. Видишь-ли, король хитер. Он думал подружиться с пресвитерианами и свернуть шею Оливеру и его индепендентам... А я намекнул ему, что он может вместе со мною сокрушить парламент. Я намекнул ему, что Англия привыкла к королевской власти, только нужно было бы, чтобы король повиновался воле божьей... Да...

(Наливает стакан.) Он думает, что, подружась со мною, успеет использовать меня, а потом как-нибудь подставит мне ножку. Я знаю, что герцог Гамильтон все время собирает отряды для него. У короля стало больше сторонников теперь, когда он никого не обижает и имеет ореол мученика над короной, чем когда он был властелином. Но я буду держать его, Айртон, как ястреб в когтях. Или он будет служить богу, или я отрежу ему голову вместе с короной. Айртон, какое красное вино.

Айртон. За успех великого плана *(пьет)*.

Оливер. Спаситель заметил, что кровь и вино схожи. Да... Он думает играть нашими головами, но это его голова — как мяч в моих руках. *(Смотрит в кувшин.)* Тут хватит еще по стакану. Ней, Айртон, потом надо соснуть. На завтра свидание с королем, я приду к нему около полудня. Предупреди Гамонда *(пьет)*. Пусть и это будет во славу божью. Да... Айртон, посмотри на мою руку: она велика, крепка и мохната... Приятно, сжимая ее, знать, что между ее пальцами умещается король и три королевства. Но не я, господи, а ты! Айртон, я ведь только перст божий. Но быть перстом божьим, это — великое дело.

Айртон. Ты — новый Моисей.

(Входит Елизавета старшая со свечей. Кромвель встает и заслоняет собою стол.)

Оливер. Матушка...

Елизавета. Не пора ли вам спать, Оливер? Уж очень поздно, а завтра вы хотели встать ранним утром. *(Подымает свечу выше.)* Вы, вероятно, пили вино, Оливер? Вы же знаете... вам это вредно. Господь накажет вас приступом подагры.

Оливер. Нет, матушка... Айртона мучила жажда с дороги, я приказал дать ему элю, просто элю, матушка. Да благословит бог вашу заботу и да даст он вам спокойной ночи. Вон уж петухи поют, матушка. Мы посидим еще несколько минут с Айртоном, потому что я приказал привезти сюда Карла Стюарта, и нам надо посоветоваться.

Елизавета. Вы привезли сюда короля?.. Вы хотите сделать ему дурно?

Оливер. Напротив, я предложу ему дружбу. Вопрос только в том, как он к этому отнесется.

Елизавета. Бог подчиняет вам короля, Оливер: молитесь!

Оливер. Ежечасно, матушка.

Елизавета. Да благословит вас бог, сын, ибо вы — избранник. *(Подходит к нему и целует его в лоб.)* Но вы все-таки пили вино, сэр. Это очень худо, худо обманывать вашу мать. Но бог да простит вас, сэр. Не бойтесь никогда говорить правду.

Оливер. Матушка, политика сделала меня дипломатом. Мне надо перехитрить короля и парламент.

Елизавета. Прощайте... Вино по себе не грех. Но ваша подагра, Оливер... Я люблю вас, оттого забочусь.

Оливер *(целуя ее)*. Я всегда был вашим почтительным сыном. *(Она уходит.)*

Оливер *(ходит по комнате)*. Да, Айртон, мы затеяли большую игру; решается судьба миллионов *(подходит к столу и смотрит в кувшин)*. Скажи Бетси, чтобы она принесла еще кувшинчик. Я дам тебе распоряжение относительно завтрашнего парада. Открой окно. *(Айртон открывает окно и уходит с кувшином.)*

Оливер *(подходит к окну)*. Божие звезды на небе... и костры благочестивого войска. Заря алеет. Дом Вайта виден отсюда. Там темно. Король спит... Как странно я себя чувствую... Мне кажется, что я росту... что я громаден, что я великан... Да. Все это оттого, что Англия у меня на руках *(закрывает окно)*.

(Айртон входит с кувшином.)

Оливер. Нет, Айртон, поди к себе. Сосни часа два-три. Рано утром приходи ко мне, мой дорогой друг. *(Жмет ему руку и твердо уходит к себе. Айртон тушит свечи, канделябры и тоже уходит.)*

ЗАНАВЕС.

КАРТИНА ВТОРАЯ.

(В зале дома зажиточного купца Вайта в Ньюмаркете. Дом уступлен королю. Время к полудню. Много солнца. Зал убран изящными вещами, привезенными королем с собою. У столика, заставленного богатыми принадлежностями завтрака, сидит король. Он одет роскошно и изысканно. Его кудри завиты, он весь холеный. Движения медленны, грациозны и небрежны. Одной ногой он стоит на шелковой подушке с гербом. В руках у него пирожок, который он держит перед собачкой. Собачка прыгает на задних лапах. Монго сидит поодаль на низеньком табурете и читает. Он весь в кружевах и лентах, сильно завит, носит тросточку. В углу два красавца — лорд Фокенберг и Сеймур — играют в шахматы).

Монго. Ваше величество, минуту внимания Шекспиру. Леди Брен уж сыта. Сейчас как раз идет место, которое вы признаете восхитительным. Оно в вашем вкусе, вслушайтесь.

Мой Аарон, что ж так печален ты,
Меж тем, как все так радостно ликует?
На каждом из кустов щебечут птицы,
В сиянья солнца греется змея,
Дрожат листы от дуновенья ветра,
И пятнами от них ложится тень.
В тени отрадной сядем, Аарон,
Покуда псов болтливых дразнит эхо
На звук рогов визгливо отзываясь;
Как будто бы мы две охоты слышим. —
Присядем здесь, внимая лаю псов
За схваткою такою же, какою
Скиталец принц с Дидоной насладились,
Когда, грозой застигнуты счастливой,
Укрылися они в глухой пещере, —
Забудемся в об'ятиях друг друга
Сном золотым, пока рога и псы,
И птицы сладкозвучные — нам будут
Той песенкой, какую напевает
Кормилица, чтоб усыпить дитя.

А? Что вы скажете?

Король. Ты прав. Это красиво. Он жив, этот твой поэт?

Монго. Ваше величество, по наведенным мною справкам он умер в 1616 г. Посмотрите, со дня его смерти прошло всего 30 лет, а он совершенно забыт. Между тем, при королеве Елизавете это был любимейший писатель для сцены.

Король. Забывают даже государей. В борьбе со временем фараоны строили пирамиды.

Монго. Ваше величество, выстройте в Англии пирамиду после того, как вы раздавите вожаков вонючей сволочи! Я бы на вашем месте непременно выстроил пирамиду. Я бы согнал на эту работу каждого пятого висельника из нашей черни и соорудил бы что-нибудь необ'ятное. А вообще говоря — есть только один государь, который вполне меня удовлетворяет: это — Нерон.

Король. Нерон умер шутовской смертью, преследуемый своими солдатами, как зверь. Фокенберг! писем от королевы так и не было еще?

Фокенберг. Нет, государь. Я распорядился, чтобы в случае прибытия курьера он направлен был сюда.

Король. Нет. Пусть тебя известят. Ты сам поедешь тогда в Лондон и лично привезешь письма, а французу ты отдашь мое письмо к ней. *(Зевает.)* Я плохо спал сегодня. Я не люблю этой серьезной жизни, милорды. *(Пауза.)* Поверите-ли, в первые годы на престоле мы были поистине подобны богам: я, Генриетта, Кеккингем. Охота, балы, спектакли...' Однажды в Виндзоре мы оторвались от охоты... Это была сцена в духе твоего Шекспира, Монго. Под колеблющейся зеленой кровлей кленов я сел на упавшее дерево, Генриетта ко мне на колени, а Беккингем—у ее ног. Он целовал ее руки, она гладила его волосы. Они были прекрасны оба расцветающей весенней красотой. Тогда я сказал им: королева, милорд, — поцелуйте друг друга прямо в губы, ясно и открыто. Они сделали это. Тогда я жестом поставил их на колени по обе сто-

роны, дал им целовать мои руки... И в эту минуту я ощущал в сердце гордое и ясное торжество. Природа, власть, женщина, дружба, а вместе с тем кони и собаки, дворцы и картины, кружева, драгоценные камни, огни, звуки, — как все это хорошо. Все это мне, мне...

(Пауза.)

Но потом, милорды, началась политика. Бедный герцог замучился с этим парламентом скряг. Моя Гени стала маленькой фурией абсолютизма, и я сам стал хитрить и мучить свой веселый мозг, чтобы обходить трудности. Королевство повернулось отрицательной стороной!

(Пауза).

Фокенберг, понимаешь-ли ты, однажды мне пришло в голову уехать из Англии совсем. Во Францию, в Италию. С Гени и Виллирсом — герцог был еще жив тогда — зажить жизнью простого джентльмена где-нибудь на берегах Луары или в Тоскане, в Умбрии. Играть на моей флейте... Но когда я сказал это Гени, — она чуть не разлюбила меня!.. Лучше умереть, милорд! — сказала она, и ее глаза сверкали невыносимым черным блеском: «Вы на посту, милорд!»

Фокенберг. Ваше величество, тернист ваш путь. Вот вы в плену, может быть, пора дать права человеку Карла Стюарту, и сбросить с себя Карла Первого. Как хочется иногда просто жить. Я вас вполне понимаю, государь.

Сеймур. Лорд Фокенберг! мы друзья с вами, но я выскажу свои мысли откровенно. На месте короля я давно прогнал бы вас от себя. Вы сами кромвелист.

Король *(смеясь)*. Это с тех пор, как мы познакомились с Мери Кромвель... В самом деле, это — красивейшая девушка Англии.

Сеймур. Она чуть полна.

Король. Пустое. Она ошеломляюще хороша. Что же, Кромвель — дворянин, косвенный потомок Томаса, его дед и

дядя царственно принимали у себя королей. Для Фокенберга Мери Кромвель не стоит слишком низко. Если Варвик, Грей, Эссекс преданы отцу, словно главе государства, отчего же лорду Фокенбергу не стать главой для дочери?

Фокенберг. Моя матушка отнюдь не препятствует этому. Если бы король разрешил...

Король. Eh bien, mon petit, я даю тебе это разрешение.

Монго. Когда вы разрешили свести леди Брен с Морцоко, вы сказали: просто голова кружится, когда подумаешь, какие у них будут хорошенькие щенки.

Король. Ну да, ну да: у Виля и Мери будут рождаться херувимы. Но ведь это недурно и с политической точки зрения. Ведь у нас идет на мировую с генерал-лейтенантом.

Сеймур. Тогда разрешите и мне одну милость.

Король. Да, милорд.

Сеймур. Позвольте мне проследить самому за процедурой, когда будут вешать красноносого разбойника.

Король. Тс! Как ты смеешь! Ведь это же почти тесть Фокенберга *(смеется). (Входит Шерадам.)*

Шерадам. Ваше величество... Полковник Гамонд всенижайше просит позволения предстать перед государем. *(Входит Гамонд.)*

Гамонд. Сэр, сюда идет генерал-лейтенант.

Король. Так... мы примем генерала через несколько минут.

Гамонд. Он уже входит, сэр.

(Кромвель входит и низко кланяется, касаясь шляпой пола.)

Король. Монго! стул для генерала.

(Монго ставит стул против кресла короля.)

Прошу вас сесть, сэр. Прекрасная погода.

Оливер *(присаживаясь)*. Уже становится жарко, сэр. Как переезд?

Король. В покойной карете,сэр. Я спал всю дорогу.

Оливер. Надеюсь, сэр, вы недурно почивали и здесь?

Король. Нет, сэр. Я дурно спал. Было душно. Я привык к очень большим спальням, очень большим, сэр.

Оливер. Можно было открыть окно.

Король. Я этого не терплю, сэр. Но во всяком случае, вы очень учтивы, сэр.

Оливер. Если что-нибудь нужно, только прикажите Гамонду.

Король. Кромвели неоднократно принимали королей.

Оливер. Это правда, сэр. Если хотите, король в третий раз в гостях у моего дома. На этот раз мы принимаем вас не в поместье, а в лагере по-военному, и вы простите, сэр, невольную простоту приема.

Король. Ничего, кроме благодарности, сэр. В Лондоне нас беспокоили миллионы интриг. Нам будет удобнее здесь.

Оливер. Здесь души так же просты, как жилища.

Король. Позвольте вам представить некоторых лиц моей свиты. Вы, кажется, знаете молодого лорда Фокенберга? Хороший кавалерист. Он рубился под моим знаменем в несчастной битве под Несби, когда вы разбили нас неслыханно, генерал. Но если бы вся конница состояла из Фокенбергов...

Оливер *(смеясь)*. Я бы уже давно был повешен, сэр.

Король. О, никогда. В случае победы, я ни за что не покарал бы Оливера Кромвеля. Такой генерал на моей службе сделал бы Англию первой державой Европы.

Оливер. Возможность служить вам остается... Я знаю молодого Фокенберга *(жмет ему руку)*. Приходите ко мне,

милорд. Не то, чтобы у меня было особенно хорошее вино, однако, в моем доме есть нечто, что, кажется, нравится вам, милорд.

Фокенберг. Я почту за счастье бывать у вас, сэр

Оливер. Там большой сад; молодежь проводит в нем целые дни. Вы бы побежали туда, милый юноша. Мери поливает там свою клубнику.

Король. Я разрешаю вам, Фокенберг.

(Фокенберг кланяется и уходит, едва сдерживая свою радость.)

Король. Юность.

Оливер. Они без ума друг от друга. Да, сэр, повидимому, я пристрою и последнюю дочь. У меня добрая семья, сэр, добрая семья. Я человек из джентри, сэр. Мы, пуритане из джентри — честные люди. Работаем, рубимся, молимся, женимся — все с усердием, сэр... ха, ха, ха!

Король. А этот прекрасный рыжеволосый юноша с глазами из стали, лорд Сеймур, мой добровольный телохранитель.

Сеймур. Всегда готовый умереть за короля Англии. Я из аристократии, генерал, епископане из аристократии — гордые верные люди, тоже умеют рубиться и молиться, сэр. За короля, сэр, за Англию, за порядок.

Оливер. А нельзя ли и его услать к какой-нибудь девице, сэр?

Сеймур *(вспыхнув)*. Я всегда при короле.

Оливер. И все-таки вам придется уйти. У нас будут разговоры чересчур серьезные для вас.

Король. Идите, Сеймур, идите, Монго... Монго! покормите собачек... Скажите Шерадаму, чтобы он приготовил рис и вообще особый обед для Кардинала. Старик нездоров, покашливает и стонет.

Монго. Все будет сделано. *(Берет леди Брен на руки.)* Я разучу конец арии, ваше величество... если вашему величеству угодно будет играть сегодня.

Король. Идите. *(Монго уходит.)*

Оливер. Что это за кардинал с вами, сэр?

Король. Обезьяна.

Оливер. Ха, ха, ха, хорошее имя для обезьяны, сэр. Ха, ха, ха, прекрасная шутка, сэр, ха, ха! А говорят, что вы чуть не папист. А я-то думал, ха, ха, что за старика кашляющего кардинала притащил он с собою? Охохо!.. *(Кашляет.)* Вот и сам закашлялся от смеха! Но это очень славно с вашей стороны назвать мартышку Кардиналом. Я расскажу это Бирду, — то-то будет доволен.

Король *(холодно)*. У меня не было намерения... Мне подарили его матросы, вернувшиеся из Барбадоса. Они уже дали ему такую кличку. Животное не хотело откликаться на другую.

Оливер. Ах, так... Молодцы матросы! Но не будем терять времени. Сегодня я устраиваю небольшой парад, сэр. Тысяч двадцать славных ребят пройдут тут мимо. Благоволите глянуть в окошко.

Король. Непременно, генерал.

Оливер. Я думаю двинуться на Лондон.

Король. Вы? На Лондон?

Оливер. Да. Надо вышвырнуть паршивых овец из парламентского стада.

Король. О! Вы не церемонитесь с законом.

Оливер. Salus populi — suprema lex est!

Король. Вы ведь слушали юриспруденцию.

Оливер. Да, около года. Но к чорту юриспруденцию, сэр. Боже мой... я кажется упомянул имя лукавого? Сэр, не упомянул-ли я имя лукавого?

Король *(сдержанно улыбаясь)*. Вы сказали: к чорту юриспруденцию, генерал-лейтенант.

Оливер *(встает)*. Отвратительно. *(Отходит в сторону, бьет себя в грудь и тихо молится. Потом возвращается.)* Со мной это редко случается, но это не малый грех. Это значит, что в эту минуту Христос оставил меня.

Король *(иронически следит за ним)*. Вы очень благочестивы, сэр.

Оливер. Благодарю вас, сэр. Я не заслужил похвалы в подобную минуту. Как хорошо было бы, если бы господь бог за подобные прегрешения наказывал нас тут же. Когда Ричард говорил подобные вещи, я сразу давал ему подзатыльник, от которого он летел носом в пол. Вернемся к предмету. Я вовсе не человек, который хочет поставить Англию головой вниз. Я — монархист, сэр. Англия привыкла к королевской власти. Мое дело поставить короля на его место, а парламент—на его место.

Король. Каковы же эти места?

Оливер. Король венчает здание, правит при помощи министров, парламент издает законы и вотирует налоги, но не вмешивается в исполнение.

Король. А первым министром будете вы?

Оливер. Если это угодно будет королю.

Король. Вы будете править и страною, и королем, и парламентом.

Оливер. Если господь пошлет мне на то силы.

Король. Это очень хорошо... Тогда я смогу быть спокойным... Жить окруженным великолепием и не заботиться об управлении страной. *(Пауза.)* Мне это очень улыбается.

Оливер. Может быть и не очень, но как быть: каждый должен занять место, указуемое перстом божиим. Пар-

ламент хочет править, — господь отведет его сам в назначенное русло. Если король задумал быть тираном, — господь внушит рабу своему, что надо предпринять по отношению к нему.

Король. Ведь господь оправдал бы даже убийство монарха.

Оливер. Нет. Никогда. Но суд над ним и законная казнь могли бы быть указаны голосом царя царей.

Король. Совершенно верно, генерал. Король жил бы в золотой клетке у вас.

Оливер. Мы все в руках Провидения.

Король. Вы сама мудрость. *(Пауза.)* Конечно, конечно, я согласен на все, генерал.

Оливер. У меня написано маленькое письмо, которое вы благоволите подписать, сэр.

Король. Да? Прочтите.

Оливер. Гм... Это к герцогу Гамильтону... в собственные руки, где бы он ни находился. Текст такой: «Герцог, я примиряюсь со своим народом. Распустите немедленно отряды, вами собранные. Во имя бога живого не обнажайте меча. Подробные сведения о ваших отрядах и ходе их разоружения пришлите немедленно. Ослушание будет строго взыскано. Ньюмаркет. Королевская ставка». И здесь вы будете любезны подписать вашею рукою: Карл Стюарт, и распорядиться приложить печать и прочее, и прочее.

Король. Дайте письмо, генерал, мы подумаем.

Оливер. Мне надо на парад, сэр. Благоволите подписать сейчас. *(Встает и подходит к двери.)* Гамонд, Гамонд! *(Полковник входит.)* Позовите сюда секретаря короля с пером, чернилами, печатью и всем, что сюда относится. *(Королю.)* Сэр, зачем делать завтра то, что можно сделать сегодня?

Король. Действительно! Вы человек дела, генерал.

(Шерадам входит.)

Шерадам. О! Ваше величество, какое ужасное несчастье! Я приготовил рис с молоком и виноградом и сладкий сироп, но Кардинал не пьет и не ест. Глаза у него грустные и пульс бьется... Я сказал доктору, чтобы он хорошенько осмотрел Кардинала. О!

Король. Ему надо пустить кровь.

Шерадам. О! Бедное животное. Он стонет, как человек, мой маленький Кардинал.

Король. Идите, Шерадам, мне некогда.

(Входит секретарь, становится на одно колено и держит перед королем пюпитр, в руке его готовое перо.)

Король. Ваше письмо, генерал.

Оливер. Письмо ваше, сэр. *(Кладет его на пюпитр.)*

Король *(подписав)*. Вот... я подписал. *(Секретарю.)* Останьтесь здесь, Мортимер.

Оливер *(беря письмо)*. О доставке я позабочусь сам. Когда вы услышите барабаны, сэр, выгляните в окно. *(Кланяется, касаясь шляпой пола.)* Прошу остаться ко мне милостивым.

Король. Вы можете быть совершенно уверены в нашей неизменной благосклонности. *(Кромвель уходит.)* Мортимер, затворите дверь... Посмотрите раньше, не подслушивают-ли нас? Садитесь писать сюда. *(Впивается в его плечо, наклоняется над ним и говорит шопотом.)* Пиши: «Генриетта, я в плену у изверга Кромвеля. Спеши! Умоляй государей мира, прежде всего короля французов, нагрянуть сюда мне на помощь. Я тоскую, Генриетта, в лапах этого дьявола. Я предчувствую смерть, если помощь не подоспеет во-время. Спеши, спеши, моя супруга! Об'ясни

им, что, предавая меня, они погубят монархию во всем мире» Что? Я, кажется, сделал больно вашему плечу, Мортимер? Простите. Я весь дрожу. Довольно... Другое... Гамильтону:

«Лорд, вы получите безумный приказ, писанный рукою пуританского чорта и подписанное мною по принуждению. Торопитесь с выступлением, каждая минута промедления грозит мне гибелью. Я буду отводить глаза кровавой бестии, пока смогу. Он ссорится с парламентом. Может быть, гады перегрызутся. Да хранит вас бог. Передайте привет короля его доблестным слугам».

(Раздается барабан.)

Король. Войско свиней гадаринских проходит мимо! Откройте окно. Посмотрите, Мортимер, — я улыбаюсь приветливо?

Секретарь. Чрезвычайно приветливо, ваше величество.

Король. Это для моих убийц. *(Подходит к окну.)*

(Барабаны все громче. Слышен марш проходящих отрядов. Громкий хор запевает внезапно под барабаны: «Господь наша крепость.»)

ЗАНАВЕС.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ.

(Сад при квартире генерал-лейтенанта. В глубине домик с уютным входом, убранным плющем. Грядки с цветами и ягодами. Плодовые деревья. Июнь. На скамеечке сидят Фокенберг и Мери).

Фокенберг. Я никогда не откажусь от мысли, что красота есть великое божье благословение. Мери, я не настаиваю на иконах и статуях, но я чувствую благость небес с биением сердечным, когда смотрю на вас, Мери. Вы совершенство. Глаз от вас оторвать нельзя.

Мери. Милорд, это все-таки тяжело слышать. Это все равно, как если бы вы хвалили меня за богатую одежду.

Фокенберг. Но в ваших глазах, Мери, в ваших губах я вижу вашу ангельскую душу. Мери, теперь тяжелое время. Я чту вашего отца и великое движение народа к свободе и благочестию. Я люблю моего господина короля Карла. Мое сердце обливается кровью при виде жестокой гражданской войны и распри, в которой мы ненавидим друг друга ради имени того, кто приказал любить даже врагов... Грозное время, Мери. А между тем, так хочется счастья! Кто знает, быть-может, брак между дочерью подлинного вождя армии и любимым приближенным короля сблизит эти стороны в роковом споре? Мери, что могло бы заставить вас отказать мне? *(Пауза.)* Простите, что я говорю так, видя вас всего в третий раз, говоря с вами чуть не впервые. Но, право, у меня такое чувство, что в эти дни тревог надо торопиться. *(Пауза.)* Мери, вы не отвечаете мне.

Мери. Милорд, вы прекрасны лицом и сердцем. Вы мне делаете большую честь, милорд. Да поможет мне бог сделать вас счастливым.

Фокенберг. Мери! *(Обнимает ее и целует.)*

Мери. Милорд, милорд, мне кажется, что этого не полагается.

Фокенберг. Полагается, Мери, полагается... Я безумен от счастья. О! этот поцелуй... еще, еще, Мери. Как пахнет сирень, как ласков ветерок! Как смеется нам солнце... Мери, благословен господь, дарующий жизнь. Я буду целовать тебя, моя невеста, буду целовать тебя.

Мери. Здесь открытое место, нас увидят.

Фокенберг. Никого нет... пусть увидят... все согласны. *(Целует ее.)* Ты же невеста моя.

(Входит Клейполь.)

Клейполь. Что вы тут делаете, твари! Мери, ты открыто предаешься разврату? С кем? Кто этот чужой? Эй, мальчишка, вынимай шпаженку, смерть твоя пришла!

Фокенберг. Я—лорд Фокенберг, жених мисс Мери с разрешения отца и моего короля.

Клейполь. Что? Ты хочешь уверить меня, что ты ее муж, а я, ее брат, этого не знаю?

Фокенберг. Если вы Ричард Кромвель...

Клейполь. Я не Ричард Кромвель — я Генрих Клейполь! Я требую, чтобы вы немедленно удалились... Молокосос.

Мери. Уйдите, милорд, уйдите.

Фокенберг. Если вы будете грозить мне, я конечно не уйду.

Мери. Но я прошу вас, милорд, уйдите. Вернитесь с моим отцом.

Фокенберг *(целуя ее руку)*. Я повинуюсь моей повелительнице.

Клейполь. Повелительнице! Хорош будет муж! Придворный щелкопер. Повинуюсь повелительнице! Жена да боится мужа, сказано. Но вы не муж и не жених, а галантный повеса и вор в чужом саду. Вон!

Фокенберг. Не раздражайте меня, сэр. Только ради нашего будущего родства, я не бросаю вам вызова.

Клейполь. Розги, розги, юноша! Не может быть, чтобы вы уже забыли про них.

Мери. Но, Генри, я расскажу отцу про твои гадости.

Клейполь. Курочка заступается за своего петушка: кококо-коко! Прошу вас, милорд, вы видите там калитку. Если вы не хотите, чтобы я снял куртку и угостил вас боксом, то прошу.

Мери. Ради бога уходите, милорд. Генри буен и...

Фокенберг. М-р Клейполь. Я вижу ваши здоровенные кулаки. Поверьте, они так же мало пугают меня, как ваша длинная шпага. Я долго терпел. Я уйду и драться с вами не буду, но я прошу вас сегодня под вечер притти хотя

бы на поле у мельницы честно с парой свидетелей для кулачного боя, ибо рубиться с членом семьи Кромвеля я не стану. Но, каюсь, я очень не прочь наставить вам фонарей и сделаю это, несмотря на ваши кулаки.

Клейполь. Приду. Выколочу душу из твоего господского тела, франтик.

Фокенберг. Мери Кромвель, моя сладостная невеста, я удаляюсь. *(Посылает ей воздушный поцелуй и уходит.)*

Клейполь. Сладостная невеста! Этакий пакостник! Мери, сядь-ка! Да сядь же здесь рядом со мной. *(Ловит ее за руку и сажает рядом с собой.)* Слушай, Мери: я ужасно тебя люблю. Прямо с'есть тебя готов. Дьявол меня распаляет, да расточат его в прах святые архангелы! Ах, Мери, какой я был осел, что женился на пророчице Бригитте. Что за женщина твоя сестра! Она меня сживет со света проповедями. Мне только одно доставляет удовольствие: поколачивать ее от времени до времени. Да, Мери, это бывает недурно. Я для этого слегка подзадориваю себя анисовой и не без удовольствия смотрю, как она молится с чопорным видом, вся важная, словно она — ключница господа бога. Потом я улучаю минуту, придираюсь к чему нибудь. Трах!—и чепец летит со святой Бригитты, ха, ха! Все дело в том, что она считает это наказанием божиим, она твердо стоит на повиновении главе семьи и... терпит...

Мери. Какой вы гадкий человек.

Клейполь. А ты? Ты — пирожок! Яблочко! Если бы ты была моей женой, — я бы не вставал с постели, честное слово. Но поцеловать-то тебя можно?

Мери. Прочь!

Клейполь. Я же брат твой...

Мери. Прочь!

Клейполь. А, мисс Мери не хочет! Слушай же, если ты меня поцелуешь, — ладно, а нет — клянусь тебе святым

Георгием — я сегодня вышибу дух из твоего лорда. Ты помнишь, как я убил Мартина Тьюка? Боц по черепу,—все зубы вон и жизнь с ними. Ты видела мою руку. *(Обнажает рукав.)* Вот... это машина!

Мери. Я предпочту все рассказать отцу.

Клейполь. Дрянь! Это я расскажу ему, как ты до венца путалась здесь под кустом с твоим баричем.

Мери *(совершенно растерявшись)*. Что? Что?

Клейполь. Да... Вот тебе и что. Я вас застал in flagrando!

Мери. Клейполь, Клейполь... Да как ты смеешь...

Клейполь. Я все смею. Вот нечистый несет мою женушку. Ба, с нею и стихоплет!

(Входят Бригитта и Мильтон.)

Мери. Гитти, твой муж явился сюда, кричал, грозил избить лорда Фокенберга, а теперь *(плачет)*, теперь... он говорит...

Бригитта. Мери, милочка, самое лучшее проходить мимо него и не заботиться о том, что он делает и говорит.

Клейполь. Конечно, Клейполь — собака...

Бригитта. Хуже.

Клейполь. Видите ли, хуже собаки.

Бригитта. Нераскаянный грешник хуже собаки. Собака подыхает, а грешник идет проклятым в огонь вечный.

Клейполь. Хорошо, хорошо, я поговорю с тобою об этом дома.

Бригитта. Ты напьешься пьян и будешь буянить. Но ты скоро умрешь. Тогда ты увидишь, правильно ли был веден счет твоим дурным делам.

Клейполь. Какие глаза!..

Бригитта. Ты забияка, но ты трус. Мне жаль тебя, потому что ты очень, очень скоро умрешь, а за гробом тебя не ожидает никакого утешения.

Клейполь. Вранье.

Бригитта. Скажите, м-р Джон, говорю я когда-нибудь на ветер?

Мильтон. Никогда, м-с Клейполь. Я был поражен, когда вы сказали Адаму Джеферсу, чтобы он исповедался, ибо смерть его недалека. Я думал, как можно брать на себя такую ответственность? Но Джеферс был убит во время раз'ездов через три дня.

Клейполь. Видите ли... Ну... А как же скоро я умру? Скажи, Бригитта, раз ты пророчица.

Бригитта. Я не ведаю сроков, но ты обречен. М-р Мильтон, я вижу в лице тех, за плечами которых стоит она, — странную бледность.

Клейполь. У меня за плечами?

Бригитта. Да, бедный муж.

Клейполь. Гм... Можно горько запить от таких слов.

Мери. Или покаяться.

(Входит Айртон).

Айртон. Что это за безобразие. Где здесь Клейполь?

Клейполь. Я здесь, братец.

Айртон. Разве я не приказал тебе быть сегодня на параде?

Клейполь. Но я же состою при мортирах, которых ты не потащишь мимо королевского дома.

Айртон. Когда я приказываю — надо исполнять. Ступай.

Клейполь. Вот что я вам скажу, моя семейка! Вы задумали поступать со мною, как со скотом... Но я вам говорю, что Клейполь достаточно умен и силен.

Айртон. Мерзавец... Мильтон сказал мне, что ты смеешь подымать руку на Бригитту... Мерзавец! Если до меня дойдет еще раз что-нибудь подобное, я тебе переломаю все ребра!

Клейполь. Вот как... А не лучше обратить гнев против Фокенберга, королевского молодчика, который сейчас растлил здесь вот эту смазливую девицу? *(Все вскрикивают от неожиданности.)*

Айртон *(бледный подходит к Клейполю)*. Бесстыдный клеветник!..

(Мери плачет, Айртон смотрит пристально на Клейполя, который храбрится. Между тем на крыльцо домика выходит Кромвель.)

Оливер. Дети, дети! Бабушка ждет и парад тоже. Что тут за скандал?

(Спускается с лесенки и подходит ближе.)

Айртон. Генерал, Клейполь нас вывел из себя.

Оливер. Будет, будет. Мы все знаем его дурной характер. Пойдемте есть яичницу с салом, дети. Бабушка ждет, и молодцы в строю. Часть войска уже вступила на площадь. Не хорошо опаздывать...

Клейполь. Только оставьте кого-нибудь стеречь Мери, чтобы Фокенберг не пришел докончить то дело, которому я нечаянно помешал. *(Кромвель смотрит на него, не понимая.)* Или нам уж ничего не жаль для королевского вельможи?

(Кромвель спокойно подходит к нему и бьет его по голове. Клейполь валится, как сноп.)

Оливер. Пойдемте есть яичницу с салом, дети. *(Мильтон подходит к Клейполю.)* Оставьте его, Джон... Пошли. *(Все уходят.)*

Клейполь *(подымаясь)*. Видите ли?.. Превосходно... Я рад... Все ясно по крайней мере. Устраивайте парады... Мы тоже устроим вам кое-что. *(Трет голову.)* Как он меня... Погоди же ты, медвежья семья, я найду на вас хорошую

свору псов. *(Встает.)* Однако, я шатаюсь, словно выпил пинту водки. *(Входит Бригитта и поддерживает его.)*

Бригитта. Пойдем домой, Клейполь. *(Идут.)* Тебе больно, Клейполь?

Клейполь. Молчать! *(Она уводит его.)*

ЗАНАВЕС.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ.

(Уэр. Деревня, где расположено два полка пуритан. Палисадник перед харчевней. За столом Джон Мильтон, ученый доктор Овертон и офицер Сексби.)

Овертон. По-английски? Тогда читай, Мильтон, потому что Сексби не силен в латыни.

Мильтон. Нет, это английская ода.

Сексби. Я слушаю.

Мильтон.

Бог снизошел в сердца,
Воспламенил их гневом;
И разум мудреца
И душу простеца
Засеял правды чистым севом.
Мы встали — из когтей
Бесовских вырвать землю.
Песнь дедовских костей.
Стон вспугнутых чертей —
Я потрясенным слухом внемлю.
Творим мы божий суд,
Во исполнение заветов.
Вперед! Средь трупов груд
Иди, избранный люд,
Навстречу утру ясных светов!

Овертон. Это хорошо. До нас за 200 лет подобное же делали сторонники великого Гуса, который был учеником

нашего Виклефа и учителем Кальвина. И вот пророчества гуситских пророков. *(Вынимает записную книжку и читает.)*

«В это время мщения, не должно существовать никакого сострадания или подражания кротости Христа, ибо это есть время ярости, гнева и жестокости. Да будет проклят всякий верующий, не обнажающий своего меча, чтобы проливать кровь врагов Христа и омывать в ней свои руки, ибо благословен тот, кто воздает великой блуднице за зло, учиненное ею».

А вот второе пророчество:

«Когда Иисус Христос снова вступит на престол, воинствующая церковь исправится в самых своих основах; и не будет больше на земле ни греха, ни соблазна, ни мерзости, ни лжи. Верующие будут чисты и блестящи, как солнце». «И не будет тогда ни гонений, ни мучений, ни угнетений. И не дозволено будет тогда выбирать короля, ибо один бог будет царствовать, и царство будет у народа земного». «Тогда никто не будет учить своего брата, ибо бог станет учить его. И никакой писаный закон не будет действовать, даже Библия будет уничтожена, так как уж не нужно будет никакого учения, когда закон будет написан в сердцах у всех».

Сексби. Я потрясен превыше всякой меры, друг Овертон. Где нашли вы это пророчество? Ведь это прямо предтечи наши!

Овертон. Я нашел это в старых книгах гуситов. Повтори, Мильтон, последний куплет твоей оды.

Мильтон.

Творим мы божий суд
Во исполнение заветов,
Вперед! Средь трупов груд
Иди, избранный люд,
Навстречу утру ясных светов!

Овертон. Воистину равно счастье скорбных людей меча и блаженных детей лилии небесной, которые последуют за

нами. Старые книги гуситов повествуют о некоем вожде Яне Жижке, который ни дать, ни взять Оливер, о чашниках и их попах, точь-в-точь пресвитериане, и о перекрещенцах, крайних среди крайних, совсем, как ты, Сексби!

Мильтон. Но значит пророки ошибались, ибо они уже тогда ожидали исполнения времен.

Овертон. Воистину еще не раз подымутся люди правды, дабы омыть землю! Ведь от смерти Христа прошло уже 1646 лет.

Мильтон. А может быть Англия...

Овертон. Нет, только когда весь мир загорится — узнаем, что страшный суд наступил и мирное сладостное царство божие стоит у врат.

Сексби *(ударяя кулаком по столу)*. Не так! Не так, Овертон! Но всегда находились изменники. Кто губит войны за правду? — Колеблющиеся, люди половины! О, пресвитериане!.. Но что я стану говорить о пресвитерианах, словно индепенденты лучше! Признайся, Мильтон, ведь ты близок к Оливеру: разве он не стоит за сохранение богатства богатых, за сохранение пэров и дворян? Он даже не прочь, пожалуй, сохранить короля, или еще хуже — корону, которая заменила бы ему в свое время его круглую шляпу!

Мильтон. Его мысль далека от этого, неистовый Сексби. Но он боится без удержу разрушать, как хочешь ты.

Сексби. Потому что мало верит в бога и в своих солдат! Потому что он сам дворянин и знает страдания бедняков только по наслышке.

Мильтон *(поднимается, холодно)*. Я пойду... Я люблю вас, друзья... но генерал-лейтенант ведет ладью, держа руль твердою рукой.

Сексби. Ты уже идолопоклонник, Джон!

Овертон. Мильтон и Сексби, не горячитесь... Мы все люди правды, все любим друг друга — будем дружны.

Сексби. Дружба легко расплавляется в дни пламени.

Мильтон. Прощайте. *(Уходит.)*

(Наступает молчание.)

Овертон. Трудно во тьме со всею ясностью видеть тропы господни

Сексби. Я их вижу при свете молний!

Овертон. Кто это идет там и машет красным платком? *(Присматривается.)* Это — Клейполь, зять генерала, командир осадных орудий. Какой отталкивающий человек. А ведь это муж Бригитты, которая проповедует так, что исторгает слезы у солдат.

Сексби. Ты ошибаешься. Клейполь лучший из зятьев Кромвеля. Это — наш. Айртон силен, но он — собака тестя. У Клейполя же своя голова на плечах.

Клейполь *(входя)*. Вот они где, молодчики. Здорово, Сексби... Здравствуйте, Овертон. *(Садится и хлопает в ладоши.)* Я вижу, что вы пили эль, джентльмены. Ныне — крепкое время. Надо пить что-нибудь почище. *(К вошедшему слуге.)* Пуншу, пуншу, Джек. *(Слуга уходит.)* Я видел, как отсюда сорвалась большая черная птица и медленно полетела на восток.

Сексби. О ком вы?

Клейполь *(хохочет)*. О Мильтоне. Терпеть его не могу... Он — квакер.

Сексби. Он не квакер.

Клейполь. Квакер... Он слезлив, как баба...

Овертон. Я никогда не видел у него слез на глазах.

Клейполь. Пришился к юбке моей святоши. *(Поет.)*

Джон Мильтон, ханжа елейный
Джон, Джон.
Голос, как благоговейный
Звон, звон.
Сам глядит на бюст лилейный
Он, он.
Убирайся, клон семейный,
Вон, вон!

Это я сочинил. На каждую нудную оду Мильтона я могу ответить настоящей веселой английской песней. *(Слуга приносит пунш.)* Вот мой пунш. За святое дело!

Овертон. Пуританину не приличествует петь, пить и хохотать.

Клейполь. О, доктор Овертон, была бы совесть чиста. Я пью, я пью, но я предан святому делу. Пришли времена великих измен, джентльмены. Я для этого и пришел к вам. *(Пьет.)* О, бедные солдаты армии, ваш вождь предал вас.

Сексби. Говорите, говорите все, Клейполь.

Клейполь. Оливер Кромвель снюхался с королем. Клянусь престолом божиим. Он даже выдает смазливую Мери за лорда из свиты. Это—зловреднейший мальчишка. Вот вы все смотрите на мой синяк под глазом. Мы подрались с ним... И эта пигалица оказалась способной драться! Но мы сведем еще наши счеты с любимцем царя Агага. Они порешили все дела между собой. Я говорю о короле и генерал-лейтенанте. Гамильтон идет сюда с войском. Генерал достаточно силен, чтобы разделить благочестивую армию в худшем для него случае пополам, а чистую половину они победят или покорят совместно с кавалерами. Я клянусь вам, капитан Сексби. Я знаю, я вижу вашу ревность и ваше влияние в этих полках, спасайте Англию. капитан Сексби, спасайте народ. Папа, король, пэры, пресвитериане и епископане — все пустяки по сравнению с Кромвелем, который выдает град божий изнутри. Вы не верите, Сексби? Вчера устроили парад в Ньюмаркете перед окном Ахава! Кромвель салютовал ему саблей, Айртон склонил перед королем знамена. Это видели все! Они снюхались! Приезжайте к нам сегодня вечером, Сексби, я спрячу вас у портного напротив дома, где живет Стюарт, и вы сами увидите, как входит и выходит к королю предатель-генерал. Пусть он тысячу раз будет моим тестем, я разоблачу его, потому что я—честный левелер.

Овертон. Грустно слышать о таких вещах.

Сексби. Время не грустить, а принимать меры.

Овертон. Надо проверить сведения...

Сексби. А главное, узнать планы врага. Я сегодня же направляюсь в гнездо, где стараются спеться две хищные птицы. Горе Кромвелю, если он изменяет.. А он изменяет, ибо это—властолюбец.

Овертон. Как бы не возникла новая распря.

Сексби. Мы во вражде со всеми, кто не хочет осуществления царства божия, царства бедных!

Овертон. Прости, Сексби. Мне надо уходить, я и то едва ли доберусь до вечера к себе домой. Но я очень прошу тебя, — не будь опрометчив. Среди солдат очень многие верят тебе безусловно. Это налагает обязательства. *(Жмет руку Сексби и приподнимает шляпу по направлению к Клейполю. Уходит.)*

Клейполь *(пьет пунш и смотрит ему вслед.)* Он омрачен, наш доктор. Слишком больной друг стихоплета Мильтона.

Сексби. Не все мы мямли, честный Клейполь, ты увидишь это. Плати за твой пунш. Веди меня в логово льва.

ЗАНАВЕС.

КАРТИНА ПЯТАЯ.

(В окрестностях Лондона. В зале пригородного дворца, служащего жилищем бывшему главнокомандующему графу Манчестеру, военному вождю английских пресвитериан. Несколько степенных членов парламента в черных костюмах; среди них пресвитер Иезекииль Помбертон, члены парламента Пим и Вен. Они чопорно сидят в креслах.)

Манчестер. Кромвель стоит в одном дне перехода от Лондона. В городе крайне неспокойно. Чернь два раза окружала парламент. Она бушевала на улицах. Вчера суд приговорил 76 человек к повешению. Скоро веревка вздо-

рожаст в Лондоне. Всюду кишат шпионы генерала. Сити запугано. По-моему, запутан и сам парламент. Спикер потерял всякий апломб.

Пим. Чего хочет генерал-лейтенант? Не посмеет же он распустить парламент, единственный источник законности.

Вен. О! Вы забываете о другом источнике... Зараженном и греховном в глазах моих и моих друзей республиканцев, но весьма признаваемом частью народа... Вы думаете, что Кромвель напрасно украл короля?

Манчестер. Это меня очень беспокоит.

Пим. Что такое теперь король?

Вен. Однако, вы вели с ним переговоры. Вы готовы были зайти даже очень далеко, сэр. Кому же это неизвестно, сэр!

Манчестер. Только не будем спорить об этом теперь, достопочтенный мистер Вен. Мы знаем, что вы—республиканец. Вы больше республиканец, чем Оливер, но мы знаем в то же время, что вы — прямой, честный человек, не фантаст, а добрый пресвитерианец, чистый последователь Кальвина и доктора Нокса. Мы знаем, что вы с нами, когда опасность грозит парламенту.

Вен. Да. Парламент, это — Англия.

И. Помбертон. Парламент—великий синедрион божий. Совет избранных. Дух божий исходит на него на каждом заседании. *(Встает, с пророческим видом поднимает руку).* Слушай, Израиль, собирайся вокруг судей твоих и священников твоих...

Манчестер. Удержите ваше пламенное красноречие, преподобный Иезекииль, здесь ведь все свои.

И. Помбертон. А Оливера, Голиафа, Ирода — отвергнет бог. Вижу духовными очами ангелов божиих, низвергающихся с небес с бичом гнева всевышнего против нечестивого еретика.

Манчестер. Аминь, аминь, преподобный Иезекииль. Все это вы скажете в проповедях, которых вам немало придется произнести, чтобы побудить Лондон сопротивляться армии.

И. Помбертон. Это не армия, а становище Амалекитян! Так говорит господь...

Манчестер. Ах, мистер Помбертон, мы узнаем в другой раз, как говорит господь!.. сейчас нам нужно знать, как говорит Кромвель! Друзья мои, со мною произошел престранный случай. Я ехал сюда в моей карете и вдруг на улице Голубятни слышу шум. По своему обыкновению, видя распрю и скандал, я останавливаюсь и спрашиваю в чем дело. Констэбль об'ясняет мне, что один сильно проигравшийся и пьяный юноша поднял драку и обнажил шпагу. Тут были женщины дурного поведения и какие-то рожи. Юноша показался мне знакомым. Подзываю его, расспрашиваю. И вот, он заявляет: «Я узнал вас, вы друг моего отца, главнокомандующий в отставке, граф Манчестер». Тогда и я узнал его: это был Ричард Кромвель.

И. Помбертон. Каков отец — таков и сын.

Вен. Ну, отец не таков.

Манчестер. Я сажаю его в карету и привожу сюда. Сейчас он, должно быть, выспался, и мы должны расспросить его. Быть может, он расскажет нам хоть что-нибудь. Юноша болтлив и легкомыслен. Можно даже подпоить его.

Вен. Вряд ли это достойно добродетельных людей.

И. Помбертон. Винопийство мерзостно перед очами господа и грешно предлагать грех, а потому...

Манчестер. Я военный человек... но обойдемся и так....

Нем. Джентльмены, самое важное, это — определенность нашей собственной политики *(нюхает табак и предлагает его Вену.)* Нас спасет только определенность нашей политики. Мы, именно, мы, умерили короля. Республика ли

будет у нас, как предполагаете вы, достопочтенный мистер Вен, или монархия, к чему осторожно склоняюсь я, — управлять должны Общины. От меня далека мысль, граф Манчестер, отменять прерогативы пэров. Все имущие, каждый в меру своего имущества, — члены этой великой компании. Великой компании, имя которой — Британия. Да, мы все ее пайщики. За неимущими же права активного признать никак нельзя! Если мы признаем право за безземельным сбродом, почему тогда не за женщинами? Почему не за скотом? Да, мистер Вен, скот надо кормить, конечно. Скот надо беречь, это — его право. Таковы же и права рабочих. Но давать право голоса волу под'яремному! Сознайтесь, мистер Вен, что между стадом волов и бессмысленной, порою бешеной толпой оборванцев и пролетариев — разница к выгоде стада!

В е н. Я, во всяком случае, ближе к вам, мистер Пим, чем к левеларству. Под химерой уравнения прав я чувствую лишь жажду грабежа.

И. П о м б е р т о н. Это разбойники пустыни, это шакалы и барсы хищные!

В е н. Но я совершенно не понимаю политики генерал-лейтенанта!

П и м. Вот это-то и хорошо. Вот это-то и хорошо, что политика его неясна. Будем крепко держаться за Англию, степенную, зажиточную, просвещенную, от домовитого фермера до мощного пэра, будем держаться за нее и, в конце-концов, мы победим!

М а н ч е с т е р. Ох, конец концов! Меня больше интересует завтрашний день. *(Зовут.)* Мильнер!

(Входит сержант.)

М а н ч е с т е р. Если мой молодой гость выспался, проведи его сюда.

И. П о м б е р т о н. Сын нечестивых родителей редко спасается.

Вен. Отец вряд ли посвящает его в свою политику. Ричард крайне легкомыслен. Разговор с ним, конечно, не приведет ни к чему.

(Входит Ричард Кромвель.)

Гр. Манчестер. Здравствуйте, мой дорогой друг. Вы здесь среди друзей вашего отца... садитесь.

Ричард. Милорды... мне очень стыдно... Но я молод, милорды, я молод. Когда отец был молод, он тоже колобродил. Я, однако, прошу вас, милорды, будьте милостивы, не говорите отцу обо всей этой истории. Когда он сердится, то забывает себя и пускает в ход свои пудовые кулаки.

Манчестер. Мы не скажем ему ничего. Мы друзья его и заинтересованы только в его спокойствии и благополучии... Дружочек мой, Дик, мы очень беспокоимся последнее время за генерала. Вашему отцу угрожают большие опасности!

Ричард. О, милорды, всегда! Он привык к этому.

Пим. Скажите, ведь ваш отец частенько бывает в доме короля?

Ричард. Почем мне знать, милорды. Я уже третью неделю не бываю дома! Я живу в Лондоне. Признаться, я решил кутнуть, милорды! Эх, вед молод бываешь один раз...

Манчестер. Но скажите, каковы ваши впечатления до вашего отъезда. Не правда ли, на солдат, во всяком случае, можно положиться? Все они попрежнему обожают вашего отца?

Ричард. Души не чают! От Ферфекса до маленького барабанщика.

И. Помбертон. А как принимает твой отец святые дары?

Ричард. Его причащает мистер Бирд, священник. Но он говорит, что можно причащаться у любого доброго христианина.

Помбертон. Дурно, дурно... Позвольте мне, друзья, об'яснить ему...

Манчестер. Мы же все знаем, что Оливер индепендент. Оставьте это.

И. Помбертон. Никогда нельзя оставить этого. Паписты и индепенденты равно мерзостны перед очами...

Манчестер. Конечно, конечно, преподобный Иезекииль, до другого раза, однако. *(Пиму тихо.)* Что нам делать с мальчиком? От него ничего нельзя узнать!

Ричард. Проклятое время, милорды. Скучное время. Когда старики рассказывают об Англии Елизаветы, — слюнки текут. Повсюду ханжи, псалмы! Отец, бабушка, мать, сестры — все строги, ходят чинно, ничего веселого не позволяют ни себе, ни другим. Вы, милорды, тоже сидите, с вашего позволения, как нахохлившиеся сычи. Нельзя войти в кабак, милорды, чтобы не наткнуться на проповедника! Вот какое черное время. А денег почему-то чертовски мало. Вы так отобьете у молодежи всякий вкус к жизни, милорды, уверяю вас. Вот королевский сын Карл там во Франции, вот он так устроил у себя двор в ожидании смерти отца! Двор, скажу вам, превеселый. Я воображаю эти шелка и кружева, обнаженные груди, распущенные волосы, пажи, цветы, вина в хрусталях, груда золота у игральных столов, песни под гитару, комедии и гавоты... а главное — женщины. Да, там настоящие красивые, веселые, доступные женщины, в то же время не воняющие соленой рыбой и не ругающиеся басом. Ах, как я завидую не только Карлу, но последнему его пажу!

И. Помбертон. О, погибшая овца... нет, козлище, козлище, исполненное блуда...

Манчестер. Помолчите, преподобный Иезекииль. Разве в Лондоне нельзя повеселиться? Совсем нельзя Дик, мой мальчик?

Ричард. Можно, но дайте мне денег для этого. Много денег.

Манчестер. Деньги нашлись бы, но скажи, согласен ли ты будешь беречь своего отца, которого мы любим, от его врагов?

Ричард. Что это значит? Как мне беречь его? Его берегут Айртон и солдаты.

Манчестер. Это значит только — предупреждать нас, его искренних друзей, обо всем, что делается вокруг него.

Ричард *(смотрит на них на всех попеременно и продолжительно свистит)*. Т.-е. стать вашим шпионом, милорды? Избавьте, избавьте, праведники божьи. Зачем? Отец не нуждается в вашей опеке. Отец умен, отец ошибки не сделает.

И. Помбертон. Предрекаю тебе...

Ричард. Не каркайте, ваше преподобие! Я тоже предрекаю: отец отрубит голову Ахаву, станет королем, а я принцем! ха, ха! Потерплю, пока он будет править вами железным жезлом. А потом, когда сяду на престол,—веселись, моя старушка Англия! Пляшите во дворцах, в церквах, в парламенте, в конюшнях, в казармах! Я сделаю из Англии развеселую страну! Франция только глаза на нас вытаращит. Генрих VIII и его дочь запляшут в гробницах под мой джиг! Ха, ха, ха!

И. Помбертон. Только чудовищный отец может быть наказан подобным сыном!

Пим. Ваш отец, конечно, благочестиво готов принять венец, если бог пошлет ему это испытание?

Ричард. Он об этом ничего не говорит. Но я полагаю, что это так будет. Это мое мнение, милорды. Ведь по сравнению с ним мы все в Англии болваны. Я себя не выделяю. Но я болван веселый, а другие скучные, хитрые и злые болваны! Но если граф Манчестер ссудит мне 20 гиней, я помяну его во царствии моем. Ха, ха, ха!

И. Помбертон. Изгоните сего отрока, изгоните сына блудного!

(Входит Эссекс.)

Эссекс. Что вы тут делаете? Армия вошла в Лондон! *(Все вскакивают.)*

Манчестер. И что же?

Эссекс. Чернь встречает Кромвеля кликами. Ему сказали: вот как вас любят, — а он в ответ: если бы меня вели вешать, их сбежалось бы еще больше. Но до этого, поистине, далеко. Все в Лондоне покорны ему и все открыто говорят, что он поручил полковнику Прайду на завтра «очистить парламент».

Пим. В Лондон! Мы должны быть на заседании. Никто не посмеет поднять руку на сенат Англия!

Эссекс. Полноте, дядя Пим, вас разгонят, как стаю ворон! Проклятье, Манчестер! Кто остановит звезду Кромвеля!

Манчестер. Торопитесь. Едем. Наше место там.
(Все уходят, суетясь, а из соседней комнаты раздается голос Помбертона.) Гром небесный уж собирается над головой сына проклятия.

Ричард *(входит на авансцену, широко расставив ноги).* Однако отец... ничего, сорви-голова. Старайся, старик. Хотелось бы сесть за пир до того, как выпадут зубы.

ЗАНАВЕС.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Уэр. Бивуак пуританских солдат. Они лежат на траве, сидят на барабанах и пушках. Между ними старый солдат Мафусаил, Роберт Хог, Варрава, Мартин и другие. Клейполь ораторствует).

Клейполь. Да! Я его зять! Но, как говорил Цицерон язычник, — Платон мой друг, а правда больше того. Так и я! Подумайте — он ворвался в парламент!

Мафусаил. Не он, а полковник Прайд, впрочем, по его приказу.

Клейполь. Выходит одно и то же. Прайд вторгся в Вестминстерскую залу, с пехотинцами, старая дворянская лиса лорд Грей, указывал Прайду кого хватать, и он арестовал 41 человека. Но ему показалось мало; на другой день в Тоуер потащили еще 60 членов палаты общин! И подумайте только, когда Кромвелю доложили официально обо всем этом, он отнюдь не признавался, что все сделано по его приказу, но лицемерно заявил: «я не был уведомлен об этом деле, но, раз это произошло, остается поблагодарить бога». Подумайте! Что же осталось теперь от престижа общин Англии?

Мафусаил. Полно! В парламенте остались хорошие люди: Вен, Гетчинсон. И нам известно, что парламент сам благодарит генерала за Прайдово очищение.

Клейполь. Но мистер Вен вряд ли благодарил бы его, если бы знал, что все это сделано ради установления триумвирата.

Роберт. Какой еще триумвират?

Клейполь. Карл Стюарт, Оливер Кромвель и герцог Гамильтон!

Мафусаил. Сказки.

Клейполь. Я клянусь вам! Да что вы сидите, как бабы! Ничем не разбудишь вас. А еще говорят, что в 11 полку и в 9 все почти левелеры.

Мафусаил. Мы почти все левелеры здесь.

Мартин. Что значит левелер? Я не левелер! Хотите знать я и не индепендент. Убей меня бог. Почему я воюю! Кромвель. Король. Манчестер! Убей их бог!—Я хочу домой! Сгоняют народ! Портят ему шкуру... Все они, господа! Убей бог! Почему не оставить народ в покое? Надо начать войну солдат против всех командиров! Вот что! Переколоть

всех командиров, всех, кроме солдат! Кромвель, король — все к чорту, а потом разойтись по домам. Убей меня бог!

Мафусаил. К счастью, таких дураков, как ты, осталось мало. Пока их было много, нас били, но Кромвель очистил железом свое войско.

Варрава. Почему же не повоевать! Но я знаю, что такое истинное левелерство. Это значит, что пора пожить и бедняку. Имущий ненавидит бедняка за справедливую попытку его поделиться. Справедливость бедняка он называет грабежом. Третьего дня мы забрали у одного фермера всех гусей, кроме одного. Я сказал ему: так будет поровну. Раб божий, сказал я ему, стыдно иметь даже двух гусей, пока есть братья твои, не имущие ни одного. *(Некоторые солдаты смеются, другие неодобрительно покачивают головами.)*

Мафусаил. Ну, Варрава, а если я попрошу у тебя, левелера, поделиться тем, чем набит твой мешок, потому что мой — ты видишь — тощ и пуст: что скажешь ты тогда?

Варрава. Что я скажу? Ничего не скажу. Но не советую никому пробовать совать нос в мой мешок.

Мафусаил. Левелер! Когда наступит царство правды, — мы повесим такого, как ты, рядом с господами из Сити и с лендлордами! *(Многие солдаты смеются и одобряют.)*

Мартин. Толки, толки! А чем нас кормят? Кромвель — друг народа! Разве можно есть ту рыбу, которой генерал угощает нас, убей его бог!

Голоса. Это правда! Мы голодаем, правда...

Мартин. Оливер Голод — вот ему имя! Все они жрут досыта: короли, генералы, баре-монархисты, баре-республиканцы. убей их бог, а солдаты всюду голодают, во всех армиях. убей меня бог!

Роберт. Вот идет Сексби, истинный левелер.

К л е й п о л ь *(орет)*. Слушайте, слушайте его! Видите, как опечален капитан Сексби. Он словно выпил уксусу вместо вина.

М а р т и н. Пусть он говорит о продовольствии, убей его бог! Я не хочу слушать ни молитвы, ни проповеди на пустой желудок.

Г о л о с а. Правда, правда.

1-й с о л д а т. Мартин расходился сегодня?

2-й с о л д а т. Это голод развязал язык Валаамской ослице *(смех)*.

3-й с о л д а т. Молчите! Сексби говорит! Слушайте. Это друг солдат!

4-й с о л д а т. Он скажет правду... 11-й полк всегда за правду! *(Гул одобрения.)*

С е к с б и. *(становится на ящик)*. Граждане солдаты 11 полка, дорогие братья в надежде! Прежде всего пусть все, кто тут добрый левелер, все споют вместе со мною нашу песнь.

Х о р с о л д а т п о е т:

О Сион, о град взыскуемый
Град садов и пальм, и лоз,
Дланью божьей испытуемый,
О тебе льем токи слез.
Средь пустынь влачатся бледные,
Боже правды, — твои бедные!

Веди, столп огненный,
Сквозь мрак!
Иди,
Иди, иди, бедняк!

В день, как станет под твердынями
Башен крепких, толстых стен
Пред врагами исполинами

Стан двенадцати колен,
Вдруг вострубят в трубы медные
Сокрушат их крепость бедные!

Веди, столп огненный,
Сквозь мрак!
Иди,
Иди, иди, бедняк!

Плачем над рекой пленения,
Иго рабское несем;
Сменим вскоре горя пение
И ликуя воспоем.
Воспоют слова победные,
Боже правды, — твои бедные!

Веди, столп огненный,
Сквозь мрак!
Иди,
Иди, иди, бедняк!

Сексби. Братья солдаты, верите ли вы мне?

Голоса. Верим, верим, все, все!

Сексби. Левелеры, индепенденты, честные бедняки, нам изменили! Нам изменил тот, на кого мы возлагали все наши упования. Мы остались в пустыне без водителя. Мы думали, что нашли Моисея, но тот, кто назвался пророком бога, оказался волком в овечьей шкуре, или скорее лисицей в шкуре льва! Генерал Кромвель хочет вновь посадить короля на трон! По вашим спинам взобрался на вершину лестницы и теперь хочет столкнуть вас в пропасть.

(Крики негодования, беспокойство, спор и суматоха. Клейполь кричит громче всех: смерть изменнику!)

Мафусаил. Стой! Кто согласится убить героя Мортонских болот и Несби?

Сексби. Никто не говорит об убийстве Кромвеля. Но пусть полки пойдут потребовать отчета у него! Солдаты, вы за-

ищщаете не себя, а правду. Разве вы не воины царства божия на земле? Вы ли — слуги генерала, или генерал — слуга воинства? В воинстве голос истины! Вот я изготовил сотни грамот, пусть каждый честный солдат вложит такую грамоту в шляпу, и мы двинемся к генералу. Пусть предстанет перед судом нашим и даст ответ на наш вопрос.

Роберт. Читайте, капитан!

(Многие голоса поддерживают его.)

Сексби. Вот вопросы солдата божия генералу Оливеру Кромвелю: 1) Почему у короля Карла все еще на плечах его преступная голова?

Голоса. Верно, верно! Смерть Стюарту! Смерть Ахаву, паписту, Агагу, Ироду!

Сексби. 2) Почему он даже не в Тоуэре, а живет среди роскоши?

Голоса. Верно, верно! В тюрьму, в Тоуэр! Долой врага народа!

Сексби. 3) Почему генерал по дружески бывает у фараона, который лил кровь народа, как воду, и будет еще лить ее?

Голоса. Так, так! Браво, Сексби! Генерал бывает у короля! Они породнились! Они покумились!

Сексби. 4) Почему лорды владеют лучшими землями Англии?

Голоса. Виват, Сексби! Земля безземельному! Хурра, хурра!

Веди, столп огненный,
Сквозь мрак!
Иди,
Иди, иди, бедняк!

Сексби. 5) Почему народ беден, как Иов, а банкиры и купцы в Англии не обеднели на фартинг?

Голоса. Не в бровь, а в глаз! Долой золотых тельцов! Да здравствует равенство! Виват, Сексби, прямой левелер!

Сексби. б) Почему созывают лишь совещания офицеров? Как-будто мощь Англии не солдаты?

(В толпе какой-то делириум восторга.)

Сексби. Вот наши вопросы.

Мартин. Еще один, еще один, джентельмены, пиши, дружище: почему нам дают тухлую рыбу и гнилую капусту?

Голоса. Верно, верно, молодец Мартин. Пишите, пишите.

Сексби. Я напишу и это.

(Шум. Солдаты расхватывают листки и прекрепляют их к своим шляпам. Вдруг, как лев, входит Кромвель, за ним Айртон и 3 или 4 офицера. Кромвель вскакивает на ящик, на котором стоял Сексби и смотрит ему прямо в глаза. Сексби не опускает глаз.)

Кромвель. Уйди, Сексби! Уйди, заклинаю тебя богом, ибо я не хочу твоей смерти! *(Пауза.)* Я не хочу твоей смерти, Сексби, за доблесть твою на полях битв. Ты не хочешь? — Айртон, схватить его и умчать за десять миль! Пусть проветрится!

(Прежде чем Сексби успел подвинуться, Айртон и другие офицеры хватают его и уводят.)

Р. Хог. Что же вы молчите, бараны! Бабы! Кто здесь левелер, вперед за Сексби *(указывая на Кромвеля)*. Это — гордец, изменник и насильник! *(Быстрее молнии, Кромвель хватает пистолет и выстрелом укладывает Хога.)*

Кромвель. Дураки! Вы хотите погибнуть! Что я без вас — единица, которую сломят паписты! Что вы без меня — нули! Вы забыли 16 моих побед с вами! Кто разлучит

нас! Армия — супруга моя, а я муж ее. Нас венчал господь — человек да не разлучает. Кому поверили? Сумасброду. Эх вы, бедные парни! Не удерживай я вас, как железный обруч, — вы бы распались на части и вылили бы на землю вино дела божия. Кромвелю не верите? Я знаю всех смутьянов! Я составлю список десяти буйных голов, и вы сами приведете их ко мне. Слыхали? Я очистил парламент, очищу и 11 полк и всю армию! Если кто пикнет, — так уложу рядом с этим беднягой, а если вы не приведете десять каналий ко мне на двор, клянусь небом и адом, — я расстреляю вас из орудий до последней собаки! Может быть, я умру от горя после этого, потому что, видит бог, я страдаю вашими болями, но я сделаю это. *(Глубокое молчание.)* Как имя убитого?

Голоса. Это Роберт Хог.

Кромвель. Хог? Знаю. Добрый рубака! *(подходит к нему.)* Эх, ты друг, что же ты наделал? Хог... Хороший солдат... *(Закрывает лицо руками и плачет. Солдаты потрясены. Успоковшись.)* Похоронить его с почестями. Но я не мог иначе.

Мафусаил. Генерал, ты плачешь, а потому выслушаешь меня.

Кромвель. Ты — Мафусаил, ты был рядом со мною, когда я снял шишак и бросился в атаку при Мортоне!

Мафусаил. Да. Мое настоящее имя Хог. Я отец того, которого ты убил.

(Пауза.)

Слушай, Оливер, я много старше тебя. Много ран у меня на теле. Я умру в сражении под твоим знаменем. Кромвель, ты дал урок армии. Но пусть это будет урок и для тебя... Кромвель, не надейся на князей мира! Остерегайся, Кромвель, не прими свою силу за право своевольничать. Кромвель — ты слуга!

Кромвель *(помолчав)*. Ты не можешь сейчас дать мне руку, Мафусаил, ибо я убил твоего сына. Но у престола судии небесного ты дашь мне руку, честный соратник.

Мафусаил. Кромвель, народ могуч... Он растрепанный, пестрый, темный, но могуч. Он — правдолюбец, Кромвель, служи ему... Тут нет виноватых. А если бы и были, — нам надо прощать друг друга. *(Протягивает ему руку.)*

Кромвель *(крепко пожав ее)*. Боже, воззри с небес на этих героев! Боже, дай мне силу служить им! Бейте в барабаны!.. Носилки сюда. Покройте павшего знаменем полка.

(Убитого поднимают на носилках и покрывают знаменем).

Айртон *(возвращается, говорит тихо)*. Кончено? Надо расправиться с зачинщиками.

Кромвель *(тихо)*. Айртон, Айртон. Мне тяжело... мне стыдно...

Айртон. Вы доблестный и великий полководец! Вы показали пример власти.

Кромвель. Мне больно и стыдно, Айртон. *(Бьют барабаны.)* Пойдем за ним.

ЗАНАВЕС.

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

(Комната в доме Кромвеля в Лондоне. Прислуга, несколько солдат сидят на скамьях. Бригитта кончает проповедь. Джон Мильтон).

Бригитта. Пусть же никто не забывает этого. Я сама прежде заблуждалась и думала, что надо мыслить только о небесном. И как-то случилось, что я встретила на улице двух оборванцев, голодных детей. Я машинально дала им милостыню. И вдруг устыдилась и ярко поняла, что сердце мое стало черстветь. В самом деле, в эту минуту думала я о пророчествах Михея и готова была не заметить скорби рядом с собою. Когда я приласкала и

устроила детей, внутренний голос напомнил мне: «таких детей много в Англии!» О, братья и сестры, боритесь на земле с бедностью и несправедливостью. Об этом говорили пророки, и этого хочет бог. Зачем иначе послал он нас на землю, если нам нечего делать здесь?

Братья, как нечестив тот, кто собирает в житницы, и земное сокровище ставит выше небесного, так же нечестив тот, кто ради неба забывает землю. Тот не любит бога, кто не любит несчастного брата, тот не любит брата своего несчастного, кто не ненавидит гордых, причиняющих скорби земли. Господь не только источник любви, но и источник святой ненависти, иначе как бы он был судьею праведным? Судья, любящий правду, ненавидит преступление. Сказано: будь совершен, как отец небесный. Отец карает, будь и ты мечом его. Да пошлет нам господь силу очистить землю от скверны. Аминь.

Споем псалом ангельских ликов.

Все поют:

Ангельских ликов работу свершает
Церковь святых.
Богу в борьбе его с тьмой помогает
Каждое дело прекрасное их.
В поте лица твоего украшай ты
Землю, как сад.
Здесь на земле уготоваешь рай ты.
В бороздах нив бог скрывает свой клад.
Братской любовью сияй твоим братьям,
Слабым будь щит.
Грязь себялюбья над нами проклятьем
Тучею, солнце закрывшей, висит.
Битвы не бойся с неправды сынами,
Божий солдат!
Люди проходят летучими снами, —
Строится вечный взыскуемый град.

(Молящиеся расходятся, некоторые женщины подходят и целуют Бригитту. Остается Мильтон и она.)

Мильтон. Как прекрасно все, что вы говорите. Как вы мудры, мистрис Бригитта! Вы ангел. О, мистрис Бригитта, с тех пор, как вы больны, и ваша душа так и светится сквозь вашу хрупкость, я чувствую себя ежечасно у самого входа в светы господни. Вы — врата, приоткрытые в святая святых, Бригитта.

Бригитта *(слабо улыбаясь)*. Мистер Джон, я предостерегаю вас. Муж Мери тоже пылок в своих выражениях. Милый мр. Джон, я становлюсь действительно прозорливой. На кого ни посмотрю, — мне кажется, что сердце его открыто для меня, что он словно стал духовно стеклянным.

Мильтон. Кассандра!

Бригитта. Не правда ли, в баснях Гомера говорится, что бог наказал Кассандру ясновидением?

Мильтон. Да, нечто подобное.

Бригитта. Кто видит ясно, — видит много дурного, мр. Джон. Даже в самых чистых местах. Не восхищайтесь мною, мр. Мильтон, вы несколько влюблены в меня. В вас говорит и плоть, как это ни странно.

Мильтон. Мы не паписты, не капуцины, любить женщину — не грех.

Бригитта. Не пожелай жены ближнего твоего. Не надо прелюбодействовать даже помышлением, мр. Джон. Но вы видите, я улыбаюсь. Все это ребячество, мр. Джон. Я так скоро умру.

Мильтон. Бригитта!

Бригитта. Что же вы испугались? Разве я не похожа на холодноватый и прозрачный осенний день? Даже мои рыжие косы делают меня октябрем. Мне хочется сочинить псалом об осени божьей. Вы мне поможете, Мильтон? Вы умеете так быстро и чудесно слагать псалмы.

Мильтон *(подумав):*

Небесный сад — он золотой,
Он кроткий, как осенний лес.
И осень я зову мечтой
О вечном тихом дне небес.

Бригитта *(тоже помолчав):*

Когда приходит жизни срок,
Не смерть нас ждет, а божий рай,
И осень, золотой пророк,
Нам шепчет сладко, — умирай.

Мильтон. Ах, м-с. Бригитта, мое сердце полно печальной неги.

Бригитта. Ах! Вот под'ехал отец. Он сумрачен сегодня. Боже, как он сумрачен. Идите, Мильтон. Я думаю, что отцу приятнее сейчас никого не видеть.

Мильтон. Прощайте, ангел осени! *(Уходит, нежно пожав ей руку.)*

(Входит Кромвель, сбрасывает плащ и шляпу. Садится в кресло, закрывает лицо рукой. Молчание.)

Кромвель. Гитта, я прогневал бога. Солдаты бунтуют. Пришлось усмирять.

Бригитта. Отец... Прости меня... быть может, они чуют, что ты ошибся дорогой.

Кромвель. Это очень может быть, Гитта... Что ты скажешь по этому поводу?

Бригитта. Я скажу, отец, что король погубит божье дело, если не погибнет сам. Я — женщина, и голос мой ничто в совете мужей господних, но я скажу: пока жив король, он будет сильнейшим врагом Англии. Зачем царь—народу божию? Не счастлив ли был Израиль при судьях и пророках?

Кромвель. Англия привыкла к королям.

Бригитта. Она отвыкает сейчас от многого.

Кромвель. Король... Это большое слово.

Бригитта. Разве правда божия не больше?

Кромвель. Надо быть мудрым, как змий, Бригитта. Нельзя итти прямо, когда путь усеян ямами.

Бригитта. Через иную яму надо решиться перепрыгнуть. Позволь еще одно слово. Мне очень подозрительна поездка Фокенберга в Фолькстон навстречу курьеру королевы.

Кромвель. Что ты? Мальчик мне предан всем сердцем и влюблен в Мери до безумия.

Бригитта. Его обманывают. Вместе с письмом явным он везет другое... Оно спрятано в чем-нибудь, я в этом уверена.

Кромвель. Я воспретил ему брать с собою что бы то ни было, даже малейший подарок, кроме тех, которые осмотрел Тюрло, а у Тюрло—зоркий глаз и цепкие пальцы.

Бригитта. У мальчика немного таинственный вид. Отец, я ясно чувствую, что он в чем-то обманывает нас. В пустяках, как кажется ему. Отец, пусть Мери расспросит его.

Кромвель. Гм... Конечно, это ничему не помешает. *(Кричит громовым голосом: Мери! Мери!)*

(Входит Елизавета старшая.

Елизавета. Что вы кричите, словно господь поручил вам разбудить мертвых в день страшного суда, Оливер. Мери в саду со своим мужем. Они вечно воркуют. Почему бы нет? Не все пуритане — Айртоны.

Кромвель. Ах, матушка, тяжеленько приходится вашему сыну.

Елизавета. Благодарю бога, Оливер. На людях лежит большое бремя. Кто несет особенно много, облегчает других, он — избранник неба. Надо опасаться жить легко.

Кромвель. Дик живет легко... И по правде эта легкость действительно лишней тяжестью ложится на мои плечи.

Елизавета. Вы непростительно слабы с Диком... Оливер.

Кромвель. Я поговорю с ним, матушка... хотя вряд ли из этого щенка выйдет когда-нибудь человек.

Елизавета. Ну, вспомните свою молодость...

Кромвель. Вы правы, матушка, я был главою грешников, худших из ослушников всех заповедей божиих. Вы правы. Я немало огорчал вас. Но мне кажется, я был более послушен, чем Мери, которую я тщетно зову. Где она? Потонула в блаженстве? Мери! Мери!!

Мери *(быстро входя)*. Боже, как вы кричите, отец. Я здесь, не случилось ли чего-нибудь?

Кромвель. Садись ко мне на колени. *(Сажает ее на колени и смотрит на нее.)* Ах, ты прельщение, искушение ты. Мало пристойно пуританину, как я, пускать по свету такую приманку! Кстати, Бригитта, где твой олух?

Бригитта. Я давно не вижу его.

Кромвель. Мне показалось, что он был среди солдат. Ну, Мери, постарайся сослужить службу богу твоим обольщением, будь Далилой Израиля... Дело идет о том, чтобы обольстить мужчину. Смотрите, как она испугалась и вспыхнула, чернобровая праведница.

Елизавета. Вы шутите весьма неуместно, Оливер.

Кромвель. Правда, матушка, на душе у меня серьезно, как на кладбище, но разве Мери не весна? А весною и на кладбище цветут цветы. Впрочем, мои шутки скорей репейник! Ну, Весна...

Бригитта. Как хорошо вы ее назвали, отец. *(Грустно.)* Мери — весна.

К р о м в е л ь *(смотрит на нее)*. Как ты себя чувствуешь, Гитти? Плохо?

Б р и г и т т а. Нет, хорошо, отец.

К р о м в е л ь. Матушка, берегите Бригитту. *(Задумчиво.)* Да... Так вот, леди Фокенберг, извольте обольстить вашего мужа.

(Мери смеется.)

К р о м в е л ь. Это сделано? Никогда нельзя быть уверенной. Докажи, Мери, что он тебя любит. Дело в том, что он тайно везет что-то королеве. А от тебя у него может и не быть секретов. Ты поняла?

М е р и. Поняла. Если он везет что-нибудь тайно в Фолькстон, то вы будете иметь эту вещь в ваших руках через час.

К р о м в е л ь. Уверенность в победе достойна дочери Кромвеля. Идем отсюда... Поле битвы остается за леди Фокенберг.

(Берет под руки мать и Бригитту и уходит.)

М е р и *(зовет в окно)*. Робби, иди сюда, у меня есть новость. *(Голос Фокенберга за сценой.)* Я уже скучаю по тебе. Ведь я скоро еду.

М е р и. Прямо в окно, Робби.

Ф о к е н б е р г *(впрыгивает в окно)*. Я здесь. Вот тебе георгины... *(Подает ей букет.)* Они очень красивы, но не пахнут, это холодная красота осени.

М е р и. Батюшка только что назвал меня весной.

Ф о к е н б е р г. Ты — весна. *(Хочет поцеловать.)*

М е р и *(уклоняясь)*. Нет, милорд. Вы скрыли от меня, что везете что-то по секрету королеве! Вы провинились, милорд, вы — дурной муж.

Ф о к е н б е р г. Кто тебе сказал?

Мери. Мой мизинчик.

Фокенберг. Я везу вещи, которые ты видела.

Мери. И вещи, которых я не видела.

Фокенберг. Да нет же...

Мери. Покажи!

Фокенберг. Ах ты, любопытная шалунья. Ну ладно: вот этот медальончик. Открыть? Ну вот, видишь, тут портрет их дочери... А тут с другой стороны — волосы Карла. Он умолял меня, чтобы никто не знал про эту семейную сантиментальность. Но ведь Мери никому не скажет?

Мери *(внимательно смотрит медальон и вертит его в руках)*. Мери никому не скажет, но она кому-то покажет.

Фокенберг. Что ты, что ты, Мери. Отдай.

Мери. Почему нет? Если это только безделушка, что за беда, если отец на нее взглянет, а если это что-нибудь важное, то ведь показать ее ему необходимо.

Фокенберг. Не мучь меня и не серди..

Мери. Ты станешь сердиться?

Фокенберг. Я дал королю слово рыцаря... Ни один Фокенберг не нарушал слова рыцаря.

Мери. Но ты уже нарушил его, показав медальон мне!

Фокенберг. Довольно шуток, отдай вещицу.

Мери. Я не шучу. Я хочу быть с тобою совершенно правдивой в глазах отца; то, что ты позволишь мне показать ему эту безделушку, — доказательство твоей любви ко мне.

Фокенберг. Генерал не ребенок.

Мери. Как? Из-за каких-то глупых предрассудков ты хочешь осрамить меня перед отцом. Хочешь, чтобы над Мери смеялись? Этого я не ожидала *(садится на скамью и плачет)*.

Фокенберг. Ты плачешь? Девочка? Ты притворяешься? Ты плачешь? Но пойми же, это неблагородно... нельзя.

Мери *(вскакивая с горящими глазами)*. Хорошо! Вот я кладу на стол ваше сокровище, лорд Фокенберг, но клянусь вам, если вы его коснетесь, то вы не прикоснетесь больше ко мне. Вы все еще думаете, что я шучу? Вы в самом деле воображаете, что я — весенняя фиалка, которой вы украсили петлицу? Я — дочь Кромвеля, милорд!

Фокенберг. Но должен же и я иметь свою волю...

Мери. О, конечно, милорд! Вам, наверное, очень легко получить ее полностью. Для этого надо только отказаться от меня! Один жест, лорд Фокенберг... *(глаза ее наполняются слезами, и голос дрожит.)* Робби, Робби, не губи нашего счастья. Уступи мне, Робби!

Фокенберг *(пожимая плечами)*. В конце-концов... Это ведь только сантиментальная семейная тайна, совсем маленький секрет... Но, Мери, обещай мне две вещи. Ты обещаешь... заранее...

Мери. Робби, скажи... как же можно обещать, не зная...

Фокенберг. Во-первых, поклянись мне, что твой отец никому не скажет об этом моем маленьком предательстве, и, во-вторых, поклянись, что ты никогда больше не будешь насиловать такими средствами волю твоего супруга...

Мери *(качает отрицательно головой)*. Нет, Робби. Как я могу тебе клясться за отца? Какой ты чудак, Робби! А что, если в медальоне есть какая-нибудь государственная тайна?

Фокенберг. Пустое.

Мери. А если? Разве может тогда промолчать отец?

(Пауза).

Фокенберг. А второе?

Мери. Тоже нет, Робби. Почем знать, может быть мне придется добиваться от тебя еще чего-нибудь необходимее этого.

Фокенберг. Но ты ни в чем не хочешь уступить мне! Это возмутительно!

Мери. Ни в чем, Робби. *(Вдруг хохочет.)* Уходя отец сказал, что здесь поле битвы между нами. Смотри. *(Надевает шляпу Кромвеля на голову и драпируется в его плащ.)* Мери Кромвель ведет бой! Она должна победить, как побеждают кругло-головые. Милорд-кавалер, сдавайтесь, я требую безусловной капитуляции.

Фокенберг *(восхищенно)*. Боже! Как очаровательна, как восхитительна, хочу целовать тебя.

Мери. Сдавайтесь!

Фокенберг. Сдаюсь!

Мери. Хурра!

(Фокенберг бросается к ней и бурно целует ее, она быстро схватывает медальон и убегает. Фокенберг садится и блаженно улыбается, но постепенно лицо его становится серьезным и грустным. В открытое окно раздается: ст! ст! Фокенберг вздрагивает и прислушивается.)

Голос за сценой. Ст! Лорд Фокенберг!

Фокенберг *(вставая)*. Кто меня зовет?

(В окно показывается голова и плечи лорда Сеймура).

Сеймур. Это я, Фокенберг. Меня послал сюда король. Он просит, чтобы вы тотчас же отдали ему медальон...

Фокенберг. Почему?

Сеймур *(нетерпеливо)*. Вопросы здесь мало уместны, милорд. *(Протягивает руку.)* Медальон!

Фокенберг. Если королю угодно получить его назад, я его привезу сам.

Сеймур. Королю угодно получить его тотчас же. Я специально послан сюда для этого верхом, и его величество очень беспокоится. Его величество раскаивается, что доверил его вам.

Фокенберг. Вот как даже... Я лично поговорю с его величеством.

Сеймур. Отдайте медальон сию минуту, или вы изменник, Фокенберг! Фокенберг, вы отдали кому-то медальон? Если вы сделали это, вы — подлец!

(Фокенберг отпрянул от окна, словно его ударили. Айртон, появляясь в окне рядом с Сеймуром.)

Айртон. Сеймур, что вы делаете здесь?

Сеймур. Я разговариваю с моим другом Фокенбергом.

Айртон. Так... Позвольте попросить вас отдать мне ваше оружие.

Сеймур. Вы арестуете меня?

Айртон. Да, лорд Сеймур.

Сеймур. Вам это не удастся. *(Исчезает.)*

(Голос Айртона: «Держите его, стреляйте в него!» Раздаются выстрелы.)

Фокенберг. Я предал короля. *(Шатаясь подходит к стулу и садится.)*

Мери *(быстро вбегая)*. Робби, ужас! В медальоне было целое письмо, написанное мельчайшими буквами. Там король

бесчестно предавал Англию. Письмо начинается словами: «Я продолжаю, насколько могу, дурачить Кромвеля».

Фокенберг. Как бы ни был виновен король, я чувствую себя Иудой. *(Хватается за голову.)*

(В эту минуту в дверь входит Ричард Кромвель и прислушивается. Фокенберги не замечают его).

Мери. Дорогой мой! Неужели ты предпочел бы быть слепым орудием Карла и способствовать гибели всех нас? Подумай, как низко и коварно они хотели использовать тебя!

Фокенберг. Карл, Карл, ты погиб!

Ричард. А! Он погиб! Превосходно...

Мери *(оглядываясь на него).* Ты, Дик? Ты вернулся?

Ричард. Да, поесть телятины. Ведь не откажется же отец заколоть упитанного тельца ради моего прихода?

Мери. Пойдем, Робби, я все об'ясню тебе. Мужайся, Робби. *(Нежно обнимает его и уводит.)*

Ричард. Прощайте же, ваше величество, король Карл I Британский. Мы ближе к цели. Здравствуйте, принц Ричард, король Ричард, который бишь? Сколько раз отец рекомендовал мне прочесть историю сэр Вальтер Раллея, никак не доберусь... Такой толстенный томище. *(Кромвель входит и приближается к нему сзади.)*

Ричард. Ричард IV, кажется. Да здравствует король Ричард IV!

Кромвель. Вернулся?

Ричард *(сильно смутившись).* Да... с вашего позволения.

Кромвель. Слушай, жалкий сын. Если бы сам архангел Гавриил предложил мне корону, я не взял бы ее, хотя бы из-за того, что у меня подобный сын.

(Пауза.)

О, если бы первенец мой был жив, а ты умер.

Ричард. Аминь... Но королю Карлу вы все-таки отрубите голову?

Кромвель *(громовым голосом)*. Ступай в твою таверну. Не смей подымать глаз на сцену, где происходит мировая трагедия.

Ричард *(дерзко)*. Чтобы итти в таверну, нужны деньги, а у меня нет ни пенса.

(Кромвель поворачивается и уходит согбенно и медленно.)

Ричард. Так. Нас презирают, дружище Дик. Ничего... У нас строгий папаша и добрая мамаша. Я ничего не требую от вас, почтенный родитель! Вы слишком честолюбивы, чтобы не проложить мне хорошую дорожку! Трагедия! В хороших трагедиях тоже бывают комические сцены. *(Подходит к шкапу.)* Что у них есть из с'естного? *(Ищет.)* Ничего! По крайней мере, в этом шкапу. А есть хочется... пить еще больше. Вчера пил, хоть и в долг, но здорово. Голова болит.

(Входит Елизавета младшая и служанка, несущая поднос.)

Елизавета. Сыночек мой, мой Дик.

Ричард. Матушка. *(Об'ятия.)*

Елизавета. Отец сам сказал, чтобы я покормила тебя.

Ричард. О, у меня добрый папаша!

Елизавета *(суетясь с служанкой у стола)*. Вот тебе хлеб, сыр, яйца, жареная баранина, кексы, а вот и пара стаканов доброго вина.

Ричард. Эврика! Я, впрочем, не уверен, что в этих случаях греки кричали эврика. Прежде всего вино. *(Наливает.)* Мне хотелось бы налить и вам, матушка.

Елизавета. Я не пью.

Р и ч а р д. Я провозглашу особенный тост. *(Служанке.)* А как зовут тебя, служаночка, а, маленькая рабынечка? Агарь? Да? Агарь была прехорошенькой рабой Авраама. Но так как здесь только один стакан, то я лишь мысленно чокаюсь с вами. *(Кривляясь, подходит к авансцене.)* За здоровье короля Ричарда IV! Бум, бум! Это салюты из пушек. *(Пьет.)*

(Мать и служанка растерянно улыбаются.)

З А Н А В Е С.

КАРТИНА ВОСЬМАЯ.

(Декорация второй картины. Под вечер. Шерадам перебирает драгоценности в шкатулке, вытирает их и смотрит на игру около окна.. Монго тихо играет на гитаре перед пюпитром с нотами).

Ш е р а д а м. О! Как это было жалко, мистер Монго! Кардинал тихо околевал, совершенно как будто умирает ребенок. Было раннее утро. Я не мог не разбудить государя. Мне казалось, что государь никогда не простит мне, если, проснувшись, найдет своего Кардинала уже бездыханным. Поэтому я тихонько подошел к постели его величества и стал будить его. Но государь так испугался, словно его разбудил призрак. Он дико закричал и долго не мог прийти в себя. Я и сам был ни жив, ни мертв от страха. Наконец все раз'яснилось. Король накинул халатик и пошел к Кардиналу. Он смотрел минуты три-четыре на его агонию и потом сказал: «Не лучше ли было бы прикончить его?»—А потом он прибавил: «Такая короткая смерть—самая лучшая». Потом король изволил зевнуть и выразился так: «Здесь чертовски холодно. Вы не топите, а уже осень. Пойду в постель. Обезьяне не поможешь». С этими словами король удалился. Опять я остался один с Кардиналом. Я много плакал, мистер Монго. Солнце взошло. Кардинал повернул голову к солнцу, всхлипнул в последний раз и... издох. *(Плачет.)*

Монго. Requiescat in pace!

Шерадам. Его величество встал хмурый...

Монго. Да, и чтобы развлечь его, я придумал пускать мыльные пузыри.

Шерадам. Это позабавило его.

Монго. Но после обеда король сильно обеспокоился из-за медальона.

Шерадам. Лорд Сеймур не возвращается из Лондона. Сегодня так все печально и беспокойно. Король ничего не ел. Решительно ничего. Он был в большом нетерпении. Я предложил ему посмотреть, как я уложил в гробоподобный ящик останки его маленького друга. Но он сказал: «Нет, противно смотреть на падаль». Потом приказал подать шкатулку и рассматривал камни, которые он так любит. «Это не красивее мыльных пузырей,—сказал он,—и только немного долговечнее». Теперь он, кажется, уснул.

Монго. Он приказал разбудить его, как только вернется лорд Сеймур.

(Молчание. Монго тихо играет.)

Голос короля. Шерадам! *(Шерадам торопливо вскакивает и уходит.)*

(Монго продолжает тихо играть свой аккомпанимент. Входит король в бархатном, шитом золотом, халате и Шерадам.)

Король. Опустите занавески, зажгите свечи... Подложите дров в камин.

(Шерадам исполняет, суетится. Король садится в кресло и берет зеркало. Долго и пристально смотрится в него.)

Король. Я не так уже постарел. Я мог бы еще долго жить.

Монго. Вы очень долговечны, государь.

Король. Почем ты знаешь?

Монго. У вас длинная линия жизни на руке.

Король *(смотря на руку)*. Три основных линии сходятся. Это признак насильственной смерти. Когда мне было 26—27 лет, итальянец Морзини с тысячью поклонов и извинений сказал мне, что я паду в битве. Тогда я ответил ему: «Но это же самая счастливая смерть!» Хуже всего умереть медленно, как околевал Кардинал. Бр! Я хочу жить. А конец должен быть молниеносным.

Монго. Еще много счастливых годов...

Король. Ты играешь ту итальянскую арию? *(Напевает грустную мелодию.)*

Монго. Да, ваше величество.

Король. Прелестный напев. *(Напевая.)* Шерадам, принеси флейту.

(Шерадам уходит.)

Король. Помнишь, как леди Вен плакала, когда я разыгрывал эту мелодию в первый раз.

Монго. Да, она выла так, что пришлось прогнать ее, ваше величество.

Король. Почему нет Сеймура. Который час?

Монго. Семь пополудни.

Король. С ним что-нибудь случилось. Фокенберг не был?

Монго. Нет, ваше величество.

(Шерадам приносит флейту.)

Король *(беря флейту)*. Это Бекингем велел написать на моей флейте золотыми буквами глуповато-трогательное двустишие:

Миг радости и осень скорби влей ты
В дыхание божественное флейты.

Начнем. *(Отбивает такт ногой. Монго играет. Вступает король и выводит на флейте печальную песню.)*

(Шерадам в дверях не впускает кого-то, знаками давая ему понять, что короля невозможно тревожить. Гамонд слегка отталкивает его, громко кашляет.)

Король *(морщит брови и гневно бросает флейту на стол)*. Кто мешает мне? Полковник? Разве вы не могли подождать несколько минут?

Гамонд. Мне кажется, что нет.

Король. В чем дело?

Гамонд. Прошу позволения говорить с вами наедине.

Король *(вставая)*. Что-нибудь неприятное? Говорите! Это какая-нибудь беда? Обвинение?

Гамонд. Прошу вас... наедине.

Король. Уйдите!

(Шерадам и Монго уходят.)

Гамонд. С неделю назад я получил письмо от генерала. Я никогда не получал таких. Я прочту вам несколько строк, и вы все поймете. Вот, что он мне пишет:

«Дорогой Робби, не выпало ли на нашу долю получить некоторое замечательное предостережение от бога? Думал ли ты о том, что мы оба недостойны служить столь великому делу? Ты знаешь, что парламент опять начинает переговоры с королем. Король совершенно забыл Salus populi. Разве армия — не законная власть, по-

сланная богом спасти результаты войны в борьбе с королем, на прочных началах? Эту власть можно с успехом противопоставить другой. Все знамения неба согласны: только будь внимателен к ним. Разве ты не видишь, что сердца столь многих восстановлены против него господом? Допустим, что недавний протест армии против всякого согласия с королем был преждевременным, но теперь я решительно считаю правильным поддержать его. Дорогой Роббн, не искушай господа гордостью, недоверием. Договор есть пагубное лицемерное соглашательство. Не жди добра от этого человека, против которого свидетельствует сам бог. Робби, люблю тебя и не хотел бы видеть тебя отступающим».

(Пауза.)

Гамонд. Письмо не ясно для вас?

Король. Оно ясно самою темнотою своею.

Гамонд. Я ответил, что стою на прежней точке зрения: личность короля неприкосновенна. Я ответил, что вы лойяльны, государь, что вы желаете союза с Кромвелем, примирения с парламентом... Король Карл, за эти недели я привык вам верить!

Король. Благодарю вас.

Гамонд. Я — пуританин, солдат, сын мужика. Меня поставили здесь, как барбоса, чтобы стеречь вас. Я стерег вас и я привязался к вам, как барбос. Смотрите, как я груб!.. Но меня прельщает ваше изящество, ни одна женщина не нравилась мне так, как... все, что вас окружает. Эти ваши чашечки, эта ваша флейта... или ваши удивительные руки... Вы — прекрасный рыцарь! И как не поверить, что вы хотите блага народу и так искренне пошли на мир со своей Англией. В вас нет лукавства!

Король. Благодарю вас...

Гамонд. Мое отношение к вам не нравится генералу. При этом что-то неприятное произошло в Лондоне сегодня и

ускорило его решение. Я отставлен. Час тому назад я получил приказ об этом с верховым. Мне предписано сию минуту выехать в Лондон. Сюда назначен полковник Юэр... человек холодный, как лед, сэр. Гонец сказал, что он уже в пути. Что я могу сказать вам? Мне кажется, что ветер не только переменился, он переходит в бурю. Что-то возбудило гнев генерала.

Король. Что же вы посоветуете?

Гамонд. Мне ли советовать вам? Вы — король. Вы — мудры. Я пришел только предупредить вас и попрощаться с вами.

Король. Позвольте, полковник, предложить вам на память несколько безделушек. *(Берет из шкатулки горсть бриллиантов.)* Заверните это в платок.

Гамонд. Ваше величество, это — целое состояние! Дайте мне одну вещь... дайте мне лучше всего что-нибудь совсем простое: перчатку с вашей удивительной руки.

Король *(берет еще горсть)*. Еще, еще, Гамонд! Берите. Вам пригодится. Это на память... о короле Карле I. Неужели вы обидите меня отказом?

Гамонд. Но я не могу...

Король. Берите и слушайте... *(Тихо.)* Слушайте: если вы действительно полюбили меня... верите мне: спасите меня! Две хорошие верховые лошади — и мы могли бы домчаться до лагеря Гамильтона!

Гамонд *(вскакивая)*. Король... не собираетесь ли вы купить меня?!

Король. Что вы, что вы! Но ведь вы же сказали, что любите меня. Поймите, Гамонд, письмо генерала ясно: это — моя смерть!

Гамонд. Прежде всего возьмите назад ваши сокровища. Я не приму ничего. Это прежде всего. А во-вторых, я не могу изменить клятве солдата!

Король. Очень хорошо, полковник, вы чудесный человек. Вы превосходный человек. Вы только что об'яснились мне в любви и теперь сами убиваете меня во имя долга! Это мужественно и прекрасно, это по-римски. При вступлении на службу в мое войско, вы, правда, присягали и мне! Но той присяге вы изменили из принципа. Не правда ли? И вы не можете вернуться к ней из любви и ради вам приятной, но очевидно недостаточной для вас справедливости! Ваша римская стойкость вознаграждает вас за ту первую вашу измену,—измену мне! Убивая короля, вы заглаживаете укор в хрупкости вашей присяги ему лет десять назад.

Гамонд. Я... я... не могу решиться... Я... я страшно потрясен...

Король. Вы—моя надежда на спасение. Дайте улететь королевской птице из клетки. Еще час — и я обречен! Гамонд, какие слова найти мне, чтобы уверить вас. Гамонд, вот — эти удивительные королевские руки складываются в жест мольбы! Гамонд, я сумею мужественно умереть, но сейчас это—моя агония. Я борюсь за жизнь этими словами. Гамонд, Гамонд, у меня есть дети, жена, королевство... Гамонд, не толкайте меня... на плаху!.. На плаху... на плаху. Гамонд!! В эту минуту решается судьба Англии... Ах, не думайте больше, бросьте колебания, едем, Гамонд.

Гамонд. Мои солдаты не пустят вас...

Король. Скажите им, что вам приказано доставить меня верхом в Лондон, возьмите одного солдата. Мы убьем его по дороге.

Гамонд. Столько коварства... Ваше величество, я просто... я не могу...

Король. Ну так пойми: это ты, это ты убил короля Карла Стюарта!

Гамонд *(подавленный)*. Ваше величество, я спасу вас. *(Заглядывает за занавески.)* Уже темно. Надевайте мой плащ

и мою шляпу. Мой конь, на котором я должен был скакать в Лондон, у ворот. Это добрая лошадь. С богом!

Король. А вы?

Гамонд. Это дело большое. Раз я беру на себя смелость менять ход истории, — пусть не скажут, что я сделал это ради корысти! Голова за голову. Роберт Гамонд за Карла Стюарта.

Король. О, Англия, каких сынов ты имеешь! *(Целует Гамонда.)* Господь на небе вознаградит тебя.

Гамонд *(очень холодно)*. Весьма возможно, король, что я вдобавок угожу в ад.

Король *(торопливо)*. Где же ваш плащ, ваша шляпа?

Гамонд *(также холодно)*. Я принесу их. *(Уходит.)*

Король *(один)*. О, слава Небу! Иисус, Мария! Только скорей, скорей! Мой римлянин может раздумать. Припадки героизма большею частью длятся недолго. *(В нетерпении ударяет ногой в пол.)*

Гамонд *(возвращается с вещами)*. Король, я не уверен, что хорошо поступаю. Сказать правду, я не уверен, что и вы поступаете хорошо. Но будь, что будет. Я обещал. Вот плащ и шляпа. Ни слова больше. Слышите: ни слова!.. Ни слова!

(Король торопливо одевается, надвигает шляпу на брови, запахивается в плащ, подходит к зеркалу и смотрится. Делает приветственный жест Гамонду и хочет уйти. В дверях он сталкивается с Юэром.)

Юэр. Кто это? Это вы, Гамонд? Ах нет, вот вы, Гамонд. А это что за офицер?

Гамонд. Это... это корнет Джойс...

Юэр. Стоп! Измена!.. Я чую измену. Долой шляпу! *(Срывает с короля шляпу.)* Король!

Гамонд. О, Кромвель, ты прав: сам Бог против него. Праведен суд твой!

Юэр *(входящим солдатам)*. Схватить Гамонда! Он—изменник. Оставьте всю свиту короля здесь под караулом. *(Королю.)* А вас, сэр, приказано отвести в Герст, в тюрьму, сэр!

ЗАНАВЕС.

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ.

(В доме Кромвеля, в Лондоне. Вечер. Обе Елизаветы, Бригитта, Бетси, Айртон — за работою. Мильтон пишет за столом. Входит Бирд.)

Бирд. Благословенье божье на всех вас.

Елизавета старшая. Что в суде?

Бирд. Кончено. Мы подписали приговор. Сегодня ночью Карла не станет.

Елизавета старшая. Как Оливер?

Бирд. Он был странно весел. Он подписал тотчас же вслед за президентом и за лордом Греем. Он все время смеялся и шутил. Когда Генрих Мэртин подписывал, он обмакнул бородку пера в чернильницу и с хохотом намазал ему лоб: «Ну, Мэртин, — сказал он, — вот печать цареубийства на твоем челе».

Елизавета старшая. Я знаю эту веселость. Нерадостна она.

Елизавета младшая. Боже, какую тяжелую судьбу послал ты нам.

Елизавета старшая. Не вздыхай хоть ты... Наше дело облегчить ему жизнь. Бетси, приготовь хорошего испанского к ужину. Да, да... сегодня ему надо вина. Бригитта, ты будь всегда поблизости, ты понадобишься ему. Но никто не должен соваться ему на глаза... Мильтон, перейдите работать в другую комнату...

Мильтон. Я кончил. Глаза мои слабеют, вечером мне трудно работать. Я приготовил письма в Голландию к Фокенбергу.

Елизавета младшая. А что пишет он?

Мильтон. Дела... Но он торопит прислать ему Мэри.

Елизавета младшая. Быть-может, она сегодня же будет здесь, отдохнет с неделю и отправится дальше в Голландию.

Бирд. Кромвель! *(Все притихают. Кромвель входит очень мрачный... По знаку бабушки все расходятся. Кромвель остается один.)*

Кромвель *(садясь в кресло)*. Что это они разбежались, как мыши от кота? Или им страшно видеть цареубийцу? *(Открывает библию.)* Первая страница — моя судьба. *Читает громко.)*

«И говорил Ягве Моисею в тот же самый день и сказал: взойди на сию гору Аварим, на гору Небо, которая в земле Моавитской, против Иерихона, и посмотри на землю Ханаанскую, которую я даю во владение сынам Израилевым; и умри на горе, на которую ты взойдешь, и приложись к народу твоему, как умер Аарон, брат твой, на горе Ор, и приложился к народу своему за то, что вы согрешили против меня среди сынов Израилевых при водах Меривы в Кадесе, в пустыне Син, за то, что не явили святости моей среди сынов Израилевых; перед собою ты увидишь землю, а не войдешь туда, в землю, которую я даю сынам Израилевым».

Так... Счастливое, счастливое предзнаменование, ибо это значит, что я веду, куда надо. А что Ханаан еще далеко и до него не дойдут люди моего поколения, — это я знаю, господи.

(Бетси входит с вином.)

Кромвель. Что это такое? Вино?

Бетси. Вино для вас, отец.

Кромвель. Гм... Это кто же прислал? Не сама же ты догадалась.

Бетси. Бабушка.

Кромвель. Мамаша... родное сердце. Ну, налей... Как кровь... правда?

Бетси. Да, отец.

Кромвель. Тебе не страшно меня?

Бетси. Немножко, отец.

Кромвель. Почему?

Бетси. Ведь вы строгий, отец.

Кромвель. Ну, ну... Поди поцелуй меня. Тебе не страшно поцеловать меня?

Бетси. Да, отец.

Кромвель. Почему?

Бетси. У вас очень колючие усы, отец.

Кромвель. А тебе не страшно, что я убил очень много людей? Что я приказал сегодня ночью отрубить голову королю?

Бетси. Это не мое дело, отец. Все что вы делаете с Айртоном — очень хорошо.

Кромвель. Ах, ты моя милая булочка. Ты — в мать. но у тебя есть таки своеобразное мужество.

Бетси. Накануне битвы при Престоне Айртон услал меня. Он сказал: «Бабам и детям здесь не место». Но мне не хотелось, чтобы он слишком плохо думал о мне. Я осталась тайком. Но когда началась канонада, и, потом стрелки стали обстреливать позиции, — я вдруг подошла к нему там, в роще, и сказала: «Айртон, я хотела еще раз поцеловать тебя и Сали тоже». Я привела и мальца. Мой Айртон побледнел, он закричал: «Это что за шутки?

Слышишь, какие шмели жужжат тут. Убирайтесь!» А я сказала: «Мы с Сали хотели показать, что тоже не трусы». Как он сердился!

Кромвель. Ха-ха-ха! А я и не знал этого анекдота. Воображаю, как он потом приласкал тебя.

Бетси. Да, отец. Он спросил потом Сали: «Почему ты не боялся пуль?» А умный мальчишка ответил: «Потому что мама не боялась».

Кромвель. Чудесно... Ну, поди, позови Гитти.

(Бетси уходит.)

Кромвель. У меня славная семья... Очень хорошая семья... Мы — пуритяне — честные люди, благодарю бога за это. Мы в союзе с тобою, всевышний, ибо ты — бог честных людей.

(Входит Бригитта.)

Кромвель. Садись, Гитти. У тебя прескверный вид.

Бригитта. Я очень больна, отец. Последнее время у меня часто бывают судороги и невыносимая боль. Я не знаю, за что... не знаю... Но бог, вероятно, прав. Я стараюсь так думать

Кромвель. Страдание — плата за что-нибудь хорошее впереди.

Бригитта. Вероятно, отец.

Кромвель. Гитти, надо еще пролить много крови. Гитти, парламент Вена так же плох, как парламент Нима. А Ирландия? Ее надо лечить огнем и железом. Я сделаю красным зеленый остров. Гитти, я — палач господень. Он дал мне жесткое сердце, очень жесткое и внутри полное любви. Он хочет даровать мне большую власть, Гитти. Корону я не возьму, но скипетр — да. И крест на плечи тоже, Гитти, крест на плечи. И понесу. Мне жутко быть палачом господним. Но я слышу в себе голос его: «Это

нужно!» Ты часто говоришь — служи. И я люблю это твое слово. Оно успокаивает меня. Скоро некому будет приказывать мне на всей земле. Но из субординации я не выйду. Оливер Кромвель! — Здесь, господи. — Служи. — Рад стараться. Жду приказа свыше.

(Пауза.)

Бригитта. Как хорошо вы сделали, что помиловали Гамонда.

Кромвель. Еще бы. Он рассказал мне все. Он — молодчина. В виде наказания или награды одновременно — я возложил на него командование стражей у Стюарта на эту последнюю ночь.

(Мильтон входит.)

Мильтон. Генерал, есть срочные депеши.

Кромвель. Пойдем, пойдем, Джон. В эту ночь я почувствую, что управляю большим, большим куском времени и пространства.

(Уходят.)

Бригитта. Он так уверен, что моей поддержки ему больше не нужно. Да и могу ли я теперь поддерживать кого-нибудь? Да, он уверен. Боже, помоги моему неверию.

(Мистер Бирд входит.)

Бирд. Оливер ушел?

Бригитта. Ушел с Мильтоном.

(Бирд хочет уйти.)

Бригитта. Мистер Бирд... Посидите минуту со мною.

Бирд *(садясь рядом с ней)*. Охотно, дитя мое. Как ваше здоровье?

Бригитта. Плохо, м-р Бирд. Я скоро умру.

Бирд. Для этой жизни. Она печальна.

Бригитта. О да! Она так печальна, м-р Бирд. Я начала с чистой преданности небу, я поняла потом, что наше назначение—борьба на земле. А теперь я спрашиваю себя — для чего земля, если есть небо? Или, как возможно небо, если есть земля? О, м-р Бирд, сначала мне казалось, что вокруг меня становится все светлее. Но нет — все темней вокруг меня. Слепнет не только Мильтон, а и я, Кассандра, слепну. Где правда? Где же правда?

Бирд. Ее взыскуем. За нее боремся.

Бригитта. Найдем ли? Победим ли?

Бирд. Найдем и победим с помощью божьею.

Бригитта. Зачем же он медлит, м-р Бирд?

Бирд. Неисповедимы пути провидения.

Бригитта. А может быть — мы одни? Мы люди? Может быть, потому нам так трудно?

Бирд. Бог да сохранит вас от таких мыслей, мистрис Клейполь. Вы действительно больны.

Бригитта. Может быть, мы одни? И все-таки победим? И создадим чертог любви? О! слава нам тогда. Или потонем во мраке? Но и тогда слава тем, кто искал правды и боролся за нее.

(Шум.)

Бригитта. Что это там?

(Входит Айртон, Мафусаил и два солдата. Мери, закутанная в плащи и шали. С нею Бетси и младшая Елизавета.)

Айртон. Садись, Мери. Раздевайся. Бригитта, Бетси, помогите сестре. Рассказывай, старик, как все это было.

Мафусаил. По приказу я выехал сюда с леди Фокенберг из замка. Нас было четверо. По дороге в лесу, милях в двух от замка на нас напали. По-моему это были люди Сеймура. Они кричали: «Король и Сеймур». Их было

много. Начали рубиться. Я заметил, что какой-то негодяй схватил за узду лошадь леди и погнал в лес. Я за ним. На выстрелы из Фокенберга выслали выручку, и похитители оказались между мною и ею. Мы порядочно потрепали его, и он сдался. Мы приволокли его сюда. Он сильно ранен. Ему разрубили лицо саблей, и у него пуля где-то в боку. Леди приказала его положить на лошадь и привезти сюда. Леди умно сделала. Вы можете расспросить его, быть-может, что-нибудь узнаете.

Мери. Бригитта, Бригитта... О, я едва прихожу в себя от усталости... я так потрясена. Бригитта, подойди же ко мне... ближе, ближе. А вы отойдите. Бригитта, мне страшно догадаться, но мне кажется, что этот раненый— твой муж. Ты должна спасти его.

Айртон *(не слышавший всего этого)*. Я пойду допросить его, если он еще может говорить.

Мери. Его оставили на дворе.

Бригитта. Там холодно. Несите его сюда. Здесь топится камин.

Айртон. Что за фантазия.

Бригитта. Айртон, я скажу тебе правду: Мери утверждает... Мери показалось, что это... что это — Клейноль.

(Молчание.)

Айртон. Это может быть... Мерзавец ушел к кавалерам! Это похоже на него. Так, так: он хотел похитить Мери. О, негодяй!

(Солдат вводит раненого, который едва держится на ногах. Усаживает его в кресло.)

Айртон *(зажег свечу и подносит ее к его лицу)*. Негодяй! Твоя повязка не мешает мне узнать тебя. Негодяй!

Клейноль. Ох! Не ругайтесь, Айртон... Я околеваю... Я околеваю... А! вся семья. Бригитта. Вот она... Она пред-

сказала мне скорую смерть летом... и я не дожил до зимы. Проклятая ворона. Она предсказала мне муки ада. О! Вот чего я боюсь! Ах, я боюсь, мистер Бирд, мук ада! Скажите, нельзя ли поскорей исповедаться? Скажите, что надо сделать, что надо сделать... м-р Бирд. Вы праведник божий... научите.

Бирд. Ты погиб. Изменник, разбойник, ты не найдешь прощения. О покаянии надо было думать раньше.

Клейполь. Видите, какие злые священники... А этот еще индепендент. Кто исповедует меня, кто? Бригитта, ты пророчица, ты святая, исповедуй меня поскорей. Я сейчас умру. Отпусти мне скорей мои грехи. Я уж вижу огонь преисподней... Дым, дым... Я боюсь... Слышишь... как я говорю... зубы стучат. Бригитта!

(Бригитта подходит к нему, склоняется над ним и говорит тихо.)

Бригитта. Клейполь, не бойся.

Клейполь. Как не бояться?.. Хорошо тебе, когда ты не умираешь... и потом ты святая... А я... Как мне не бояться? Говори молитву, делай что надо, спасай мою душу. Скорей, скорей.

Бригитта. Земля еси и в землю отыдеши.

Клейполь. Как? Как? А душа?

Бригитта. Клейполь — это конец наступает. Не бойся, Клейполь... Это совсем конец.

Клейполь. Совсем смерть? Совсем?.. Да что это? Как ты смеешь, еретица. Нет, нет!.. Уж лучше ад... Совсем? Я не хочу совсем... Еретица. *(Кричит.)* Мистер Бирд, мистер Бирд, она еретица, она говорит, что я совсем... не мучьте... говорит — совсем... *(Страшный приступ кашля душит его.)*

Бирд. Кровь душит его. Это — смерть.

Бригитта. Мне очень дурно. Мери, поддержи меня.

Клейполь *(открывает глаза)*. Совсем... я не хочу. Мери... а это ты, прекрасная чертовка... Ты приколдовала... Все из-за тебя... Мери, Мери, ты никогда не целовала меня. Бригитта говорит, что я совсем... Мери, Мери, поцелуй меня... Мери... Я совсем уплываю, даже не в ад, совсем... Мери, Мери, красавица земли, прелесть жизни. — Мери, поцелуй меня!

Бригитта. Целуй, целуй его. Скорей, Мери. Торопись. Нет, не противно. Умоляю. Целуй его в губы, крепко. *(Мери растерянно подходит, целует.)* Так.

Клейполь. И прощайте... *(Мери отходит от него испуганно и с отвращением. Клейполя вновь душит кашель.)*

Бирд *(поворачивая его к стене)*. Это смерть. Что с вами, Бригитта? Бригитте дурно, поддержите ее.

(Бригитта падает в обморок. Ее укладывают на ковре. Женщины суетятся около нее. Бирд молча стоит около Клейполя, внутренно молясь.)

(Входит Мильтон.)

Мильтон. Кто здесь умер? Что? Бригитта? *(Подбегает к ней.)*

Бирд. Умер ее муж.

Мери. Гитта приходит в себя.

Мильтон. О, слава тебе Боже!

Бирд. Боюсь, она ненадолго возвращается к нам.

ЗАНАВЕС.

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ.

(Кабинет лорда Протектора. Он сам за столом. Совершенно седой. За другим столом Мильтон в темных очках. На авансцене Айртон и лорд Фокенберг ждут.)

Фокенберг. Как он постарел, как осунулся.

Айртон. Это после смерти Бригитты. Он не стар, но не протянет долго.

Кромвель. Готово, Мильтон?

Мильтон. Готово, лорд Протектор.

Кромвель. Фокенберг, бери и уезжай сегодня же в Версаль. Людовик льстит на этот раз и нам. Мы же с Мильтоном отвечали... по-пуритански.

Мильтон. И на хорошей латыни.

Кромвель. Француз нам пишет: Grand monarche! Это доставляет мне удовольствие. Мы сделали Англию великой, как никогда! Ныне отпущаеши... Ну, с богом, Фокенберг.

Фокенберг *(припадает к его руке)*. Вы отец мой, вождь мой, священник мой и король мой!

Кромвель. Что Мери?

Фокенберг. Хорошеет.

Кромвель *(слабо улыбаясь)*. До каких же пор!

(Кивает головой Фокенбергу, который жмет руку Мильтону и Айртону и уходит.)

Айртон. Вы приказали призвать к вам вашего сына.

Кромвель. Да. Впустите его, Айртон. Я поговорю с ним наедине. *(Мильтон собирает бумаги и хочет уйти.)* Что ты, Джон? Брат, разве мы с тобой не одно? Разве есть тайны у меня от тебя?

(Входит Ричард. Останавливается.)

Кромвель. Ричард, я болен. Жить мне недолго. Слушай: когда умер твой старший брат, горе схватило меня клещами за сердце. Я так тосковал, что нельзя было жить. Я зарядил пистолет, Дик, и в последний раз открыл Евангелие, как имею привычку. И вот что прочел я: «Я могу совершить все помощью Христа, ибо он укрепляет меня». Это написано у апостола Павла в послании его к Филиппийцам, глава IV, стих. 13. Это — мои любимые слова.

поэтому я произношу их редко. Христос помог мне тогда. Воистину эти слова спасли тогда меня, ибо смерть сына была кинжалом моему сердцу.

(Пауза.)

Теперь моя Бригитта умерла, моя дорогая, опора моя... умерла в тяжком страдании тела и странном для меня смятении духа, я все повторяю и повторяю эти слова: я могу совершить все, все, все помощью Христа... Я умер, как Оливер, но я должен жить, как Протектор. Человек рожден для общественного служения. Я делал много ошибок. И в молодости и позднее. Но вам нечего стыдиться отца, Дик. О, если бы ты понял, что время требует сознательности. Мне кажется, что я смею — поставить сыну в пример... Но можешь ли ты?

Ричард. Отец, я со слезами слушаю то, что вы говорите. Я смотрю на седую вашу голову... и мне стыдно... Я постараюсь исправиться, отец... Но смешно, смешно и грешно говорить, что я могу подражать вам. Я — негодный отпрыск. После вас некому продолжать дело. Я слаб.

Кромвель *(ударяя кулаком по столу)*. Ты не смеешь быть слабым, не обесчестив нашей семьи! Ты постоянно ждал моей смерти, мечтал стать главой страны, чтобы осрамить ее развратным пиршеством похоти!

Ричард. Отец, не могу же я обещать вам быть великим?.. Я обещаю вам... быть пристойным.

Кромвель *(помолчав)*. Уйди... *(Дик кланяется и уходит.)* Это—пустое место. Однако он по-своему честный парень. Он по-своему честный парень, Джон, и говорит то, что думает и чувствует. Может быть, Айртон возьмет на себя дело? Как ты думаешь, Джон?

Мильтон. Не может... Это — исполнитель.

Кромвель. Боже! Итти в кровь, карать, казнить!.. Помнишь Ирландию? Ужасы Дрогеды и Уексфорда? Истребление населения вплоть до детей? Помнишь парламент, про-

клятие достопочтенного Вена? И сколько скорби... Смерть Бригитты... Помнишь? Эти конвульсии и стоны... И эти страшные последние слова. Помнишь? Да не прозвучат они мне в мой смертный час. Отец,—сказала она,—мы одни... Темна дорога. Когда отчаяние запоет псалом,—сказала она, — будь же верен правде твоего сердца... Но якорь бросить негде...» Так сказала она?

(Мильтон кивает головой.)

Кромвель. Что же это? Грех? Безумие? Она была святая. За что муки ее? За что умерла она, отрицая господа? Как понять?..

(Пауза.)

Да... о чем я говорил, Мильтон?..

Мильтон. Вы говорили о тяжелом пути.

Кромвель. Да, я говорил о тяжелом пути. И вот есть вероятие, что все дела мои рухнут на мою же свежую могилу? Разве невозможно, что Карл II вернется и прикажет вынуть мое тело, отрубить мою голову и насадить ее на пику на посмешище народу?

(Сильный шум за окном.)

Что там?

Мильтон *(подойдя к окну)*. Какая-то толпа и кажется знамена. *(Поднимает очки на лоб.)* Я вижу плохо в очках, а еще хуже без очков. Ночь наступает для меня, лорд Протектор, ночь без утра. Они кричат: Vivat.

Айртон *(входит)*. Победа! Это матросы флота пришли почтить вас! Голландия поставлена на коней.

(Айртон открывает окно, раздается шум, веселый марш и крики.)

Vivat, vivat, лорд Протектор! Да здравствует великая Англия! Да живет свободная Великобритания! Да здравствует Республика и ее Протектор!

Кромвель. Слышите, Джон? Может быть, мы все-таки подвинули человечество вперед!

Мильтон. Оно никогда не забудет тебя! О, да, ты подвинул его вперед, великий муж. Pulcherimina facti laus, atque gloria illibata atque integra tua erit!

Кромвель. Пышно... Клики... Хвала поэта на языке Цицерона. А я спрашиваю свое сердце с трепетом и сомнением... Прислушиваюсь, и сердце с трепетом и сомнением отвечает: мне кажется, ты все-таки был хороший человек.

(Марш и клики за окном громче.)

ЗАНАВЕС.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

1. Королевский брадобрей 9
2. Фауст и город 114
3. Фома Кампанелла. 231
   Часть I. Народ 233
   Часть II. Герцог 312
4. Освобожденный Дон-Кихот 383
5. Оливер Кромвель 479

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА—ПЕТРОГРАД.

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ. Москва, Софийка, уг. Рождественки, д. 4/8.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Антокольский, Н. Стихотворения. Стр. 42. Ц. 15 к.
Асеев, Н. Совет ветров. Стихи. Стр. 57.
Брюсов, В. Кругозор. Избранные стихи. (1893—1922). Стр. 331. Ц. 1 р. 40 к.
Верхарн, Э. Поэмы (1893—1916). Перев. В. Брюсова. Изд. 4-е. Стр. 126. Ц. 45 к.
Его же. Полное собрание поэм. Т. II. Ветера. Разгромы. Черные факелы. Перев. Г. Шенгели. Стр. 78. Ц. 50 к.
Его же. Полное собрание поэм. Т. III. Призраки деревни. Перев. Г. Шенгели. Стр. 128. Ц. 70 к.
Его же. Полное собрание поэм. Т. V. Галлюцинирующие селения. Города-спруты. Перев. Г. Шенгели. Стр. 128. Ц. 70 к.
Его же. Полное собрание поэм. Т. VI. Многообразное сияние. Перев. Г. Шенгели. Стр. 65. Ц. 70 к.
Его же. Черные факелы. Перев. В. Федорова. Стр. 41. Ц. 25 к.
Его же. Стихи. Перев. В. Федорова. Стр. 128. Ц. 50 к.
Волчанецкая, Е. Серебряный лебедь. Стихи. Стр. 75.
Городецкий, С. Миролом. 13-я книга стихов. Стр. 93. Ц. 50 к.
Домонтович, А. Женщина на переломе. Психологич. этюды. Стр. 96. Ц. 15 к.
Дорогойченко, А. Товарищ Варвара. Рассказы. Стр. 49.
Есенин, С. Избранное. Стихи. Стр. 113. Ц. 40 к.
Жеромский, С. Сизифов труд. Повесть. Стр. 200. Ц. 1 р.
Зайцев, П. Полночное солнце. Стихи. Стр. 88. Ц. 50 к.
Зенкевич фон-Крафт. Баррикады. Роман. Перев. и редак. А. Н. Горлина. Стр. 271. Ц. 75.
Иванов, Всев. Сопки. Партизанские повести. Стр. 388. Ц. 65 к.
Келлерман, М. Море. Роман. Стр. 223. Ц. 50 к.
Кречетов-Волжский, А. Подпрапорщик Конгоров. Роман. Стр. 60. Ц. 15 к.
Лацко, А. До последнего человека. Повесть. Вступит. статья С. Цвейга. Стр. 94. Ц. 20 к.
Лондон, Д. Белый клык. Роман. Стр. 231. Ц. 50 к.
Его же. Приключения рыбачьего патруля. Бог его отцов. Стр. 246. Ц. 60 к.
Его же. Как я стал социалистом. Рассказы. Стр. 84. Ц. 25.
Его же. Морской волк. Роман. Стр. 321. Ц. 75.
Его же. Мои скитания. Повесть. Стр. 180. Ц. 60 к.
Луначарский, А. Канцлер и слесарь. Пьеса. Стр. 86. Ц. 25.
Его же. Освобожденный Дон-Кихот. Пьеса. Иллюстр. Пискарева. Стр. 147. Ц. 60.
Его же. Фома Кампанелла. Героич. драма. Стр. 132. Ц. 40 к.
Ляшко, Н. На реке. Рассказы. Стр. 54. Ц. 20 к.
Мартинэ, М. Ночь. Драма. Перев. С. Городецкого. Предисл. Л. Троцкого. Рис. Г. Пастрэ. Стр. 120. Ц. 30 к.
Нексэ, М. Пассажиры пустых мест. Рассказы. Перев. А. Н. Горлина. Стр. 113. Ц. 25 к.
Его же. Счастье. Роман. Перев. А. Н. Горлина. Стр. 60. Ц. 25 к.
Орлов-Скоморовский, Ф. Из цикла „К человечеству“. Кн. II. Ложь отцов. Роман. Стр. 113. Ц. 80 к.
Его же. Из цикла „К человечеству“. Кн. III. Любовь платоническая. Роман. Стр. 84. Ц. 90.

Остроумов, Л. Сказка о серебряном блюдечке и наливном яблочке. Трагедия. Стр. 96. Ц. 30 к.

Роллан, Р. Лилюли. Лирическая драма. Перев. В. Брюсова. С рисунк в тексте. Стр. 214. Ц. 1 р. 25 к.

Синклер, Э. Сильвия. Роман. Стр. 273. Ц. 1 р.

Его же. Сто процентов (история одного патриота). Перевод Д. Гаусман. Стр. 315. Ц. 25.

Его же. Машина. Драма. Перев. О. Мандельштама. Стр. 84.

Социалистический народный театр. Вып. I. Прецанг, Э.: 1) Дочери труда 2) Его юбилей. Пьесы. Перев. и ред. А. Н. Горлина. Стр. 115.

Социалистический народный театр. Вып. II. Прецанг, Э. Чорт в избирательной урне. Рюбецаль, К. Приключения асессора Шпейдига. Пьесы. Перев. и ред. А. Н. Горлина. Стр. 83. Ц. 25.

Социалистический народный театр. Вып. III. Рюбезаль, К. В борьбе за существование. Краузе В. Снова в ряды борцов. Перев. и ред. А. Н. Горлина. Стр. 67. Ц. 25 к.

Соловьева, П. (Allegro). Последние стихи. Стр. 33.

Степняк-Кравчинский, С. М. Андрей Кожухов. Роман. Ред. и предисл. П. А. Крапоткина. Стр. 248. Ц. 70 к.

Толстой, А. Н. Приворот. Стр. 86. Ц. 40 к.

Его же. Лунная сырость. Повести двадцать первого года. Стр. 77. Ц. 50 к.

Шенгели, Г. Раковина. Стихи. Стр. 114. Ц. 95 к.

Шмелев, И. Человек из ресторана. Стр. 152. Ц. 80 к.

Эренбург, И. Необычайные похождения Хулио-Хуренито и его учеников. С предисл. Н. Бухарина. Стр. 271. Ц. 1 р. 50 к.

Юнг, Ф. Красная неделя. Под ред. А. Н. Горлина. Стр. 44. Ц. 12 к.

Цены на книги переведены в золото. Расчет на дензнаки 1923 г. по курсу котировальной комиссии, ежедн. публикуемому в газтеах.

ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА:

МОСКВА. Ильинка, Биржевая площадь, Богоявленский пер., 4.
Телефоны: 2-25-55, 47-35.

ПЕТРОГРАД, Проспект 25 октября (Невский), 28.

Магазины в Москве:

1) Советская площадь (под гостин. Дрезден). 2) Моховая, 17 (под гостин. Националь). 3) Б. Никитская, 13 (здание Консерватории). 4) Никольская ул., 3. 5) Серпуховская площадь, 1/43. 6) Кузнецкий Мост, 12.

Магазины в Петрограде:

1) Проспект 25 октября (Невский), 28. 2) Проспект Володарского (Литейный), 21. 3) Проспект 25 октября, 13. 4) Проспект 25 октября, 68.

1 p 70